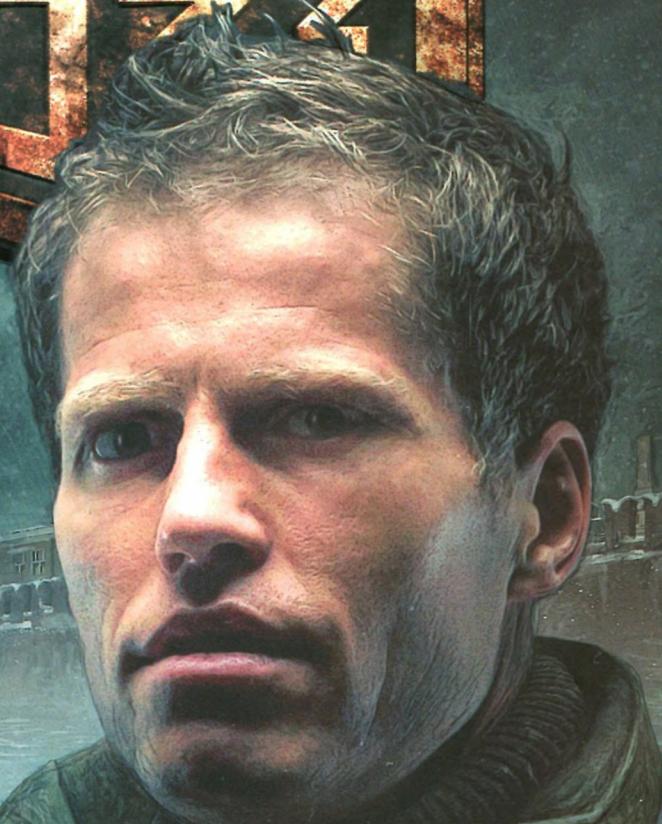

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО 2033

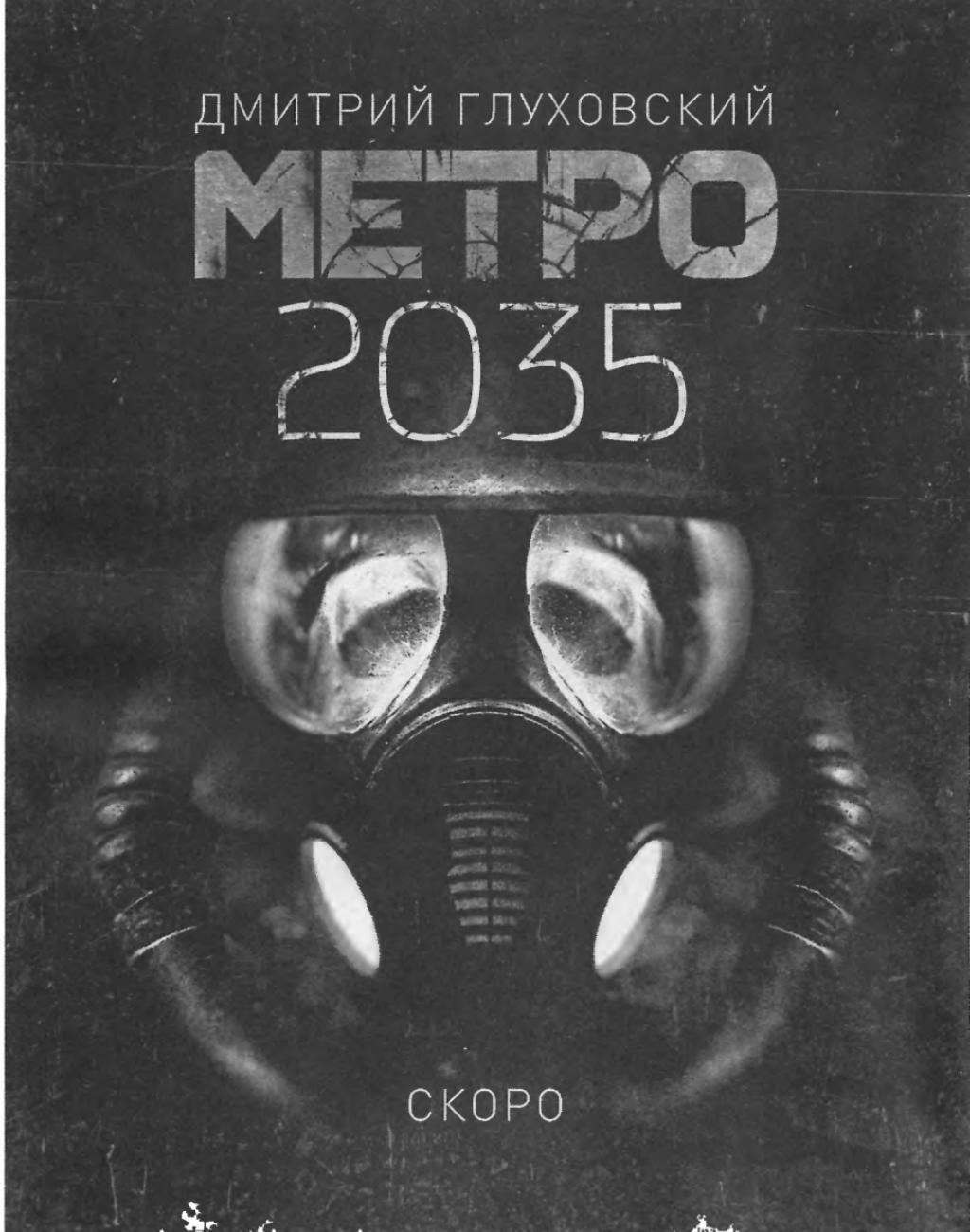

ЕВГЕНИЙ ШКИЛЬ
ГОНКА ПО КРУГУ

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ДМИТРИЙ ГЛУХOVСКИЙ

МЕТРО 2035

СКОРО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ЕВГЕНИЙ ШКИЛЬ

**МЕТРО 2033:
ГОНКА ПО КРУГУ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш66

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Оформление обложки — *Василий Половцев*
Карта — *Леонид Добкач, Илья Волков*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Шкиль, Евгений Юрьевич.

Ш66 Метро 2033: Гонка по кругу : [фантастический роман] / Евгений Шкиль. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-5-17-091331-2

Один великий драматург сказал: «Вся наша жизнь — игра». А может, наоборот? Может, то, во что играют люди, и есть наша жизнь? Добро пожаловать в постъядерную Москву, где каждый год в самую длинную ночь движение по Кольцевой линии метрополитена замирает и начинаются кровавые Ганзейские Игры. Хочешь безбедно жить — стань победителем. Но только не рассчитывай на жалость и сострадание болельщиков. Им нужны леденящие душу зрелища. Им нужна — ТВОЯ СМЕРТЬ!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091331-2

© Глуховский Д.А., 2015
© Шкиль Е.Ю., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Игры, в которые

Объяснительная записка

Вячеслава Бакулина

Ровно 77 лет назад великий нидерландский историк и культуролог Йозеф Хейзинга опубликовал трактат, озаглавленный HOMO LUDENS, сиречь «Человек играющий», посвященный феномену игры и ее значению для человеческой цивилизации. В частности, Хейзинга считал, что:

- игра не может быть сведена к феноменам культуры, поскольку наблюдается даже у животных. И более того, сама культура (речь, миф, культ, наука) рождается из игры, имеет игровую природу и невозможна без игрового аспекта;
- доступ к игре свободен, ведь сама игра и есть проявление свободы как действие, которому придаются в свободное время и без принуждения;
- слово «игра» встречается у всех народов;
- слова «состязание» и «игра» не только выражают единое явление, но первое даже составляет суть второго;
- новейшее выражение игры в обществе — спорт (командная игра в мяч) по строгим правилам, привнесенный в XIX веке из Великобритании: фактически лишенная театральности античности и средневековья состязательность, в которой на первое место выходят телесные упражнения и демократизм;

- в современном обществе элемент игры неуклонно снижается, что чревато хаосом и варварством;
- и еще много-много чего.

Одним словом, труд в высшей степени занимательный (хотя и непростой) и, что по мне, относящийся к категории must read для любого полноценного человека.

Но написал я это все отнюдь не для того, чтобы продемонстрировать на всю Вселенную (карамбу, однако!) свою полноценность либо же уличить в неполноценности кого-то другого. Просто шестьдесят первая книга нашего проекта в первую очередь посвящена именно им — состязаниям, игре. Игре, ставка в которой для одних — уйма патронов, для других — свобода, для третьих — жизнь. А для кого-то, может статья, и нечто большее.

А еще потому, что даже там, в таком страшном и далеком 2033-м, запертые в Московском метро люди, с такой легкостью теряющие и с таким трудом находящие человечность, продолжают играть. В коммунистов и фашистов, анархистов и ученых, апостолов и безбожников, диктаторов и рабов. Спасителей и спасаемых.

Такая уж это штука — игра. Для нее нужны как минимум двое. Хотя бы двое.

Группа отчаянных смельчаков, в поисках новой панацеи для человечества прошедшая полмира на, быть может, последней на Земле действующей атомной подводной лодке, угодила в ледяной Антарктический плен. Кажется, спасения нет, и все же надежда жива, покуда жив человек. И когда над разрушенным ядерным апокалипсисом миром нависает очередная угроза, «Иван Грозный» и его команда снова выходят в море — в надежде победить, со стремлением возвратиться домой. Выходят, быть может, в свой последний поход.

Северо-запад Москвы. Отрезанный от остального Метро кусок Северной ветки между Петровско-Разумовской и Алтуфьевом. Почти двадцать лет прошло с того дня, как полчища крыс уничтожили Тимирязевскую и Дмитровскую, но люди по-прежнему избегают этих печально известных мест. Даже самые отважные сталкеры, даже самые отчаянные мародеры стараются не заходить сюда. Эти места безлюдны. Но... они отнюдь не безжизненны! Они — территория воинственных, не боящихся радиации мутантов-ратманов, ревностно оберегающих свою часть Метро от людей. И горе тому человеку, кто окажется в их владениях и попадет им в лапы! И вот в эти опасные и запретные для людей земли отправляется сталкер Восток с заданием от ученых Полиса раздобыть и доставить им живого ратмана.

Какие они, сказки 2033 года? О чём? Кто их герои? Сколько в них вымысла, а сколько — самой что ни на есть правды? Сильно ли изменились истории, которые родители на станциях метро и в подземных бункерах рассказывают на ночь детям, а взрослые — друг другу? А может, сказки даже через двадцать лет после конца света остались прежними, а изменились люди? Способна ли когда-то услышанная сказка однажды воплотиться наяву в жизни человека, и если да, то как она, в этом случае, её изменит? Ответ на этот вопрос постарались дать участники третьего официального конкурса рассказов портала metro2033.ru. И традиционный бонус — эксклюзивная история от главного редактора «Вселенной» Вячеслава Бакулина!

Много станций в Петербургском метрополитене, но к две тысячи тридцать третьему году крупных союзов осталось всего четыре: Империя Веган, Приморский Альянс, Северная Конфедерация, которой нет дела до проблем остального мира... и Оккервиль. Сильная, хорошо организованная община на правом берегу Невы. Третья сила, способная переломить ход надвигающейся войны. Именно в эти страшные дни начинаются полные опасностей приключения юной дочери сталкера, Елены Рысевой. Выдержит ли девушка тяжкие испытания, выпавшие на ее долю и на долю всего метро?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДО ИГР

Глава 1

ТЕМНЫЕ ТУННЕЛИ

На душе у Вани Колоскова, нареченного Гансом Брехером, было откровенно хреново. Беспрестанно теребя шершавое цевье старенького АК-74, он всматривался в туннельную мглу. Рядом потрескивал костерок, от которого не было ровным счетом никакой пользы: ни тепла, ни света. Через три или четыре метра тьма смыкалась непроглядной завесой, и лишь нечеткие тени время от времени выпрыгивали из зияющей бездны, чтобы спустя мгновение вновь исчезнуть. Иного часового подобное зрелище повергло бы в трепет. Но Ваня привык. Он знал — это обман зрения, и ничего такого ужасного в перегоне между Пушкинской и Баррикадной нет.

А жаль. Лучше бы в этой черноте обитала какая-нибудь тварь. Пусть мерзкая, пусть страшная, но только чтобы быстрая и бесшумная, чтобы убила мгновенно, чтобы прекратилась наконец беспро светная двухчасовая пытка. Лютый холод пробирал несчастного парня до самых костей, и он, стараясь хоть как-то согреться, подпрыгивал, притопывал, хлопал себя по плечам, по бедрам, по груди. Однако движения не помогали. Там, наверху, в покинутой людьми радиоактивной Москве стоял морозный декабрь. А здесь, в населенных человеческими существами подземельях метрополитена, с ресурсами

было откровенно тugo. И потому гауляйттер Пушкинской Вольф строго-настрого приказал экономить дрова и прочее топливо. Попробуй такого ослушаться! Вмиг в карцере окажешься. В четырех стенах, покрытых инеем, в одних кальсонах. Зимой карцер — это почти всегда если не обморожение, то уж наверняка воспаление легких. Вот и приходилось мучиться, выплясывая перед еле живыми огоньками и досадуя на свою невезучесть.

Ваня Колосков не всегда был Гансом Брехером. Еще полгода года назад он бы и мысли не допустил, что окажется в одном ряду с приверженцами чистоты расы и партии. Но судьба изменчива, жестока и, главное, нелепа.

Дрогнувший палец на спусковом крючке — и все! Жизнь наスマрку. Конечно, за непредумышленное убийство в Конфедерации 1905 года Ваня вряд ли получил бы пулю в затылок, но строгого наказания не избежал бы. И на долгие годы, а возможно, и до конца жизни, превратился бы в бесправную рабочую силу, закованную в цепи. Нет, такой участи для себя любимого он не желал, а потому, мгновенно сообразив, что к чему, оставил пост на Баррикадной и дал стрекача в сторону Пушкинской, в обитель Рейха. Так ему пришлось навсегда покинуть родную станцию и милых сердцу людей, которых он знал с самого детства, в том числе и лучших друзей — Никиту и Инну.

Честно говоря, если бы у Вани был шанс сбежать от долбанутых наци в какое-нибудь другое место — хоть в Ганзу, хоть к красным, хоть в Полис, да все равно куда, лишь бы подальше от этих чокнутых садистов, — он, безусловно, так и сделал бы. Но проклятые фаши следили за ним неустанно и возможности уйти незамеченным не давали. На поверхность, в переполненную мутантами Москву, его не брали, а в караул ставили только в туннелях, ведущих на Баррикадную, куда путь был заказан.

— Чертов холод! — прощедил сквозь зубы парень. — Чертова темень!

— Ты чё, Брехер, замерз, что ли? — сзади послышался тихий смешок.

— Да, — буркнул Ваня, не оборачиваясь, — что-то здесь совсем не жарко.

Генрих подошел к костру. Для рядового жителя метро он был толст до неприличия, а в шерстяной шинели, под которую были поддетьы минимум два грязных свитера, и с дырявым пуховым платком на плечах и вовсе представлял из себя нечто необъятно бесформенное и дурно пахнущее.

— Это все оттого, что ты баррикадник, — жирная морда, облепленная шапкой-ушанкой, расплылась в отвратительной улыбке. — Истинные арийцы не мерзнут. Я вот сейчас даже вздремнул чуток — и хоть бы хны.

Ваня бросил короткий взгляд на напарника и, тихо притопывая, продолжил всматриваться во тьму. Он искренне не любил этот гигантский кусок протухшего сала. За тупость, за назойливость, за совершеннейшее отсутствие такта.

— Знаешь, Генрих, — сказал Ваня, — я что-то не слышал, чтобы арийцы дрыхли на боевом посту.

— Ха! — ухмыльнулся толстяк. — А что тут случиться может? Мутантов здесь нет. Баррикадники — ссыкуны и к нам ни в жизнь не полезут. Да и вообще скоро Игры, а во время Игр ничего такого не случается. Никогда! И не называй меня Генрих. Для тебя я Дикий Генрих. Понял?

Ваня хотел было сострить: ты, мол, дружище, можешь называться «диким» разве только от немецкого слова *dick*, что в переводе на русский означает «толстый». Ну или от английского... Однако вряд ли подобные билингвистические каламбуры могли проñять жирного урода с дерьмом вместо мозгов. Поэтому Ваня перешел на угрозы:

— Интересно, а ты повторишь это перед штурмбаннфюрером Брутом?

— Это ты чё, — Генрих перестал улыбаться, — стучать вздумал?

— Нет, я просто задал вопрос.

— Ты это брось, — прорычал толстяк, — ты кто вообще... этот, как его... анвезер...

— Анвертер, — поправил собеседника Ваня, продолжая вглядываться в туннельную черноту.

— Ну да, — согласился Генрих, — ты даже не рядовой, а кандидат в рядовые. Кто тебе поверит? Ты никто и ничто! Помет крыси-

ный, вот кто ты! Полгода в Рейхе — и мнит себя неизвестно ком. Мне вот штурмманна недавно дали. И ты по сравнению со мной — вошь лобковая! Понял, вот?!

В такие моменты Ваня забывал даже про лютую стужу, ему хотелось лишь одного: повторить свою ошибку шестимесячной давности, только всадить не плюю, а целый магазин в ненавистную тушу. Когда же закончатся патроны, со всей дури пнуть в бочину сдохнувшего ублюдка... ну и прикладом пару раз для профилактики...

— Чё молчишь-то? Язык к зубам примерз?

— Сказать нечего, — честно ответил Ваня, с горечью подумав, что расстрелять Генриха можно в любой момент. Но только что после этого делать? Бежать обратно на Баррикадную?

— Вот и молчи! — назидательно произнес толстяк. — И это самое, ты на Хельгу сильно-то не заглядывайся! Она для стальных парней создана, а не для баррикадников...

Ваня ничего не сказал, а лишь тяжело вздохнул. Боже мой, какой же этот Генрих тупой! Ведь клоун, самый натуральный клоун! Развел здесь ясли для слабоумных. И главное, он даже не понимает, насколько туп и смешон.

Хотя, если честно, боров прав: Оля, ну или Хельга по-ихнему, по-арийски, была очень даже симпатичной девушкой, которая просто не могла оставить равнодушным молодого неженатого парня. Улыбнувшись тьме, Ваня попытался представить стройную фигуру красавицы, но что-то ему помешало. И это что-то было еле слышное шарканье в глубине туннеля.

— И еще, Брехер, знаешь чё, ты это самое... — договорить толстяк не успел, поскольку Ваня приложил к его губам два пальца и прошептал:

— Тихо! Кто-то идет! Буди унтера!

— Да кто тут идти может?! — Генрих возмущенно оттолкнул руку напарника. — Крысы это или еще какая шелунонь мелкая! В ближайшую неделю здесь вообще никто ходить не будет! Игры же...

— Замолчи! — рявкнул Ваня, передергивая затвор автомата, но толстяк сделал шаг вперед, приложил ладони к пухлым губам и прокричал:

— Эй, баррикадники! Это вы там ходите?! Выходи по одному, если не ссыте! Я буду вас в отбивную превращать!

Туннель ответил неразборчивым эхом, а пару секунд спустя из тьмы послышался насмешливый голос:

— Ты сам как отбивная.

Издав нечленораздельный звук, Генрих затрясся. Вскинув автомат и напряженно вглядываясь в холодную мглу, Ваня отступил за спину толстяка. В случае перестрелки послужит защитой от первой очереди. Хоть какая-то польза будет от жирного придурка.

— Стой! Кто идет! Стрелять буду! — выпалил скороговоркой Ваня.

— Не стреляйте!.. и не бойтесь! — туннельная бездна разразилась смехом. — Свои! Это я, Фольгер! Феликс Фольгер. Помните еще такого?

Ваня не знал, кто такой Феликс Фольгер, и потому автомат не опустил, но, прерывисто дыша, продолжал целиться в черноту. Зато Генрих среагировал на имя практически мгновенно. Он неуклюже повернулся к напарнику. Лицо толстяка сияло благоговением, а в слезившихся глазах будто читалось: «Пронесло, слава богу, пронесло... не мутанты... и не баррикадники...»

— Это же герр Фольгер, сам герр Фольгер... — пролепетал Генрих, — он же самый...

Толстяк так и не смог закончить предложение, поскольку его ослепила яркая вспышка: на блокпосту зажегся прожектор. Туннельная бездна отпрянула вглубь перегона, и Ваня, стоявший спиной к свету, увидел высокого мужчину, закрывшего лицо локтем. Мужчина был светловолос, одет в выцветшую лётную куртку, утепленные штаны и берцы с невероятно толстой подошвой.

«Странно, — подумал Ваня, поправляя шапку, — в такой холод — без головного убора... и без бронежилета... и не вооружен...»

Однако, приглядевшись, парень заметил кобуру со «стечкиным».

— Стой, кто идет, стрелять буду... — послышалось сзади сипение начальника караула.

— Mein Gott! — выкрикнул человек, назвавшийся Феликсом Фольгером. — Выруби ты этот фонарь! Или вверх направы! Вы тут

что, совсем охренели!? Никакой дисциплины! Тоже мне дас фирмте райх!

Начальник караула сделал так, как ему велели: уменьшив мощность, направил прожектор вверх, а затем выскочил на встречу гостю. Убрав руку от лица, Фольгер усмехнулся и зашагал к костерку.

— Представьтесь! — обратился он к начальнику караула.

— Унтерштурмфюрер Базиль Цвёльф!

— А! — Феликс щелкнул пальцами. — Я помню тебя. Ты, кажется, Вася с такой интересной фамилией... да, точно, Вася Двунадесятый. Изнасиловал малолетку в Полисе и бежал в Рейх. Так ты теперь унтер? Я думал, тебя давно повесили, а тебя, оказывается, повысили.

— Но... герр Фольгер, — начальник караула замялся, — за что меня... вешать?

— За то место, которым ты нагрешил, но... — Феликс сделал небольшую паузу, похлопал по плечу унтерштурмфюрера, а затем продолжил: — так как ты у нас теперь чистокровный ариец, то, соблюдая принципы гуманности, за шею.

Ваня с удивлением заметил, что начальник караула начал краснеть.

— Зачем вы так со мной, герр Фольгер?

— А по-твоему, спать на посту — это нормально? — Феликс развел руками. — Я не понимаю: как можно спать при такой температуре? Как вы только насмерть не замерзаете?

Унтерштурмфюрер попытался оправдаться:

— Я не спал, я...

— Не ври мне, Вася, — в голосе Феликса прорезались насмешливые нотки, — ты на свою рожу помятую глянь, на глаза свои опухшие, голос свой осипший послушай! Не спал он... да и перегаром от тебя попахивает...

Начальник караула хотел что-то сказать, но Фольгер от него отвернулся, тем самым дав понять, что разговор окончен. Теперь он сканировал ледяным взглядом Генриха.

— Штурмманн Генрих Вильд! — восторженно отрапортовал толстяк.

— То есть, ты ефрейтор, — сказал Фольгер и, легонько пнув кулаком Генриха в бок, перешел на немецкий: — Mein Gott, was für ein Naturspiel! Dein Aussehen erinnert mich an ein fettes Schwein. Wer sind deine Eltern? Mutanten?¹

Услышав речь на языке величайшего из вождей избранной расы, Генрих вытянулся, стал как будто стройнее и упоенно заговорил:

— Яволь! Яволь, герр Фольгер! Яволь! Яволь...

Ваня невольно улыбнулся. Он не мог похвастаться хорошим знанием немецкого языка, хоть и занимался в свободное время со словарем и самоучителем, но ясно понимал, что тупоумного Генриха сравнивают с жирной свиньей, а его родителей — с мутантами. А безмозглый толстяк радостно кудахчет, как будто его удостоили благодарности перед строем. Идиот он и есть идиот.

Генрих все еще самозабвенно ворковал свое «яволь», а Феликс уже смотрел на перебежчика с Баррикадной.

— Кандидат в рядовые Ганс Брехер, — представился Ваня.

— Тебя я что-то раньше на Пушкинской не видел, — сказал Фольгер. — Как ты оказался в Рейхе? Тоже кого-нибудь изнасиловал? Или так, идейный?

— Убийство по неосторожности, — честно ответил Ваня. Смысла врать не было никакого.

— Ну, ты в следующий раз будь поаккуратней, смотри не перестреляй товарищей по оружию. — Феликс взглянул на начальника караула, на Генриха и скривился в ухмылке: — А то Рейх понесет невосполнимые потери, подорвет, прямо скажем, основы своей обороноспособности.

— Я постараюсь, герр Фольгер.

Феликс одобрительно хмыкнул:

— А вообще ты молодец, ты — солдат. Я за вами целых пять минут наблюдал. Но в следующий раз советую не отходить слишком далеко от блокпоста и не открываться, а то хлопнут тебя на раздва, и слова сказать не успеешь.

¹ Боже мой, какая игра природы! Твой облик напоминает мне жирную свинью. Кто твои родители? Мутанты? (нем.)

- Я постараюсь, герр Фольгер.
- Ну вот и славно, — Феликс быстрым шагом направился в сторону блокпоста.
- Герр Фольгер, герр Фольгер! — Начальник караула засеменил вслед за удаляющейся фигурой. — Подождите, пожалуйста! Мне необходимо, чтобы вы расписались, и еще, прежде чем вас пропустить, я должен предварительно позвонить в...

— Вот беги и звони, потому что если я, пройдя еще один пост, появлюсь на станции раньше, чем ты позвонишь, тебе несдобровать. — Фольгер растворился в темноте, и теперь был слышен только его голос, многократно отраженный от стен туннеля. — А подпись мою можешь подделать, я разрешаю, ты все равно под расстрельной статьей ходишь, так какая тебе разница, одним косяком меньше, одним больше...

Взвыв от отчаянья, начальник караула побежал к блокпосту. Ваня, пытаясь скрыть радость от того, что его незадачливым напарникам досталось по полной, спросил Генриха:

- А кто такой Феликс Фольгер?
- О-о-о! — с благоговением протянул толстяк. — Это великий человек, такой же великий, как этот самый... Скворцони.
- Скорцени, — поправил Генриха Ваня.
- Ну да, точно, этот самый... — кивнул толстяк.
- Да, — сказал перебежчик с Баррикадной, — действительно, интересный человек.

На душе у Вани Колоскова, нареченного Гансом Брехером, полегчало.

* * *

Резко зазвонивший телефон прервал тяжелые мысли гауляйтера. Захлопнув «Майн Кампф», он поднял трубку и прохрипел:

- Я слушаю.
- Господин Вольф, — голос дежурного был еле слышен, будто звонили как минимум с другого конца московской подземки, а не с той же станции, — герр Феликс Фольгер прошел блокпосты Е-3 и Е-2, сейчас он на КПП.

— Очень хорошо, — сказал гауляйтер, — проводите его ко мне. Бросив трубку и бережно положив «Майн Кампф» на стол, Вольф осмотрел сумрачное, довольно-таки просторное по меркам метрополитена помещение. Длинный дубовый стол, стулья, железные сейфы вперемежку со знаменами Третьего Рейха вдоль стен, мерцающие огоньки масляных ламп, электрофон с крутящимся винилом, а сзади, за спиной гауляйтера, — портрет фюрера в полный рост. Что ни говори — эффектно.

Вот только жаль, эффективность и эффективность — совершенно разные понятия. Последние месяцы Вольфа постоянно посещали черные мысли. Что бы там ни вещали пропагандисты, как бы ни убеждал он себя и соратников в конечной победе, — дела обстояли из рук вон плохо. Радиация, недоедание, отсутствие нормального солнечного света косили и без того редкие ряды приверженцев расы и партии. Впрочем, это касалось и всех остальных выживших. Арийцы, кавказцы, китайцы, евреи — мутантам без разницы, кого жрать. А ведь когда-то Вольфу чудилось, что Мировая бойня, уничтожившая большую часть человечества, — это Рагнарёк, гибель богов, после которой возродится новый мир, чистый от расовой скверны. Но мечты разбивались о жестокую реальность, и любые попытки нацистов освоить новое жизненное пространство, выйти за пределы трех станций оканчивались провалом. Где бы найти настоящих сверхлюдей, уберменшев, не боящихся радиации и мутантов, способных без ущерба для здоровья дышать отравленным воздухом?.. Нет таких, нет... а тут еще и семейные трудности...

«Как в лабиринте каком-то, — подумал гауляйтер, — ходишь мимо одного и того же места. И каждый раз проблемы возникают в тех же самых точках, будто пластинку заезженную слушаешь».

Вольф перевел взгляд на электрофон. Под немецкий марш пел хор... правда, на украинском языке. Сталкеры так и не смогли добыть пластинку с песней на языке оригинала, хотя гауляйтер предложил очень даже солидное вознаграждение. Но тут ничего не поделаешь, приходится довольствоваться тем, что есть.

Звільніть прохід брунатним батальонам!
 Звільніть прохід ході штурмовиків!
 Вселяє свастика надію вже мільйонам:
 Робота й хліб! До діла! Менше слів!

«Н-да, мечты... мечты... мечты и ничего более», — Вольф поднялся из-за стола, подошел к электрофону, снял иглу с пластинки. В этот момент постучали.

— Войдите, — сказал гауляйтер, возвращаясь в кресло.

Из-за дверей высунулось длинное лицо дежурного по станции:

— Герр Вольф, герр Фольгер на месте.

Гауляйтер кивнул. В помещение вошел Феликс Фольгер.

— Тепло здесь, — сказал он, — не то что на станции. Приветствуешь тебя!

— Здравствуй, мой бывший зять, — ответил Вольф, улыбнувшись.

— Судя по тому, как ты жаждал меня увидеть, — Феликс бухнулся на стул рядом с электрофоном, — бывших зятьев не бывает. У меня, майн фюрер, дурные вести.

— Что такое? — гауляйтер слегка напрягся.

— У тебя там на передовом блокпосту в перегоне на Баррикадную стоят тяжелые олигофrenы, их всех надо повесить.

— А, — отмахнулся Вольф, — всему свое время. На Е-3 у меня самые неблагонадежные. Думаешь, я не знаю, какие там дуралеи? Просто с человеческим ресурсом тяжко, да и с остальными ресурсами тоже не очень. Вот и приходится закрывать глаза на некоторые недоразумения.

— Неожиданно... — Феликс поднял брови. — В Рейхе наступила оттепель?

— Ненадолго. Сейчас мы проводим мощную пропагандистскую кампанию, распускаем слухи, к нам стекаются со всего метро добровольцы, желающие вступить в ряды великого Рейха. Как наберется достаточно, так и закрутим гайки.

— Ага, насильники, убийцы и прочий сброд...

— Ну почему же, — возразил гауляйтер, — многие из них настоящие гитлеровцы.

— Неужели? — Феликс бросил взгляд на лежащий рядом с электрофоном белый бумажный конверт, на котором чернела надпись «Пісня Горста Весселя». — Они у тебя не гитлеровцы, они у тебя самые что ни на есть бандеровцы. На блокпостах либо спят, либо бухают, немотивированно жестоки, беспросветно тупы и исключительно трусливы. Вот взять хотя бы эту жирную свинью, ефрейтора Генриха Вильда. Его как по-настоящему зовут? Гена Вилкин?..

— Ну хватит! — рявкнул Вольф. — Я тебя не для того искал, чтобы выслушивать нотации.

— За восемь месяцев мог бы один раз и послушать. — Фольгер посмотрел на хмурое лицо гауляйтера, примирительно поднял руки и спросил: — Ладно, что там у тебя?

— Ева сбежала, — глава Пушкинской до боли сжал кулаки.

— Да? — хохотнул Феликс. — Почему-то меня это не удивляет. В который раз она уже смыывается из Рейха? В пятый или шестой?

— В шестой, — сухо произнес Вольф. — И мне нужна твоя помощь. Ты должен найти ее. Найти и вернуть.

— Я могу тебе дать наводку: она либо в одном из притонов Ганзы, либо на станциях, занятых бандитами. Разошли своих молодчиков, глядишь, и найдут вскорости.

— Послушай, Феликс, — гауляйтер посмотрел исподлобья на Фольгера, — это слишком деликатное дело. Она моя сестра... и твоя бывшая, между прочим. О ней и так по всему метро ходят гадкие слухи. Своим поведением она пятнает Рейх. Я не хочу лишних свидетелей этого позора.

— Бедный Вольф, — сочувственно сказал Фольгер, — как же тебе не везет. С подчиненными, с родственниками... Но с другой стороны, лучше иметь в сестрах Еву, чем ефрейтора Вильда — на блокпосту.

Гауляйтер зло сверкнул глазами, и Феликс поспешно произнес:

— Я шучу... шучу. Найду я твою сестренку. Приведу в целости и сохранности. Заодно и встречусь с ней. Как-никак восемь месяцев не видел.

— Если бы ты жил в Рейхе, может, и Ева была бы посмирнее, — Вольфу не свойственно было показывать свои чувства, но сейчас голос его чуть дрогнул.

— Извини, не могу, — сказал Феликс. — Я слишком люблю одиночество.

Оба собеседника замолчали, будто уже обсудили все проблемы, и в зале повисла гнетущая тишина. Гауляйтер нервно теребил усы, взгляд его блуждал по столу; Фольгер изучал собственные руки.

— Значит, так, — наконец заговорил Феликс, — прежде всего я сгнояю на Новокузнецкую, есть там у твоей сестрицы один сомнительный знакомый. Сутенер и сволочь. Дела с ним вести тяжело. Может так получиться, что придется уходить не коротким путем, а через Ганзу, в сторону Павелецкой. А там мы рискуем застрять на несколько дней.

— Из-за Игр, — сказал Вольф.

— Да, гонка по Кольцевой линии, скоро ведь самая длинная ночь, — подтвердил Фольгер. — На время соревнования движение между станциями Ганзы запрещено всем, кроме команд. Поэтому предлагаю такой вариант: я, Ева и какой-нибудь нанятый крендель подаем заявку на участие в соревнованиях. Официальную, от Четвертого Рейха. А затем сходим с дистанции и направляемся в твои объятья...

— Нет! — резко оборвал собеседника Вольф. — То, что ты предлагаешь, идет вразрез с нашей политикой. Четвертый Рейх не участвует в Играх.

— Ну, хорошо... — задумчиво протянул Феликс. — Тогда мы можем принять участие как частная команда вольных сталкеров, — правда, тогда нужно внести солидный залог...

— Нет!!! — гаркнул Вольф. — Ты и Ева — слишком известные личности, вас будут ассоциировать с Рейхом, а мы не соревнуемся с унтерменшами. У нас принципы.

Фольгер усмехнулся. Категоричность гауляйтера была понятна. На самых первых Играх наци пришли только третьими, и с тех пор гордые арийцы не желали тягаться с недочеловеками. А то вдруг снова проиграют.

— Ладно, — Феликс поднялся со стула, — тогда придумаем что-нибудь другое.

— Отправляйся прямо сейчас.

— Конечно, — Фольгер достал из внутреннего кармана куртки вчетверо сложенный листок и положил его перед Вольфом, — только сперва подпиши пропуск-подтверждение, что я являюсь уполномоченным Четвертого Рейха, а то на некоторые станции меня не пустят. И печать поставить не забудь.

— А что с твоим прошлым пропуском? — Гауляйтер подозрительно покосился на Феликса. — У него ведь срок годности еще не истек.

— Я его потерял, — Фольгер пожал плечами, — так получилось, от одной твари удирал...

— И тварь эта была женского пола и обитала в каком-нибудь борделе Китай-города, — Вольф развернул листок и, прищурившись, принялся читать.

— Не доверяешь любимому зятю? Проверяешь? — Феликс взял со стола «Майн Кампф».

— Бывшему зятю, — уточнил Вольф.

— Ух ты! — воскликнул Фольгер. — На русском языке книжка, где достал?

Гауляйтер перестал читать и с нескрываемой гордостью посмотрел на Феликса:

— Подогнал один сталкер. Его Бумажником кличут. Слышал о таком?

— Угу, — кивнул Фольгер и открыл наугад книгу.

Между страницами лежала закладка, на которой аккуратным почерком было выведено стихотворение. Громко засмеявшись, Феликс принялся декламировать:

*Продзапас доели,
Выжившие злы,
Темные туннели
Полны жуткой мглы.*

*Умер — нету Бога,
Не спасут кресты,
Подожди немного,
Сдохнешь, Вольф, и ты.*

- Оптимистично, — сказал Фольгер. — Сам сочинил?
- Да, — выдавил сквозь зубы гауляйтер. — Положи книгу на место.
- Понятно. Он, — Феликс указал взглядом на портрет фюре-ра, — картины рисовал, ты — стихи сочиняешь. Преемственность, однако...
- Положи книгу на место! — Вольф схватил авторучку, разма-шисто расписался и, бахнув печатью по листку, протянул доку-мент Фольгеру. — На свой пропуск! И без Евы не возвращайся!

Глава 2

МРАМОРНЫЙ РАЙ

Алексей Грабов никогда не страдал комплексом неполноценности. Он был высок, силен, широк в плечах и в общем-то красив лицом. Мужчины побаивались его и уважали как первоклассного сталкера. Многие женщины хотели бы разделить с ним постель, а заодно и жизнь. Ведь за таким самцом — как за каменной стеной. Капризная фортуна к Алексею благоволила, и к тридцати девятым годам он скопил солидное состояние даже по меркам Содружества Станций Кольцевой линии, иначе именуемого Ганзой. А быть богатым человеком в Ганзе — значит быть почти богом.

Но сейчас, шагая по мраморному полу за амбалом, одетым в классический английский костюм, вдоль ярко освещенного коридора, Алексей Грабов осознавал, насколько ничтожен его статус. Он проходил мимо картин, мимо древних икон, мимо стендов со сверкающими в лучах электрического света драгоценными камнями, мимо бюстов, мимо скульптур, мимо старинных ваз. Невероятная роскошь — или, скорее, история невероятной роскоши — проносилась перед глазами матерого сталкера. Откуда все это? Из Третьяковки? Из Алмазного фонда? Из чьих-то личных коллекций? И кто перетащил сюда столько добра? Или, может, оно хранилось здесь еще до коллапса?

Нескончаемые вопросы, как и шикарная обстановка, угнетали. Заставляли чувствовать себя насекомым. Да, да — богатым насекомым, первым среди муравьев, королем термитов, которого тем не менее очень легко раздавить.

Амбал, а вслед за ним и Грабов, свернули налево, в одно из ответвлений. Они уперлись в массивную стальную дверь. Сбоку что-то запикало, и дверь почти бесшумно ушла в стену. Сталкер и сопровождающий его громила оказались в просторном помещении, обставленном металлическими стеллажами с книгами, дисками, какими-то папками. Здесь же за коричневым столом сидел худощавый мужчина в клетчатом пиджаке. Он со средоточенно стучал по клавишам ноутбука. Алексей не сразу поверил своим глазам. Надо же — настоящий работающий компьютер! Чудо из чудес. Впрочем, здесь, наверное, и не такое увидишь.

Мужчина в клетчатом пиджаке строго посмотрел на амбала и произнес деловым тоном:

— Спасибо, вы свободны.

Громила, чуть заметно поклонившись, удалился.

— Господин Грабов, — худощавый мужчина поднялся из-за стола, — прошу за мной. Господин Главный менеджер пока что занят и просил вас подождать. Зайдите вот за этот шкаф. Там дверь. Ступайте по коридору, пока не увидите кресло. Сядьте в него и молчайдите, пока к вам не обратятся. Я понятно объяснил?

Сталкеру клетчатый мужчина однозначно не понравился. Хлыщ какой-то с мордой сурка. Ведет себя так, будто по его команде солнце может больше никогда не взойти. Видать, и за пределами своей комнаты ни разу не был, не говоря уже о поверхности. И не заметил, что случилось с миром за последние десятилетия. Как сидел в своем кабинете среди шкафчиков двадцать лет назад, так и сейчас сидит. Стучит по клавишам и не напрягается. Чинула, что с него взять?

— Вам все понятно? — переспросил клетчатый.

Грабов, презрительно ухмыльнувшись, кивнул. Зайдя за стеллаж, сталкер оказался напротив двери. Приоткрыв ее, он еле втиснулся в узкий коридор.

«Что за долбаный цирк! Ведь это не просто так придумано. Из-деваются, суки!» — думал Алексей, с трудом продвигаясь вперед и чувствуя себя подопытной крысой, за поведением которой очень внимательно наблюдают, фиксируя каждое движение.

Наконец сталкер выбрался из коридора и наткнулся на кресло, больно ударившись коленкой. Стиснув зубы, опершись на подлокотник, Грабов аккуратно опустился в него и осмотрелся. Он увидел огромное помещение размером чуть ли не с целую станцию. Впрочем, возможно, это был просто зрительный обман. В центре зала находился шайбообразный выступ около пяти метров в диаметре и с метр высотой. Вокруг него были расставлены высокие стулья. На двух из них друг напротив друга сидели мужчины. Сталкер сразу же узнал Главного менеджера.

Алексей встречался с ним дважды: ровно год и ровно два года назад. Большой босс Ганзы лично вручал победителю Игр ценные призы: новенькую СВД, по семьсот пятьдесят патронов калибром 7,62 и 5,45 мм, документ, дающий право на беспошлинный транзит товаров через территорию Кольцевой линии, и бесплатную двенадцатимесячную аренду помещений общей площадью до пятидесяти квадратных метров на станциях Кольцевой линии и так далее, и тому подобное...

Напротив Главного менеджера сидел незнакомый, совершенно лысый мужчина. Голова его была покрыта багровыми пятнами, а поросячие глазки беспрестанно бегали из стороны в сторону.

— Итак, — заговорил ганзейский босс, одетый в какой-то странный серый камуфляж, — сколько килограммов грибного чая поступило на склады Проспекта Мира в течение года?

Кресло Грабова находилось в затемненной нише, и потому его вряд ли могли заметить из центра зала. У сталкера возникло смутное ощущение, будто он сидит в партере и смотрит театральную пьесу, разыгранную специально для него.

«А ведь и в самом деле, я здесь совсем не случайно сижу, — подумал Грабов. — Ведь не случайно же! Чертовы комедианты!!!»

— Вы не расслышали мой вопрос, господин Сердюк? — голос Главного менеджера был удивительно спокоен, почти любезен, и именно это настораживало больше всего.

— Э-э-э... вы про общее э-э-э... количество, — начал красномордый мужичок, — или про...

— Вы дураком не прикидывайтесь! Разумеется, я имею в виду общее количество, — Главный менеджер слегка подался вперед. — Так сколько товара поступило из Содружества ВДНХ за прошедший год?

— Ше... э-э-э... шестьсот килограмм, — пролепетал Сердюк.

— Совершенно верно, — согласился с ним Главный менеджер, — шестьсот двадцать пять килограммов. По-моему, это приличная масса, вы не находите?

Красномордый попытался что-то сказать, но из его глотки вырвался лишь булькающий звук, и мужчина просто кивнул.

— А сколько же ушло со складов, не считая прошлогодних запасов? — лицо ганзейского босса озарила ледяная улыбка.

Сердюк побагровел еще сильнее. Казалось, голова его вот-вот лопнет:

— Понимаете, господин Главный менеджер, сейчас очень трудная межстанционная... э-э-э... обстановка, и на поверхности мутанты все страшнее становятся... и эти черные... а тут еще седьмая колонна...

— Я, кажется, задал вопрос: сколько грибного чая ушло со складов Проспекта Мира в этом году? Постарайтесь ответить, господин Сердюк, иначе я устрою вас сталкером, и вы впервые в жизни увидите настоящих мутантов. Тех самых, которые все страшнее и страшнее... Так сколько?

— Э-э-э... около трехсот пятидесяти...

Главный менеджер покачал головой:

— Нет, господин Сердюк, не триста пятьдесят. Четыреста шестьдесят два килограмма. То есть сто двенадцать килограммов бесследно исчезли со складов Ганзейского союза. Колossalно, правда?

— Э-э-э... — красномордый мужичонка слготнул ком, — так грибы ж имеют свойство усыхать. Может, из-за этого...

— Грибы усыхают, — согласился Главный менеджер, — а состояние ваше отчего-то, наоборот, растет, как на дрожжах. Вот что мне с вами делать? Может, отправить назад, на Красную Линию,

откуда вы сбежали? Для разрядки межстанционной обстановки. Я думаю, вас с удовольствием примут обратно. До ближайшей стенки. Как представителя пятой, шестой, седьмой или какой там еще по счету колонны.

— Нет, — свинячий глазки мужичонки округлились, а сам он весь как-то сморщился, уменьшился в размерах, — на Красную Линию не надо.

Главный менеджер тяжело вздохнул, посмотрел с укором на провинившегося подчиненного, погрозил пальцем и сказал:

— Идите, господин Сердюк, идите и подумайте о своем поведении. И пусть вам станет стыдно.

Сталкер, с интересом следивший за экзекуцией, заулыбался. А у босса, оказывается, специфическое чувство юмора: «Идите, и пусть вам станет стыдно... за сто с лишком кило можно и покаяться...»

Сердюк спешно удалился, а в зал вошел мужчина в клетчатом костюме. Тот самый чинуша, который так не понравился Грабову.

— Господин секретарь, — сказал Главный менеджер, — подготовьте указ об увольнении господина Сердюка с должности заместителя по хозяйственной части.

— На каком основании? — спросил клетчатый.

— Утрата доверия, — пожал плечами босс. — Отправим его на Марксистскую.

— Простите, по какой статье?

— Не понял? — Главный менеджер поднял брови.

— На Марксистской у нас тюрьма особого назначения, — пояснил секретарь, — по какой статье он будет арестован?

— Ну что вы, Велислав Андарбекович, — засмеялся босс, — на Марксистской будет его новое место работы. Устроим Сердюка завхозом станции. Там все равно воровать нечего. Ну, какая тюрьма? Мы своих не бросаем.

Грабов невольно поморщился: «Что это за хрень: своих не бросаем? Да за сто кило я его на мелкие кусочки резал бы... медленно-медленно шинковал... очень медленно... а ему только пальчиком погрозили. Не понимаю».

Секретарь ушел, а Главный менеджер, чему-то затаенно улыбаясь, разглядывал поверхность шайбообразного выступа. Грабов

чувствовал себя неловко, ему начало казаться, что о нем забыли, что нужно как-то дать о себе знать. Но босс сам повернул голову в сторону затмненной ниши и, выдавив из себя бесцветную улыбку, произнес:

— Здравствуйте, Алексей Борисович! Как вам нравится наше бомбоубежище? Идите сюда, сядем, поговорим по душам.

Непроизвольно вздрогнув, Грабов поднялся с кресла и вышел из тени.

— Шикарный бункер, — сказал он. — Можно сказать, рай... мраморный рай, или нефритовый, не знаю, из чего тут пол сделан.

— Да, — подтвердил Главный менеджер, — это самое замечательное подземелье из всех, находящихся в нашей частной собственности.

Сталкер нахмурился: в последних словах ганзейца ему послышалась какая-то несуразица, но в чем именно состояла несообразность, он определить не смог. Зато босс, будто прочитав мысли Грабова, сказал:

— Да, да, именно наша частная собственность. Данное бомбоубежище находится в корпоративной собственности. Знаете ли: корпоративное как высшее проявление частного.

Сталкер не нашел что ответить и потому просто пожал плечами. Главный менеджер прищурился и, указав на стул рядом с собой, произнес:

— Но не буду загружать вас ненужными политэкономическими философиями. Садитесь, мой друг.

Грабов опустился на стул. Вдруг краем глаза он заметил движение. Не успев понять, что увидел, Алексей мгновенно напрягся, ожидая нападения, — сработал сталкерский многолетний инстинкт. Он взглянул на поверхность шайбообразного выступа, который, видимо, служил своеобразным столом для заседаний, и привстал от удивления. Поверхность была прозрачной. Под ней располагалась целая сеть норок, сделанных то ли из стекла, то ли из какого-то оргматериала. И по этим миниатюрным туннелям ползали существа размером с половину ладони взрослого мужчины, маленькие животные, чем-то напоминающие новорожденных крысят. Они были безглазы и аб-

солютно голы, без единого клочка шерсти, но с двумя большими резцами.

— Что за мутанты? — спросил Грабов. — Никогда раньше не видел таких уродцев.

— Это гетероцефалус глабер, — ответил Главный менеджер, — голые землекопы. И они не мутанты. Они жили еще до катастрофы. В Восточной Африке. Удивительные зверьки.

Сталкер присмотрелся и с изумлением осознал, что сеть норок с поразительной точностью повторяет карту Московского метрополитена. Вот Кольцевая, вот Красная, вот Замоскворецкая линия. Вот все остальные.

— У них, как и у муравьев, четкая социальная организация, — продолжал рассказывать ганзеец, — есть своя королева, есть свои избранные — несколько самцов, которым дозволено спариваться с маткой, есть солдаты и, разумеется, есть большинство, чья участь — быть рабочими. А если умрет королева или мы ее заберем из колонии, между сильнейшими самками тут же начнется непримириимая борьба за вакантную должность. Власть, знаете ли, не терпит пустоты. В общем, все как у людей. Никогда не видел ничего более замечательного, чем эти грызуны.

При всем уважении к Главному менеджеру сталкер не мог с ним согласиться. Не всякий мутант был столь отвратителен и богохмерзок, как эти маленькие твари.

— Только представьте, господин Грабов, — вдохновенно произнес босс, — они, голые и слепые, ползают по своим норкам, занимаются какими-то своими ничтожными проблемами и даже не подозревают, что совсем рядом, за этим самым столом сидят важные люди, которые решают судьбу выживших, — можно сказать, правят миром. Ведь ойкумена теперь сузилась до размеров московской подземки. Представляете картину? Есть в этом нечто... нечто...

Главный менеджер, поджав губы, посмотрел в потолок, пытаясь найти нужное прилагательное, и наконец изрек:

— ...нечто демоническое. Вы согласны со мной, господин Грабов?

— Наверное, — сказал сталкер.

Ганзейский босс улыбнулся, от чего грудь Алексея сковало льдом. Нельзя сказать, что он боялся Главного менеджера, но сейчас предпочел бы встретиться один на один с птеродактилем, гигантским пауком-арахной или еще какой-нибудь жуткой тварью, народившейся на руинах погибшей Москвы. И вот ведь странно: человек, вызывающий столько эмоций, не обладал сколь-нибудь примечательной внешностью. Был он какой-то серый, как и его камуфляж. Узкие губы, жиденькие белесые волосы на лысеющей голове, светлые холодные глаза сытой рептилии, чуть удлиненное неживое лицо, схожее с восковой маской. Встреть такого на станции — и не подумаешь, что этот человек обладает гигантской властью; решишь, что какой-то лузерствующий бездельник шляется по метро в поисках приключений на свою плохо подмытую задницу. Ах нет! Ты наткнулся не просто на рядового засранца, — ты напоролся на бога во плоти, на подземного демиурга, повелителя всех выживших засранцев Третьего Рима.

— Ну да ладно, приступим к делу. — Главный менеджер посмотрел на собеседника, а затем перевел взгляд на ползающих по прозрачным лазам землекопов. — Пять лет назад были учреждены Ганзейские игры. Вы это знаете, господин Грабов. Это был, скажем так, пиар-проект, утвержденный на одном из Советов Директоров. А выдумал его знаете кто? Мой секретарь. Он вообще большой выдумщик. Вы не смотрите, что в экран ноутбука плялится. Очень смышленый и очень опасный человек. Мы его ласково Сурком кличем. Такой же пронырливый и шустрый.

— Занимательно, — сказал Грабов, плохо понимая, зачем Главный менеджер рассказывает ему такие подробности о своих подчиненных.

— К разработке условных патронов он тоже руку приложил. Теперь расчеты по крупным сделкам ведутся в упах, но в мелкой розничной торговле по-прежнему доминируют 7,62 и 5,45. Даже в Ганзе до сих пор далеко не все знают об этом новшестве.

Главный менеджер помолчал, тяжело вздохнул и продолжил:

— Разумеется, возникли трудности. Они ведь всегда возникают. Как вы думаете, господин Грабов, какую главную проблему мы должны решить?

«Зачем он задает дурацкие вопросы?!» — возмутился про себя сталкер, а вслух предположил:

— Может, инфляция?

— Да, — кивнул Главный менеджер, — один настоящий патрон нынче стоит почти два упа, а на черном рынке — и вовсе все три. Но не в этом основная трудность. Я сейчас не об инфляции, я об Играх с вами веду беседу. Главная проблема состоит в том, что в нашей жизни от политики никуда не денешься. Понимаете, господин Грабов, мы позиционировали Ганзейские игры как игры мира, на время которых останавливаются все войны в метро. Мы гарантировали огромные преференции победителям. Мы хотели показать себя с лучшей, более выгодной стороны. И действительно, конфликт с Красной Линией в дни соревнований затух. Но неприятным сюрпризом стало то, что проклятые коммунисты выставили свою команду... и выиграли Первые Ганзейские игры.

Грабов прекрасно помнил те дни. Он не участвовал в состязаниях, ибо не видел тогда выгод в этом деле. И в общем-то ему было совершенно наплевать, кто там займет первое место. Но действительно для многих представителей Кольцевой победа красных стала самым натуральным шоком.

— Да, — сказал Главный менеджер, — такой вот конфуз. Во имя престижа мы не могли отказаться от своих слов. Наши враги получили право на бесплатную аренду. Представляете: фактически идет война, а в тылу, на станциях Ганзы, стоят агитационные палатки красных. Это был самый настоящий провал. Многие головы тогда полетели...

Тот год для Грабова был знаменательным. Именно тогда он поднялся, превратившись из рядового барыги в зажиточного сталкера. Но вспоминать об этом не хотел.

— Мы учли ошибки, ужесточили правила, — продолжил Главный менеджер, — разрешили убивать соперников в межстанционных перегонах. Вторые игры выиграла команда вольных диггеров, не принадлежавших ни к одному из государств метрополитена. Тогда мы придумали залог для команд, не являющихся представителями государств метро, чтобы всякая шваль не зарилась на Игры. И вот наконец получилось: победителем в третьих и четвер-

тых гонках стали вы, господин Грабов, представитель Ганзы. Мы гордимся вами. А для вас — большая честь оказаться здесь, как вы выразились, в мраморном раю. Это значит, что вы стали своим. Вы в клане, мой друг, — ганзейский босс громко засмеялся.

— Как Сердюк? По совокупности заслуг? — неосторожно спросил сталкер.

— Как Сердюк, — Главный менеджер перестал смеяться, — но не по совокупности заслуг. Заслуги, господин Грабов, вовсе не дают право стать избранным. Чаще — наоборот: слишком большие заслуги ведут к ранней смерти. Это вообще очень вредно для здоровья — иметь не санкционированную Советом Директоров популярность.

— Тогда я не совсем понимаю...

— Я вам все объясню, господин Грабов, — прервал сталкера Главный менеджер. — Идемте за мной.

Алексея кольнуло дурное предчувствие. Пять-шесть лет назад Грабов, может, и сказал бы: «Да пошел ты на хрен! Иди, куда хочешь, а с меня хватит твоих змеиных улыбок и слепых уродливых хорьков, гадящих в макете метрополитена!» Но времена изменились. Тогда у сталкера за душой было от силы два-три рожка к старенькому «калашу». А сейчас он владел складами на Таганской и Курской, торговыми лотками на Октябрьской, оружейной мастерской на Добрынинской и небольшим борделем на бандитском Китай-городе, тесно связанном с Ганзой. Раньше сталкер лично выходил на поверхность, рисковал получить смертельную дозу облучения, сражался с мутантами, добывая необходимые вещи для жителей подземки. Теперь же за него это делали другие, менее удачливые искатели приключений. Грабов мог позволить себе нанять небольшую армию, содержать нескольких любовниц, пить дорогое спиртное, сделанное еще до катастрофы. И терять все это ой как не хотелось. Хорошо, когда пробился из грязи в князи. Обратно — не пожелаешь даже врагу. А ведьссора с членом Совета Директоров чревата последствиями. Придет инспектор и закроет торговые лотки из-за антисанитарии, придет станционный смотритель и поднимет аренду на складские помещения, придут пьяные отморозки и

«нечаянно» сожгут бордель. То, что с таким трудом наживалось долгие годы, очень легко потерять за считанные недели. И все! Бери «калаш» в зубы, Лешенька, и фигач наверх добывать свой хлеб потом и кровью.

Быть гражданином Ганзы — очень здорово. У тебя есть права. У тебя есть свободы. У тебя есть достаток. Но чтобы этого не лишиться, иногда приходится превращаться в покорного барана и смиренно идти за своим поводырем, надеясь, что ведут тебя не на бойню, а всего лишь постричь.

Главный менеджер и сталкер шли мимо массивных дверей по слабо освещенному коридору. В висках Грабова отчаянно бухало. Он не хотел никаких объяснений большого босса, он хотел к себе на Октябрьскую. Он хотел спокойно заниматься бизнесом, а по выходным — любовью с одной из девушек на содержании. И еще очень хотел нажираться в хлам в конце каждого месяца, и чтобы его никто не трогал. Такие вот маленькие буржуазно-мещанские желания. Он ведь уже достиг всего, что нужно человеку для спокойной и относительно безопасной жизни в метро. Но именно боязнь утратить это беззаботное существование невидимым поводком тащила его за Главным менеджером.

Ганзейский босс и сталкер остановились напротив одной из дверей. Главный менеджер не спеша достал ключ, вставил его в замочную скважину и со скрипом отворил дверь настежь.

Грабов сразу почувствовал, что внутри помещения, освещенного красными лампами, кто-то есть. Кто-то опасный, чрезвычайно голодный, жаждущий свежего мяса. Именно невероятное чутье не раз выручало сталкера, и сейчас оно было тревогу. Главный менеджер понимающе улыбнулся и сказал:

— Смело шагайте за мной, мой новый товарищ по клану. Или вы желаете отказаться от высокой чести, оказанной вам Советом Директоров? Может, вам просто не по плечу крупное дело? Так и будете баражать в мелком бизнесе, воображая себя королем термитов? Я обещал вам кое-что объяснить, и я объясню, если вы этого хотите.

«Как будто у меня выбор есть...» — подумал Грабов и вошел внутрь.

Он оказался в комнате с вольерами возле стен. В нос ударили кислый запах, заставивший сталкера поморщиться. За стальными прутьями толщиной в два пальца и приваренными к ним сетками бродили странные существа светло-серого цвета, схожие с землекопами из зала заседаний, — но только метра три — три с половиной в длину. В холке они достигали груди взрослого мужчины. В отличие от зверьков, живущих в стеклянных туннелях, у этих тварей не было гигантских резцов, зато имелись глаза — черные шайбы без зрачков, белков и век. Одно из животных повернуло морду в сторону Грабова и, ощерив пасть, полную острых зубов, зашипело.

— Как вам наши мутанты? — послышался откуда-то сзади любезный голос Главного менеджера. — Правда, очаровательны? А вот этого, — видите, который самый крупный, на вас зарится, — зовут Законом.

— И зачем их держать здесь? — спросил сталкер.

— О, — босс подошел к одному из вольеров, — это необычные звери. Они очень любят человеческое мясо, но при этом совершенно не выносят яркого света частотой выше пятисот терагерц. Иначе говоря, это ночные хищники, видящие в инфракрасном диапазоне. И если они еще могут пережить красный и оранжевый, то желтый, а уж тем более зеленый свет для них невыносимы. Я назвал их глаберами. В честь маленьких и милых сердцу землекопов, обитающих в столе для заседаний Совета Директоров. Не правда ли, удачное название?

— Наверное, — сказал сталкер.

— Господин Грабов, — рука Главного менеджера потянулась к стальному засову, — вы хотели знать, как попадают в касту избранных и почему личные заслуги не играют никакой роли...

Холеные пальцы босса обхватили щеколду. Сталкер сделал шаг назад. Дважды щокнув языком, Главный менеджер разразился ледяным смехом:

— Даже не думайте бежать, господин Грабов. Даже если успеете выскочить в коридор, глабер и там настигнет в два счета, а у вас нет оружия, нет даже фонарика, чтобы попытаться ослепить этого милого хищника. А у него такие крепкие зубки и такие острые ко-

готки... Стойте, где стоите, и внимайте тому, что я буду говорить, ибо вы посвящаетесь в избранные, — ганзейский босс рванул на себя щеколду.

Клетка открылась, и глабер с угрожающим рыком подался вперед. Сталкер отступил еще на шаг, инстинктивно прикрыв горло левой рукой, а правую сжал в кулак. Мутант ощерился, подобрался, приготовившись к прыжку, но в этот миг рука ганзейского босса легла на морду зверя, и он тут же сел на задние лапы.

— Господин Грабов, стоит мне только оторвать пальцы от носа глабера, и он набросится на вас. А знаете почему? Потому что не любит лгунов.

— Я вас не обманывал, — глухо произнес сталкер.

— А вот это мы сейчас и проверим. Как вы заработали свой первый капитал? Расскажите мне, господин Грабов.

Сталкер вздрогнул; он заглянул в глаза Главного менеджера и понял, что тот прекрасно знает, с чего начиналась бизнес-карьера Алексея Борисовича Грабова. Наверняка есть целое досье.

— Мне кажется, вам это прекрасно известно и без меня.

Главный менеджер засмеялся, отчего у сталкера заиндевела спина.

— Ладно, вы правильно ответили на мой вопрос, господин Грабов. Я вам сам расскажу. Убийство двух компаньонов. Не велика беда, конечно. Не сомневаюсь, они были кончеными сволочами с мелкобуржуазным мышлением. Но вот торговля оружием с Красной Линией, с врагами, во время войны — это предательство. Это уже самое настоящеющее крупнобуржуазное деяние, ибо я не подозреваю вас в симпатии к советизму. Знаете, у Данте предатели находятся в самом последнем кругу ада, намертво вмерзшие в лед. Не хотите испытать на себе подобное удовольствие? У нас есть такие возможности.

С ужасом взирая то на присмиревшую зверюгу, то на ухмыляющегося босса, сталкер слготнул горький ком. Неизвестно, что страшнее: утонуть в черной бездне шайбообразных глаз мутанта или быть пронзенным насеквоздь острым взглядом Главного менеджера, в эту секунду больше похожего не на человека, а на теплокровную рептилию, питающуюся людскими кошмарами.

— Господин Грабов, вы любите порок? — восковое лицо большого босса, освещенное кровавым светом красных ламп, расплылось в очередной душераздирающей улыбке. — У меня в коллекции десять тысяч пороков, преступлений и тайных страхов. Говорят, грех и искушение — это ключи от человеческой души. И чем больше в твоих руках этих ключей, тем лучше. Не так ли?

Сталкер ничего не ответил. Внутренне он съеживался, сморщивался, превращаясь в податливую биомассу, готовую на все, лишь бы эта пытка подошла к концу.

— Так вот, мой новый товарищ по клану, — Главный менеджер щелкнул по носу глабера, и тот, обиженно заскулив, скрылся в темноте вольера, — Ганза — государство Закона. И потому нас объединяют не личные заслуги, а опасность быть перемолотыми законом. Закон, знаете ли, безжалостен и беспристрастен, ему все равно, кого сожрать. Вот как этой милой зверюшке.

Из темноты послышалось недовольное шипение.

— Зверюга по имени Закон вечно голодна, — продолжил большой босс, — и ей в клетку постоянно нужно бросать либо кости и разные объедки, либо провинившихся засранцев. Но мы своих не бросаем. И вот я вас спрашиваю, господин Грабов: вы свой?

— Да, я свой, — с трудом вымолвил сталкер, чувствуя, как дрожат руки и гулко бьется сердце.

— Вот и славно. — Главный менеджер с лязгом захлопнул дверь вольера и вернул щеколду на место. — Я рад, что мы поняли друг друга. Вы, конечно, можете все оставить и бежать, например, на Красную Линию, — вдруг там вспомнят ваши заслуги. Но кем вы будете у них? Жалким переметчиком на побегушках. А здесь у вас открылась возможность идти дальше наверх. И ресурсы, которые раньше были в вашем распоряжении, покажутся вам пылью, женщины, которых вы сношали, — резиновыми куклами, спиртное, которое пили, — самой натуральной бормотухой. Вас ожидает рай, господин Грабов. Рай посреди ада.

Главный менеджер подошел к сталкеру, по-отечески вытер рукаром пот со лба несчастного барыги, а затем достал из кармана пластмассовую коробочку.

— Это специальная мазь, сделанная в наших лабораториях, — сказал босс. — Когда начнется гонка, вы и два ваших напарника должны смазать ею лицо и руки. Если что-то останется, нанесете на обувь. В мази присутствует фермент, благодаря которому гла-бера вас не тронут.

Сталкер немного удивился, но коробочку взял.

— К нам поступила абсолютно достоверная информация, — Главный менеджер подавил смешок, — что какие-то мерзавцы во время Игр запустят в перегоны Кольцевой линии мутантов, которые будут жрать всех, кого посчитают чужими. Так что во имя идентификации обязательно смажьте лицо, руки и обувь. А пока отдохните у себя на Октябрьской, поиграйте с вашими девушка-ми, только не переутомите организм, — босс лукаво улыбнулся и погрозил сталкеру пальцем, — до начала соревнований осталось меньше суток. Ну а потом — вперед, на старт, на Павелецкую.

Грабов медлил; он все никак не мог унять дрожь. Наконец, не-много успокоившись, он засунул коробочку в карман и направил-ся к двери.

— Нам нужна победа, — сказал Главный менеджер, — третья подряд победа в Ганзейских играх. Это будет вашим пропуском в рай, мой друг. И еще вы приобретете иммунитет... к Закону.

Сталкер молча кивнул и вышел из комнаты, озаренной кроваво-красным, в тускло освещенный коридор.

Глава 3

ПУТЕВЫЕ ЗНАКИ

Укутавшись, Ленора неслышно подошла к окну, забитому досками, осторожно посмотрела в гудящую от ветра щель. Покрытые слизью желтые в темную полоску твари с уродливыми наростами на хвостах и мордах, схожие с костлявыми ящерицами длиною в два человеческих роста, не желали уходить. Их было очень много, они буквально облепили здание и площадь перед ним. Рептилии неуклюже передвигались по стенам, вылезали из давным-давно разбитых окон и высоких арок, заползали обратно, щелкали хвостами, шипели друг на друга, иногда дрались. Некоторые из ящеров издавали противный стон, чем-то напоминающий истошный плач голодного младенца. В предрассветной мгле эти звуки казались особенно зловещими.

«Почему вы не в спячке? — мысленно спросила Ленора. — Ведь холод жуткий! Вы должны спать и не просыпаться до самой весны... Что за гиблая дыра эта Москва? Здесь солнце нестерпимо, глаза может за секунды сжечь. И твари тут такие, каких я раньше никогда не видела. Всем мутантам мутанты. Разве в таком захолустье могут жить люди?.. Нет, не могут. Раньше жили. Дома вон какие большие. А теперь... теперь это глушь безлюдная».

Девушка отошла от окна, сняла перчатки и принялась растирать побелевшие руки. Ленора и ее муж Кухулин уже не первый день скитались по мертвому городу, и ни одной человеческой души так и не обнаружили. Ради чего все эти мытарства? Ради чего?

Старый дьяк из подмосковной деревушки с населением в несколько десятков человек наговорил множество небылиц. Мол, в Москве есть жизнь. И есть люди. Вроде как он сам оттуда ушел несколько лет назад. Предлагал перезимовать. И Кухулин уже было согласился, но тут старик поведал историю про звезды на башнях, которые в любое время суток излучают странный пурпурный свет. И кто взглянет на них, тот ум свой теряет и идет, одурманенный, к воротам меж башнями и там бесследно исчезает. И никто не ведает, что случается с теми несчастными.

На беду Леноры Кухулин загорелся идеей немедленно отправиться в Москву, чтобы взглянуть на звезды.

— Это знак, — сказал он. — Ты, моя маленькая львица, идешь со мной от самой Самары. Но даже ты не знаешь, какие сны мне снятся. Иногда я вижу свет. Он жуткий и чарующий одновременно. Я слышу голос, говорящий будто отовсюду: «Покорись и покори. И дам тебе власть. И будешь владычествовать над теми, кто выжил, и подаришь им жизнь новую, и станешь царем царей».

— Разве тебе хочется править? — спросила тогда Ленора.

— Нет, не хочется, — ответил Кухулин. — Но посмотри, сколько горя вокруг, посмотри, сколько несправедливости, сколько зла и боли. Если есть возможность покончить с этим — кто-то должен взвалить на себя сей груз. И я думаю, что мои сны не случайны.

— Но раньше ты не верил в знаки, — возразила Ленора.

— Вся наша жизнь — сплошные знаки, — настаивал на своем Кухулин, — путевые знаки. И мы, ориентируясь по ним, бредем от одного пункта к другому вне зависимости от того, верим ли во что-то или нет. Помнишь, как в Десяти Деревнях меня приняли за святого? Для меня это была нелепая случайность, а для них — великое знамение. И они были правы, потому что следовали за знаками своей реальности.

На этом спор был закончен.

За сутки до путешествия старый дьяк сперва крестил, а затем обвенчал Кухулина и Ленору.

— Я знаю, это всего лишь обряд, — сказала тогда, смеясь, Ленора, нареченная Еленой, — но, милый, обряд ведь тоже путевой знак. Я ведь следую за твоими знаками. А ты хоть чуть-чуть последуй за моими. У меня ведь тоже есть своя реальность.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — ответил Кухулин, нареченный Николаем.

Какой же это был волшебный вечер! На время венчания Ленора сменила камуфляж на красивое красное платье и изящные туфли на высоком каблуке, найденные в одном из заброшенных домов. Горели свечи, плакали женщины, улыбались мужчины, перешептывались дети, дьяк читал молитву, молодожены клялись друг другу в вечной любви. Люди с головой окунулись в сказку, в торжество, благодаря которому можно на время забыть о тяжких буднях и думать, что в мире все-таки есть не только унылая борьба за существование, но и нечто таинственное и возвышенное.

Самообман? Нет, ни в коем случае. Пока длится праздник, ты искренне живешь в другом мире. Ты сама другая, добрая, прощающая врагов своих, забывающая о черном прошлом, не думающая о мрачном будущем. В тот вечер не было времени, не было страха, не было лжи, но был чудесный ужин, были веселые разговоры и даже танцы под механический патефон. А потом... потом...

Светлые воспоминания девушки прервало бормотание:

— Покорюсь и покорю... покорюсь и покорю...

Ленора перестала растирать пальцы, повернула голову. На дряхлом диване, закутавшись в два теплых, но чрезвычайно пыльных одеяла, лежал Кухулин. Он все-таки заснул.

— Нельзя спать, милый, — она подбежала к мужу и принялась трясти его за плечи, — нельзя спать. Стужа дикая. Вставай! Пожалуйста, проснись...

Кухулин не реагировал на просьбы жены, лишь продолжал бормотать: «Покорюсь и покорю... покорюсь и покорю...»

Он очень сильно изменился. В считаные дни стал другим, превращаясь временами из ведущего в ведомого. Раньше Ленора спокойно шла за возлюбленным, была уверена, что беда ми-

нует их стороной. Такой он был, покоритель мутантов: сильный, умный, бесстрашный. А теперь ей, шестнадцатилетней девчонке, приходилось тормошить эту груду мускулов, словно безвольную куклу.

— Ну хорошо, сейчас я разведу костер, — девушка сняла с пояса маленький топор, подошла к полуразвалившемуся бельевому шкафу.

Она уже занесла руку, чтобы рубануть по двери, когда услышала:

— Костер не нужен. Эти твари почувствуют тепло и приползут к нам. И почему ты сняла противогаз? Львенок, здесь очень грязный воздух. Ты даже не представляешь, насколько.

Ленора повернулась к мужу. Сбросив с себя одеяла, Кухулин поднялся с дивана.

— Я испугалась, что ты насмерть замерзнешь, — сказала девушка и растерянно улыбнулась.

— Не замерзну, у меня феноменальное кровообращение. И на день противогаз.

— Но ты же ходишь без защиты, — заупрямилась Ленора, — а я как ты. Мы ведь одно целое.

— Я — другое дело, я не человек. — Кухулин подошел к забитому досками окну, посмотрел в щель.

— Неправда, — возразила Ленора, — ты самый человечный человек. Я в этом много раз убеждалась. И ты единственный настоящий, потому что не носишь резиновых масок...

— Надень противогаз.

— Ну, хорошо, — согласилась девушка, — как только мы выйдем из этого дома, я тут же напялю намордник, раз я тебе в нем больше нравлюсь.

Кухулин отошел от окна и, окинув строгим взглядом жену, сказал:

— Ящеры начали расползаться по своим норам. Лишь бы ни у кого из них не оказалось здесь лежбища. Вот-вот взойдет солнце. Это наш шанс. Пойдем с первыми лучами. Ночные хищники отправятся спать, а дневные еще не проснутся. Нам нужно всего-то перебежать площадь и нырнуть под арки. До ближнего

угла вокзала — девяносто метров, до центра — сто семьдесят, до дальнего угла — триста. Нам нужно преодолеть меньше двухсот метров.

— Я не сомневаюсь в твоем глазомере, но ты уверен, что там вход в метро?

— Уверен, львенок, еще как уверен, — Кухулин развязал вещмешок и, достав из него атлас Москвы, открыл на нужной странице. Ткнул пальцем: — Это — Павелецкий вокзал, посмотри в щель, на крыше несколько букв осталось... здесь находимся мы. Видишь букву «М» в кружочке — этот значок означает вход в метрополитен. Тут рядом есть еще один: вот Новокузнецкая улица, вот Валовая, но до него нам дальше добираться... триста пятьдесят, а может, и все четыреста метров. Жаль, что мы нашли атлас только вчера. Мимо стольких станций прошли и даже не подозревали. Уже давно бы в подземке были.

— Жаль, что ты не можешь, как раньше, — с нескрываемой печалью произнесла Ленора, — разогнать этих чертовых ящериц одним взглядом. Ведь вспомни, ты на волкоедах ездил в Десяти Деревнях, ты роля в Самаре из рук кормил, вурдалаки тебе ноги вылизывали...

— Это все звезды. — Кухулин потер руками небритые щеки. — Я вступил в их владения, и они делают меня немощным. Я не могу больше командовать животными: ни обычными, ни мутантами, никакими. Звезды не хотят, чтобы я до них дошел, чтобы разгадал их тайну. Потому что, хоть я и стал слабым, я их не боюсь.

Девушка увидела в глазах мужа боль и неуверенность. Она хотела сказать, что нужно оставить эту глупую затею и вернуться в деревню к старому дьячку и простым людям, пока еще есть два кусочка вяленого мяса и патроны, но вместо этого подошла к Кухулину, прижалась к его груди и тихо произнесла:

— Как хорошо, что мы вместе. Если бы не ты, я бы давно уже погибла, сгинула бы в самарской подземке. А если меня сейчас не будет рядом, ты умрешь здесь, в Московском метро. И ты не слабый, ты все равно сильный, просто не понимаешь этого, думаешь, что...

— Перестань, — Кухулин взял девушку за плечи и отодвинул от себя. — Светает, львенок. Нам нужно идти. И надень противогаз, пожалуйста.

Ленора терпеть не могла индивидуальные средства защиты. Они мешали дышать полной грудью, стесняли ее свободу. Чем всю жизнь ходить в противогазе, так лучше вообще не жить! Лучше месяц — или сколько там отведено — вдыхать яд, чем из года в год цедить дистиллированный воздух, боясь, что судьба однажды подсунет тебе испорченный фильтр. И туннели метро Ленора тоже успела разлюбить, хоть и родилась в самарской подземке и провела там четырнадцать лет. Слишком много черных воспоминаний отложилось в ее юной душе. Жизнь без родителей, подростковые банды, тьма, насилие, убийства и страх наказания, удивительным образом совмещенный с чувством безнаказанности. Если бы не Кухулин, если бы он не вытащил ее из этого жуткого мира, так бы и существовала она слепой мышью среди помоев и гнили. Если бы вообще еще существовала...

— Только ради тебя, Кух, слышишь, только ради тебя я напяливаю этот намордник и иду в этот крысятник, — сказала Ленора, но долго еще не решалась надеть противогаз. Грела его за пазухой, внутренне содрогаясь при мысли, что жесткая ледяная резина сдавит молодую живую кожу.

Открыв дверь, они бесшумно спустились вниз по лестничной площадке, вышли наружу. Павелецкая площадь встретила их ледяным ветром. Несмотря на декабрь, снега не было. Ленора обернулась на здание, которое только что покинула. Просевшая крыша дома подернулась бордовым — всходило солнце. Девушка посмотрела вперед. Ящеров действительно стало в разы меньше. Вместе с ночью уходил и агрессивный запал монстров, они перестали щелкать хвостами и шипеть. Некоторые из них лениво заползали в окна вокзала. Остальные рептилии семенили к соседним зданиям.

«Вы тоже не любите солнце, — подумала девушка и про себя посчитала арки: — Раз, два, три... три арки... нам туда».

В распоряжении Кухулина был автомат Калашникова, шестнадцать патронов в рожке и один в стволе. Девушка сжимала в ру-

ках пистолет Макарова, в разгрузке лежали еще два полных магазина.

— Идем быстро, но не бежим, — прошептал Кухулин.

Они двинулись в направлении вокзала. Четыре ящера, изгибаясь всем телом и оставляя склизкий след на выщербленном асфальте, понеслись навстречу путникам, спешно перебирая кривыми костлявыми лапами. Сердце Леноры гулко екнуло, она подняла пистолет, прицелилась.

— Нет! — рявкнул мужчина. — Они нас не тронут. Их время закончилось, они бегут от солнца. Идем... идем дальше.

Девушка ощутила дрожь в коленках и остановилась. На глаза навернулись слезы. Она попыталась снять противогаз, но не смогла, будто он намертво сросся с кожей.

— Они нас съедят, — прошептала она, — они нас съедят!

Сразу же стало трудно дышать, стекла мгновенно запотели. В отчаянии Ленора дернула противогаз, но он не поддался. Этот чертов намордник приkleился к лицу и отнимал храбрость. Лишал воздуха, делал слабой и беспомощной. Пакость резиновая! Это все специально, специально придумано, чтобы люди потеряли волю!

— Ленора! — Кухулин резко дернул девушку за руку. — Ленора, ящеры прошли мимо, а ты даже не заметила. Очнись! Идем!

И правда, площадь была абсолютно пуста. Рептилии исчезли, и только ветер гнал по небу низкие хмурые облака и гудел в чернеющих арках мертвого вокзала. Девушке стало стыдно за свою слабость. Совсем недавно она мнила себя ангелом-хранителем, оберегающим покой возлюбленного. И на тебе! Чуть не погубила и своего товарища и саму себя. Просто повезло, что ящеры ранним утром теряют интерес к жертвам.

Ленора и Кухулин вошли в вестибюль, бесплотными тенями помчались к эскалаторам. Возле ступенек девушка резко остановилась и, дотронувшись до поручня, посмотрела вниз, во тьму. Она старалась дышать ровно, чтобы новый приступ паники не накрыл ее. Отчаянная мысль била в виски: «Нет там никого! Нет людей! Пустые норы — вот что там!.. ох, если бы снять намордник... хоть на минутку снять! Я бы стала храбрей...»

Кухулин, будто ощущив неуверенность подруги, коснулся ее плеча.

— Фонари, — прошептал он, — включаем фонари и идем вниз.

Аккуратно, шаг за шагом, они погружались в бездну. Блеклые лучи блуждали по разбитым ступенькам, искромсанным поручням, стенам, покрытым высохшей слизью. Иногда в бледно-желтое пятно света попадали трупы костлявых ящеров.

— Видишь, — прошептал Кухулин, освещая одну из убитых тварей, — в черепе пулевое отверстие. Значит, в метро есть люди.

Сердце Леноры радостно екнуло. Получается, не напрасно они пришли в Москву. И Кух молодец, и зря она думает, что затея его тщетна. Он ведь умный, он все знает...

«А я храбрая, — сказала себе девушка, — даже в наморднике». Она задрала голову и направила вверх фонарик: стало любопытно, высоко ли потолки.

Луч скользил по неровной поверхности, несколько раз натыкался на разбитые лампы, а потом задержался на странной фигуре. Ленора не сразу сообразила, что это ящер. Послышался резкий щелчок, а затем — протяжное шипение. Фонарь в руке девушки дрогнул, и тварь исчезла во мраке. А потом гигантская тень обрушилась на Кухулина. Мужчина и рептилия, сцепившись в один клубок, с грохотом покатились по ступенькам.

— Кух!!! — взвизгнула девушка и помчалась вниз.

Держа в одной руке фонарик, она целилась из пистолета в ящера, но не решалась выстрелить, — боялась, что попадет в мужа. Она побежала вплотную к борющимся. Кухулин крепко прижался к твари, обхватил ее руками и ногами, пытаясь задушить. Рептилия сучила лапами, била хвостом, щелкала зубатой пастью и истошно шипела, но ни зацепить, ни отодрать от себя противника не могла.

— Кух!!! — крикнула Ленора, уронила на пол фонарь, сорвала с себя противогаз и, приставив ствол пистолета к шее костлявой твари, нажала спуск. Раздался выстрел. Ящер, испустив жуткий вой, похожий на плач до смерти напуганного ребенка, перекрутился и все-таки сумел вырваться из стальных объятий Кухулина. Ударив его хвостом, рептилия засеменила вниз.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и Ленора, целившаяся в убегающего ящера, ослепла. Закрыв глаза рукой, девушка услышала чей-то крик:

— Еще одна тварюга!.. Вон... вон! Вали ее, вали!!!

Затем раздалась пулеметная очередь, послышались предсмертное шипение и радостный возглас:

— Накрыл, суку!.. А вон еще две твари...

— Нет! — донесся другой голос. — Это люди. Не стрелять! Не стрелять, вашу гребаную мать!!! Прожектор на малую!

Щурясь, Ленора опустилась на ступеньки. Она пыталась хоть что-то рассмотреть, но перед глазами стояли белые подрагивающие пятна. Чувствуя, что опасность миновала, она нащупь засунула пистолет в кобуру. Затем чья-то сильная рука подняла ее на ноги.

— Ну вы, мать вашу, и отморозки! Охренеть! Это ж какими психами надо быть, чтобы через Павелецкий вокзал переть?

Ленора подняла глаза. Зрение понемногу восстанавливалось, и сквозь мерцающие блики она видела ухмыляющееся плохо выбритое лицо со скошенным набок носом и шрамом, рассекающим надвое правую щеку.

— Вы кто такие? Откуда?

— Новокузнецкая, — еле выговорила Ленора, вспомнив название, произнесенное Кухулином, когда он показывал месторасположение входов в метро на карте.

— Это что? Бандюки на счетчик поставили? Да так поставили, что через поверхность улепетывали?

— Что-то вроде того. — Кухулин, морщась, подошел к Леноре, взял ее за руку. — Спасибо, что помогли. У вас здесь можно остановиться?

— Да, пожалуйста. Павелецкая — станция мира, — мужик со скошенным носом загоготал, — здесь гостям всегда рады. Даже не прошеный.

Ленора и Кухулин спустились вниз. Мимо мешков с песком, мимо пулеметчика и крепко сложенных парней в камуфляже, греющихся у маленького костерка, мимо будки, в которой сидел по-рядком полусевший мужчиной лет пятидесяти.

Мужчина внимательно посмотрел на прибывших и спросил:

— А где ваши индивидуальные средства защиты, молодые люди? Вы что, так по городу и ходите?

Тут только Ленора вспомнила, что оставила свой намордник на ступеньках эскалатора. Однако возвращаться и искать противогаз она не захотела.

— Потеряли, — глухо произнес Кухулин, — когда с монстрами сражались.

— Да они, по ходу, совсем того, — гоготнул мужик со склоненным носом, — ты глянь только: без противогазов, без броников, без мозгов. Если б не вещмешок с ватником, этого б тварь вообще хвостом зашибла, вон как материю порвало. В общем, ребята отчаянные, тут такие нужны. Не хотите к нам, на передовую, раз вам жить надоело?

— Мы подумаем, — сказал Кухулин.

Ленора взглянула на мужа. Он слегка морщился. Она чувствовала, что ему больно, хоть он и не подавал вида. Девушка хотела спросить, насколько серьезно ранение, но Кухулин опередил ее:

— У меня все хорошо, львенок, не беспокойся. Ты ведь знаешь, что такое регенерация?

Ленора кивнула.

Супруги вышли на платформу. Здесь догорали три костра. Вдоль стен пылали факелы. Девушка посмотрела вверх, но потолок так и не увидела.

— Сколько здесь арок, — восхищенно прошептала она, кружась на месте, — и не пересчитать...

— Сколько здесь убогих, — неживым голосом произнес Кухулин, — сколько их...

Ленора перестала кружиться, бросила испуганный взгляд на мужа. На мгновение его лицо искривила гримаса страдания. Словно нечто жуткое, испепеляющее вошло в него и с бурлящим шипением потонуло в недрах ледяной души.

Девушка осмотрелась. Из тьмы перехода, из-под колонн на платформу изможденными тенями выползали люди. Грязные, одетые в рванье, невероятно худые, они усаживались вокруг догорающих костров и тянули трясущиеся костлявые руки к умираю-

щим огонькам. Выглядели люди совершенно одинаково, будто на множество тощих тел этих несчастных была всего лишь одна душа — голодная, неприкаянная, обезумевшая от вечной тьмы подземелей, с большими глазами, полными страха и боли, с жадностью взирающая на тлеющие угольки.

У многих на впалых щеках гноились язвы, а вместо волос на затылке, на темени, на висках белели огромные проплешины.

— Не смотри на них, — прошептала Ленора, прижавшись к Кухулину, — не смотри на них, пожалуйста, не впускай чужую боль, она изорвет твое сердце.

— Мое сердце недолго кровоточит, — сказал мужчина, отстранившись от девушки. — Ты же знаешь, что такое регенерация. Не прикасайся ко мне, львенок, я весь в слизи ящера, он здорово меня измазал. Не хочу, чтобы ты подцепила какую-нибудь заразу.

К супругам подошел боец со скошенным носом.

— Ну что, — спросил он, — освоились?

— У вас здесь все такие? — Кухулин указал взглядом на греющихся у костров.

— Станция изгоев, хули вы хотите, — ответил боец. — На нашей Павелецкой почти все такие, а на ганзейской Павелецкой народ пожирнее будет.

— Мне нужно, — Кухулин смотрел сквозь собеседника, будто вовсе и не с ним разговаривал, — к звездам, которые дурманят разум. Мне нужно избавить мир от страдания, этих вот людей избавить...

— А-а-а... — понимающе кивнул боец со скошенным носом, — ясненько, экстремальней Павелецкого вокзала может быть только прогулка возле кремлевской стены. Я вижу, вы, ребята, совсем двинутые. Наверху, поди, минус пятнадцать-двадцать, головы начисто отморозило.

— Как попасть в центр? — Кухулин не обратил никакого внимания на насмешки.

— Безопасней всего через Ганзу на Полис, ясный пень.

— А что такое Ганза... и Полис? — спросила Ленора.

— Да вы просто конченые артёмки, — гоготнул боец, — двадцать лет в метро живут и не знают, что такое Ганза.

— Мы знаем, — сказал Кухулин, неодобрительно посмотрев на жену, и, взяv под руку собеседника, прошептал: — Давай-ка, бра-тишка, отойдем, перетереть кое-что надо.

Мужчины исчезли за ближайшей колонной, а Ленора осталась одна. Она принялась изучать оборванцев, сгрудившихся возле костра.

«Мне можно их жалеть, — подумала девушка, — а Куху нельзя, а то вдруг он революцию задумает, как в Десяти Деревнях, и тогда много жителей погибнет. И мне придется быть злой и убивать, потому что когда революция, доброй быть никак нельзя, иначе злые люди тебя убьют. Такая она, революционная любовь. А я хочу быть доброй. Чтобы любовь была, но только без войны. Хоть иногда...»

Из толпы нищих выделилась сгорбленная тень и направилась к Леноре. Это был худощавый мужичонка неопределенного возраста. С головы его свисали гроздья слипшихся волос, правый глаз закрывало бельмо, а в руках оборванец держал гитару с четырьмя струнами.

— Девчушка, а девчушка, — пропищал противным фальцетом мужичонка, усевшись у ног Леноры, — дай горемыке патрошку на крысиную окрошку.

Девушка не сразу сообразила, что от нее хотят, а когда догадалась, вытащила из кобуры ПМ и передернула затвор. С резким щелчком патрон выбросило через оконце для стреляных гильз.

— Благодарю, Радость моя, — пропищал мужичонка, ловко поймав патрон, а затем, выпучив глаз и перейдя на заговорщический шепот, спросил: — Слыши, девчушка, а кто он?

— Кто? — Ленора, не поняв, нахмурилась.

— Ну, хахаль твой, кто он?

— Мой муж...

— Муж! Съел сто крысиных туш, — захихикал оборванец, — не-е-ет, меня не обм-а-а-анешь. Он ведь другой. Не человек. Ведь так, девчушка? Я знаки вижу во тьме, в туннелях. Путевые зн-а-а-аки. Тьма мне сказала, что он другой. Без м-а-а-аски ходит, без противог-а-а-аза. Если б он человек был, он бы сдох давно. Или таким,

как я, стал. Ведь так, девчушка? А он — вон, какой красавец! Он другой. Он кто, призрак?

— Он мой муж! — в голосе Леноры, мгновенно забывшей о жалости к убогим, появились стальные нотки.

— А еще он что? Он про страданья сказал? Сказал, что прекратить их хочет? Д-а-а-а? Судьбу метро решил поменять? Много на себя взял. Надорвется! Надорвется! Призрак. Призрак судьбы! Надорвется!!! Хочет, чтоб страданий не было? Не-е-ет! Метро нужны страдания. Без страдания нет жизни! Он что! Хочет, чтобы не было жизни?

— Не смей!!! — прошипела Ленора, схватившись за пистолет. — Не смей о нем так говорить!

— Не-е-е, — оборванец вытянул губы в трубочку, — не надо, девчушка. Ты добрая, ты хорошая. Горемыке патрошку дала. Носок благодарен и песенку споет.

Оскалившись гнилыми зубами, мужичонка забренчал на расстроенной гитаре и затянул душераздирающим фальцетом:

*Возвращается всё на круги своя.
Как не рытайся, прелесть, ты будешь моя!
Ну, а коль не смогу я поймать тебя в сеть,
То придется тебе — умереть! Умереть!*

Мужичонка перестал играть и завыл, и Ленора вздрогнула, но не от страха, а от того, что на душе стало как-то гадливо, мерзко. Может, этот уродец вовсе не случайно ей повстречался. Может, это знак? Путевой знак. Между тем оборванец вновь принялся рвать струны и истошно петь, если, конечно, это вообще можно было назвать пением:

*Иль сорваться без славы
В безымянный чертог,
Нам не нужен твой дьявол,
Ведь у нас есть свой бог!
Убирайся, давай!
Возвращайся назад!*

*Нам не нужен твой рай,
Ведь у нас есть свой ад!..
О-ой-у-у-у-у!!!*

— Бляха-муха, Носок, заткни пасть! — грозный окрик заставил оборванца замолчать.

К Леноре подошли Кухулин и боец со скошенным носом.

— Я что? Я ничего!!! — проверещал мужичонка. — Я добрую девчушку благодарю. П-е-е-есней...

— Так, Носок, сдриенул с глаз моих! Считаю до трех.

— Я что? Я ничего! — продолжал оправдываться одноглазый оборванец.

— Раз!

— А я что? Я...

— Два!

Обиженно фыркнув, Носок поднялся на ноги и, сгорбившись, исчез во тьме арки.

— Жизнь и так говно, — зло выпалил боец, сплюнув на пол, — а он тут вой устроил! Да еще на раздолбанной гитаре без двух струн.

— Спасибо за помощь и за консультацию, — сказал Кухулин.

Мужчины пожали друг другу руки, и боец со скошенным носом неожиданно смутился:

— Да что тут, мы ж люди, взаимопомощь должна быть. А иначе нас совсем сожрут. Да и что мне, за совет с вас патроны брат?

— Не все здесь пропало, — заключил Кухулин, когда остался наедине с женой, — есть и вполне нормальные люди.

— Мы уходим? — спросила Ленора.

— В общем, слушай, львенок, — супруги направились к двум прямоугольным проемам, расположенным в центре зала и уходящим в глубину, — я не мог спросить напрямую, что здесь да как. Потому что одно дело, когда ты говоришь, что хочешь увидеть звезды, — и совсем другое, когда ты сознаешься, что не житель метрополитена. Лучше быть своим психом, чем вменяемым чужаком. Как я понял, вся подземка разделена на враждующие фракции: Полис, Красная Линия, Четвертый Рейх и так далее. А Ганза — самая сильная из них. Эта организация занимает всю

Кольцевую линию и большую часть смежных с ней станций. Попасть в Ганзу или хотя бы беспошлино пройти через ее территорию не так уж и просто. Здесь каждая станция выдает своим гражданам паспорта или справку о месте проживания. А для Ганзы нужна еще и специальная виза. Серега, ну, этот парень со шрамом на щеке, предложил мне несколько способов попасть на территорию Кольцевой линии. Но мне все они кажутся сомнительными. Кроме одного...

Кухулин и Ленора спустились в темный проем по лестнице.

— Этот ход ведет в Ганзу, — сказал мужчина, — на Павелецкую Кольцевую. Правда, нас туда не пустят.

— Тогда зачем мы туда идем? — Ленора остановилась.

— Сейчас узнаешь. Серега говорил, что здесь где-то должны быть вывешены правила, — Кухулин тоже остановился, достал фонарик, включил его и принялся водить лучом по красной стене, в которую были вкраплены ракушки, какие-то усики, непонятные фигурки белого цвета.

— Ух ты! — восхитилась Ленора. — Как красиво! Они отчего такие красные? Они из камня?

— Это мрамор, — сказал Кухулин, рыская взглядом вдоль стены, — ему много-много миллионов лет, а белые пятна — это останки древних животных, живших в доисторические времена.

— Здорово, — прошептала девушка.

— Вот, нашел! — Кухулин осветил пожелтевший лист картона, прикрепленный к стене. На нем чернели буквы, выстраивавшиеся в неровные ряды строчек.

Ленора подошла вплотную к объявлению и принялась читать по словам:

— Пра-ви-ла Пя... Пя-тых Га... Ган... Ган-зей-с-ких игр...

— Моя маленькая львица, ты просто умница, — сказал Кухулин. — Вижу, уроки грамоты не прошли для тебя даром. Но все же позволь прочитать мне. Так будет быстрее.

Ленора нахмурилась. Она очень гордилась тем, что научилась читать, и замечание мужа, пускай и совсем не злое, ее обидело.

— Ну и ладно! — сказала девушка, скрестив руки на груди и надув губы.

Правила Пятых Ганзейских игр

1. Пятые Ганзейские игры начинаются в 18.30 по Московскому времени 21 декабря 2033 года, в самую длинную ночь в году.
2. В гонках по Кольцевой линии имеет право принять участие команда численностью в три человека, направленная официально от любого государства Московского метрополитена, в чьих владениях числится не менее трех станций, либо же команда численностью в три человека, составленная из вольных стаекеров/диггеров.
3. Команда вольных стаекеров/диггеров обязана внести залог, равный 450 патронам калибра 7,62 мм или 5,45 мм или же эквивалентную сумму в условных патронах (согласно официальному курсу по состоянию на вторую половину декабря 2033 г. – 829 у.н.)
4. Согласно жеребьевке Пятые Ганзейские игры стартуют со станции Павелецкая Кольцевой линии против часовой стрелки.
5. Команды стартуют по очереди каждые две минуты. Первым стартует победитель прошлых Игр, очередность старта остальных команд определяется жеребьевкой.
6. Члены команд используют свое огнестрельное и холодное оружие. Список запрещенного к применению огнестрельного и холодного оружия прилагается в специальном акте. Также запрещается использовать приборы ночного видения.
7. В первом перегоне между станциями Павелецкая и Таганская, а также на станциях Кольцевой линии запрещено любое физическое насилие по отношению к соперникам. В случае применения насилия по отношению к соперникам в перегоне между станциями Павелецкая и Таганская, а также на станциях Кольцевой линии, участник, применивший насилие, карается немедленным расстрелом.
8. Разрешается любое физическое насилие по отношению к соперникам во всех перегонах Кольцевой линии, за исключением перегона между станциями Павелецкая и Таганская.
9. Участник, получивший ранение любой степени тяжести, за исключением легкой, имеет право сойти с дистанции. Оставшиеся

члены команды продолжают соревнование, иначе вся команда снимается с Игр.

10. Станция Киевская является промежуточным пунктом сбоя команда. Второй этап соревнований начинается через шесть часов после прибытия первого участника Игр на станцию Киевская. Если за означенное время какая-то из команд не достигнет станции Киевская, она автоматически снимается с соревнования.

11. Со станции Киевская команды стартуют по очереди каждую минуту в соответствии с занятыми местами на первом этапе Игр. Победителем становится та команда, чей участник первым достигнет станции Павелецкая кольцевая.

Улыбнувшись, Кухулин подмигнул жене:

— Вот тебе и ответ. Мы будем участвовать в гонках по Кольцевой линии. Сойдем с дистанции, когда посчитаем нужным, и пойдем в сторону Полиса.

— Но ты прочитал, что нужно три человека, а нас только двое, и четырехсот пятидесяти патронов у нас нет для... — Ленора нахмурилась, вспоминая слово, — для залога.

— Я как раз думаю, как решить эту проблему. Сейчас утро, а через пару часов, полагаю, здесь будет много народа. Может, с кем и договоримся. Мы найдем выход из ситуации.

Кухулин улыбнулся, коснулся щеки Леноры и добавил:

— Обязательно найдем.

Глава 4

БЕЗЫМЯНКИ

— Мрачновато, — констатировал Феликс Фольгер, осмотревшись по сторонам, — вам нужно непременно скидку клиентам делать. Из-за депрессивного интерьера.

Действительно, ряд торшеров, идущий вдоль центральной оси зала, в совокупности с настенными факелами давал чрезвычайно скучный свет, отчего массивные пилоны, облицованные мрамором, давили своей угрюмой торжественностью. А подозрительные люди, беспрестанно снующие между гипсокартонными лотками и палатками из прорезиненной ткани, и вовсе могли повергнуть в уныние даже самого отчаянного оптимиста.

— Дядь, ты умными словцами не бросайся, мы гимназий не заканчивали, — бритоголовый паренек в коротких штанах и грязной телогрейке неопределенного цвета развалился на массивной мраморной скамье с высокой спинкой, заложив ногу за ногу, и с неприкрытоей дерзостью глазел на Фольгера. — Ты или берешь девочку, или валишь лесом. Лишних ля-ля здесь разводить не надо.

«Конечно, ты никаких гимназий не заканчивал, — подумал Феликс, вежливо улыбнувшись, — ты, придурок безграмотный, уже после катастрофы родился».

— Просто сто патронов за один перепих, — Фольгер развел руками, — это слишком. Ты не находишь, дружище?

— Так возьми дешевле, — сказал паренек, — у нас бабуси есть, по пять маслят берут. А можешь вообще в перегон сгонять да передернуть. Это тебе задаром выйдет.

— Нет уж, спасибо, — засмеялся Феликс, — я от твоих бабусь всю таблицу Менделеева подхвачу.

— Чё за таблица такая, — спросил паренек, — типа триппака, что ли?

— Да, что-то вроде этого, — кивнул Фольгер. — Так объясни мне, почему ваша мисс Браун стоит целую сотню? За такую сумму можно двух красоток на две ночи снять.

— Дядь, эта киска делает все! Вообще все! Сечешь? — паренек подался вперед. — И потом, она чистенькая, ничего не подцепишь. Ее врач через день смотрит. И хаза у нее утепленная, шесть квадратов. Такой просторной больше ни у одной девочки нет, ни на Новокузнецкой, ни на Третьяковской. Короче, лучшая бикса на Треугольнике. Сечешь фишку, дядь?

— А ты-то откуда знаешь, забавлялся с ней? — Феликсу очень хотелось размазать наглого говнюка по стенке, но вместо этого он лишь заулыбался еще вежливее.

— Честно, дядь, я не пробовал, но один мой кент кашлял, что когда кончал, чуть ласти не склеил, так ему по кайфу было. Охрененная девочка. Так что, смотреть будешь?

— Я ее видел издалека, действительно хорошая, — соврал Фольгер, извлекая две бумажные пачки и увесистый мешочек из рюкзака. — Держи, здесь ровно сто. Можешь пересчитать.

— Обижаешь, дядь, — паренек ловко перехватил мешочек, погодил его на вес. — Это Новокузнецкая, здесь базару верят. Поэтому что если проверят, то за тринадцать башку оттяпают на раз-два.

— Тогда веди меня к царице вашего Треугольника.

— Это, дядь, — паренек встал со скамьи, — если уж у тебя маслят куры не клюют, могу гипсуху толкнуть.

— Не понял.

— Ну, тут из гипса солдаты всякие, офицеры, что ли. На сходняке паханы решили картинки эти распилить и толкнуть.

— Ты имеешь в виду скульптурные группы, посвященные Великой Отечественной войне? — спросил Фольгер.

— Да хрен знает, какой там войне, — отмахнулся паренек, — война эта когда была? А маслята сейчас можно выручить. Сечешь? Так что, не хочешь себе чё-нибудь из гипса? Ну, типа на память.

Внезапно Феликс ощутил жжение в груди, а во рту почувствовал горечь со стальным привкусом. Фольгер с отчаянием представил, что сейчас с ним может случиться: сбитое дыхание, тяжелый кашель, кровохарканье. Приступы, начавшиеся несколько месяцев назад, все чаще давали о себе знать. Но в этот раз Феликс сдержался, не раскашлялся. Прикусив губу, он за-прокинул голову, уставившись на металлический щит в обрамлении знамен с надписью: «Слава героям — защитникам Севастополя».

«Нужно досчитать до десяти, и все пройдет», — подумал Фольгер.

Паренек бросил взгляд на укрепленный над скамьей щит и хмыкнул:

— Да у тебя, дядь, губа не дура. Это... как его... достояние Новокузнецкой. Не продается.

«Раз, два, три...»

— Нет, ну вообще, хрен знает. Я такие дела не решаю. Тут с паханами перетереть надо.

«Четыре, пять, шесть...»

— Думаю, за полштуки маслят отдадут. А может, и меньше...

«Семь, восемь, девять...»

— Может, даже упами возьмут, а не настоящими. Но только один к четырем.

«Десять!» — Феликс сделал глубокий вдох.

— Так что, дядь?

— Веди меня к девочке, — сказал Фольгер, чувствуя себя намного лучше, — это все равно не ваше достояние. Достояние купить нельзя и нельзя продать, его можно лишь заслужить, кровью заработать. Своей кровью.

Феликс, обходя гипсокартонные прилавки и небрежно расталкивая зазевавшихся прохожих, следовал за юным сводником.

В южном торце станции стояли крохотные тонкостенные палатки-полубочки, возле которых толпились легко одетые девицы. Было ощутимо холодно, и подземные бабочки пританцовывали, ежились и о чем-то весело переговаривались друг с другом. Из некоторых палаток слышалось натужное сопение, на которое никто не обращал внимания. Что и говорить, похоть клиентов и желание извлечь из этого выгода заставляли работать в любое время при любой температуре воздуха.

Однако Фольгер размышлял о другом: не ошибся ли он, заказав некую мисс Браун. Может, это вовсе и не Ева? Найдется ли во всем метро хоть одна взбалмошная деваха, способная убедить главного выродка Новокузнецкой Басмача дать ей роскошную утепленную палатку в единоличное пользование и при этом выставить невероятный тариф: сто патронов за час? Нет, на такое способна только одна женщина. То-то Вольф будет рад, когда узнает, чем занимается его любимая сестрица. Феликс увидел зимнюю палатку среднего размера, и в самом деле занимающую площадь около шести квадратных метров.

— Давай, дядь, попыхти хорошенько, — усмехнулся паренек, — только смотри, дуба не врежь от счастья. Девочка уже там.

Фольгер подождал, пока юный сводник исчезнет, и осторожно заглянул в палатку. На толстом одеяле, укутавшись в махровый плед, скрестив ноги по-турецки, сидела она — Ева. Молодая женщина, прищурившись, созерцала еле тлеющий огонек керосиновой лампы, стоящей перед ней. Из-за слабого света внутри палатки царили серые тона, но память и воображение Феликса все окрасили в нужные цвета. Золотистые, пышные волосы Евы, непозволительно роскошные для жителей подземелья, ниспадали на изящные округлые плечи, к которым хотелось с жадностью припасть губами. Брови, не тонкие и не толстые, были чуть темнее волос, а глаза — карие, со смешишкой. А под пледом была крепкая упругая грудь нерожавшей женщины и такие маленькие аккуратные сосочки... а еще почти незаметный, сводящий с ума животик. Но главным оружием Евы было вовсе не красивое тело. Женщина умела улыбаться так, как никто во всем метрополитене. Очень часто эта улыбка пре-

вращала мужчин в глупых и послушных щенков, чуть ли не писающихся от восторга, когда их погладят.

«Сучка... — с горечью подумал Феликс, — что же ты делаешь, сучка! Неужели нельзя по-другому? Сто патронов... да, пятьсот, тысячу, все бы отдал, лишь бы ты не занималась ерундой!»

На мгновение ему вдруг представилась картина счастливой семьи. Он, Ева и маленький ребенок, сынишка, идут, счастливые, держась за руки, по набережной. Светит солнце, небо безоблачно, вода искрится золотыми лучами, а в лицо бьет легкий, приятный ветерок. Они счастливы, они смеются, они не знают черных тягот постъядера. Да, все это было бы замечательно, но так никогда не будет...

Несколько раз моргнув и сделав глубокий вдох, Фольгер, скинулся с себя секундную слабость, ухмыльнулся и полез внутрь палатки.

— Нет, Ева, — сказал он, — сто патронов — это дорого. Ты столько не стоишь. Майнे гёттин, откуда такой прейскурант?

Девушка вздрогнула, повернула голову и, широко раскрыв глаза, прошептала:

— Филя?

— Ты не рада меня видеть? — Феликс изобразил удивление. — Я думал, ты соскучилась. Восемь месяцев как-никак.

— Убирайся!

— Тихо, тихо, — Фольгер поймал руки Евы, — не дергайся ты так, перевернешь лампу. А палатка-то казенная.

— Пусти, скотина! — девушка попыталась вырваться. — Ненавижу тебя! Я закричу, слышишь, закричу!

— Ну-ну, — Феликс поцеловал Еву в шею и повалился вместе с ней на одеяло, — я заплатил сто патронов. Ты отказываешься выполнять свою часть договора?

— Только не с тобой!

— Извини, я решил поразвлечься и не знал, что ты мне попадешься. Это чистая случайность.

— Врешь ты все! — Ева дернулась, но бывший любовник еще сильнее прижал ее к себе. — Ты бы целую сотню зажал на такое дело.

— Ради тебя пришлось раскошелиться. Майне мэдхен, исключительно ради тебя, — в голосе Феликса появились нежные нотки, он прошептал это с придуханием.

— Значит, все-таки ты здесь не случайно!

Фольгер ничего не ответил, но поцеловал девушку, куснув ее за нижнюю губу.

— Ненавижу тебя, — сказала Ева, вдруг перестав сопротивляться, и обхватила бывшего любовника за шею.

— Я тоже тебя ненавижу... — тихо произнес Феликс.

* * *

Укутанные в плед, они лежали, прижавшись друг к другу. Голова Евы поклонилась на груди Фольгера.

— Знаешь, — сказала девушка, — я только сейчас кое-что поняла об этом мире. Вернее, поняла давно, но как-то вот сейчас все особенно прояснилось. Наш мир — выдуманный, ненастоящий, это чья-то фантазия.

Феликс улыбнулся. Вот о чем сейчас можно разговаривать? Да, Ева нисколько не изменилась, всегда любила нести околесицу. Особенно после любовных утех. Такая вот интересная особенность. Гормональное, что ли?

— Нет, правда, — девушка чуть приподнялась, — мы живем в каких-то вонючих норах, а наверху какие-то чудовища ползают. Так не бывает. Нас просто придумали. Вот какой-нибудь писатель взял, написал книгу, выдумал целую вселенную, и мы появились. А на самом деле нас нет.

Фольгер засмеялся и ущипнул Еву за ягодицу.

— Ай! — взвизгнула девушка. — Больно, дурак!

— Тебя нет, значит, и боли нет, — сказал Феликс, продолжая смеяться.

— Или не так, — Ева ткнула пальцем в грудь мужчину, — я настоящая, а вы все выдуманные. Вы мне снитесь. Или я в бреду просто. Живу в кошмарном сне и не подозреваю даже.

— Может, наоборот, — Фольгер улыбнулся, погладил девушку по щеке, — это я в бреду. Но только видится мне не кошмар, а весьма и весьма приятный мираж, прямо очень очень приятный...

— Нет, — возразила Ева, — вы все ненастоящие, вы безымянки.

Одна я реальная.

— Это почему же?

Девушка отстранилась от мужчины, вылезла из-под пледа и села по-турецки:

— Вот ты, Филя, сам подумай. Вы же имена свои позабывали. Нет у вас имен, безымянки вы. Есть только клички: вольфы-цвёльфы, фольгеры-шмольгеры, мельники-ельники, бумажники-набалдашники. И только я настоящая. Я всегда была Евой Волковой. С самого рождения.

— И только иногда — мисс Браун, — Феликс невольно залюбовался обнаженной красавицей, но ирония в его голосе никуда не исчезла. — Для этого гадюшника ты слишком совершенна, как с точки зрения тела, так и с точки зрения ума. Поэтому, наоборот, это ты — иллюзия, продукт коллективной галлюцинации голодных до любви мужиков, которые за эту вот мечту расплачиваются реальными патронами. Хотя я не уверен, что таких идиотов много. Все-таки сотня — это слишком...

— Не безымянке об этом судить, — с напускной строгостью сказала Ева, прикрыв груди руками. — Ты оглянись, Филя, посмотри вокруг. Видел, как новокузнецкие скульптуры кромсают? И ведь им совершенно все равно, кто на них изображен. В Ганзе купят, на Красной Линии купят — и ладно. Половина из них и понятия не имеет, что такое Вторая мировая война. Не помнят ни своих имен, ни своих предков. И братец мой такой же! — Ева потупилась. — Лучше быть шлюхой, чем безымянкой.

«Сучка ты! Чего только не придумаешь, лишь бы оправдаться», — подумал Фольгер и посмотрел на механические часы. Времени до окончания сеанса оставалось не так уж и много. Все, баста! Пора вновь окунаться в серую и жестокую реальность.

— Я бы хотел, майнэ гёттин, вечно любоваться тобой, такой восхитительной, — Фольгер начал одеваться, — и вести философские беседы, но, увы, нам нужно убираться отсюда.

— Я никуда не пойду, — сказала Ева, — куда мне идти?

— В Рейх, куда ж еще...

— Урод! — вспыхнула девушка. — Ради этого ты сюда приперся?! Могла бы и догадаться. Как был шестеркой, так и остался.

— Пусть так, — согласился Феликс, — но ты идешь со мной. Если что, я дам за тебя отступные Басмачу. Он алчный ублюдок, поэтому, думаю, мы с ним договоримся.

Фольгер блефовал: вряд ли он мог достичь какого-либо соглашения с одним из главарей Новокузнецкой. Разве что устроить стрельбу с фатальным для себя исходом... или держать пари. Басмач был исключительно азартен.

— Договоришься, как же, — усмехнулась Ева. — Его ребята тебя на ремни порежут. И хоть ты конченая сволочь, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Уходи, Филя, и больше никогда не появляйся мне на глаза. Слышишь, никогда.

— Я никуда не уйду, — сказал Фольгер, натягивая штаны, — и ты это знаешь. Умирать — значит, умирать. Уж пару-тройку ублюдков я точно унесу с собой в могилу. Ты пойми, Рейх — самое безопасное место для тебя. Кем бы ни был твой брат, в обиду он тебя не даст. А здесь ты в привилегированном положении потому, что Басмач — самодур, и у него настроение хорошее. Завтра он тебя проиграет в карты каким-нибудь ханурикам, и кинут тебя на толпу. И пикнуть не посмеешь, а пикнешь, еще и зубов лишишься. А без зубов десять маслят — это красная цена. И через год превратишься ты в потрепанную, никому не нужную тряпку и будешь отдаваться за три пистолетных патрона. Тебе это надо?

— Я в Рейх не вернусь, — твердо произнесла Ева. — Там живут или отморозки, или идиоты, или и то и другое сразу. От силы пара нормальных на три станции найдется.

— Нет, майнэ мэдхен, нет, — сказал Фольгер, зашнуровывая берцы, — здесь тебе тоже оставаться нельзя...

— Я устала, — глаза девушки почти мгновенно увлажнились, по щеке потекла слеза, — от всей этой показухи, от лжи. Я будто на одном месте топчусь. Сколько лет мы прячемся в норах? И в кого превратились. Нет людей больше. Кругом какие-то трусливые, озлобленные крысы, а не люди...

Феликс не любил смотреть на плачущую Еву. В такие моменты ему очень хотелось прижать ее к себе, успокоить, прошептать, что

все будет хорошо, все будет, как она захочет. Но Фольгер всегда сдерживался, ибо знал, что если он так поступит, то проиграет. Да и вообще, она была той еще актрисой. Как бы не попасться на обманку.

— Знаешь, Филя, — сказала Ева, вытирая слезы, — я тебе расскажу, когда в последний раз видела настоящих людей, а не безымянок. Мне было пять лет. Незадолго до атаки на Москву началась паника, многие рванули в метро. В этой суматохе так получилось, что я потерялась. С тех пор своих родителей я не видела. Какой-то мужчина подобрал меня и побежал в подземку. Я не помню, что это была за станция, и лицо своего спасителя я давно забыла. Помню только, что от него разило одеколоном и потом. И вообще, первые дни, недели, месяцы новой жизни для меня сплошной провал. Но вот один эпизод мне врезался в память.

Случилось это, наверное, через несколько суток после катастрофы. Людей в метро тогда было много. Очень много. Большинство надеялось на лучшее, и никто не думал, что мы здесь останемся навсегда. Меня подкармливала незнакомая тетя, к которой я начала потихоньку привыкать. Тогда еще скотство не стало нормой. Но не в этом дело. Однажды мы сидели с ней у колонны, а рядом с нами сидел мужчина. Такой в очках, с щетиной, солидный. Вернее, он раньше был солидным, а сейчас растерянно озирался по сторонам и в сумку с ноутбуком вцепился, будто это лекарство какое-то, без которого он бы тут же помер. Теперь я понимаю, что он цеплялся за минувшее, которое нельзя вернуть. Люди — они ведь вообще жуткие консерваторы. Сколько погибло тех, кто просто не захотел спускаться вниз, во тьму, в метро. Потому что менять что-то в своей судьбе всегда страшно. Решили, все обойдется, и жизнь пойдет по-старому. Не обошлось. Впрочем, правильно сделали, что не спустились.

И вот этот мужчина с остатками респектабельности на лице вдруг повернулся к тете, которая меня подкармливала, и сказал: «У меня в ноутбуке фотографии. Семьи моей. Хотите посмотреть? Ведь батарея сядет, и все. Так чего ее жалеть? Я больше их все равно никогда не увижу. И вы не увидите. Они же... они...»

Он не договорил, просто вытащил ноутбук из сумки и включил его. Ведь мне сколько лет тогда было? Я с тех пор ноутбук больше никогда не видела, но помню. Все помню! Девочку лет восьми. Она улыбалась. Такая милая маленькая мордашка. И этого мужчину рядом с дочкой и его женой помню. Красивая у него жена была. Платья очень любила, потому как только в них я ее на фотографиях тех и видела. А такой одежды, какая на них была, уже и не встретить. А в каких местах они были? В разных странах. Сейчас туда уже и не добраться... кажется, видела башню такую, не помню, как называется. Во Франции, кажется... В общем, много всяких красивых зданий.

И ты знаешь, Филя, ведь не только я и тетя рассматривали эти фотографии. К нам люди подходили. И лица их, лица...

И все плакали. И женщины, и мужчины. Как будто это их семья. И я плакала, словно видела свою маму, а не чужую тетю. Так вот, Филя. Час или два, я не знаю сколько, мы смотрели фотографии, и каждый видел свое. А потом экран погас. И мир настоящих людей вместе с ним. Они все погибли, но они — настоящие. А мы выжили, но мы фальшивки. Безымянки. Мы и не люди вовсе, а так — крысы слепые.

А потом, пару недель спустя, меня нашел мой старший братец. Это сейчас он такой, более-менее остепенился, — а тогда был бритоголовым отморозком. Сколько я видела мерзости — ты и представить не можешь. Он никого не щадил. За консервную банку мог порешить. Со мной, правда, всегда делился. Бывали, конечно, и голодные деньки, но он заботился обо мне, без еды я никогда не оставалась. Думаю, если бы не Вольф, меня бы уже не было. Вот за это я его и ненавижу. Лучше бы я была той девочкой на фотографии из ноутбука. Улыбалась бы и не ведала бы печали, а потом просто погасла вместе с экраном.

Ева закончила свой рассказ, посмотрела исподлобья на Феликса.

— Трогательно, — сказал Фольгер, застегивая куртку, — но нам нужно идти. Одевайся, а то простишься.

— Скотина бесчувственная! — выпалила Ева. — Никуда я с тобой не пойду!

Феликс потянулся было к девушке, но почувствовал болезненное жжение в груди. Он прикусил губу, закрыл глаза. Дышать стало чрезвычайно тяжело.

«Проклятый приступ, — мелькнула мысль в голове мужчины, — без паники... досчитать до десяти, до десяти... раз, два, три...»

— Ты меня понял! Я никуда не пойду! — Ева толкнула Фольгера в грудь.

Этого оказалось достаточно, чтобы сбить дыхание. Феликс выдохнул с судорожным хрипом. Затем еще раз. И еще. И наконец, зашелся в неудержимом кашле. Задыхаясь, он повалился на одеяло. Воздуха не хватало, и Фольгер, сотрясаясь всем телом, тянул согнутые пальцы вверх, будто тонул во тьме, уходил на дно, где нет ничего и никого: ни Евы, ни Рейха, ни подземки, ни страшного нового мира. Звенящая чернота залила окружающее пространство, и Фольгер, отхаркиваясь чем-то вязким, провалился в гнетущее беспамятство.

Когда Феликс очнулся, он увидел перед собой огонек керосиновой лампы. Внутри ничего не болело, но ощущалась жуткая слабость. Фольгер с трудом сел, осмотрелся. Евы нигде не было. Выругавшись, он попытался подняться, но вместо этого завалился на одеяло; правая рука угодила во что-то липкое. Феликс поднес пальцы к носу, понюхал. Кровь вперемешку с блевотой.

«Вот она — жизнь вблизи поверхности. Скоро и мой экран погаснет, стану настоящим, как та девочка», — подумал Фольгер, отстегивая флягу.

Воды оказалось совсем мало. Тогда Феликс потянулся к рюкзаку, извлек из него стеклянную семисотмиллиметровую бутылку, наполненную сладкой водой. Откупорив ее, мужчина принялся жадными глотками поглощать жидкость и остановился, когда осушил бутылку до половины.

Стало значительно легче. Фольгер, упаковав рюкзак, глубоко вздохнул, поднялся на ноги и вышел из палатки, по сравнению с которой станция не казалась теперь такой уж давяще сумрачной. Он оглянулся. Ничего не изменилось. В соседней палатке-полубочке постанивала парочка. Несколько девушек оценивающие покосились на Фольгера и тут же забыли о нем, продолжив прито-

пывать и о чем-то увлеченно разговаривать. Удовлетворенные клиенты их не интересовали.

Феликс принял соображать, куда бы могла направиться Ева. Проще всего — побежать к Басмачу, нажаловаться на своего бывшего. Но такой вариант сразу можно отнести: в этом случае палатку давно бы навестили местные вышибалы. Значит, собрала мататки и сбежала. Но куда?

На Театральную, принадлежащую Красной Линии, Ева не пойдет ни при каких обстоятельствах. Сестра гауляйтера тут же превратилась бы в вечную пленницу и весомый козырь в игре коммунистов против Рейха. Она могла пойти только на Ганзу или на Китай-город, где находился еще один бандитский притон. Но и на Ганзу можно было идти в трех направлениях: Октябрьская, Павелецкая и Марксистская. В перегоне между северным залом Третьяковской и Марксистской творится всякая чертовщина, не зря он называется Мертвым. Туда Ева тоже не сунется, да и Марксистская — это охраняемая спецтюрьма. Итак, остаются Китай-город, Октябрьская и Павелецкая. Фольгер склонялся к последнему варианту, поскольку туда Еве было ускользнуть проще всего. К тому же на Павелецкой сегодня стартовали Игры, а это соберет огромные толпы народа, среди которых легче затеряться.

— Да, дядь, ты красава, — размышления Феликса прервал пошедшний к нему бритоголовый паренек, — почти два часа пыхтел. Девочка там хоть живая? Ты не боись, мы с тебя больше не возьмем. Сотня — и так до фига. Не каждый столько выложит. Чё ж такого клиента пугать?

— Где Ева? — спросил Фольгер, мгновение спустя поняв, что не стоило задавать этот вопрос.

— Чё значит где? — паренек метнулся к палатке, заглянул в нее, а когда никого там не обнаружил, диким взглядом уставился на Феликса:

— Дядь, где девочка? Ты куда ее дел? Тебя Басмач за яйца повесит. Сечешь?

Феликс не стал оправдываться, посчитав любые объяснения лишней тратой времени. Как обычно, он лишь вежливо улыбнулся и сказал:

— Пшел вон, босота позорная.
— Ты чё, дядь, рамсы попутал? — глаза паренька начали наливаться кровью, а в руке появилась финка. — Девочка где? Сука...

Не раздумывая, Фольгер схватил левой рукой кисть с ножом, потянул на себя, а правым локтем нанес весомый удар в скулу паренька. Тот, отрывисто охнув и уронив финку на пол, повалился на палатку, из которой доносились стоны. Тут же послышался женский вопль, а вслед за ним — крепкая мужская брань. Паренек попытался подняться, но, получив берцем по лицу, обмяк. Девушки, только что мирно обсуждавшие свои проблемы, с визгом бросились врассыпную.

Феликс, схватив рюкзак, быстро пошел к перегону на Павелецкую. Обходя грязные лотки, он затылком чувствовал враждебные взгляды местных. Правда, никто пока не решался вступить с ним в схватку. Торгashi — они и есть торговщи, что с них взять? Только дань за крышевание. А вот если местная братва подтянется — быть беде. Он уже выскочил на край платформы и хотел спрыгнуть вниз, на рельсы, когда услышал знакомый тягучий голос:

— К нам в гости пожаловал сам Фольгер. А почему же он так рано уходит? Не повстречался со старыми знакомыми. Ай-яй-яй! Нехорошо.

Феликс повернулся в сторону говорившего. Это был Басмач, непричесанный, небритый брюнет с пробивающейся на висках сединой. Одет он был в засаленный темный пиджак и брюки грязно-желтого цвета. Рядом с ним стояли пятеро с автоматами наизготовку, а сзади толпился разномастный сброд.

— Надо же, — Фольгер изобразил радость, — Басмач, какими судьбами! Очень рад, что увидел тебя, что ты жив, здоров. Прикид бы только сменил, а то похож на бомжа. Ты извини, мне идти надо, как-нибудь после поговорим.

— Ох ты, — Басмач выдавил из себя ленивую усмешку, — умник какой. Нет, ты для меня слишком дорогой гость, чтоб так просто отпустить.

Феликс развел руками:

— И что ты хочешь мне сказать?

— Я хочу тебе сказать, что ты дорогой гость. Дорогой потому, что теперь ты мне должен, — Басмач повторил жест Фольгера и улыбнулся. Впрочем, вежливой улыбки у него не получилось.

— Да? — Феликс засмеялся. — Это почему же я тебе должен? Я ничего такого не совершил.

— Ты сильно помял моего человека и девочку спугнул. А девочке я дал чек на тысячу упов. И она его не отработала. Нехорошо.

— С каких это пор ты стал дарить такие суммы?

— Просто девочка была очень хороша, — тягуче произнес Басмач, — очень хороша. Ты понимаешь, о чем я. Жизнь коротка и непредсказуема. Нужно наслаждаться каждым моментом, любым мигом, а тут попалась такая хорошенъкая стервозная милашка. А стервозные милашки, к тому же горячие, — моя слабость. Их на все метро по пальцам пересчитать можно. Я ведь могу иметь слабости?

Фольгера покоробили слова сутенера, но вида он не подал.

— В таком случае, майн думмкопф, если я тебе должен, пришли счет в канцелярию Рейха.

— Ох ты, — Басмач покачал головой, — ты еще не потерял чувство юмора? А ведь пора уже призадуматься о смерти. Она к тебе близка как никогда.

— Ты даже не представляешь, насколько, — согласился Феликс. — Мне от силы жить месяц, может, пару месяцев. Не веришь? Пойди, загляни в палатку. Она вся заблевана кровью. Так что вряд ли ты от меня что-нибудь добьешься. Мне все равно. И ты мое слово знаешь, Басмач. Я ничего никому не должен.

— Знаю, — еле заметно кивнул бандит, — и тысячи упов мне не жалко, девочка стоит того. Я дарю ей их. За добрые услуги. Я ведь могу быть щедрым? Да и упы — не реальные маслята. Но просто так отпустить тебя я не могу. Народ не поймет.

Басмач повернулся к толпе, выцепил взглядом бородатого верзилу и спросил у него:

— Брэк, во сколько ты оцениваешь жизнь нашего дорогого гостя?

— Да ни во сколько! — прохрипел верзила. — Кусок говна ничего не стоит!

Толпа одобрительно загудела, послышались смешки.

— А если подумать? За сколько бы ты убил, — Басмач указал на Фольгера ладонью, — нашего гостя?

— Да за так! — прохрипел Брэк. — Но раз ты интересуешься, то неспроста. Если рожок маслят подкинешь, буду рад.

— Видишь, Фольгер, твоя жизнь стоит тридцать патронов. Я слышал, ты неплохой боец на ножах. Вот мое решение. Чтобы уйти отсюда живым, ты должен победить. Проиграешь, — Басмач пожал плечами, — отправим твой труп к морлокам в Мертвый пегон. Там любят свежатинку. А Брэк получит три десятка маслят. Заодно и народ потешит. Я ведь могу устраивать представления?

Из толпы послышались возгласы одобрения.

— Басмач, — сказал один из автоматчиков, светлобородый, с безуминкой в глазах, — Брэк с нами должен на Игры идти. Если его попишут, кто у нас третий в команде будет?

Басмач скрчил мину, будто ему на язык попалось что-то чрезвычайно горькое, повернулся к светлобородому автоматчику и тихо, с легкой ленцой произнес:

— Найдешь.

— Не ссы, Лом, — прохрипел здоровяк, делая шаг вперед и вытаскивая огромный мясницкий нож, видимо, служивший когда-то для разделки свиных туш. — Я этого хмыря уделаю на раз-два.

Противники оказались в центре круга, образованного шумящей толпой. Братва, торгаши, шлюхи, мелкие сводники и самая обыкновенная пьянь сгрудились вокруг двух человек, готовящихся искромсать друг друга. Люди, превратившись в серую, пропитанную перегаром биомассу, кричали, вопили, повизгивали в предвкушении сладостного кровавого зрелица.

Кто-то из торгашей принимал ставки. Шансы Фольгера оценивали один к пяти, Брэк считался явным фаворитом. Оно и не мудрено. Верзила был чуть ли не на две головы выше Феликса. И оружие Брэка внушало почтительный ужас: огромный, остро заточенный поварской секач шириной в полторы мужские ладони и длиною не менее локтя. Таким, пожалуй, можно перерубить руку с одного удара.

Бородатый громила бросил свирепый взгляд на Феликса, снисходительно ухмыльнулся и сплюнул под ноги.

— Нехреновый у тебя шинкенмессер, — заметил Фольгер, извлекая из ножен свое оружие — небольшой листовидный нож с двусторонней заточкой.

— Я отобрал его у одного людоеда возле Мертвого перегона, — прохрипел Брэк. — Этот секач разделал немало человеческих туш. Скоро ты узнаешь его силу.

Басмач объявил о начале боя. Бородатый верзила, выставив руку с поварским ножом, надвигался на Феликса. Неуклюже, но уверенно.

— Убей его! Убей! — ревела толпа. — Заруби эту мразь!

Фольгер стоял на месте и сверлил взглядом исподлобья противника. Он держал нож прямым хватом в правой руке, согнув ее в локте и выдвинув левые руку и ногу вперед.

— Оттяпай ему башку! — гнусаво орал кто-то сзади и слева. — Эта сука мне нос сломала!

Верзила наступал не торопясь, обнажив желтые зубы в хищной ухмылке, будто ощущая свое безусловное превосходство над никемным противником. И стены, и своды, и колонны — тут все свое, новокузнецкое. Чужаку здесь не выжить.

— Замочи гниду, замочи! — кричали полуголые девки. — Он нам клиентов распугал!

Громила резко замахнулся, метя в голову Фольгера. Феликс отступил двумя короткими быстрыми шажками, и секач со свистом пронесся мимо. Толпа взревела от восторга. Теперь уже нельзя было разобрать отдельных голосов, — все смешалось в сплошной неистовый рокот сотен человеческих глоток.

Брэк снова рубанул — и опять не попал в противника, поскольку Фольгер вовремя отскочил, наткнувшись спиной на кричащую массу. Зеваки сразу же подтолкнули его навстречу верзиле. Бородатый бандит оскалился: отступать Феликсу больше было некуда. Замахнувшись, Брэк подался вперед. Отклонив корпус, перенеся вес на правую ногу, Феликс нанес молниеносный удар левой в промежность. Верзила, издав хриплый присвист, согнулся пополам, и тут же листовидный нож вошел в его горло.

Толпа мгновенно умолкла. Секач с пронзительным звоном упал на гранитный пол, а вслед за ним рухнул Брэк. Бородатый бандит что-то сипел, обхватив горло, ноги его елозили по грязной платформе, но струйка темной крови била из раны, не останавливаясь, и жизнь быстро покидала гиганта.

— Извините, что шоу длилось не так долго, как вам хотелось, — сказал Фольгер, поймав за штанину поверженного врага и вытерев об нее нож, — но мне в самом деле пора. Дела ждут.

— Хер ты куда пойдешь! — взревел русобородый, направив автомат на Феликса. — Где мне теперь такого напарника для Игр найти?!

Фольгер отправил нож в ножны, взял рюкзак и, посмотрев на Басмача, вежливо улыбнулся:

— Ты ведь держишь слово, я знаю.

Басмач нехотя кивнул и манерно ленивым жестом приказал русобородому опустить автомат.

— Спасибо, — сказал Феликс, протискиваясь сквозь толпу, — с дороги, унтерменши! Я спешу!

— Мы еще встретимся! — крикнул вдогонку Фольгеру русобородый.

— Очень даже может быть, — ответил Феликс, спрыгнув с платформы.

— Запомни мое имя, урод, меня зовут Лом. Ты понял, Лом!!!

— Да пофиг, — сказал Фольгер, — я все равно забуду. Ты только безымянка, и ничего более.

Глава 5

ИЗНАНКИ МИРА

Перегон до Павелецкой радиальной Ева преодолела быстрым шагом. Значительную часть пути по туннелю она шла в полной темноте, изредка включая электродинамический фонарик. Фонарик был старый, гас каждые пять минут, и девушке приходилось на ходу вертеть тихо жужжащую рукоятку, чтобы его зарядить.

Несколько раз, оставшись без света, Ева замедляла шаг и подумывала вернуться на Новокузнецкую. Как все ужасно вышло. У Фольгера случился приступ. Он надрывно кашлял, отхаркивался кровью, изгибался и тянул руки вверх. А потом потерял сознание. Поначалу девушка очень сильно испугалась. Но, убедившись, что Филя жив, быстро оделась и постаралась незаметно покинуть бандитскую станцию. У входа в туннель возле костра сидели несколько крепышей, но никто из них и не подумал остановить ее. Ева обладала особым даром. Она представляла себя летучей мышью и в наглую шла мимо охраны, быстро произнося про себя: «Меня нет! Меня нет! Меня нет!» Люди, если специально не концентрировали на ней внимание, а травили байки или играли в карты, не замечали девушку. Они смотрели на нее, как на многоножку, семенящую по стене: «Ну, идет себе

какая-то краля, и пускай идет, нам-то что?» Правда, действие дара не отличалось постоянством, и в Рейхе Еву несколько раз задерживали на блокпостах.

Уже возле самой Павелецкой Ева развернулась и прошла с десяток шагов в обратном направлении. Вдруг Филя умер? Или еще хуже: его прирезали отморозки Басмача и скормили людоедам у Мертвого перегона? Но, хорошенько поразмыслив, девушка отказалась от глупой затеи возвращаться на Новокузнецкую. Уже никому ничем не помочь. Да и Басмач после бегства посадит ее на цепь. А может, и не посадит. Может, наградит. Кто знает, что у него на уме? Лучше не рисковать.

«Ты, Филька, сволочь конченая, — а все равно жалко тебя, козла бессердечного», — подумала Ева, перейдя почти на бег.

Павелецкая радиальная встретила путницу гнетущим ледяным сумраком. Ева здесь никогда не была, но много слышала о станции с неисправными гермоворотами, на которую практически каждую ночь наведываются мутировавшие твари. Она взглянула на фосфоресцирующие огоньки наручных часов. Около десяти утра. Стрельбы не слышно. Значит, все монстры спят мирным сном на поверхности, на руинах Москвы.

«И снимся им мы, — подумала девушка, — и урчат у них, бедных, животики, и слюнки текут на бетон, и лапками они дергают во сне, и не понимают, за что в них стреляют, они ведь просто хотят кушать...»

Ева включила фонарик и принялась высматривать лесенку или какие-нибудь ящики, по которым было бы легче взобраться на платформу. Однако в бледно-желтое пятно света попадал лишь не нужный мусор.

— Добрая женщина, а добрая женщина, дай горемыке патрошки на крысиную окрошку.

Ева вздрогнула, повернулась на противный голос и увидела перед собой сидящего на корточках худощавого уродца с бельмом на глазу и гитарой в костлявых руках. Только сейчас девушка осознала, что сбежала с Новокузнецкой безоружной, если не считать перочинного ножика, лежащего в кармане шерстяных брюк.

— У меня нет патронов, — сказала Ева.

— Жалко, жа-а-алко! — заныл оборванец. — А я хотел песенку спеть в благодарность.

— Подожди, — девушка сняла рюкзачок с плеч, порылась в нем и достала консервную банку без этикетки, — держи.

— У-у-у-у! — завыл от восторга мужичонка. — Носок благодарен. Благодарен своей Радости. Он сейчас песенку споет.

«Дура я! Отдала завтрак», — с досадой подумала Ева, а вслух произнесла:

— Не надо ничего петь.

— Почему? — провизжал уродец. — Носок умеет хорошо петь. Вот послушай, добрая женщина...

Мужичонка уже коснулся струн, когда послышался грозный оклик, заставивший девушку содрогнуться:

— Носок, мать твою! Ты опять к людям пристаешь? Сдризнул с моих глаз! Ты ж уже пожрал сегодня. Что тебе еще надо?

Уродец недовольно фыркнул, поднялся с корточек и засеменил в туннель. В лицо Евы ударили свет фонаря. Прищурившись, она разглядела мужской силуэт.

— Ничего себе! — громко сказал мужчина. — Какая красотуля! И одна по туннелям шастает. Тебе не страшно, девица?

Ева оценивающе посмотрела на собеседника и, поняв, что тот ничего плохого ей делать не собирается, а даже, наоборот, с удовольствием готов попасть под обаяние прекрасной незнакомки, сстроила нарочито сердитую мордашку и притворно строго произнесла:

— Ты бы лучше не болтал, а помог даме подняться.

Мужчина удовлетворенно гоготнул и протянул широкую лапищу Еве. Та уцепилась за нее двумя руками и мгновение спустя оказалась на платформе.

— Где таких красивых берут? — спросил мужчина. — Неужто на Новокузнецкой?

— На Новокузнецкой, — ответила Ева, поправив свитер на горле, и, чуть склонив голову на бок, кокетливо улыбнулась.

— У вас там что, массовое помешательство? Одни смертники до Павелецкого вокзала по поверхности драпают. Ты вот по туннелям ходишь, светишь своей красотой, ничего не боишься. А ведь ты слишком красивая, тебе опасно без сопровождения.

«Да, с комплиментами у тебя тugo», — подумала девушка, рассматривая собеседника. Лицо его было изуродовано шрамом, нос скошен набок, а в глазах читалось какое-то веселое отчаянье. Или отчаянное веселье. Трудно сказать. Создавалось впечатление, что этот человек, несмотря на очевидную бесхитростность, смотрит на мир и все понимает, понимает так, как никто другой. И ему от этого становится и смешно, и жутко, потому что все, происходящее в метро и за его пределами, нелепо и в то же время ужасно.

— Так проводи даму до ганзейского поста, чтобы ее никто не тронул.

— Конечно, красотуля, пойдем, — воодушевился мужчина, потом вдруг покраснел и приглушенно произнес: — Меня Серега, ну то есть Сергей зовут.

«Застенчивая машина для убийства, как это мило», — подумала девушка, взяла мужчину под руку и, встав на цыпочки, прошептала ему на ухо:

— А я — Ева.

— Теперь это мое любимое имя, — сказал Серега.

— Оно просто обязано быть твоим любимым, по крайней мере, до ганзейского поста.

Мужчина захотел, и девушка пронзительно засмеялась следом, переполошив бомжеватых обитателей Павелецкой, греющихся возле костра. Только сейчас Ева обратила на них внимание. Господи, как же они были страшны! Без волос, в каких-то нарывах, покрытые струпьями... кости да кожа...

Среди покалеченных радиацией людей девушка заметила ребенка, мальчика лет шести-семи. Он был абсолютно лыс, с непропорционально большой головой, испещренной ранками. Сквозь дырявое грязное рувище проглядывало рахитичное тельце. Ребенок смотрел на костер и улыбался. Неужели он счастлив? Босой, почти голый, еле держащийся на хлипких ножках, он тянул хрупкие ручонки к огню.

Ева непроизвольно поежилась. В двух свитерах, в брюках и поддетьых под них шерстяных колготках она все равно мерзла, а тут этот мальчик, маленький живой скелетик... улыбается. Просто

потому, что лучше любого матерого сталкера знает, что такое блаженное тепло потрескивающего в промозглой тьме костра. И лучше любого сектанта-проповедника ощущает милость Господа, позволяющего протянуть на жалких кроах пищи еще один день. И больше любого ганзейского сибарита любит жизнь, потому что она может покинуть его в любой момент. Мальчик был счастлив потому, что огонь, пылающий в ледяной мгле, хоть немного согревал его маленькие прозрачные ладошки.

Девушка вспомнила, что у нее в рюкзачке осталась еще одна банка тушеники.

«Я сделаю его еще счастливее!» — мелькнуло в голове Евы.

Она подалась вперед, но Серега не отпустил ее руки.

— Не надо, — хрипло сказал он, качая головой, — не обижай панцана. Завтра он не получит того, что ты дала ему сегодня, почувствует, что ему чего-то не хватает, и костер уже не будет его так радовать.

Ева и Серега молча спустились в переход, тускло освещенный немногочисленными лампами.

— Электричество сюда только утром подают, — сказал мужчина, — а ночью здесь черт ногу сломит. А еще тут крысиные бега проводят...

Ева ничего не ответила. Дегенеративный ребенок, греющийся у костра, оставил неприятный отпечаток на душе, а слова Сереги и вовсе будто полоснули ножом по сердцу. Ведь прав он, на все сто процентов прав! Помоги убогому, а завтра он тебя проклянет. За ложные надежды и мучения от того, что не может получить большего — или хотя бы прежней, вчерашней пайки.

«Лучше бы я была той девочкой из ноутбука! Давно бы уже погасла и ничего этого не видела!» — Ева остановилась и, чуть помешкав, сказала:

— Спасибо тебе, Сережа, но дальше я пойду сама, тут уж совсем недалеко.

Мужчина ухмыльнулся, щека со шрамом нервно дернулась. В глазах мелькнуло нечто, похожее на печаль.

— Да все я понимаю... и ты все понимаешь, — сказал он, развернулся и зашагал в сторону своей родной Павелецкой радиальной.

Ева подошла к посту. В переходе было безлюдно, если не считать двух угрюмых пограничников и странной парочки: мужчины среднего возраста и девчонки лет шестнадцати. Они сидели на разорванном ватнике, прислонившись к стене. Ева остановилась и внимательно посмотрела на мужчину. Было в нем что-то необычное, не свойственное жителям подземного мира: точно вовсе он и не из метро, а откуда-то из другой, чужеродной вселенной.

Бот девчонка его. Самая обыкновенная пацанка, приблудившаяся к сталкеру. В камуфляже и теплой куртке. Берцы на ней уже прилично раздолбаны. Сама не такая уж и красавица. Тонкие губы, узкий нос, бледная кожа. Белобрысая. Худощавая. Взгляд только острый и совсем недружелюбный, будто говорит: «Сучка, это мой парень! Что ты на него уставилась? Не смей! Он мой! Мой!!! И никакой больше!»

А он — совсем иной. Нет, с виду вроде бы обычный мужик. Только симпатичней среднего. Волосы темные, почти каштановые. Густые. Мощная шея. Мыщцы прям выпирают из-под теплой одежды. И весь вид его вполне себе сталкерский, но какой-то слишком уж суровый. Бескомпромиссно строгий. Словно вопрошающий каждого: «Кто ты? И зачем здесь?»

И все же не это смущало Еву. Мало ли кого можно встретить в метро? Садисты, извращенцы, барыги, работяги, шлюхи, станционные хабалки, нищие — целый крысиный зверинец, живущий в полутьме, без солнечного света...

...да, в вечном сумраке, без света....

И тут девушку осенило: мужчина был загорелым. У большинства выживших, даже у южан, кожа приобрела бледноватый оттенок, а этот — будто срисован с картинки из какой-нибудь старой книжки.

Мужчина поднял глаза, прожег взглядом Еву и спросил:

— Вы в Ганзу?

— Да, — кивнула Ева.

— Случайно не на Игры?

— На Игры... — Ева сказала это скорее на автомате, нежели осознанно.

— Не хотите нас взять в напарники? Мы сильны и выносливы, можем попробовать победить.

Ева, покидая Новокузнецкую, совсем не озабочилась планом бегства. Она просто в спешке уходила от посланника Рейха. Вот сейчас перед ней — блокпост Ганзы. Филю, может быть, убили или задержали отморозки Басмача, а может, он уже несется по перегону и совсем скоро окажется на Павелецкой. От него ведь не так легко уйти. Прирожденный охотник с феноменальной интуицией. А загорелый незнакомец предложил отличную идею. Участвовать в Играх... Это, конечно, опасно. Но с другой стороны — движение по Кольцевой будет запрещено всем, кроме команд участников. И значит, Филя зависнет на Павелецкой. А с гонок, в конце концов, можно сойти и на половине дистанции. К тому же в кармане лежал чек на тысячу условных патронов, — хватит уплатить залог.

Ева уже хотела согласиться, но напоролась на неприязненный взгляд белобрыской девчонки.

— Извините, я спешу, — немного помедлив, произнесла Ева, а затем направилась к хмурым ганзейским пограничникам.

* * *

Добежав примерно до середины перегона, Фольгер перешел на быстрый шаг, затем на медленный, а потом, выключив фонарик, и вовсе остановился. Согнувшись пополам, он тяжело дышал. Едкий пот заливал глаза и, стекая по щекам и носу, падал крупными каплями. Феликс чувствовал легкое головокружение. А еще ему хотелось лечь на рельсы и заснуть. И плевать на то, что в туннеле температура около нуля, а может, и ниже, плевать, что можно замерзнуть насмерть или очень сильно простудиться. Сейчас бы погрузиться в манящее небытие и навсегда избавиться от мира, полного кошмаров.

Немного отдохнувшись, Фольгер встремился, отгоняя сон, скинул с себя рюкзак, вынул из него на ощупь бутылку со сладкой водой, сделал несколько глотков. Да, если болезнь будет прогрессировать с такой скоростью, то смерть, пожалуй, придет в гости не через два месяца, а через пару недель. Включив фонарь, Феликс

засунул бутылку обратно в рюкзак и, немного порывшись в нем, достал пробирку, наполовину заполненную порошком. Один умник из Полиса продал Фольгеру психостимулятор, помогающий преодолеть усталость и увеличивающий время между припадками. Однако врач честно предупредил, что лекарство со странным названием «Маёк», сделанное из смеси довоенных таблеток и защущенных растений, собранных на поверхности, хоть и дарит облегчение, приближает смерть. Феликс употреблял его несколько раз и только в экстремальных ситуациях, когда необходимо было быстро восстановить силы: после особенно сильных приступов, при встрече с крупными мутантами-хищниками или с кем похуже. С людьми, например.

Немного поразмыслив, Фольгер решил, что бегство Евы пока не форс-мажорное обстоятельство. Поэтому застегнул рюкзак, засунул пробирку во внутренний карман летной куртки и зашагал к Павелецкой. Он шел, ничего не опасаясь и изредка подсвечивая себе путь фонариком. Феликс привык блуждать в темноте, на ощупь, а туннель этот считал неопасным. Бывает, какие-нибудь твари прорываются с поверхности в перегоны, но за ними всегда отправляют поисковые группы. Да и вероятность того, что это случилось именно сегодня, невелика. Все равно жизнь медленно утекает из его тела. Так какая разница — месяцем позже или месяцем раньше?! Единственный вопрос, который он себе задавал, — зачем он куда-то идет. Не легче ли просто лечь на рельсы и умереть?

«Я иду потому, что иду. И плевать на мутантов, людей и себя», — ответил Фольгер, шагая во тьме. Близость смерти заражала азартом и нездоровой веселостью.

Примерно в ста метрах от выхода на станцию до ушей Феликса донесся чуть слышный шорох. Он остановился. Прислушался. Возможно, это был обман ощущений. Такое часто случается в туннелях. Бывает, идешь и слышишь посторонние звуки, и чудится, что на тебя вот-вот кинется какая-нибудь жуткая зверюга. А на самом деле ты один-одинешенек и никому на фиг не нужен. Но ведь бывает и наоборот, шагает бодро караванщик, ничего не подозревает, да и подозревать нечего. Вокруг тьма, тишь да гладь, и только бледное пятно фонаря блуждает по тюбингам. И станция уже со-

всем близко, и думает уставший барыга: вот сейчас он придет, снимет обувь, разложит вонючие отсыревшие носки возле костра и будет наслаждаться горячим грибным чаем с ВДНХ. И тут — грозный рык, блеск налитых кровью глаз, затяжной прыжок, выстрел, не достигший цели. Крик, полный отчаянья и ужаса, адская боль, хруст костей. И все. Нет караванщика. Случайные путники найдут, может быть, обглоданные останки. Это в лучшем случае. А так: очередной неудачник пропал без вести, навсегда сгинул во тьме подземного мира.

Феликс бесшумно извлек пистолет из кобуры, направил его туда, где, как ему казалось, должно находиться живое существо, и, резко нажав на кнопку, включил фонарь.

Луч света полоснул по сгорбленному уродцу, обнимавшему костлявыми руками какой-то грушевидный предмет. Существо, пронзительно взвизгнув, отпрянуло, ударившись головой о тюбинг.

— Кто такой? — Фольгер подошел вплотную к уродцу, поняв, что это один из бомжей Павелецкой, забредший в туннель.

Оборванец был слеп на один глаз, наполовину лыс, невероятно худ; грушевидный предмет в его руках оказался гитарой. Феликс ухмыльнулся: жалкое, мерзкое существо, так похожее на абсолютное большинство жителей метро. Отличие состояло разве что в том, что его внутреннее содержание соответствовало внешнему облику.

— Добрый человек, — взвизгнул уродец, — не свети! И не стреляй! Подай лучше патрошку на крысиную окрошку!

— Могу подать разве что пулю в лоб, — сказал Фольгер, — из гуманности. Чтоб прекратить твои страдания.

— Не-е-е! — существо вытянуло губы трубочкой. — Страдание — это жи-и-изны! Без страдания нет жи-и-изни. Кто живет, тот страда-а-ает. Кто хочет жить, тот должен страдать. Ты ведь тоже страдаешь, потому что живешь. Убивать себя не х-о-о-очешь!

— Да ты прям буддист, вывернутый наизнанку, — засмеялся Фольгер. — Поумней да получше многих ублюдков будешь. Но все равно я тебе ни хрена не подам. Зачем тебе облегчать страдания, ведь без них нет жизни. Я прав?

Уродец обиженно проскулил что-то невнятное, но Феликс не стал его слушать, а спросил:

— Скажи мне, здесь проходила молодая женщина? Симпатичная. Среднего роста. Волосы у нее золотистые. Хотя ты в этих потемках цвет волос не увидишь, но все же: здесь кто-нибудь проходил? Может, час назад, может, полтора, а?

— Даши патрошку на крысиную окрошку, — заморыш плотоядно сверкнул глазом, — скажу-у-у!

— Ах ты, выродок, торговаться решил, — Феликс засмеялся и с силой ткнул уродца в бельмо стволовом пистолетом, отчего тот застонал. — Я тебе подарю лишнее страдание — вот моя награда. Ты ведь любишь жизнь? Я дам тебе возможность прочувствовать и то и другое, ощутить радость бытия через невыносимые муки. Я ведь не убью тебя, я оставлю тебя жить. Жить и страдать, как ты любишь. Итак, сегодня кто-нибудь приходил с Новокузнецкой?

— Не приходил! — пропищал заморыш. — Никого не видел!

— Я переломаю тебе ноги, поползешь до будки, в которой ты живешь, на одних руках. А еще я заберу у тебя вот это, — Фольгер пнул берцем гитару, — это ведь твой любимый предмет? Как тебе такое предложение? Комбинация из душевных и физических пыток.

— Нет! — заверещал заморыш. — Не надо, добрый человек! Проходила!.. Проходила! Консервы мне дала!

— Куда она направилась? — Феликс отвел ствол от лица уродца. — Хотя — можешь не отвечать, на Автозаводскую она не пойдет никогда в жизни. Она уже в Ганзе.

— Да, — глаз заморыша блеснул злобой, — на жирную Павелецкую она пошла.

— На жирную Павелецкую... удачно сказано, — засмеялся Фольгер, засовывая «стечкин» в кобуру. — Что, попрошайка, когда начинается боль, твоя философия тут же заканчивается? Живи и радуйся тому, что я не причинил тебе лишних страданий.

Больше не обращая внимания на ворчливый скулеж несчастного заморыша, Феликс быстрым шагом направился к станции. Несколько минут спустя он уже был на платформе. Ничего здесь не поменялось. Грязно, холодно, тоскливо. Сумрак, дермо и копоть.

У костра греется вонючее отребье. Вдали пылает другой костер, возле которого сидят бойцы. Переход на ганзейскую станцию уже открыт, — его обычно замуровывают на ночь. Что ж... значит, путь свободен.

— Фил, ты, что ли? Какими судьбами?!

Феликс оглянулся. К нему приближался крепкий мужчина. Фольгер узнал Серегу. Того самого Серегу, которому когда-то спас жизнь.

— Привет, майн фройнд, — мужчины обнялись.

— Ты тоже с Новокузнецкой? — спросил Серега.

— Тоже, — сказал Феликс, — а что такое?

— Да оттуда исход просто какой-то. Ни свет ни заря через Павелецкий вокзал какой-то сталкер с девчонкой привалил.

— Прямо через вокзал?

— Да, прикинь, я охренел просто. Как они через всех тварей прошли, представить не могу. Благо, что на рассвете. Сейчас сидят в переходе, в Ганзу попасть мечтают, так кто ж их туда пустит! — Серега усмехнулся, почесав скошенный набок нос. — Я им так и говорю: мол, оставайтесь у нас, вы все равно отмороженные, а тут весело. Так нет, Кремль хотят увидеть, на звезды посмотреть. Совсем дурные!

— Интересно, — сказал Феликс. — А кто еще с Новокузнецкой приходил?

— Да красавица одна, — Серега тяжело вздохнул, — ну такая... такая, что просто не могу. Меня аж грусть за душу взяла. Вот понимаешь... такая вот она.

— Угу, — кивнул Фольгер, — тоже на Ганзу отправилась?

— Да, — подтвердил Серега, — на Ганзу, не на Автозаводскую же ей идти.

— Ладно, — Фольгер улыбнулся, — спасибо, друг, рад был тебя увидеть. Извини, я спешу...

— Погоди, — нахмурился Серега, — ты за ней охотишься, что ли?

— Нет, — Феликс покачал головой, — я ее пытаюсь вернуть домой. Она — родная сестра Вольфа, гауляйтера с Пушкинской. Так что не бойся, ничего с твоей куколкой я не сделаю.

— Да ну?! — удивился Серега. — Не думал, что фашистки могут быть такими красивыми.

— Она не фашистка, — засмеялся Фольгер, — просто обычная разгильдяйка.

— А-а-а, ясненько, — понимающе кивнул Серега. — В русском языке слова многозначны, если у нас человека называют фашистом, жидом или пи...расом, то это вовсе не значит, что он садист, еврей или гомосек...

— Да, так и есть, — Феликс засмеялся еще громче, пожал руку собеседнику. — Ты извини, мне действительно идти надо.

— Погоди, Фил, — Серега неожиданно потупился и, кажется, даже немного покраснел. — Ты из наших кого-нибудь встречал?

— Нет, — Феликс нарочито равнодушно пожал плечами.

— Я вот Деда видел, совсем недавно. Помнишь такого? Военный врач.

— Помню, конечно.

— Представляешь, — Серега усмехнулся, и взгляд его устремился куда-то сквозь собеседника, — решил накопить патронов и принять участие в Играх. Говорит — если одержу победу, смогу целый год бесплатно лечить людей на станциях вроде Павлецкой. За счет бесплатной аренды на Ганзе. Совсем не изменился, старый черт.

— Да, — кивнул Феликс. — Извини, мне нужно идти.

— Погоди, — Серега схватил Феликса за руку. — Я понимаю, нас сильно в свое время обидели, но это не повод работать с нациками. Вроде и человек ты неплохой. Если бы не ты, я бы давно уже...

— Я знаю, что ты давно бы уже, — перебил Серегу Феликс, — но это — слишком долгий разговор. Ты извини, мне на самом деле нужно бежать...

Фольгер спешно спустился по лестнице и, не оглядываясь, зашагал по переходу в сторону ганзейского поста. Он не любил, когда ему задавали подобные вопросы. Слишком много неприятных воспоминаний навевали они. Слишком много зла и боли он видел, чтобы заново прокручивать свое прошлое.

Переход был пуст. Оно и неудивительно. Все бомжи повылазили греться у костров, а крысиные бега, привлекавшие великое

множество зевак, сегодня не проводились. Из-за Игр. Возле поста Феликс увидел сидевших на рваном ватнике мужчину и белобрысую девчонку.

«Те самые, спустившиеся с Павелецкого вокзала», — решил Фольгер.

Первое, что ему бросилось в глаза — это отсутствие бледности на лице мужчины, будто он жил на поверхности, а не в метро, и разгуливал без противогаза, дышал свежим радиоактивным воздухом. Да и девчонка совсем не походила на новокузнецких потаскуншек или бандиток Треугольника. Угловатая, напряженная, явно ощущающая себя не в своей тарелке. От нее тоже веяло чем-то инородным, неметрошным. Феликсу подумалось, что они — пришлые и подземка для них — вовсе не дом родной, а чужой и враждебный склеп. Но он тут же отогнал мысль как совершенно невероятную. Просто у незнакомца такой метаболизм, а девчонка... что девчонка? В подземельях взрослеют быстро, и кто знает, какие ужасы она пережила за свои пятнадцать или шестнадцать лет.

Мужчина, сидящий на ватнике, бросил строгий проницательный взгляд на Фольгера.

— Вы на Игры? — спросил он.

— Нет, — ответил Феликс.

— Жаль, — сказал мужчина, опустил глаза и принялся изучать собственные сапоги.

Разговор прервался, и Фольгер, достав паспорт из внутреннего кармана, направился к ганзейским пограничникам.

* * *

Глаза Евы давно уже привыкли к яркому свету Павелецкой кольцевой, но впечатление от резкого контраста между двумя станциями-тезками никуда не исчезло. Все здесь было по-другому. Красочно, чисто, уютно, да еще и многолюдно из-за грядущих Игр. Ева бывала на этой станции проездом и помнила, что на платформе раньше стояли рабочие столы с деталями, и люди в спецовках что-то там мастерили. Но столы, видимо, временно убрали, чтобы многочисленным гостям было где развернуться. Остался только

большой штандарт с застывшими возле него солдатами почетного караула и застекленный столик с книжками. Ева никогда не понимала этого фетишизма. Лежат под стеклом в Ганзе Адам Смит и Дейл Карнеги, на Красной Линии читят «Капитал» Маркса и томики Ленина, в Рейхе буквально молятся на «Майн Кампф». Девятнадцать поклонников из двадцати любого из этих талмудов понятия не имеют, что там написано, но готовы за них порвать любого несогласного. Не читал, но одобряю... или не одобряю... но в любом случае не читал.

Еще Ева увидела небольшую трибуну, сколоченную из тщательно обтесанных досок и выкрашенную в приятный глазу голубой цвет. Очевидно, ее сделали для важных ганзейских шишек. Пока что трибуна была полупуста, но наверняка ближе к началу состязаний на ней не окажется ни одного свободного места. Возле трибуны стояли две тумбочки: одна — для регистрации участников соревнований, другая — для тех, кто хотел сделать ставки. Между зеваками тут и там мелькали торгаши с лотками на плечах, предлагая воду, маленькие кусочки свинины, жареные грибы и еще какую-то снедь.

Желая узнать, кто зарегистрировался на данный момент, Ева подошла к тумбочкам.

— Сколько команд? — спросила она.

Худолицый, изрядно поседевший чиновник в сером джемпере посмотрел поверх очков на девушку. Вид у него был вполне располагающий, но очень уж усталый. Возможно, ему просто надоело давать одни и те же ответы, и потому, чтобы предупредить лишние расспросы, он сразу выдал всю информацию.

— Мало, — сказал он, — в этом году меньше, чем раньше. Пока что — пять команд: от Ганзы, Красной Линии, Полиса, Конфедерации 1905 года и Бауманского альянса. Арбатская Конфедерация, Содружество ВДНХ и Четвертый Рейх своих участников не прислали. С ВДНХ-то все ясно, они еще от вторжения черных мутантов не отошли, Рейх отказывается по политическим причинам, а вот почему арбатцы не захотели — не знаю. Опять из-за каких-нибудь мелочных склок. Зато Бауманский альянс впервые участвует. А вот анархистам запретили совать нос на территорию Кольцевой

линии. Да и вообще команд от вольных сталкеров можете не ждать. Залог повысили в полтора раза. Вы удовлетворены моим ответом?

Ева хотела уточнить насчет залога, но к тумбочке подошел седобородый сталкер. Он добродушно покосился на девушку и спросил:

— Леди, вы закончили? А то нам нужно зарегистрироваться.

Скорее по привычке, нежели специально, Ева кокетливо улыбнулась и шагнула в сторону. За седобородым стояли еще двое: молодой высокий парень лет восемнадцати и хмурый черноусый мужчина.

«А вот и вольные сталкеры», — догадалась Ева и повернулась к другой тумбочке, за которой сидел букмекер, одетый, как и чиновник, занимающийся регистрацией, в серый джемпер.

— Хотите сделать ставку? — букмекер уткнувшись улыбнулся, прошибая платком вспотевшую лысину.

Ева пожала плечами.

— Ставьте, милочка, на Граба, не прогадаете, — донесся до нее надменный певучий голос. — Конечно, выигрыш будет небольшой, ведь это фаворит, но зато ваши патроны не будут потрачены впустую.

Ева подняла глаза и увидела ухоженную женщину с толстощеким ребенком на коленях, сидящую на трибуне в нижнем ряду. Одета дама была просто шикарно. Почти как на старых журнальных картинках. На ней было бледно-розовое вечернее платье с полупрозрачными длинными рукавами. Расшитое изящными рюшками и стразами-зеркальцами, оно блестело, отражая яркий электрический свет ламп. На шее красовалось элегантное золотое колье, усыпанное настоящими бриллиантами. А еще рядом с дамой стоял холеный телохранитель с висящим на плече короткоствольным автоматом. Ева невольно почувствовала укол зависти.

«Сучка! — подумала она. — Выпендрежница чертова, и не холодно тебе!»

Впрочем, на Павелецкой кольцевой действительно было тепло, по крайней мере, если сравнивать с Новокузнецкой и уж тем более с Павелецкой радиальной. Сдержавшись, Ева спросила:

— А кто такой Граб?

— Как? — дама театрально подняла брови. — Вы не знаете Алексея Грабова? Он дважды чемпион Ганзейских игр. И уж поверьте моему опыту, милочка, победит и в третий раз.

— Да, краем уха слышала, — задумчиво сказала Ева.

Ей вдруг пришло в голову, что любой предмет и каждый человек, живущий в метро, имеет свой антипод, противоположность. Вот есть Павелецкая кольцевая: светлая, богатая, сытая, теплая. А есть Павелецкая радиальная: сумрачная, нищая, вечно голодная, ледяная. И обе эти станции составляют одно целое, единый мир, у них даже названия одинаковые. Но в то же время они очень разные, они — изнанки друг друга. И друг без друга существовать не могут. Вот толстощекий ребенок на руках гламурной мамаши — изнанка того рахитичного малыша, который греет прозрачные ладошки у костра. Ведь чтобы одному хватало пищи с избытком, другой должен недоедать. И пресыщенности одних без голода других не бывает. А вот этот холеный охранник с лощеной мордой — изнанка Сережи с изуродованным лицом. Кто-то ж должен быть на передовой, отстреливать мутантов, чтобы они не проникли в метро и чтобы такой вот тип стоял здесь с самодовольной рожей и не имел никаких забот, кроме как вовремя лечь спать, потому что женщине с ухоженным телом, которое он охраняет, приятно лицезреть выспавшуюся физиономию без синяков под глазами.

«А я, наверное, твоя изнанка, — подумала Ева. — Я хоть и сестра гауляйтера, а все равно не такая. Я видела много грязи, а что видела ты, курица с колье?»

— Краем уха слышали об Алексее Грабове, — снисходительно произнесла дама. — Подумать только, о самом Алексее Грабове просто что-то слышали. Вы, милочка, случайно, не с периферии?

Ева не знала, что ответить; ей вообще не хотелось общаться с этой напыщенной дурой. Ну о чем можно говорить с собственной изнанкой? Ведь точек соприкосновения как бы и нет. Полные противоположности. Где у одной — черное, у другой — белое, и наоборот.

Ева прокручивала варианты, как бы быстрее избавиться от назойливой дамы, но удобный случай подвернулся сам. Трое стalkerов, собиравшихся участвовать в Играх, о чем-то напряженно

перешептывались. Вдруг черноусый выпучил глаза, подскочил к тумбочке и, ударив по ней волосатой лапой, заорал:

— Что за дермо!!! В прошлом году взнос был триста маслят! А теперь — четыреста пятьдесят! — черноусый снова ударил ладонью по тумбочке. — Мы целый год копили, и что теперь делать?! Все впустую!!!

— Молодой человек, — чиновник, усталый, но невозмутимый, посмотрел поверх очков на бунтаря, — если вы сейчас же не прекратите, охране придется удалить вас с территории Содружества Кольцевых Станций. И поверьте, в течение двух лет вы не сможете попасть сюда даже транзитом.

— Но как это! — прохрипел черноусый. — Четыреста пятьдесят, целых четыреста пятьдесят...

— Вил, погоди, не горячись, — попытался успокоить напарника седобородый сталкер.

— Что значит — не горячись?! — скрючив пальцы, черноусый потряс руками. — Ты сам подумай, Дед, нам не хватает ста маслят. Сто маслят! А если бы хватало, чем бы мы волыны заряжали? Дерьмом?

— Молодой человек, — чиновник перешел на повышенные тона, — закон есть закон, а правила есть правила, не я их составлял.

— Да пошел ты на хер со своими правилами, гнида канцелярская! — черноусый схватил рюкзак и, бесцеремонно расталкивая прохожих, направился к выходу.

— Вил, погоди! — крикнул вдогонку седобородый.

— И ты, Дед, тоже иди на хер! Срал я на ваши Игры! Во всем себе отказывал, какого, спрашивается...

— Ну вот, — констатировал парень, — теперь нам не хватает двухсот патронов. Про Игры можно забыть.

— Вы только подумайте, — перешла на громкий шепот дама в вечернем платье, — не хватает им патронов. А что ж вы хотите, с голым задом да на ганзейскую халеву...

— Извините, — сказала Ева и, не дослушав болтовню дамы, направилась к сталкерам.

Девушка поздоровалась с парнем и седобородым мужчиной по прозвищу Дед, представилась и попросила их отойти на пару слов.

Они спрыгнули с платформы и зашли за вагоны, оборудованные под гостиницу и общежитие для рабочих.

— Что вы хотели, милая леди? — спросил пожилой сталкер.

Глаза у него были ярко-голубые и будто излучали свет. И вообще от него веяло неправдоподобной безмятежностью и силой, каким-то незыблемым спокойствием. Дед чем-то напомнил Еве папу, хотя внешне они были совсем не похожи.

— Я хочу предложить вам сделку, — сказала Ева и неожиданно для самой себя смутилась. — У меня есть упы, а у вас не хватает патронов. Я хочу стать членом вашей команды.

* * *

Щурясь, Фольгер напряженно озирался по сторонам. После полуторы перехода на Павелецкой кольцевой было непривычно светло. Он отлично понимал, что среди такой толпы найти Еву будет весьма трудно. Кто знает, может, она уже покинула станцию? Движение по переходам пока еще не было запрещено, и чисто теоретически она могла рвануть на Добрынинскую. До нее ближе всего; а далее через Полянку можно уйти в Полис. Однако Феликс не стал спешить с выводами. В конце концов, ни одного живого человека нельзя просчитать на все сто процентов, а уж тем более — взбалмошную сестру гауляйтера.

Немного подумав, Фольгер направился к трибуне. Здесь уже собрался весь цвет общества, бомонд южных станций Ганзы. Пустых мест практически не осталось. Зато вокруг стоял целый взвод автоматчиков. Боятся, мерзавцы. Все оружие, как огнестрельное, так и холодное, у Феликса забрали на выходе, дав расписку.

Возле трибуны стояли две тумбочки. К одной из них и подошел Фольгер.

— Я могу посмотреть список участников? — спросил он.

Чиновник в сером джемпере бросил недовольный взгляд поверх очков на Феликса и нехотя ответил:

— Нет. Вы можете лишь ознакомиться со списком команд. К поименному списку имеют доступ только участники.

Покосившись на автоматчиков, Фольгер тут же сообразил, что спорить с ганзейским бюрократом — дело бесполезное, а потому, вежливо улыбнувшись, вытащил из внутреннего кармана летной куртки вчетверо сложенный листок и положил его на тумбочку.

— Что это? — чиновник устало поморщился.

— Это, — Феликс раскрыл листок, — официальное уведомление. Я являюсь капитаном команды Четвертого Рейха и собираюсь принять участие в Играх. Пожалуйста, здесь подпись и личная печать гауляйтера Вольфа. А теперь, будьте так любезны, дайте мне список участников.

Брови чиновника медленно поползли вверх, он схватил листок и принялся внимательно читать.

— Похоже на настоящий документ, — сказал он спустя пару минут, — и подпись Вольфа я знаю. Как будто его. Но ведь Рейх не принимает участия в соревнованиях по политическим мотивам.

— Времена меняются, — Фольгер развел руками, — меняется и политика.

— А паспорт у вас имеется?

— Конечно, — рука Феликса нырнула за пазуху, — вот, возьмите: я — Феликс Фольгер, гражданин Четвертого Рейха. Теперь я могу ознакомиться со списком участников?

Чиновник тяжело вздохнул, будто его заставили тягать мешки с цементом, и извлек из папки пожелтевший лист бумаги, испещренный аккуратным мелким почерком. Феликс пробежался взгядом по написанному и быстро нашел нужную колонку:

Команда вольных стакеров «Дед и компания»:

- 1) Нилин Андрей Андреевич
- 2) Рожков Кирилл Николаевич
- 3) Волкова Ева Владимировна.

«Вот ты, майне гёттин, и нашлась опять», — Фольгер удовлетворенно ухмыльнулся. Однако что-то не давало ему покоя. Он снова прочитал фамилии участников. Затем еще раз... И еще. И тут до него дошло: Андрей Нилин — это тот самый Дед, военврач. Серега ведь говорил, что он собирается участвовать в Играх. И тот

факт, что Ева оказалась в одной с ним команде, был Феликсу неприятен. Очень уж не хотелось пересекаться с бывшими собратьями по оружию. Но тут ничего, как говорится, не поделаешь...

— Где ваши напарники? — спросил чиновник. — Они тоже должны зарегистрироваться.

— Они скоро подойдут, — Фольгер понял, как он поступит.

— Учтите, до конца регистрации осталось чуть больше часа.

— Я успею, — Феликс быстрым шагом, протискиваясь сквозь толпу зевак, направился к переходу на Павелецкую радиальную.

Теперь волей-неволей Фольгеру придется участвовать в Играх, чтобы не упустить Еву. И те двое, мужчина и белобрысая девчонка, сидящие возле ганзейского поста, вполне могли стать напарниками в нелегкой борьбе за первое место.

ГЛАВА 6

СЛЕПЦЫ

Он был безымянкой в самом прямом смысле. Он не помнил своего имени и отзывался только на кличку Носок. Он был слеп на один глаз, но все остальные органы чувств работали безукоризненно. И еще его иногда посещали видения. И потому он, хоть и казался жалким полудохлым уродцем, таковым себя не считал. Все эти генсеки, председатели, президенты, фюнеры — лишь слепые щенки, которым не дано познать истину. А у Носка был целый зрячий глаз — и это великий дар. Он видел им многое, слишком многое.

Часто на границе сна и бодрствования он воспарял над сожженной радиацией Москвой, с любопытством и нескрываемым торжеством осматривал мертвые здания, иногда следил за копошащимися на теле погибшего города мутантами. Они были похожи на насекомых и червей, пожирающих гигантский труп. Когда-нибудь они доедят мертвечину, и что останется? Носка это совсем не интересовало, он быстро забывал о ничтожных зверюшках и взлетал еще выше, пробивал густой серый слой облаков и обращал свой единственный глаз к небесному своду, усеянному тысячами холодных огоньков. Небо было бездонно и безжизненно, ибо оживить его мог лишь человеческий взор, а

люди давным-давно попрятались в сырых и душных подземельях.

Надышавшись ледяным светом колючих звезд, Носок нырял обратно сквозь вязкие тучи, сквозь руины города, сквозь суетливый муравейник метро в зловещую тьму, в бездонные недра катакомб, где обитал черный бесформенный спрут, жуткая алчная биомасса. Вот кто настоящий владыка сознаний. Вечно голодный, всемогущий и безжалостный пожиратель людских душ. Он питался страданием, а за это позволял протянуть еще один годик жалким остаткам человечества. Жизнь в обмен на страдания. Без страданий нет жизни. Замкнутый круг. Симбиоз, без которого нет бытия.

И Носок в благоговении представлял перед темным Повелителем и дрожащими губами шептал слова благодарности за то, что среди слепцов с двумя глазами тот позволил ему быть зрячим хотя бы на один. Ведь если бы зрачок не заплыл бельмом, Всемогущий давно бы умертвил заморыша, наслал бы на него каких-нибудь отморозков, которые вместо подаяния полоснули бы острым ножом по тонкой шее. И Повелитель был бы абсолютно прав. Он может простить многое, но только не дерзость. Никто не смеет взирать на Владыку, не будучи ослеплен и пожран. Никто, кроме Носка, познавшего Радость созерцания великого Демиурга тьмы.

И вот в мир метро явился некто. Тот, кто был зряч на оба глаза, тот, кто жаждал увидеть нутро Всемогущего. Но и этого бунтарю было мало. Он вдруг решил, что способен разорвать круг между жизнью и страданием. Глупец! Ты поплатишься за свое своеволие!

В подземельях всегда были избранные. Одного такого Носок даже знал: человек, называющий себя Ханом, верящий в то, что стал реинкарнацией Чингисхана. Но даже он, ощущающий потаенное, жил по законам подземного мира и не думал их нарушать. Ведь перевоплощения души — это та же игра по правилам, вечная игра, где человек появляется в муках рождения, живет, терзаясь, и умирает в страхе... чтобы потом родиться вновь.

Многие силы уже обратили внимание на бунтаря, и Носок видел свою задачу в том, чтобы помочь им вовлечь пришлого свое-

вольца в жизнь подземного мира, заставить его служить Владыке хотя бы неосознанно... или умертвить строптивца.

Скорчившись, обняв гитару, Носок сидел в глубине туннеля, где-то посередине между Павелецкой и Новокузнецкой. Он слышал отдаленные шаги и знал, кто к нему приближается. Уродец всегда угадывал людей. Совсем недавно, не заметив его, мимо прошли три бандита с Треугольника, которые хотели поучаствовать в Играх. Они были насильниками и убийцами. Добрые слепые люди, одним словом. Ведь они, страдая сами и причиняя страдания другим, кормили Владыку, не давали разорваться кругу жизни.

А сейчас по туннелю шел другой человек. Он никогда не представлялся, но повадки незнакомца подсказывали заморышу, что это законспирированный брамин из Полиса. Тот, на которого Носок работал осведомителем. Работал с большим удовольствием. Ведь у обоих была одна цель — служить Всемогущему. Вот только Носок знал об этом, а брамин — нет. Но какая разница, коль Хозяин один? И уродец терпеливо ждал в строго определенном месте.

Спустя две минуты в лицо заморыша ударил нестерпимо яркий свет фонаря. Жалобно заскулив, Носок зажмурил глаз, и, подняв руку, пропищал:

- Не слепи, добрый человек!
- Здравствуй, хариджан, — голос брамина был размежен и леденящим спокоен.
- Здравствуй, добрый человек, не слепи, пожалуйста, не слепи...
- Скажи мне, что слышал ты о тех, кто спустился сегодня в метро через Павелецкий вокзал?
- Носок хорошо ви-и-идит, хоть и одним глазом, Носок все слы-ы-ышал, хоть и далеко-о-о был... не слепи, добрый человек, не слепи...
- Хорошо, — брамин убрал фонарь, — скажи мне, что видел ты и что слышал. Как зовут тех, кто спустился?
- Не знаю, добрый человек, не зна-а-аю...
- Что же тебе известно в таком случае?

— Они без противогазов спустились, — Носок принялся тереть здоровый глаз.

— Хариджан, не испытывай мое терпение, это я знаю и без тебя, — голос брамина был столь же спокоен, как и прежде, но Носок почувствовал угрозу.

— Еще, — проворещал заморыш, — они хотят увидеть звезды. Девчушка хорошая, а хахаль ее плохо-о-ой. Это он звезды хочет увидеть.

— Это уже интересно, — сказал брамин. — И зачем?

— Он не человек, — Носок вдруг перешел на шепот, широко раскрыв глаза, — он призрак. Призрак судьбы. Он плохой, хочет от страдания метро избавить, а если избавит от страдания, то избавит от жизни, весь мир наш разрушит...

— Мне не нужны твои выводы, — небрежно оборвал уродца брамин, — мне нужна информация в чистом виде. Куда они направились?

— На жирную Павелецкую, — обиженно проворчал Носок, — они в Играх собирались участвовать. Носок слы-ы-ышал. Носок все слы-ы-ышал, хоть и далеко-о-о от них был...

— По существу, хариджан, говори по существу, не задерживай меня.

— Они собирались в Полис, а из Полиса хотят выбраться на поверхность и идти смотреть на звезды. Их нужно переманить или убить, они...

— Это не тебе решать, неприкасаемый, — брамин извлек из кармана горсть патронов и швырнул ее к ногам оборванца. — Возьми, ты заслужил.

— Спасибо тебе, Радость моя, спасибо!..

Носок, держа в одной руке гитару, другой принялся собирать патроны, но благодарил он вовсе не брамина, а темного Повелителя, бесформенного спрута из подземных недр, который щедрой рукой агента Полиса наградил покорного раба своего за труды. И пусть надменный брамин называет его хариджаном, неприкасаемым, — это неважно, ибо он такой же слуга Всевышнего, как и Носок, только не подозревает об этом.

— Значит, это у нас Рихард Хайм, гражданин Четвертого Рейха? — чиновник в сером джемпере внимательно посмотрел на Кухулина, затем перевел взгляд на Ленору. — А это Агнесса Айферзухт, прописанная на Чеховской?

— Да, мои старые добрые партайгеноссен, — невозмутимо произнес Фольгер, — члены моей команды.

Кухулин и Ленора выбрали из десятка паспортов, которые Феликс извлек из своего рюкзака, наиболее подходящие под их описания. Тридцать патронов помогли ганзейским пограничникам закрыть глаза на некоторые несоответствия в документах и выдать визу на время Игр. Но с типом, который ведал регистрацией участников, договориться не получалось, слишком уж многолюдно было на платформе Павелецкой кольцевой.

— А почему нет фотографий? — спросил чиновник.

— Знаете ли, — Феликс вежливо улыбнулся, — в последние двадцать лет наблюдается некоторый дефицит фотопленки. Причины вам объяснить?

— Нет, не надо, — не оценив сарказм Фольгера, чиновник поморщился, — здесь написано, что Рихард Хайм имеет рост сто восемьдесят два сантиметра. Но я на глаз вижу, что рост молодого человека составляет минимум метр девяносто.

— Это только кажется, — Феликс подошел к тумбочке и ткнул пальцем в документ, — видите, тут затерто и нечетко все, потому создается впечатление, что написано сто восемьдесят два, а на самом деле сто девяносто два.

— Допустим, — нехотя согласился чиновник. — Давайте перейдем к так называемой Агнессе Айферзухт. Она у нас, согласно описанию, русоволосая. Но передо мной стоит блондинка, я бы даже сказал, юная девушка с седыми волосами.

— Это из-за отсутствия света. Цвет поменялся из-за резкого снижения пигментации, — Феликс равнодушно пожал плечами, — такое бывает. Была русая, стала седая.

Кухулин осмотрелся. С трибуны для почетных гостей с любопытством наблюдали за препиранием сталкера с бюрократом. Да и

вокруг тумбочек уже собралась толпа, из которой слышались одобрительные смешки, когда Фольгер в очередной раз находил, что ответить ганзейскому буквоеду.

— И ей двадцать восемь лет, — чиновник с укором посмотрел поверх очков на Феликса, — да вашей Агнессе не больше шестнадцати... ну, восемнадцать от силы.

— Перестаньте делать комплименты моей напарнице! — строго сказал Феликс. — Я понимаю, понравилась вам женщина, решили приударить за ней, возраст снизили, но давайте вы эти ваши адюльтеры будете разводить после Игр, если вы, конечно, докажете, что являетесь чистокровным арийцем. Если сможете доказать — даю вам гарантию, гауляйтер Вольф вас лично обвенчает.

Позади Кухулина кто-то громогласно захохотал, а следом зачмаялась вся толпа, и даже чопорные гости, сидящие на трибуне, заулыбались. И только дама в вечернем платье с толстощеким ребенком на коленях неодобрительно покачала головой.

— Господин Фольгер, — с резкими интонациями произнес чиновник, — вы думаете, что сейчас издеваетесь надо мной? Нет, вы глумитесь над Содружеством Станций Кольцевой линии в моем лице и рискуете получить полугодичный запрет на посещение территории Содружества. Даже транзитом.

— Ни в коей мере я ни над кем не издеваюсь, — возразил Феликс, — я просто констатирую факты. И если вы откажете в регистрации команде из Четвертого Рейха, то это будет верным признаком преследования инакомыслящих по политическим мотивам. Где ж знаменитая ганзейская свобода?

Чиновник открыл рот, чтобы еще раз осадить зарвавшегося стalkerа, но неожиданно взгляд его устремился куда-то вперед, он резко поднялся из-за тумбочки и вытянулся по струнке. Кухулин обернулся посмотреть, куда глазел бюрократ. К трибуне в сопровождении двух автоматчиков направлялся грузный, наголо обритый стариk в очках и в красивом черном костюме с галстуком. Кухулин сразу догадался, что это какая-то весьма важная шишка как минимум местного значения. И словно в подтверждение его мыслей из толпы выскочила худощавая женщина в синей кофте, клетчатом шерстяном платье, с платком на голове. Было ей, наверное, лет пятьдесят.

— Господин начальник станции! — прокричала она, наткнувшись грудью на жесткую ладонь телохранителя. — Сын мой, Оле-женька... милосердия прошу, господин начальник станции...

Старик остановился и, лениво повернув голову, недобро посмотрел на просительницу.

— Сколько раз вам говорить, — хрюплю произнес он, — здесь территория закона. А сын ваш украл сто граммов грибного чая, и не какого-то, а привезенного с ВДНХ, за что и получил год исправительных работ. Повыгребает нечистоты — прибавится ума. В других государствах метрополитена его давно бы уже к стенке поставили, так что радуйтесь и оставьте меня наконец в покое, пока не вылетели с Кольцевой линии за действия, направленные на подрыв авторитета власти.

— Но, господин начальник станции... — жалобно, но уже без всякой надежды проговорила женщина.

— Я все сказал! — грубо рявкнул старик и продолжил свой путь к трибуне.

Дородный телохранитель небрежно впихнул худощавую просительницу в толпу, отчего та, охнув, чуть не повалилась навзничь.

Старик остановился возле тумбочки, поправил очки и осведомился:

— Что-то не так?

— Господин начальник станции, — прокашлявшись, заговорил чиновник, — тут у нас проблема. Заявку на участие в Играх подала команда Четвертого Рейха. Однако в паспортах двоих из них имеются несоответствия...

— Рейх решил поучаствовать? — удивился старик. — Впервые за четыре года?

— Да, — кивнул чиновник, — но тут проблемы с документами...

— Зарегистрируйте их, — перебил подчиненного начальник станции. — Когда еще такое случится? Раз уж из Рейха к нам прибыли — значит, интересные получатся бега. Получше крысиных.

— То есть на несоответствия можно закрыть...

— Я все сказал!

Кухулин умел извлекать информацию из самых разнообразных источников и делать соответствующие выводы. Взгляд его

бродил по стенам с надписями и агитационными плакатами, уши ловили случайные обрывки фраз, нос вбирал почти неразличимые запахи. Так из лоскутков складывалась цельная картина нового, неизведанного подземного мира метро. Каждый мир издавал свои звуки, имел свой цвет и запах, свою душу. Но он никогда не был однороден, как смарагд с равномерно распределенным, насыщенным цветом.

Сейчас Кухулин находился в Ганзе, и у Ганзы была своя аура, а какие-нибудь Красная Линия или Полис, безусловно, имели другие особенности, свойственные только им запахи и оттенки. Но было между всеми этими фракциями и нечто общее. Кухулин видел нищую радиальную Павелецкую; теперь перед его взором предстала богатая и немного надменная тезка. Вроде совершенно разное, но все же — одно. От всех жителей метро пахло... пахло...

«Сумрачной слепотой! — вдруг пришла неожиданная мысль. — Да, именно сумрачная и именно слепота».

Действительно, ослепление бывает разным. Когда волею случая Кухулин оказался в Десяти Деревнях и, взяв на себя роль святого избавителя, поднял знамя революции против тирана, люди слепо шли за ним. Но они были ослеплены ярким светом мечты, пускай кровавым и беспощадным, но все же осознанным желанием очистить свой мир от скверны несправедливости и угнетения. А здесь... сплошной сумрак. Люди недалеки и незрячи, как и везде, но здесь подавляющее большинство даже не пытается хотя бы на ощупь вырваться из подземных лабиринтов безнадежности. Будто за пределами метро и нет никого и ничего, будто вся вселенная скжаслась до пределов десятков станционных лежбищ и туннельных норок, соединяющих их.

Так что прав начальник станции, сравнивая крысиные бега с человеческими Играми. Он ведь большой любитель подобных забав, этот лысый старик. Кухулин видел насквозь надменного павелецкого босса, к тому же умел составлять представление о людях из обрывков фраз случайных прохожих, — а они только и болтали о том, что начальник — великий знаток беговых грузунов... а значит, и людей, разменявших свое зрение на погоню за выгодой.

Когда, наконец, окончились все бюрократические процедуры, вооруженный автоматом охранник препроводил Фольгера со спутниками к вагону метро, разделенному на несколько гостиничных номеров.

— До начала жеребьевки желательно не общаться с другими участниками, — сообщил он. — Все ваше оружие вам выдадут на старте согласно расписке.

Гостиничный номер представлял собой небольшую клетушку с маленьkim топчаном, на котором не каждый мужчина сможет вытянуться в полный рост.

— Что ж, — Фольгер уселся на топчан, — до начала соревнований еще несколько часов. Полагаю, вы сдержите свое обещание и поможете мне поймать девушку. А я останусь верен своему слову, покажу кремлевские звезды. Уж не знаю, зачем это вам, но я помогу, самому интересно.

Кухулин молча кивнул и вместе с Ленорой сел на топчан рядом с Феликсом. Последние годы он всегда был уверен в себе. Редкие сомнения не могли пошатнуть его веру в правильность пути. Он шел в Москву, в сердце некогда великой страны.

Учитель говорил, что — в каждой столице живет потаенная сила, которая поддерживает власть и равновесие на закрепленных за ней территориях. Кухулин, хоть и был тогда двенадцатилетним пацаненком, понимал, что слова Учителя — лишь аллегория. Но когда все в момент изменилось, когда молниеносная война низвергла в хаос планету, в голове Кухулина засела навязчивая идея, что, возможно, в столицах в самом деле живет нечто, способное восстановить порядок на землях, раздираемых насилием. Кто знает — вдруг именно Москва станет центром возрождения, местом, откуда начнет распространяться новая сила, более светлая и справедливая, чем та, что была до катастрофы.

Наверное, так думать простительно подростку, но не взрослому мужчине. Пожалуй, Кухулин никогда не отважился бы десять лет назад покинуть безопасный специнтернатовский бункер, если бы не уничтожил всех своих собратьев по эксперименту. Тогда, сжигая мосты, он и подался на запад, решился идти в Москву. И ни один мутант не смел его тронуть, и радиация ему была не страшна.

Лишил только люди не подчинялись его воле, и только с людьми приходилось конфликтовать.

Когда долго идешь к цели, пускай на первый взгляд совершен-но невероятной и даже абсурдной, начинаешь искренне верить в то, что это не зря. Пройдя большую часть пути, невозможно при-знать все свои труды напрасными. И порой чем ближе окончание стези, тем неуверенней себя чувствуешь. Уже на подступах к сто-лице Кухулин лишился своей невероятной внутренней силы, с по-мощью которой мог подчинить любую живую тварь. И поневоле начинал задаваться вопросом: «Ну вот дойду я, и что дальше? Да-льше-то что?..»

— Да-льше... покорись... и покори...

Кухулин, непроизвольно напрягшись, осмотрелся. Он стоял на широкой площади, и кругом царила ночь. Чуть поодаль Кухулин увидел стену и распахнутые настежь ворота, закрытые матовой за-весой из незнакомого материала, сквозь который проникал пур-пурный свет.

— Покорись... и покори... — вновь раздался леденящий шепот; завеса на воротах подергивалась в такт тихому голосу.

Кухулин не чувствовал страха, но откуда-то из глубины души поднималась жуткая муть, и сопротивляться ее наступлению было практически невозможно. Он стоял застывшим истуканом, не в силах двинуться.

— Хочешь... увидеть? — прошептало Нечто.

Кухулин попробовал ответить, но из горла вырвался лишь на-тужный хрип. Тогда он кивнул, и этот кивок стоил ему невероят-ных усилий.

— Не надо... так... помогу... — сказало Нечто.

Кухулин был обездвижен, на него давил тяжелый, гнетущий ужас. Этот обволакивающий темный страх не принадлежал Куху-лину, но пытался проникнуть внутрь, стать его частью, пытался заставить поверить, что он и есть Кухулин.

— Не противься... — послышался шепот, — будет легко... не противься... будет хорошо...

«Врешь! — подумал Кухулин и удивился, как легко текут мыс-ли. — Хочешь ослепить меня! Ть мой ослепить!»

— Впусти... — шепот ледяной желеобразной массой вползал в уши, давил на перепонки, грозил пробить их и с немилосердным напором ударить в мозг. — Впусти... впусти... впусти... или умри...

Кухулин чувствовал, что теряет силы, что больше не может сопротивляться чему-то беспощадному, прячущемуся за освещенной пурпуром завесой.

— Впусти... впусти... впусти... или умри...

Кухулин попытался шагнуть навстречу завесе... но нет, он не мог пошевелить даже мизинцем, не то что двинуть ногой. Он понимал, что не волен в своих поступках и способен лишь осуществить выбор, который дало ему Нечто. И тогда Кухулин напряг остатки сил и закричал:

— Умру! Я умру! Слышишь, я умру!!!

Тьма взревела в ответ, завеса на воротах затрепетала, будто на ураганном ветру, а свет стал нестерпимым, ярко-красным. А затем...

Кухулин почувствовал, как кто-то ударил его по щеке, потом еще раз — по другой. И вдруг вместо стены с кроваво-красной завесой всплыло лицо незнакомого мужчины. Светловолосого, темноглазого, плохо выбритого...

— Ох, и спиши же ты, майн фрайнд, — сказало лицо. — Не добудишися, пришлось пару лещей отвесить.

Тут Кухулин вспомнил, что находится в гостиничной клетушке, а перед ним — компаньон по Играм Феликс Фольгер. Следом он почувствовал, как кто-то судорожно сжимает его левую руку. Кухулин повернул голову и увидел перепуганные глаза Леноры.

— Милый, — шептали ее губы, — милый Кух...

— Все в порядке, львенок, — Кухулин накрыл руку девушки свободной ладонью, — просто дурной сон.

— Скоро жеребьевка, — сказал Феликс, — пора идти.

Возле лесенки, ведущей на платформу, компаньонам преградили дорогу трое грозного вида мужчин. Один из них был русобородым, двое других, чернявые, смахивали на кавказцев. Кухулин не считал их опасными: оружие, как огнестрельное, так и холодное, у них должны были забрать пограничники. Да и справиться с эти-

ми боевыми ребятками, пожалуй, не составляло труда тому, кто сильней обычного человека почти в два раза. В драку лезть не было никакого смысла: Кухулин уже понял, что хулиганство в Ганзе пресекается быстро.

— А! — злобно прохрипел русобородый. — Фольгер, решил поучаствовать? Что, ушла от тебя твоя шалава? Не смог взять? Новую завел? — русобородый покосился на Ленору. — Сколько стоит с ней покуыркаться? Ты ведь водишься только со шлюхами.

Кухулин медленно поднял руку и, коснувшись плеча жены, легонько сжал его, тем самым как бы говоря: «Не злись, они провоцируют. Специально».

— Безымянка, это снова ты, — Фольгер улыбнулся. — Решил бесславно погибнуть на Играх? Ты знаешь, что хамить добрым людям вредно для здоровья? Вплоть до летального исхода.

— Что поделать, не мы такие, жизнь такая! А вообще меня зовут Лом! Ты понял, Лом! Я еще вырежу свое имя на твоей груди! — русобородый вновь перевел взгляд с Феликса на Ленору. — Так сколько стоит эта малолетняя потаскушка? Фольгер, сколько?

Не переставая улыбаться, Феликс поднял вверх три пальца.

— Что? — русобородый переглянулся с ухмыляющимися подельниками. — Всего три масленка. Так давай мы прямо сейчас десяток дадим. Пустим по кругу, да еще патрончик в виде чаевых оставим.

— Нет, — Фольгер замотал головой, — с тебя три зуба. За дерзость.

И в следующий миг, мгновенно приблизившись, нанес прямой удар в челюсть. Лом, отступив на два шага, неуклюже осел. Один из его подельников кинулся к Фольгеру, замахнувшись кулаком и метя в висок, но наткнулся на блок, тут же получил под дых и, протяжно выдохнув, согнулся. Третий бандит, пересекшись взглядом с Кухулином, так и не решился влезть в разборку.

— Всем стоять, не двигаться! — раздался гневный окрик.

Кухулин повернул голову. С платформы через прицел автомата на дерущихся смотрел крепкий ганзеец. Волосы у него торпелились ежиком, словно шерсть у ощетинившегося цепного пса.

— Господин полицейский, — Фольгер поднял руки, — это была исключительно самооборона. На меня напали бандиты. Они ведь с Новокузнецкой, им не привыкать грабить честных людей.

— Врет он, сука! — проревел светлобородый, поднимаясь на ноги и вытирая кровь с разбитых губ. — Падла, зуб мне выбил!

— Обещал три, — заметил Феликс, — но сегодня для тебя скидка, поэтому только один.

— Слышали! — закричал Лом, тыча пальцем в Фольгера. — Слышали, что он сказал!

— Заткнитесь! — рявкнул ганзеец. — Разбежались по углам! Месить друг друга в туннелях будете!

Слюнув кровью, светлобородый исподлобья покосился на Феликса и прохрипел:

— Мы еще встретимся!

— Даже не знаю, безымянка, — усомнился Фольгер. — Может, кто раньше сделает благое дело, порешит тебя и твоих абреков.

Лом проворчал что-то в ответ и поднялся по лестнице на платформу; за ним последовали его напарники. Один из кавказцев, тот, который получил под дых, повернулся и, погрозив напоследок кулаком, гортанно выплюнул:

— Всэх заррэжэм!

Феликс в ответ лишь расхохотался.

Спустя полчаса после инцидента перед трибуной стояли все восемь команд, допущенные к участию в Играх. Тут же лежали вещмешки, рюкзаки и незаряженное оружие. Сзади толпился перешептывающийся народ. Начальник Павелецкой выступил с речью о важности Ганзейских Игр для всего метро, для разрядки межстанционной обстановки, для понимания того, что все мы едины, несмотря на идеологические и прочие разногласия, и так далее, и тому подобное.

Кухулин не без любопытства осматривал участников. Он тут же выцепил взглядом Еву. Она была единственной женщиной, если не считать Ленору, среди тех, кто решил попытать счастье в соревнованиях. Да, та самая золотоволосая красавица, которая прошмыгнула мимо них на ганзейском посту. Кухулин заметил,

как капитан команды, седобородый пожилой мужчина с удивительно светлыми голубыми глазами, косится в сторону Фольгера. Было абсолютно ясно, что они не просто знали друг друга: их связывало общее прошлое, скорее всего, замешанное на смертях и крови.

Наконец начальник закончил говорить, и возле трибуны оказался чиновник с полуупрозрачной коробкой, заполненной семью шарами.

— В соответствии с пятым пунктом основных правил, — громогласно провозгласил он, — первыми стартуют победители прошлых Игр — команда Содружества Станций Кольцевой линии во главе с двукратным чемпионом Алексеем Грабовым.

Вперед вышли три сталкера крепкого телосложения. Толпа приветственно загудела. Кухулин сосредоточился на капитане. Он был высок, хорошо сложен, в принципе симпатичен. Но его портили серые цепкие глаза пернатого хищника и массивный подбородок.

«Недобрый человек, — решил Кухулин, — стервятник».

— Прошу команду Кольцевой линии на старт. К левому перегону. Очередность старта остальных команд определится жеребьевкой.

Хорошенько встряхнув полуупрозрачную коробку, чиновник поставил ее на тумбочку и запустил внутрь руку.

— Вторым номером стартует... — выкрикнул он, открывая шар и разворачивая вчетверо сложенный листок, — команда «Дед и компания».

Фольгер разочарованно выдохнул. Кухулин понимал, на что надеялся Феликс: он рассчитывал просто подкараулить Еву в засаде и потом преспокойно переправить ее в свой Рейх. Возможно, какими-то потайными ходами. Теперь же придется напрягать силы, чтобы настигнуть цель.

Седобородый мужчина по прозвищу Дед, молодой парень и златовласая женщина подошли к тумбочке.

— Прошу вас к правому перегону, — сказал чиновник.

Ева, закинув на плечи рюкзачок, на прощание озорно улыбнулась и подмигнула Фольгеру. Тот подмигнул ей в ответ. Ничего

другого ему не оставалось. Спустя минуту послышался свист — Ганзейские Игры начались.

Волею судеб третьими на старт ушли бандиты с Новокузнецкой: Лом и два его подельника.

— Н-да-а-а, — протянул Феликс, — того гляди, вообще последними окажемся.

— Итак, четвертыми сегодня отправляются... отправляются... — чиновник развернул очередной листочек, — Конфедерация 1905 года!

Кухулин по обыкновению смерил взглядом капитана команды. Бледноватый, — впрочем, как и большинство жителей метро, — уже начинающий лысеть мужчина лет тридцати пяти — сорока. Был он худощав и с виду на бравого сталкера не тянул, — но кто знает, каков он на самом деле: внешность часто бывает обманчива. Его партнеры были совсем молоды.

Стартовать пятыми выпало команде Красной Линии. У Кухулина сложилось впечатление, что они самые подготовленные. Ребята были как на подбор. Не качки, конечно, да и качки в беге на длинные дистанции с вещмешком и автоматом оказались бы далеко не в выигрышном положении. Нет, они были поджары, а в глазах читалась целеустремленность, близкая к фанатизму. Вот уж действительно: победа или смерть.

Краснолинейцы ушли к левому туннелю, а Кухулин осмотрелся. Кроме них оставалось еще две команды. По правую руку стояли парни из Бауманского альянса. Кухулин до сих пор так и не сложил представление об этой фракции метрополитена. Главным оказался невысокий крепыш с раскосыми глазами и добродушным лицом. Двое других были чуть выше и чуть моложе.

По левую руку находились сталкеры Полиса. Странно, — буквально за десять минут до начала жеребьевки в команде Полиса полностью сменился состав, и вместо привычных глазу мужиков в камуфляже теперь перед трибуной стояли три человека в одежде, сшитой из какой-то светло-коричневой мешковины. Но более всего Кухулина заинтересовал взгляд капитана. Осторожный, внимательный, острый и в то же время надменный, будто утверждаю-

щий свое превосходство по праву рождения... или должности. Кухулин успел узнать, что обитатели Полиса разделены на четыре сословия, во многом схожие с индийскими варнами. Заправляли там военные и ученые, которых также именовали кшатриями и браминами. И почему-то Кухулин был уверен, что капитан команды относится к последним. Не похож был этот острогулый мужчина на солдата. Выправка не та. Говорят, у тех, кто принадлежит к эlite Полиса, на висках должны быть татуировки, однако у людей, облаченных в костюмы из мешковины, не было заметно ничего подобного.

— Шестыми отправляются на старт, — выкрикнул чиновник, раскручивая очередной шар, — команда Четвертого Рейха!

— Неужели, — тихо произнес Фольгер, — и на том спасибо, хоть шестые, а не последние.

— Прошу вас к правому туннелю.

Кухулин, Фольгер и Ленора похватали свои вещи и направились к краю платформы. Спрыгнув вниз, они подошли практически к началу перегона. На мгновение Кухулину показалось, что перед ним зев огромных ворот, и вот-вот сейчас он увидит завесу, освещенную пурпурным сиянием, и шипящий отвратительный голос вновь вползет в ушные раковины и надавит на перепонки. Тряхнув головой, Кухулин отогнал от себя недобрые мысли и предчувствия.

— Напоминаю, в перегоне между Павелецкой и Таганской применять насилие по отношению к соперникам запрещено, — один из камуфлированных ганзейцев, стоя на краю платформы и обняв автомат, давал напутственный инструктаж. — Считается, что команда прошла перегон только в том случае, если его преодолеют все три участника. Исключение — гибель товарища. Так что, даже если у вас тяжелый трехсотый, вы его сперва должны дотащить до станции, а уж потом двигать дальше. Стартуете по сигналу.

Инструктор воткнул в губы свисток и, подождав несколько секунд, с силой выдохнул воздух. Мгновение спустя команда Фольгера устремилась во тьму туннеля.

Когда-то давно Верховный Хранитель Книг считал себя атеистом. По специальности он был физиком-ядерщиком, хотя по факту наукой никогда не увлекался. Он работал в одной крупной госкорпорации и занимался в основном хозяйственной частью, отвечал за ремонт помещений. Многим казалось, что должность его не имела никакого значения для работы компании. Но на самом деле все обстояло наоборот. Благо до катастрофы финансовые потоки текли нескончаемой рекой, и через него отмывались немалые денежные средства. Два, а иногда и три раза в год в административных зданиях госкорпорации проводился капитальный ремонт. Подвесные потолки, настенные панели, проводка срывались подчистую и заменялись на новые. А потом гигантски завышенные сметы невозмутимо вписывались в годовую отчетность.

Уже тогда в голове будущего Верховного Хранителя начали формироваться первые религиозные убеждения. Он видел, что его личный успех напрямую зависит от постоянного обновления интерьера. Своего рода вечная ремонтная сансара, дарующая процветание и богатство. А когда грянул катаклизм и все заграничные счета вместе с десятком роскошных дач и вилл канули в небытие, в сознании зрелого креакла произошел переворот. Он вдруг понял, что весь мир, как коридоры госкорпорации, периодически нуждается в капитальном ремонте, в полном сносе всего старого. И вот этот момент наступил: планета была пожрана ядерным огнем.

Верховный Хранитель стоял у истоков основания Полиса. Он же инициировал идею структурирования нового общества по кастовому принципу, ибо был уверен, что именно такая система обеспечит в будущем преимущество в борьбе за гегемонию в метро. Индивидуализм оптимален там, где человеческий мир расширяется; но когда он высыхает и сжимается, подобно шагреневой коже, и то и дело может вовсе исчезнуть, только жесткая иерархия защитит от окончательного вымирания.

Времена поменялись, и Верховный Хранитель превратился из тщеславного нувориша в гордого нестяжателя. Неустанно, не покладая рук он работал над тем, чтобы распространить влияние Полиса на все обитаемые станции. Были созданы четыре варны: ученые, военные, торговцы-ремесленники и обслужа, которые стали именоваться браминами, кшатриями, вайшьями и шудрами. Но мало кто ведал, что существовали люди, которых условно можно было причислить к пятому сословию — неприкасаемым, хариджанам. Они обитали главным образом за пределами Полиса и были осведомителями. Озлобленные изгои за малую плату с превеликим удовольствием сообщали, что творится на их станциях. Правда, в Ганзе и на Красной Линии разведка работала не так эффективно, как в других местах, но там применялись иные методы.

Верховный Хранитель сидел за небольшим столиком в своей маленькой, ярко освещенной комнатке и терпеливо ждал сообщения от секретного агента — законспирированного брамина. Сегодня — особый день. Сегодня должно исполниться важное предсказание, после которого начнется новая эра.

Верховный Хранитель, скрестив руки на груди и откинувшись на стуле, взирал на круг с двенадцатью спицами, висевший на чуть отсыревшей стене. Калачакра — так назывался этот круг, иначе именуемый «Колесом времени». Согласно верованиям джайнов, каждая спица символизировала эпоху. Шесть из них означали возвышение и процветание, другие шесть — упадок и деградацию. Сейчас мир находился в самом низу колеса, в периоде адского огня, когда немногочисленные люди с трудом выживали в агрессивной среде. Но скоро все должно поменяться. Вращение колеса неизменно, еще немного — и человечество вновь поползет вверх. И вот тут-то Полис должен встать во главе. Потому что в новой жестокой реальности нет места свободе, равенству и братству, и только жесткая кастовая система способна остановить вымирание. В этом Верховный Хранитель не сомневался.

И теперь наступил решающий момент. Сегодня была самая длинная ночь в году, после которой день начнет возрастать, и на

сегодня же пришлось новолуние. Удивительное совпадение двух минимумов. Значит, вот-вот должно произойти нечто сверхважное. Да, предсказания далеко не всегда сбывались. В этом году, например, в Полисе появился некий молодой человек по имени Артем, которому судьба уготовила найти в Государственной библиотеке книгу, где золотыми буквами на аспидно-черных страницах записано будущее мира. Однако он, не справившись с задачей, бесследно исчез. Значит ли это, что предсказание не верно? Нет, это означает лишь одно: не исполнивший задание отягощает свою карму.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Хранитель.

В комнатке появился бритый послушник с книгой в руках. Он аккуратно положил ее на стол и, поклонившись, бесшумно удалился. Верховный Хранитель бросил взгляд на обложку. Это был один из романов трилогии «Властелин колец» Джона Рональда Руэла Толкина — «Возвращение короля». Брамин открыл книгу на сто восьмой странице, — он всегда открывал книги именно на этой странице. Здесь лежала записка. Он взял ее и принялся читать:

Колесу времени от Спицы сансары.

Дваждырожденный, по Вашему заданию за станцией Павелецкая радиальная было установлено внешнее наблюдение. Под утро через Павелецкий вокзал внутрь метрополитена проникли двое: девушка и мужчина. Мужчина был без индивидуальных средств защиты. Наш осведомитель сообщил, что объект пришел в Москву с особой миссией. Он направляется к Полису, а затем к Кремлю, чтобы лично взглянуть на звезды. Для скорейшего осуществления своей миссии объект решил принять участие в Играх на стороне Четвертого Рейха. В связи с этим, пользуясь данными нам полномочиями, мы заменили состав нашей команды с целью дальнейшей слежки за объектом.

Конец связи.

Отложив расшифрованную послушником записку, Верховный Хранитель удовлетворенно улыбнулся. Он знал: в этот день что-то должно было случиться. И случилось. Со стороны восхода, в новолуние, в день зимнего солнцестояния в метро объявился тот, кто может разгуливать по улицам отравленного города без противогаза. А это значило, что наступление нового порядка, во главе которого встанет Полис, не за горами. Избранный уже в метро.

Глава 7

ПРАВО НА СИЛУ

У гауляйтера Пушкинской Вольфа настроение было как всегда сумрачное. Улучшить расположение духа не помогали ни сочинение стихов, ни горячий грибной чай с ВДНХ. Пожирали Вольфа тщательно скрываемые от соратников тоска и безбрежный пессимизм. И на то были свои причины. Адепты чистоты расы, подобно загнанным в угол крысам, обитали лишь в пределах трех станций. И Вольф четко осознавал, что вряд ли они смогут когда-либо расширить свои территории. Голый реализм, и никакого слепого фанатизма.

Однако и смиряться он не собирался. На самом деле не так уж все и плохо. Должность его и положение кое-что да значили. И свою власть Вольф никому отдавать не собирался. Древняя пословица гласила: лучше быть первым в деревне, чем никем в Риме. Все верно: гауляйтер Пушкинской — это намного круче любого богатого и успешного человека в Ганзе. И важно было не то чтобы расшириться, но хотя бы сохранить паритет, не потерять уже имеющееся. В отличие от большинства своих соратников и фюрера, Вольф четко понимал, что рано или поздно Четвертому Рейху придется идти на компромисс и заключать союз в борьбе за гегемонию в метро. Либо с Красной Линией, либо с Ганзой. Лично га-

уляйттер предпочел бы дружбу с последней. Содружество Станций Кольцевой линии представлялось более мощным государством. А уж в войне со своими заклятыми врагами ганзейцы не побрезгуют ничем, даже союзом с нацистами.

«С удовольствием сгонял бы в Ганзу послом, — подумал гауляйттер и вдруг озадачился: — А как вообще правильно говорить: «в Ганзу» или «на Ганзу»?.. ай, какая разница! Это будет, наверное, еще не скоро...»

Желая хоть как-то поднять себе настроение, Вольф вылез из-за стола и направился к полке с грампластинками, достал наугад одну из них. На пожелтевшем конверте было написано: «*Пісня німців (Кавер-версія). Виконує державний хор імені Р. Шухевича. Диригує А. Меркель*».

— Да, — тихо произнес гауляйттер, — все та же старая добрая украинская коллекция... Интересно, а этот А. Меркель, слушаем, не еврей? Ай, да ладно!

Отмахнувшись от глупой мысли и поставив пластинку, Вольф вернулся на место. На столе лежал испещренный аккуратным почерком листок. Гауляйттер давно подумывал, что неплохо бы придумать гимн Четвертого Рейха. А что? Идея хорошая, жалко, с композиторами нынче туга. Но можно было бы сочинить текст на какую-нибудь мелодию прошлого.

Играла торжественная музыка, и хор сладкоголосых галицийских мальчиков заливался исступленными соловьями:

*Німеччина, Німеччина...
Німеччина понад усе,
Над усе в світі...
Понад усе... понад усе... понад усе...*

Но мелодия Вольфа отнюдь не радowała. Тяжело вздохнув, он взял листок и про себя перечитал недавно сочиненный стих:

*Еще не умер Рейх, еще кипит борьба!
И волю нам, и славу подарит вновь судьба!
Мы, братья, всех на солнце без жалости сожжем,*

*Потом в краю подземном прекрасно заживем.
И душу мы, и тело положим за свободу
И всем врагам покажем: арийского мы роду.*

«А как правильно, — спросил самого себя гауляйтер, — “роду” или “рода”? В общем-то все равно, кругом одни олигофrenы, ошибки не заметят. Но с другой стороны, почему у меня так: “Еще не умер Рейх”? То есть мы пока не сдохли, но вот-вот отадим концы. Да и сам стих какой-то ущербный получился, петушиный, можно сказать... Не то... Все не то...»

Вольфа неожиданно накрыла волна безудержной ярости, и из горла само собой вырвалось:

— Ах ты, тля!..

Скомкав листок, гауляйтер швырнул его в стену. Комок бумаги, описав дугу, ударился о знамя, попав аккурат в середину свастики, и беззвучно упал на пол. В этот момент зазвонил телефон. Вольф поднял трубку и хрипло сказал:

— Гауляйтер Вольф слушает.

— Это хорошо, что ты слушаешь, — ответил вкрадчивый тихий голос, — это очень хорошо.

Вольф мгновенно подобрался, на лбу выступила испарина:

— Я слушаю, мой фюрер.

— Вольф, что там у тебя воет? Выключи, а то меня сейчас стошнит.

— Да, мой фюрер! — гауляйтер хотел положить трубку на стол, подойти к телефону и поднять иглу, но в последний момент что-то щелкнуло в его мозгу. Он схватил кружку с недопитым, уже порядком поостывшим чаем и метнул ее в сторону патефона. Фарфоровая кружка всей своей тяжестью обрушилась на крутящуюся пластинку, которая, жалобно всхлипнув, лопнула и разлетелась на части. Музыка тут же стихла.

«Ну вот, — подумал гауляйтер, — так и аппарат сломать недолго. Игла-то точно накрылась».

— Вольф, — зашипела трубка, — нам тут в канцелярию буквально двадцать минут назад позвонили из Ганзы. И знаешь, что они хотели?

— Что? — спросил гауляйтер, плохо понимая, к чему клонит собеседник.

— Они нас поздравили с тем, что Четвертый Рейх все-таки решился поучаствовать в Ганзейских Играх. Это стало настоящим сюрпризом для нас. Что скажешь, Вольф?

Смутная, пока еще неопределенная догадка посетила гауляйтера, но по инерции он произнес:

— И кто дал разрешение на участие в Играх? Мы ведь против таких мероприятий...

— Верно, Вольф, мы против, — согласился голос из трубки, — а вот ты, видимо, за. То есть ты не с нами, то есть, выходит, ты против нас. Что скажешь, Вольф?

— Я не совсем понимаю, мой фюрер...

— Я тебе объясню, — прошипел голос из трубки. — Твой зять, Феликс Фольгер, и какие-то проходимцы зарегистрировались как команда Четвертого Рейха. И, что самое интересное, сделали они это по официальной бумаге с твоей подписью и с твоей печатью. Понимаешь, Вольф, какой казус? Получается, ты пошел против всех наших установлений, ты наплевал на Рейх, на товарищей, на соратников по расе и партии. Скажи мне, Вольф, что бы ты сделал с таким отступником?

— Это какое-то недоразумение, мой фюрер, — с трудом выговарил гауляйтер, — я не подписывал никаких бумаг...

— А еще, — голос из трубки бесцеремонно прервал оправдательную речь Вольфа, — в Играх участвует твоя сестра Ева. Причем не по нашему паспорту, а по ганзейскому, как Ева Волкова. И знаешь, что мы думаем? Мы думаем, что твоя сестричка в очередной раз сбежала, а ты послал за ней Фольгера. Он ведь хороший охотник, не правда ли? И когда она каким-то образом умудрилась встрять в команду сталкеров, твой зять не нашел ничего лучшего, как заявить об участии в качестве официальной команды Рейха. Ты и все твое семейство поставили личные интересы и амбиции выше интересов партии и расы. Ведь так получается, Вольф?

— Этого не может быть, — сказал гауляйтер, чувствуя, как холодаеет его затылок, — мой фюрер, этого не может быть...

— В общем, так, Вольф, — прошипел голос из трубки. — Если Фольгер проиграет, считай, что ты покойник. Теперь крутись, как хочешь, но чтобы победа досталась нам. Это твой шанс доказать преданность делу расы и партии. Ты — человек, конечно, нужный, но незаменимых у нас нет.

— Да, мой фюрер, я обязательно приму все меры. Я... — из трубы донеслись короткие гудки.

«Ну, Феликс, ну, сука! — гауляйттер буквально рухнул в кресло. — Убью гаденыша! Лично пристрелю! Пули не пожалею!»

Несколько минут Вольф сидел молча, затем встал, выключил работающий вхолостую электрофон. Теперь он понял, откуда взялись у Фольгера его подпись и печать. Когда Феликс начал смеяться над стихами гауляйттера, тот поставил свою роспись, не глядя, лишь бы отделаться он нагловатого родственничка. Что ж, это будет уроком на будущее.

Однако принимать решение нужно было прямо сейчас. Обычно Игры начинались с закатом солнца, примерно в полседьмого вечера. Странно, конечно: живешь в подземельях, а все равно привязываешься к небесным светилам. Вольф взглянул на часы. Почти 19.00. Значит, участники уже стартовали. Промедление смерти подобно. Причем в самом прямом смысле этого слова.

— Дежурный! — закричал во всю глотку гауляйттер.

Спустя несколько мгновений в помещение влетел бледный мужчина лет тридцати в эсэсовской форме без знаков различия. Дежурные всегда надевали ее.

— Господин гауляйттер, — отчеканил офицер, — унтерштурмфюрер Николай... э-э-э, то есть Клаус...

— Не надо церемоний! — нетерпеливо отмахнулся Вольф. — Штурмбаннфюрера Брута Арглистанна ко мне! Срочно!!!

Дежурный по станции пулей умчался выполнять поручение, а Вольф тем временем потребовал соединения с Ганзой: он хотел точно знать, какими по счету стартовали Фольгер и Ева. Благо гауляйттер имел право на эту информацию. Примерно через минуту Вольфу сообщили, что Ева в составе команды «Дед и компания» стартовала второй, а команда Четвертого Рейха — только шестой. Всего же команд, участвующих в Играх, — восемь.

«Хреновый расклад», — подумал гауляйтер, записывая очередь на чистом листке.

В дверь постучали, и в помещение вошел Брут. Это был одетый в черную форму атлетически сложенный мужчина сорока пяти лет, с тяжелым взглядом и серым лицом, испещренным глубокими морщинами. Что и говорить, стар не по годам. Но и опытен тоже.

— Вызывал, Вольф? — спросил он без всяких формальностей.

— Вызывал, Брут, — хмуро ответил гауляйтер.

Штурмбаннфюрер осмотрелся; взгляд его упал на куски граммофонной пластинки, на фарфоровую кружку с отбитой ручкой, на маленьку лужицу чая на полу и лежащую рядом смятую бумажку.

— У меня к тебе важное дело, — Вольф зафутболил бумажный комок под стальной шкаф, — которое требует экстренного вмешательства.

Гауляйтер вкратце поведал старому товарищу о том, как сбежала Ева и как он послал по ее следам Феликса Фольгера, который самовольно принял за весь Рейх решение участвовать в Играх. Правда, о своей досадной оплошности с подписью и печатью Вольф умолчал, объяснив произошедшее тем, что Фольгер подделал документы.

— Ты ведь лучший диггер, — сказал Вольф, — тебе известны многие лазы, потайные ходы и прочее. Да и на поверхности ты не пропадешь. Во имя чести нашей державы необходима победа над унтерменшами. Этого требует сам фюрер. Твое задание таково: не заметно проникнуть в туннели Кольцевой линии и всеми возможными способами помогать нашей команде.

— Насколько велики мои полномочия? — спросил Брут.

— Они абсолютны, — гауляйтер сел в кресло. — Действуешь совершенно автономно. Все попавшиеся тебе на пути соперники Рейха должны уничтожаться. Без всякой пощады. Кроме моей сестры, разумеется. Ее не трогать. Фольгер, хоть он и мерзавец и предатель, должен победить. Мы потом с ним разберемся.

— Миссия понятна, — сказал штурмбаннфюрер. — Могу ли взять с собой кого-либо или мне придется выполнять задание одному?

— Возьми двоих на свое усмотрение, — подумав немного, произнес гауляйтер. — Самых толковых, чтобы не накосячили. А то ведь кругом одни идиоты.

— Что вёрно, то верно, — каменное лицо Брута расплылось в неживой улыбке, и морщины на его щеках превратились в маленькие расщелины, — дебилов у нас хоть отбавляй. Я возьму кого-нибудь из группы Кригера.

— Кригер... — гауляйтер поморщился от досады, — только что ушел с парнями на поверхность. Отозвать обратно — это время, которого нет.

— Тогда Крамер и Плюнд?

— Оба отправились на Белорусскую, — Вольфа начало накрывать отчаяние, — по торговым делам.

Брут нахмурился:

— Тогда стоит запросить кого-нибудь со смежных станций: с Чеховской или Тверской.

— Нет! — резко возразил гауляйтер. — Дело слишком конфиденциальное. Найди свободных людей на свое усмотрение, но только на нашей станции.

— Ладно, найду, кого не жалко, — угрюмо произнес Брут, — постараюсь.

— Постарайся, — еще угрюмее сказал Вольф, понимая, в какую неподобную ситуацию ставит товарища. — Звание оберштурмбаннфюрера тебе обеспечено при любом исходе, а если Фольгер победит — получишь штандартенфюрера. А это уже кое-что да значит. Ведь так?

Брут молча кивнул, и гауляйтер протянул ему листок.

— Здесь очередность, с какой стартовали команды. Конечно, по ходу гонок расклад изменится, но тебе будет хоть какой-то ориентир. Поторопись, времени мало, Игры уже идут полным ходом.

Козырнув двумя пальцами, штурмбаннфюрер направился к выходу.

— И еще, — сказал Вольф. — Если Рейх проиграет или Ева погибнет, если произойдет хотя бы одно из этих двух событий... убей Фольгера.

Брут внимательно посмотрел в глаза гауляйтера, ухмыльнулся, снова козырнул и вышел вон.

Отдежурив смену и немного поспав, Ваня Колосков, нареченный Гансом Брехером, решился-таки покинуть свою клетушку и выйти на платформу. Для кандидата в рядовые это было отнюдь не самое умное решение. Он рисковал нарваться на какого-нибудь офицера, который обязательно пригрузит его работой: заставит перетаскивать тяжести или убираться в кабинете для совещаний, или, что еще хуже, отмывать от крови грязно-желтый кафель в комнате для допросов. Не хочешь мозолить руки — не мозоль глаза. Старое армейское правило, давным-давно выученное Ваней еще на Баррикадной, в Рейхе действовало с особой силой. И конечно, не стоило задолго до нового дежурства бродить неприкаянным среди тех, кто непрестанно насмехается над тобой и до сих пор считает чужаком.

Но в том-то и дело, что Ваня готов был на любой незапланированный адский труд, готов был стерпеть тысячи тупых шуток недалеких обитателей Пушкинской, лишь бы хоть краем глаза увидеть Олю, — вернее, Хельгу. Каждый вечер эта светловолосая миниатюрная девушка возвращалась с кухни в свою маленькую комнатенку. Она не походила на фанатичную последовательницу идей расового превосходства. Слишком уж нежны и печальны были ее глаза. А еще удивительно было то, что ее до сих пор не подложили под какого-нибудь бравого арийца во имя оплодотворения. Ведь, как гласил один из многочисленных агитационных плакатов, развешанных вдоль некогда белых арок: «Каждый мужчина солдат, каждая женщина — мать солдата». Возможно, ее берегли для какого-нибудь высокопоставленного офицера. Девушка ведь славненькая. Несколько месяцев назад ее привел на Пушкинскую штурмбаннфюрер Брут. Выкрад с какой-то станции. Пополнил, так сказать, дефицит.

Ваня тяжело вздохнул. Ему, разумеется, Оля никогда не достанется. Званием не дорос. К тому же в Рейхе мужчин было непоправимо больше, чем женщин, и это накладывало свой отпечаток на быт. Для рядового состава существовали так называемые общие жены. Были это в основном престарелые или чахлые дамы, не спо-

собные к деторождению, от одного вида которых Ваня ощущал мощные позывы к тошноте.

«А ведь Олю могут превратить в такую же, — с ужасом подумал парень. — Попользуются с пяток-десятка лет, понарожает она детей, а как износится, так и бросят на забаву солдатне: ефрейторам, рядовым и таким, как я».

Парень стоял в тени арки. Станционный зал освещался всего лишь двумя люстрами, и потому Ваня не боялся, что будет замечен. В руках он сжимал старенький русско-немецкий словарик. В случае, если кто-то из особо ретивых офицеров все же обратит на него внимание, попробует отмазаться тем, что вышел, мол, на платформу к свету изучать язык величайшего из фюреров всех времен и народов. Иногда такое прокатывало.

В зале присутствовало не так уж и много народа, и Ваня быстро обнаружил заветную женскую фигурку. Светло-русая, с короткой стрижкой, Оля торопливо семенила вдоль арок, поеживаясь от холода. Когда девушка почти поравнялась с ним, Ваня бесшумно вышел из тени.

— Хельга... — тихо произнес он.

Девушка вздрогнула от неожиданности, остановилась, глаза ее расширились; но узнав того, кто ее испугал, Оля расслабленно улыбнулась.

— Ганс, — сказала она, — это ты.

«Ваня, меня зовут Ваня! Если бы ты могла меня так называть... — с тоской подумал парень. — А я бы... я бы называл тебя Олей... Оленькой... Олюшкой...»

Однако горькие мысли Ваня оставил при себе. Он давно уже усвоил: показывать свою слабость, открываться другим, быть нежным нельзя ни при каких обстоятельствах. Тем более в Четвертом Рейхе. Изобразив равнодушие, он произнес ровным голосом:

— Привет. Ты как-то говорила, что хотела бы подучить немецкий. У меня время появилось, и ты вроде бы свободна...

— Да, — кивнула Оля, перестав улыбаться, — но... нам негде заниматься. Мы не можем уединиться.

Ваня это прекрасно понимал. Кандидат в рядовые не имел права оставаться наедине с женщинами. Если это только не общая жена.

— Мы можем быть у всех на виду, под люстрой, — сказал парень.

Оля тоскливо хмыкнула и покачала головой:

— Нет, Ганс, нет. Нас не поймут. Извини, мне нужно идти...

— Хельга, — без всякой надежды произнес парень, — погоди...

Оля, поправив прическу, остановилась. Ваня не знал, что сказать, он просто пытался задержать ту, которая запала ему в душу, еще хотя бы на несколько секунд. Он даже решился было произнести нечто заветное, сокровенное. Может быть, «Я тебя люблю» или «Я без тебя не могу жить», но вместо этого, смущившись, сказал:

— Иди...

Однако Оля никуда уйти не успела.

— Ты чё, Брехер, это, к Хельге пристаешь? — донесся до ушей Вани знакомый до рвотного рефлекса голос.

Парень скрипнул зубами и повернулся. Перед ним, небрежно поигрывая висящей на пузе полицейской дубинкой, стоял толстяк Генрих. Где только такую достал? Наверное, у сталкеров выменял.

— Я не пристаю, — спокойно произнес Ваня, чувствуя, как сердце его сжимается, — просто мы разговаривали.

— Ну, да, разговаривали, — Генрих растянул пухлые губы в омерзительной улыбке, — расскажи кому другому. Этим... баррикадникам своим. Ты вообще кто? Анвазер! Тебе вообще не положено...

— Анвертер, — сказал, закипая, Ваня. — «Анвертер» правильно произносится.

— Ну, да, этот самый... Говно, в общем... не то что мы, арийцы, — толстяк бесцеремонно оттолкнул парня и подошел к Оле: — Хельга, это... тут вроде как на Тверской казнь вроде будет... недочеловека вешают. Может, даже баррикадника. Давай сходим, короче. Повеселимся.

Побледнев на глазах, Оля произнесла слабым голосом:

— Нет, спасибо, я пойду к себе.

— Да ладно, Хельга, — Генрих жирной лапищей обхватил тонкую кисть девушки, — что ты там не видела у себя в этой... как ее...

«Я ничего не могу сделать, — в бессильной злобе Ваня сжал кулаки, — он прав, я никто здесь. Никто и ничто. Чужак. В карцер уложу. Сразу же».

— Нет, — дыхание Оли участилось, а глаза стали влажными. Она растерянно посмотрела на Ваню. — Мне завтра рано вставать. У меня снова дежурство на кухне.

«Решайся, врежь ему, врежь ему, не молчи! — парень ощущал внутри себя жуткое непередаваемое бурление, будто котел с водой наглухо запаяли и поставили на большой огонь. — Трус! Какой же ты трус, Колосков! Решайся же! Давай! Решайся!»

Но Ваня так и не двинулся с места, а Генрих притянул Олю к себе и сказал:

— Да не ломайся ты. Там недолго, повесят, и все тут.

Видимо, сообразив, что помощи от ухажера не последует, Оля уперлась ладонями в грудь Генриха, попыталась отстраниться, но у нее это не получилось.

Краем глаза Ваня заметил какое-то движение и повернул голову. К своему облегчению, он увидел Брута в черной форме, с любопытством взирающего на разворачивающуюся драму.

«Ну, слава богу, — подумал он, — сейчас Генриху достанется за то, что к чужому трофею пристает, а меня на работы отправят. И черт с ним! Лишь бы Олю не обижали».

— Штурмманн Генрих Вильд, что ты делаешь, позволь мне тебя спросить? — Расставив ноги, Брут спрятал руки за спину.

Толстяк отпустил девушку и, вытянувшись, доложил:

— Приглашаю Хельгу на казнь на Тверской, герр штурм... штурмбанн... э-э-э... штурмбаннфюрер.

— А тебе, — Брут устремил мертвящий взгляд черных немигающих глаз на Ваню, — это не нравится. Не нравится ведь, анвертер Ганс Брехер?

Парень ничего не ответил, лишь потупился.

— Что молчишь, Ганс? Я, кажется, вопрос тебе задал.

— Я всего лишь кандидат в рядовые, — тихо произнес, почти прошептал Ваня, — я чужой здесь...

— Всего лишь кандидат в рядовые, — усмехнувшись, повторил слова парня Брут, — всего лишь кандидат в рядовые... Думаешь,

это лишает тебя права на применение силы? Отвечай, кандидат в рядовые!

— Я не знаю, — пролепетал Ваня, сглотнув горький ком.

— Да, у тебя нет этого права, права на силу, — каменное лицо Брута исказила презрительная гримаса. — Не потому, что ты всего лишь анвертер, нет, а потому, что ты сам себя его лишил. Ты просто боишься его применить.

На станции воцарилась гнетущая тишина. Случайные прохожие остановились на почтительном расстоянии и с любопытством и опаской следили за тем, что же произойдет дальше.

— И вот что скажу тебе, кандидат в рядовые Ганс Брехер, — Брут подошел почти вплотную к Ване. — Если тебя прилюдно оскорбили, назвали говном, прилюдно лапают ту, которая тебе нравится, — значит, ты заслужил это. Хельга — моя добыча. Я могу хоть год держать ее в неприкосновенности. У меня имеются такие полномочия. Но я только что решил, что срок ее девичества подошел к концу. У меня есть женщина, придется Хельгу кому-то отдать. По праву хозяина я поощрю кое-кого, — штурмбаннфюрер посмотрел на толстяка и громко, чтобы слышали все случайные зеваки, сказал:

— Штурмманн Генрих Вильд!

— Я! — гаркнул в ответ ефрейтор.

— За проявленное рвение в службе Великому Рейху и истинно арийский дух позволяю тебе оплодотворить эту самку. Пусть рождет нам достойного солдата на благо расы и партии!

Лицо Вани мгновенно вспыхнуло, он искоса взглянул на Олю и увидел широко открытые, переполненные бездонным ужасом глаза.

Морду Генриха сперва перекосило от удивления, а затем, похотливо оскалившись, он поблагодарил штурмбаннфюрера, схватил несчастную девушку за руку и потащил в сторону своей каморки. Оля упиралась, но как-то совсем уж слабо и не отчаянно. Понимала, видимо, бесполезность сопротивления. Ей и так очень долго везло.

— Пойдем, Хельга! — почти кричал обрадованный толстяк. — Ты, это... не ломайся, тебе понравится. Мы, арийцы, умеем любить, не то что баррикадники.

Оля уже и не надеялась на Ваню, она с немой мольбой глядела на Брута, по ее бледным щекам текли крупные слезы, но неживое морицинистое лицо штурмбаннфюрера походило на бездушный лик языческого идола, иссеченного топором.

Ваня вдруг отчетливо представил, как Генрих кидает худенькую девушку на матрац, как потная туша наваливается всей своей гигантской массой на хрупкое красивое тело, и понял, что эту ночь он не переживет, покончит с собой от бессилия и позора. Потому, что завтра нужно будет выжечь себе зрачки, чтобы не видеть униженную и обесчещенную Олю, потому, что завтра придется пробить себе барабанные перепонки, чтобы не слышать глумливых и похабных рассказиков Генриха, потому, что завтра не должно наступить никогда.

Ваня почувствовал, как стальные пальцы обхватили его подбородок и грубо запрокинули голову. На парня с презрением, плотоядно, будто древний мезозойский ящер, срисованный со старой картинки, взирал штурмбаннфюрер Брут.

— Что скажешь, кандидат в рядовые? — спросил он. — Так и останешься кандидатом? Я давно за тобой наблюдаю. Ты славный малый, смышленый. Учишь немецкий, когда другие прохлаждаются, не спиши на посту, не сачкуешь на работах. Все в тебе хорошо, кроме одного. Нет в тебе жесткости. Про жестокость и вовсе молчу. Может, у тебя и яиц нет?

Ваня ощущил, как поставленный на огонь запаянный котел с водой внутри него начинает разрывать колоссальное давление скопившегося пара.

— Ты позволишь этому жирному недоумку испортить такую славненькую самочку? — Брут отпустил подбородок парня. — Сейчас решается твоя судьба. Поменяйся с ним местами. Местами и званиями. Потому что право на силу не дают. Его берут!

Ваня тяжело задышал, глаза жутко зачесались, и стали слышны гулкие удары сердца. Он посмотрел на ухмыляющееся лицо Брута, на противоположную сторону платформы, куда тащил несчастную, онемевшую от ужаса Олю Генрих. Вот-вот они скроются в тени арки. И перегретый котел дал трещину; оттуда рванул густой обжигающий пар.

— Не тронь! — заорал парень, уронив русско-немецкий словарик на грязный гранит, и рванулся вперед. — Слышишь, не тронь!

В несколько мгновений он оказался на другой стороне платформы.

— Ты чё, Брехер, — неловко повернувшись к противнику, медленно проговорил удивленный Генрих, — ты, это... пошел отсюда. Хельга сегодня моя...

— Я сказал, не тронь ее! — с клокочущим надрывом прорычал Ваня и толкнул соперника ладонями в грудь. — Не тронь ее, ты, толстозадый хряк!

— Чё? — еще сильнее удивился Генрих, просто не ожидавший такого напора от терпилы-баррикадника. — Ты, это... совсем оборзел...

— Не тронь ее! — Парень, щеки которого пылали нестерпимым огнем, вновь двинул в грудь толстяка.

Отшатнувшись, выпустив из мясистых лапищ Олю, Генрих вытащил из-за пояса полицейскую дубинку и неуклюже двинулся на Ваню.

— Ты говно! — гаркнул толстяк и замахнулся.

Котел внутри Вани взорвался. Дальше все происходило будто во сне. Подавшись вперед, он перехватил кисть Генриха и, сделав быстрый шаг вбок, одновременно резко рванул руку толстяка. Тот, охнув, потерял равновесие и опустился на оба колена. Ваня вцепился в дубинку и с силой дернул ее на себя. Не удержав в руках оружие, Генрих упал на карачки.

— Кто?! — закричал Ваня и наотмашь ударил толстяка по затылку. — Кто говно?! Кто?!

Генрих протяжно выдохнул и повалился на бок.

— Кто, спрашиваю, кто?! — парень саданул распластавшегося ефрейтора по роже. — Кто?! Кто?! Кто, спрашиваю?! Кто?!

Яростно рыча, Ваня изо всех сил молотил резиновой дубинкой ненавистную тушу: по бокам, по животу, по голове, по рукам. Генрих получал по удару за каждую тупую реплику в адрес баррикадников, — а за полгода он успел наговорить много.

— Кто?! Кто, спрашиваю?!

Толстяк, чья морда превратилась в сплошной кровавый синяк, беспомощно сучил ногами, жалобно подвизгивал и, наконец, закрывшись от очередного удара, сумел выкрикнуть:

— Я! Я говно! Не бей, Ганс, не бей! Я говно! Я!

Еще раз стукнув по ляжке поверженного соперника, парень отошел на два шага. Только сейчас он начал осознавать, что произошло. Пытаясь подняться, Генрих, беспомощно елозил пухлыми руками по кроваво-грязному граниту. Он тихо плакал, и это Ваню поразило больше всего. Как еще недавно наглый, самоуверенный тип с такой быстротой превратился в жалкое, ноющее ничтожество?

— Браво, штурмманн Ганс Брехер! Отныне ты — ефрейтор, а ты — Брут подошел к лежащему толстяку и наступил ему на пальцы, — ты, Вильд, теперь кандидат в рядовые. Ты поменялся местами и званиями со своим товарищем по расе и партии.

— Что? — пошевелил кровоточащими губами Генрих. — Я анвезер, снова анвезер?

— Анвертер, Вильд, анвертер! Выучи, наконец, это слово, сраное ты быдло! — Штурмбаннфюрер крутанулся на тяжелом каблучке. Послышался хруст ломающихся костей, а за ним — истошный визг Генриха, отразившийся от свода станции и заставивший содрогнуться нечаянных свидетелей расправы.

Судорожно сжимая дубинку, Ваня вдруг увидел Олю. В запале драки он совсем позабыл про нее. Девушку, обхватившую себя за плечи, сотрясала мелкая дрожь, а на щеках тускло поблескивали две широкие полосы. Тут же захотелось кинуться к ней, прижать к груди, успокоить, нежно гладя по светло-русым волосам. Но нельзя! Ваня чувствовал это. Он перевел взгляд на штурмбаннфюрера и понял: показательная экзекуция еще не закончилась. Свирепо сканируя толпу, Брут поднял руку и ткнул куда-то пальцем.

— Унтерштурмфюрер Базиль Цвёльф, — мрачно прохрипел он.

Из-за передних рядов донеслось слабое:

— Я...

— Ко мне!.. Бегом!.. Бегом, я сказал!

К Бруту подскочил лысоватый мужчина невысокого роста. Тот самый, который этой ночью дежурил вместе с Ваней на посту Е-3.

Вернее, дежурил Ваня, а начальник караула бессовестно дрых, выжрав в одну харю чекушку контрафактного самогона, выгнанного из грибов и дерьма.

— Господин штурмбаннфюрер! — предчувствуя беду, доложил по уставу тот, сложив руки по швам. — Унтерштурмфюрер Базиль Цвёльф по вашему приказа...

— Заткнись! — зло оборвал подчиненного Брут. — Скажи лучше, сколько?

— Что — сколько? — непонимающее заморгал начальник караула.

— Сколько было лет той девочке в Полисе, из-за которой ты сбежал?

Глаза Базиля потемнели, и, уставившись в пол, он пролепетал:

— Одиннадцать.

— Одиннадцать... — как бы задумчиво повторил Брут. — Вот такие у нас вояки, слава Рейха и гордость расы.

Постояв несколько мгновений в молчании, штурмбаннфюрер повернул голову к Оле.

— Скажи, дитя, — спросил он, — что ты мне говорила в первую нашу встречу, когда я тащил тебя по туннелю? Когда возле твоего горла было лезвие ножа.

Девушка, закрыв глаза, содрогнулась.

— Скажи, как было! — командным, не терпящим никаких возражений тоном произнес Брут. — Скажи!

— Я говорила... — по двум широким полосам на щеках девушки, точно по старым руслам высохших ручьев, вновь потекли слезы, — я сказала, что у меня не было никого... не было мужчины... просила... чтобы вы не...

— И что я ответил тебе?

— Вы ответили... что не насильник... что вы убийца... — слова Оли потонули во всхлипах.

Брут кивнул и приставил к подбородку Базиля армейский нож. Ваня даже не заметил, как в руках штурмбаннфюрера оказалось оружие. Видимо, начальник караула тоже пропустил этот момент, потому что лицо его вдруг стало белым, словно мел, а губы затряслась. Казалось, еще немного, и он рухнет в обморок.

— Да, — согласился штурмбаннфюрер, — это наслаждение получше любого секса. И подревнее. Ненавижу насильников, это очень мелко. Настоящие хищники так не поступают. Ефрейтор, ты со мной согласен?

Ваня, еще не привыкший к новому званию, не сразу сообразил, что Брут обращается к нему. А когда понял — кивнул. Скорее по инерции, нежели осознанно.

— Знаешь, что я тебе скажу, Ганс Брехер? Личные жены могут быть только у офицеров, начиная сunterштурмфюрера, — Брут указал взглядом на онемевшего от страха начальника караула и убрал нож от его горла. — И вот я хочу спросить тебя: кому мне отдать в жены мою добычу? Кому достанется Хельга? Скажи мне, Базиль Цвёльф достоин такого поощрения?

Ваня бросил злой ледяной взгляд в сторону начальника караула. Еще десять минут назад бывший кандидат в рядовые, наверное, невнятно мямлил бы, боясь неправильно ответить. Но за этот короткий промежуток времени что-то очень сильно поменялось в нем. Поменялось безвозвратно. Взорванный котел не собрать по кусочкам. И Ваня Колосков, нареченный Гансом Брехером, произнес твердо:

— Нет! Не достоин!

— Тогда поменяйся с ним местами, — Брут сделал шаг в сторону, как бы приглашая Ваню к действию. — Ты ведь достоин Хельги, не так ли?

И Ваня, до боли сжав в пальцах дубинку, двинулся на начальника караула. Базиль Цвёльф, бледный и беспомощный, стоял на полусогнутых ногах, ожидая неминуемой расправы. Ваня понял, что Базиль не окажет никакого сопротивления. Избивай его хоть до смерти — он будет безропотен и жалок, потому что, в отличие от бывшего кандидата в рядовые, не имел права на силу. Права, которое берут, а не получают.

Начальник караула поднял руки, закрывая голову, но Ваня, вопреки ожиданиям Базиля, пнул его берцем под колено, а затем уже, когда тот падал, размашисто ударил несчастного дубинкой по лицу, разбив ему нос. Начальник караула, пачкая кровью замызганный пол, взвыл от боли. Ваня хотел вновь замахнуться, но вме-

сто этого осталенел. Он испытал незнакомые раньше ощущения. Странная, невероятно сладостная дрожь родилась внизу живота и молниеносными, трепещущими, то расширяющимися, то сокращающимися щупальцами растеклась вдоль тела. На мгновение, созерцая корчащегося мужчину у своих ног, парень погрузился в сумрачную эйфорию безграничной власти над другим человеческим существом. И это ему дико понравилось. В тот же миг, испугавшись собственных чувств, он выронил из рук резиновую полицейскую дубинку. Нет, это не мог быть старый Ваня Колосков, — это кто-то иной блаженствовал, вкушая чужую боль...

— Да, унтерштурмфюрер Ганс Брехер, теперь ты меня понимаешь, — оскалился Брут. — Правда, непередаваемое наслаждение? Маловато ты наподдал ефрейтору Базилю Цвёльфу, но для первого раза — зачет, — штурмбаннфюрер повернулся к зевакам и выкрикнул:

— Слышали все?! Я, Брут Арглистманн, властью, данной мне гауляйтером Вольфом, присваиваю Гансу Брехеру младшее офицерское звание, и Хельга отныне принадлежит ему! А это дерньмо теперь обычный ефрейтор. И так будет с каждым, кто решил, что в Рейхе нет порядка!

— За что, герр Брут? За что? — Базиль приподнялся на коленях и с почти детской обидой посмотрел на собственные руки, измазанные кровью.

— За что?.. Ты спрашиваешь, за что? — удивился штурмбаннфюрер и неожиданно с разбега впечатал носок берца в пах бывшего начальника караула. — За то, что пост Е-3 давно превратился в позорное посмешище Рейха! — Брут пнул задыхающегося новоиспеченного ефрейтора под дых. — За то, что ты спишь во время службы! — снова удар. — За то, что ты пьешь и разложил дисциплину... — Базиль получил ногой под зад, — за то, что умеешь воевать только с одиннадцатилетними девочками... — еще один пинок в грудь, — и, наконец, за то, что ты дристлявый слабак без яиц и мозгов!

Кое-как прия в себя от только что испытанного жуткого удовольствия, Ваня обратил свой взор к Оле. У девушки было мокрое от слез лицо. Она дрожала, точно на ледяном декабрьском ветру.

Казалось, еще немного и она потеряет сознание от ужаса. Сердце парня болезненно сжалось, и он кинулся к возлюбленной. Ваня крепко обнял девушку, прижал ее к груди, закрыл руками, словно пытаясь оградить от черного беспощадного мира, где давно уже не осталось места для нежности и искренних слов.

— Прости меня, Оленька... — прошептал он тихо-тихо в самое ушко, чтобы его никто не услышал, — прости меня... я люблю тебя и никому не отдам...

Девушка ничего не ответила, она сильнее прильнула к нему, и лишь плечи сотрясались в безмолвном рыдании.

Между тем в руках у штурмбаннфюрера вновь появился нож; он наклонился над избитым бывшим начальником караула и придавил его коленом к полу. Ваня не мог видеть, что происходит, из-за широкой спины Брута, но отчетливо услышал жалобный скучлеж Базиля.

— Руки! — зарычал штурмбаннфюрер. — Руки убрали! Я сказал, убрали руки!

Брут выпрямился, повернулся к парню, и тот увидел зажатую в пальцах офицера верхнюю половину уха. Ваню от этого зрелища не затошнило; он не почувствовал омерзения или страха, лишь крепче прижал к себе Олю. Чтоб она случайно не увидела.

Брезгливо поморщившись, штурмбаннфюрер швырнул кусок уха в арочную тьму, а затем принялся тыкать в толпу пальцем:

— Ты, ты, ты и ты, утащите эти две туши в душевую, потом в санчасть их, — Брут посмотрел на Ваню, оскалился и сказал: — А ты, Ганс Брехер, успеешь еще намиловаться со своей невестой. Ты ведь неплохо стреляешь и ходишь бесшумно, и на Баррикадной вылазки на поверхность делал. Ведь так? Пойдешь со мной на задание. Четверть часа тебе на сборы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИГРЫ

Глава 1

МУ ОС

Честно говоря, втайне Ева боялась подвести свою команду. Без лишней скромности она всегда считала себя девушкой выносливой и в общем-то даже мужественной. Но одно дело — пройти быстрым шагом перегон и совсем другое — совершить марш-бросок по Кольцевой линии, длина которой равнялась почти двадцати километрам.

Однако слабым звеном в команде оказалась вовсе не она. Андрей Андреевич, он же Дед, был, по существу, стариком, хоть и выглядел моложе своих лет. Уже в первом перегоне между Павелецкой и Таганской капитан начал задыхаться. А где-то посередине между Таганской и Курской и вовсе остановился.

— Дурак я, — прохрипел он сквозь тяжелое дыхание, опираясь на тюбинг, — семьдесят один год, а ума нет. Знал же, что не потяну, а все равно полез... полез... да... ох...

Кирилл, молодой парень, почти мальчишка, заботливо поднес к дрожащим губам старика флягу с водой и сказал:

— У тебя есть маёк.

Дед кивнул и, чуть отышавшись, произнес:

— Есть, но он очень вреден. Давай так: пройдем Таганскую, и, если мой организм снова начнет бузить, я его съем.

Что такое маёк, Ева не знала. Да и сейчас интересоваться этим считала излишним. Нужно было идти дальше. Вернее, бежать. На жеребьевке им очень повезло оказаться вторыми. Значительная фора по сравнению со всеми остальными участниками. Однако она понятия не имела, как можно обогнать тренированных и опытных ганзейцев, которые стартовали первыми. А победить очень хотелось.

Сперва девушка подумывала соскочить на Таганской или Курской, затеряться в толпе — и плевать, что Андрея Андреевича и Кирилла снимут с соревнований. Главное — она ускользнет от Фили. Но в ожидании старта, сидя в одной из гостиничных клетушек на Павелецкой, Ева разговорилась с парнем, что-то пишущим в маленьком блокноте, а затем и с Дедом. Оказывается, старик был когда-то военным врачом и теперь лелеял мечту открыть постоянный лазарет на какой-нибудь бедной станции, где люди более всего нуждались в медицинской помощи. А такое возможно лишь в том случае, если имеется постоянный доход. По темным меркам метро победитель получал в бесплатную аренду значительную площадь. А это сулило очень даже неплохую прибыль. В конце концов, можно было сдать квадратные метры в субаренду и за счет этого приобретать или изготавливать самому необходимые лекарства, а также инструменты и перевязочные материалы. Андрею Андреевичу неоднократно предлагали работу по специальности в Ганзе, на Красной Линии, в Полисе, но он всегда отказывался. Считал своим долгом лечить простых людей, а не элиту подземелий.

И Ева неожиданно загорелась идеей старика. Она вспомнила о ракитичном малыше, который грелся возле костра, и его изнанке, толстощеком мальчике на коленях у выделистой расфуфыры. Если первый завтра умрет, то его, наверное, даже и не похоронят, забудут о нем через час, как будто такого и не было никогда, — зато второй наверняка наблюдается у лучших лекарей Ганзы. Так почему же во всем этом несправедливом темном и удушливом мире не найтись хотя бы одному человеку, который мог бы бескорыстно осмотреть несчастного ребенка?

И еще Ева подумала, что никогда не совершила ничего стоящего. Всю жизнь девушка была под присмотром отмороженного брата. И если изредка вырывалась из цепких объятий ненавистного родственника, то тратила драгоценное время совершенно впустую. В сущности, она такая же серая и убогая безымянка, как и все остальные, и лишь хорохорится, считая себя особенной. «Если победим, я стану медсестрой, — решила Ева, — буду помогать и учиться, и обязательно научусь...»

И вот теперь и без того маленькие шансы на победу становились призрачными. Такими темпами не то что вторыми, последними можно прийти.

Дед все же кое-как совладал с собой, и троица двинулась дальше. Ева, приноровившаяся наступать точно на шпалы и не спотыкаться, бежала первой с фонариком, за ней, шумно дыша, следовал Андрей Андреевич, замыкал юноша.

Команда не могла похвастаться хорошим вооружением. Старики и его ученик целый год, а то и больше копили на залог для Игр, а потому экономили буквально на всем, в том числе и на закупке снаряжения. Что-то стоящее было разве что у Деда: укороченный автомат АКСУ. За спиной у юноши болтался обрез, а Еве Андрей Андреевич подарил оружие из собственных запасов.

За двадцать минут до старта, когда участникам вернули их имущество, Дед подозвал девушку и вручил ей пистолет Макарова и боевой нож.

— Трофейное, «Камиллус», — сказал он, обнажив клинок. — Выдавался когда-то американским вэвээнникам.

Еве понравилось оружие, она бережно взяла его в руки и осмотрела, попробовала на вес, осторожно коснулась пальцем острия. На пятке был выгравирован звездно-полосатый флагок, а рядом красовалась надпись, сделанная аккуратными маленькими буквами: My OC.

— Что такое Myos? — спросила девушка.

— Черт его знает, — ответил Дед, — но только ты неправильно читаешь. Написано тут не по-русски, а по-английски. Мне вот кажется, что это сокращение означает my officer commanding, по-нашему — «мой командир, мой начальник». Можно думать все, что

угодно. Например, какой-нибудь заокеанский патриот искренне считал Соединенные Штаты Америки своим главным и непосредственным начальником. В общем, сейчас трудно сказать. Мне этот нож десять лет назад в память об одной страшной битве Филипп Реглов подарили. Может, слышала о таком? Сейчас его кличут Фольгером.

Ева тогда очень удивилась, что Андрей Андреевич знает Филю, и хотела было расспросить подробней, но Дед уклонился от разговора, сославшись на то, что история эта слишком тяжелая и ее стоит поведать в более спокойной обстановке. Например, после Игр.

Сейчас девушка сконцентрировалась на другом: на беге и на собственном дыхании. Фонарик был закреплен у нее на плече, и бледно-желтый луч света беспокойно мотало из стороны в сторону. Ева, глядя вниз, считала шаги: «Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре». Это не просто помогало не сбиться с ритма, но и вводило в некое подобие транса, — не чувствуя ног, Ева будто парила над рельсами, словно превратилась в маленькую летучую мышь, ощупывающую на расстоянии своды перегона. И ей чудилось, что так может продолжаться до бесконечности.

Однако это странное состояние кончилось, когда неожиданно показалось светлое пятно. Вскоре троица вынырнула из тьмы туннеля на свет станции. Со всех сторон девушку атаковали звуки, и она, немного растерявшись, притормозила. Люди, столпившиеся на краю платформы, гудели, подбадривали, выкрикивали слова одобрения, бросались насмешками.

— Какими мы идем?! — донесся до Евы крик Кирилла.

— Пока еще вторые! — ответил ему кто-то из толпы. — Но от наших, ганзейских, порядком отстали!

Сотни пар любопытных глаз были девушке неприятны: появилось навязчивое ощущение, будто она — участница крысиных бегов. И праздный люд ждет не дождется, когда же, наконец, эта молодая крысиная самка издохнет от перенапряжения или, устав, сойдет с дистанции, или, еще лучше, ее догонит какой-нибудь более сильный и прыткий грызун и задерет насмерть. Поэтому Ева почувствовала сильнейшее облегчение, когда вновь нырнула в хо-

лодную туннельную мглу. Начинался длинный перегон Кольцевой линии между Курской и Комсомольской.

Минуту спустя команда пришлось остановиться: Дед опять начал выдыхаться.

— Что ж, — сказал старик, шумно дыша и извлекая что-то из внутреннего кармана куртки, — придется есть эту гадость. Посвети-ка мне, Ева!

Девушка направила фонарь на руки Андрея Андреевича и увидела пробирку, до краев наполненную порошком и закупоренную бумажным тампоном. К пробирке была приклеена бумажка с надписью: «Му ОС».

— Тоже переводится как «мой начальник»? — спросила Ева.

— Нет, — вытачив затычку и высыпав себе на ладонь часть порошка, сказал Дед. — Просто, после того как Реглов подарил мне нож с аббревиатурой на английском, я подбирал разные словосочетания и нашел, в частности, такое: *my operational capability*, то есть моя работоспособность, моя пригодность к эксплуатации. И примерно в это же время довел до конца свое изобретение: порошок из довоенных таблеток и высушенных растений с поверхности, который повышает человеческую работоспособность. Вот и написал в шутку *Му ОС*, а один мой товарищ, великий грамотей, прочитал надпись как «Маёк». Так за этим психостимулятором название и закрепилось. Вредный, правда, он очень.

— В Ганзе вы, наверное, могли бы стать почетным гражданином, — предположила Ева.

— Я не хочу, — сказал Дед, запрокинул голову и высыпал порошок себе в рот, затем, поморщившись, запил водой из фляги. — Мне это не нужно. Я свою формулу бесплатно передал людям Полиса и Красной Линии. Я вне политики. Не знаю, как на Красной Линии, а в Полисе маёк запретили как опасное для здоровья вещество, хоть и полезное при определенных обстоятельствах. Им там торгуют из-под полы. А я если кому и помогаю, то за доброе слово.

Ева с восхищением взглянула на Андрея Андреевича. Не часто ей попадались на пути такие бескорыстные мужчины, следующие, несмотря ни на что, своим убеждениям. Мир давно пришел в не-

годность, погряз во тьме, а этот старик все равно излучает свет, все равно делает так, как велит ему совесть, а не жизненные обстоятельства. И девушка окончательно решила, что будет с Дедом и его учеником Кириллом до конца, и неважно до какого — победного или смертного. Вот где действительно настоящие люди, а не безымянки.

— Возьми, — сказал старик, протягивая пробирку Кириллу, — спрячь, чтобы у меня больше искушения не было. А то от передозировки еще и галлюцинации могут быть. Нам пора, мы и так много времени потеряли. Того и гляди, нас нагонят.

Парень поднес к носу порошок, сделал глубокий вдох и чихнул. Андрей Андреевич строго посмотрел на ученика. Тот извинился и спешно спрятал пробирку в нагрудный карман. Троица двинулась дальше.

Порошок и в самом деле оказал на старика благотворное действие. Он больше не сопел, не задыхался и не отставал. Ева ловко перепрыгивала со шпалы на шпалу, ее спутники, включив фонари, не отставали от девушки.

Вскоре Ева почувствовала первые признаки усталости. Не желая поддаваться слабости, она попыталась считать шаги, чтобы вновь, как в предыдущем перегоне, в воображении превратиться в маленькую летучую мышь. Однако сконцентрироваться отчего-то не получалось. Несколько раз Ева спотыкалась, не попадая на шпалы, но все же удерживала равновесие и продолжала упорно бежать вперед.

Время тянулось мучительно медленно, весь мир сузился до саднившего от пота лица, натужного дыхания, болтающегося на спине рюкзачка и нескончаемо длинного темного туннеля, по которому непрестанно блуждали три лучика света.

«Наверно, в аду так же, — мелькнула шальная мысль, — только туннель огненный, или змеями наполненный, или еще чем, но это неважно, потому что все равно бежишь, бежишь, и остановиться не можешь... и вырваться — тоже».

Но, как бы там ни было, перегон между Курской и Комсомольской имел свои пределы, и спустя долгое время Ева увидела свет.

— Давайте на станции перейдем в левый туннель! — послышался громкий голос Кирилла. — Все-таки внутренний круг, хоть чуть, но меньше!

Девушке, удивившейся тому, что парню хватало сил еще что-то кричать, предложение показалось разумным. На время Игр края платформ, примыкающие непосредственно к перегонам, огораживались. По ним участники могли свободно переходить с одних путей на другие.

Троица так и поступила. Они быстро поднялись по лесенке, под возгласы болельщиков проскочили мимо гермоворот и спустились с другой стороны платформы. Еве и ее товарищам преграждали путь несколько вагонов, оборудованных под жилые помещения. Кое-как обойдя их, команда побежала дальше. Когда они уже оказались рядом с перегоном, ведущим на Проспект Мира, Ева вдруг услышала, как неистово взревела толпа. Она, остановившись, обернулась. Примерно в ста метрах от нее из щели между вагоном и стеной показался человек в камуфляже, с автоматом наперевес. Ева узнала его — это был Лом, бандит с Новокузнецкой. Следом за главарем выскочили его подельники.

— Давай, давай, не стой! — донесся встревоженный голос Деда. — Уходим! Уходим!

Девушка и ее спутники метнулись к туннелю. Все-таки остановки из-за Андрея Андреевича сделали свое дело: они безнадежно отстали и теперь оказались в пределах видимости далеко не самых безобидных соперников.

— Нам нужно дать бой, когда они только войдут в перегон, — проговорил скороговоркой на бегу Кирилл, — мы их будем видеть, а они нас — нет.

— Не стоит начинать стрельбу первыми, — отозвался Дед, — попробуем уйти. Да и туннель здесь резко влево заворачивает. Может, и не достанут нас.

Ева понимала, что Кирилл прав, — слишком хорошо она знала отморозков с Треугольника. Мирно разойтись со своими конкурентами они не захотят. Но возражать старику не стала. Спорить сейчас — только ухудшать положение.

Они мчались во всю прыть. Сзади слышались тяжелый топот и отборная ругань. Ева немного вырвалась вперед и беспрестанно оглядывалась. Кирилл бежал вровень со своим учителем. Видимо, боялся, что стариk отстанет. Наконец, грянул первый выстрел, отразившийся тысячекратным эхом от стен туннеля и заставивший девушку пригнуться. Следом застрекотала автоматная очередь, раздался крик отчаянья и боли. Ученик Андрея Андреевича упал, тут же попытался вскочить и, протяжно застонав, вновь рухнул. Дед, развернувшись и присев на одно колено, огрызнулся короткой очередью из АКСУ. Ева выхватила пистолет и, подбежав к мужчинам, выстрелила наугад несколько раз — бандиты погасили фонари.

— Туши свет, — сказал стариk, — туши!

Девушка подчинилась, и беспросветный мрак окутал ее.

— Кирилл, что с тобой? — спросила она тревожным полуушепотом.

— В икру попали, — надрывно прошипел юноша, — достань жгут!

Прозвучало несколько выстрелов, Дед ответил тремя одиночными и сменил позицию. Ева на ощупь вытянула из кармана рюкзака резиновый ремень, потянулась к ноге парня.

— Я сам перетяну, — болезненно выдохнул он, — дай мне.

— Уходите, я задержу их, — тихо, но отчетливо произнес Андрей Андреевич и выстрелил.

На мгновение вспышка озарила лицо старика, но девушка успела заметить, насколько оно было поразительно спокойно, даже безмятежно, будто речь шла не о жизни и смерти, а о какой-то нелепой игре, которая вот-вот должна закончиться.

— Остаться должен я, — скрипя зубами, возразил юноша, — я далеко не уйду.

— Уходите, — сказал твердым голосом стариk, — перегон до Проспекта Мира не очень длинный. Я стар, а вам жить еще. Моя вина, что мы так отстали, мне и искупать.

— А как же лазарет для нищих? — спросила Ева и даже не дернулась, когда пуля просвистела у нее над головой. — Получается, все зря? Зря?

— Меньше слов, уходите, — Дед вновь сменил позицию. — Главное — не дойти до цели, главное — идти к ней! Главное — не сидеть на диване! Даже если ты умрешь в пути — твоя смерть не напрасна. Зря — это когда ничего не делаешь. Уходите, авось успеете.

У Евы на глаза навернулись слезы; ей захотелось кинуться старику на шею и разрыдаться. Она бросила отчаянный взгляд на Андрея Андреевича, и ей вдруг почудилось, что глаза его излучают свет. Кристально-чистый, с голубоватым оттенком. Наверное, такого цвета должно быть летнее безоблачное небо. Нет, этот человек не мог быть обитателем сумрачного и удущливого метро, — он прибыл из другой вселенной, из зазеркалья, с изнанки мира, оттуда, где в принципе нет никаких изнанок, ибо там нет места Злу.

Пуля, отрикошетившая от рельса и высекшая столп искр, мгновенно привела Еву в чувство. Конечно, Андрей Андреевич — самый обычный смертный. Ей все почудилось из-за стресса. Да и какой небесный свет, исходящий из глаз, можно увидеть, когда вокруг тьма и видны лишь вспышки из стволов. Она помогла подняться Кириллу, и они поковыляли в сторону Проспекта Мира.

— Хорошо, хоть кость не задели, — процидил сквозь зубы парень, — мясо порвали и все.

Сзади не умолкала автоматная стрельба. Юноша, хромая, старался не опираться на Еву, но время от времени нога у него подворачивалась, и он, тихо скуля, терял равновесие. Тогда девушке приходилось напрягать все свои силы, чтобы удержать парня.

Они двигались чрезвычайно медленно. Так, по крайней мере, казалось Еве, вцепившейся мертвой хваткой в Кирилла. Пальба стала менее интенсивной. Видимо, и Дед, и бандиты экономили патроны. Парень, тяжело и натужно дыша, с трудом волочил ноги, и спустя пару минут Ева начала выдыхаться.

— Давай же, — прошептала она, — давай, мой хороший. Мы дойдем... дойдем.

— Рана, — выдавил из себя Кирилл, — я плохо ее перетянул. Кровь вытекает.

— Терпи, — попросила Ева, — времени нет, мы дойдем.

Стрельба неожиданно прекратилась. Это значило лишь одно: бой закончен. Сердце девушки болезненно сжалось. Она почему-то не сомневалась, что бандиты вышли из схватки победителями. Их было трое против одного семидесятилетнего старика; к тому же Лом имел дурную славу самого отмороженного головореза Треугольника. Скорее всего, о том же самом подумал юноша, — он обреченно произнес:

— Брось меня и беги.

Кирилл попытался убрать руку с шеи девушки, но Ева лишь крепче сжала его запястье и, выключив фонарь, прикрепленный к плечу, через силу прошипела:

— Идем, видишь, уже светлеет, скоро станция.

— Нет выхода, — почти неслышно произнес парень, — нет его. Беги...

— Замолчи! — огрызнулась Ева, буквально взвалив на себя Кирилла. — Не смей так говорить! Слышишь! Не смей!

Сзади доносился гулкий топот ног и веселая нецензурная брань. Юноша практически обмяк, толку от него не было. Но Ева не сдавалась и упорно, шаг за шагом, двигалась в направлении блеклого пятна света. До Проспекта Мира оставалось совсем чуть-чуть, какие-то две сотни метров, может, немного больше.

— Мы дойдем, — шептала она, — дойдем! Слышишь, дойдем!

Ева уже краем глаза видела свет от фонарей, и бандиты конечно же, тоже различали очертания фигур своих жертв. Уже было понятно, что с бескровленным парнем до станции не дотянуть, что шанс остается лишь в том случае, если она прямо сейчас рванет что есть мочи к выходу, бросив раненого.

— Еще шаг, — прошептала Ева, задыхаясь от напряжения, — ну же, хороший мой, еще один шаг, пожалуйста...

Но Кириллу не дано было пройти даже метра. Грязнул раскатистый одиночный выстрел, и юноша, издав булькающий хрип, повис всей массой на хрупких плечах спутницы. Ева медленно опустилась на шпалы. Бзыбыв от бессилия, она расстреляла оставшиеся патроны по приближившимся врагам, однако ни разу не попала. Бандиты ответили автоматной пальбой, но Ева не обратила вни-

мания на свистящие рядом пули. Она, отбросив пистолет, включила фонарь.

Из шеи Кирилла маленьким фонтанчиком била кровь. Девушка заткнула ладонью рану, и липкая горячая жидкость обожгла ей кожу.

— Ты... — пошевелил дрожащими губами парень и потянулся слабеющей рукой к карману, — возьми... там... там... там... ты...

— Да, — тихо всхлипнула Ева, — да... я...

Она извлекла из кармана умирающего пробирку и блокнот и спрятала их.

— Ты... самая... очень... — парень из последних сил пытался что-то сказать, но слова его тонули в хрипе.

— Я знаю... — негромко произнесла она, гладя волосы Кирилла не испачканной в крови рукой, — знаю... ты тоже самый-самый...

Юноша ничего не ответил. Он резко запрокинул голову и перестал дышать. Грудь Евы сдавила тяжесть, слезы сами собой потекли по щекам. Но она не успела разрыдаться: рядом раздался радостный рык:

— А! Фольгеровская шлюха, вот ты где.

Ева быстро вытерла рукавом лицо и встала в полный рост. Этим уродам никогда не увидеть, как она плачет. К ней почти вплотную подошел Лом. За ним стояли, нагло ухмыляясь, подельники. На боку у русобородого отморозка болтался автомат, в правой руке он держал тесак, в левой — отрезанную голову Андрея Андреевича. С головы капало.

— Страшно? — осклабился бандит. — Что поделать — не мы такие, жизнь такая.

Когда-то давно Ева, будучи восьмилетней девочкой, стала случайной свидетельницей безжалостной расправы. Ее родной брат, ставший впоследствии гауляйтером Пушкинской, забил до смерти бейсбольной битой мужчину, которому не посчастливилось иметь в массивном рюкзаке чуть ли не двадцать килограмм провинцианта. Вольф старался ограждать сестру от лицезрения жестокостей, но в этот раз у него просто не было другого выхода, — иначе он рисковал упустить ценную добычу. Для девочки увиденное было самым настоящим шоком. После этого ей несколько месяцев

почти каждую ночь снились кошмары. Однако с тех пор многое поменялось, и отрезанная голова Андрея Андреевича не привела Еву в ужас, — наоборот, она неожиданно для себя сконцентрировалась, стала предельно спокойной. Ее переполняла злость — но злость холодная, даже ледяная и непоколебимо расчетливая. Ни слез, ни страха, ни мольбы о пощаде эти мрази рода человеческого от нее не дождутся.

— Фольгер убил моего кореша Брэка, — прорычал Лом, — а я секачем Брэка отхватил башку твоему новому хахалю. Хорошая месть, праведная.

— Он не мой хахаль, — тихо, но твердо сказала Ева, — и у него было имя, в отличие от тебя.

— Ага, не твой, — ухмыльнулся Лом. — Ты ж самая знатная давалка в метро. Перед любым ноги раздвинешь, даже, — русобородый бандит отшвырнул голову Андрея Андреевича в сторону, — перед таким старпером. Может, тебя оприходовать перед смертью? А?

— А почему бы и нет? Оприходуй! — вдруг с вызовом произнесла Ева.

— Я ж говорил, — самодовольно оскалившись, Лом повернулся к подельникам, — эта сучка только об одном и мечтает. Муса, ты у нас самый скорый, порадуй потаскушку напоследок. Время у нас еще есть.

Из-за спины русобородого бандита вышел невысокий брюнет. Ева отступила на два шага и уперлась в тюбинг рюкзачком.

— Давай, только быстрей! — сказал Лом. — Время есть, но его мало.

Лицо брюнета озарила отвратительно липкая улыбка. Он схватил девушку за груди. Пахнуло забористым перегаром и едким потом. Ева улыбнулась и, потянувшись к ширинке бандита, томно промурлыкала:

— Я сама.

Все так же улыбаясь, девушка бросила короткий взгляд на двух других отморозков. Лом расслабленно стоял с тесаком в руках. Второй выродок напряженно вглядывался в туннель, ведущий в

сторону Комсомольской. Видимо, опасался, что какая-нибудь команда их нагонит.

Оценив свои шансы и медленно расстегнув ширинку на штанах бандита, Ева неожиданно впечатала колено ему в пах, а когда тот, яростно взывив, согнулся пополам, изо всех сил оттолкнула от себя смердящую тушу. Несостоявшийся насильник, задыхаясь и рыча, повалился на шпалы. Лом проявил неожиданную прыть. Взревев, он рванулся к девушке и ударил секачом. Ева успела, пригнувшись, отскочить, и тесак со звенящим скрежетом высек столп ослепительных искр из тюбинга.

Не оглядываясь, она помчалась в сторону Проспекта Мира.

— Стой, с-у-у-у-ка!!! — Лом метнулся следом.

Дыхание Евы сбилось, она споткнулась, но, отчаянно взмахнув руками, удержала равновесие и побежала дальше. Конец туннеля был близок, девушка уже отчетливо различала крайний из стоящих на станции вагонов. За ее спиной слышалось натужное дыхание Лома. Казалось, еще немного — и он настигнет жертву. Собрав последние силы, Ева ускорила бег. Тяжелые хрипы сзади усилились, преследователь также прибавил ходу.

«Еще чуть-чуть... — била ошалелая мысль в виски, — еще чуть-чуть...»

И вот, когда до входа на станцию оставалось не больше двух метров, кто-то сильный схватил ее за рюкзачок. Ноги Евы подогнулись, и тут же пришло осознание бесполезности любого сопротивления. Она обречена, она погибнет. Здесь и сейчас, не дотянув до спасительной границы между светом и тьмой, между жизнью и смертью, не успев преодолеть ничтожное расстояние, длина которого равнялась ее росту.

Но кто-то другой, не она, а некто, живущий внутри нее, остервенело борющийся за жизнь, приказал телу не сдаваться. Лом, за-махнувшись секачом, уже готов был разрубить голову несчастной, но Ева, резко разогнув ноги, врезалась спиной в бандита. Отморо-зок, не ожидавший такого, попятился, опустив тесак, а девушка двумя быстрыми движениями освободилась от рюкзачка и рванулась к выходу на станцию.

Яркий свет ослепил Еву. Она зажмурилась, споткнулась обо что-то и упала. Девушка перевернулась на спину и увидела сквозь прищуренные веки зловещую фигуру бандита, занесшего над ней окровавленный секач. Ева инстинктивно простерла перед лицом руки, понимая, что теперь ее уже ничто не спасет.

— Опустить оружие!!! — скомандовал чей-то стальной голос. — Иначе в соответствии с седьмым пунктом правил я вынужден буду открыть огонь!

Ева повернула голову. На платформе с автоматом наизготовку стоял ганзейский спецназовец и целился в отморозка. Лицо Лома искривилось в яростной гримасе. Помедлив немного, он демонстративно вытер секач об штаны девушки и спрятал его в поясной чехол.

— Это, шлюшка, кровь твоих любовничков, — прорычал бандит, — тебе на память.

Из туннеля появились двое других запыхавшихся отморозков.

— Мы еще встретимся, шлюшка, — сказал Лом и вместе с подельниками скрылся в проеме между вагоном метро и стеной.

Бандиты ушли, неотвратимая смерть обошла ее стороной. Ева села и, спрятав лицо в ладонях, разрыдалась. Теперь, когда опасность миновала, весь ужас пережитого навалился на нее невероятной тяжестью. Самый лучший человек в метро, самый светлый и прекрасный в своей невозмутимости, погиб. Причем расправились с ним зверски, отсекли голову. Всего лишь несколько часов назад Ева впервые в жизни увидела Андрея Андреевича и Кирилла, но успела привыкнуть к ним, будто знала их с самого детства. Словно только что погиб ее родной отец. Будто не стало младшего брата. Не такого брата, как Вольф, а доброго и участливого.

Она лишилась семьи, которую быстро приобрела и столь же быстро потеряла. И не было больше цели, ради которой стоило жить в этом гнусном крысятнике. Людей лечить, в отличие от старого военврача и его ученика, Ева не умела, и открыть лазарет она не сможет. Она ощущала себя ничтожной, бесталанной дурой. Других таких спутников она больше никогда не найдет. Теперь оставалось лишь одно: сойти с дистанции, найти ближайшего ган-

зейского торговца сивухой и нажраться до беспамятства. А дальше... что дальше... дальше только сплошная тьма и бессмысленная пустота убогой жизни...

— Дамы и господа, вы только посмотрите, какая невероятная драма разыгрывается перед вашими глазами! — разнесся над станцией высокий мужской голос. — Эта плачущая девушка только что чудом спаслась от смерти! Ее напарники, скорее всего, убиты, и теперь нам жутко интересно, продолжит ли она свое участие в соревнованиях?!

Ева убрала ладони от лица, подняла голову. На нее с немым любопытством взирали десятки и десятки жадных глаз, которым действительно было жутко интересно смотреть на чужое страдание, будто в этом и заключалась вся их жизнь. Или, может, глядя на муки постороннего человека, они ощущают себя не такими уж забитыми и несчастными в удушливом мире подземелий?

— Между тем, дамы и господа, вы можете сделать ставки, — кричал букмекер в сером джемпере, видимо, решивший взять на себя роль ведущего. — Коэффициенты, естественно, поменялись, но до завершения Игр еще далеко. А мы пока спросим у нашей участницы: продолжит ли она борьбу за призовое место?

Ева посмотрела на толпу и поняла, что сойти с дистанции не сможет. Все эти уроды — от мала до велика, от жиরующего богатея до последнего нищеброда будут глазеть на нее, ощупывать взглядами, перешептываться. Мол, посмотрите на нее, она нас неплохо позабавила. Жаль, конечно, что живой осталась, не тот накал страстей и чувств получился. Не дала как следует посопреживать, посочувствовать, пролить слезу над своей безвременной гибелью. Но все равно представление получилось неплохим. Можно даже поапплодировать, когда она поднимется по лестнице на платформу...

Нет, оставаться рядом с такими ублюдками Ева не хотела. Девушка поднялась, вытерла слезы, отряхнулась и зло посмотрела на мужичка в сером джемпере.

— Ну же, что скажет нам наша героиня? — выкрикнул букмекер.

— Да пошел ты, скотина!!! — огрызнулась Ева и спешно скрылась за вагоном.

— Дамы и господа, вот он — ответ настоящей амazonки, бесстрашной и целеустремленной! — не растерялся тот. — Делаем ваши ставки, дамы и господа. Напоминаю, в свете новых событий коэффициенты изменились...

Спрятавшись за вагоном от посторонних глаз, Ева извлекла из кармана пробирку с надписью «My OC». Вспомнив слова Андрея Андреевича о том, что главное — не цель, а движение к ней, она приняла окончательное и бесповоротное решение.

— Значит, это моя работоспособность, — прошептала девушка и выдернула затычку.

Высыпав весь до последней кручинки безвкусный порошок в рот, Ева запила его водой из фляги. Бросив пробирку на землю, раздавила ее берцем и проговорила, быть может, чуть громче, чем нужно:

— Я пойду до конца. Неважно, до победного или смертного, но до конца.

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ

Ване Колоскову, нареченному Гансом Брехером, не давал покоя вопрос, почему для выполнения миссии штурмбаннфюрер выбрал именно их. Штефан считался лучшим среди мастеров заплечных дел и, несмотря на щуплый вид и небольшой рост, внушал своим жертвам, пожалуй, еще больший ужас, нежели предыдущий главный мучитель Пушкинской Байль, или, как часто его звали, Топор. Ваня прекрасно помнил одноглазого громилу, ибо попал под пресс его кулаков в тот злополучный день, когда ушел с Баррикадной из-за нелепого убийства товарища. Подозрительные наци пытались выяснить, не шпион ли Колосков, и ныне покойный Топор почти сутки методично избивал перебежчика.

Штефан был другим. Лицо палача с глубоко посаженными глазами, чуть припухлыми щеками и маленьким ртом внушало не то чтобы страх, — скорее омерзение. Особенно явственно чувство гадливости проявлялось у Вани, когда Штефан, пытаясь понравиться собеседнику, улыбался. Это как если бы увидеть улыбку ожившего мертвеца, во взгляде которого читалась неизмеримая зависть к живым и плохо скрываемое желание убивать.

Недоумкам вроде толстяка Генриха Штефана почему-то казалася чуть ли не героем, но офицеры Четвертого Рейха относились к

палачу с явным пренебрежением, даже с презрением. Наверное, не случайно недоростку-извергу дали фамилию Поппель, что в переводе с немецкого означало «тушица». И вот этому щуплому садисту с гигантским комплексом неполноценности доверили должность главного истязателя Пушкинской.

А теперь по непонятным причинам Брут выбрал для выполнения ответственной миссии Ваню и Штефана.

Впрочем, Ваня был рад, что покинул пределы Четвертого Рейха — впервые за полгода. Вооруженный, как и остальные, АКСУ и пистолетом Ярыгина, с почти пустым рюкзаком, он мчался по перегону в сторону Цветного Бульвара. Впереди маячила спина малорослого лысоватого Штефана, сзади то и дело слышались грозные окрики Брута, подгоняющего обоих. Периодически у Вани возникала мысль, что теперь-то он может удрать из Рейха на другую станцию. Главное — выбрать удачный момент, когда внимание штурмбаннфюрера отвлечется на какую-нибудь опасность, и скрыться во тьме туннеля или в удачно подвернувшемся полуразрушенном здании на поверхности. Однако в следующий момент парень вспоминал об Оле, и желание сбежать тут же испарялось. Куда она без него? Беззащитная, милая девушка среди безжалостного зверья...

Монотонно бегущий, погруженный в горькие размышления о своей невесте, Ваня не сразу заметил, что перегон закончился, и он мчится вдоль заброшенной станции. Парень притормозил, осветив платформу. Цветной Бульвар был необитаем, и лишь крысы длиною с человеческую руку сновали в смердячих кучах мусора. Что здесь могло привлечь этих отвратительных грызунов?

— Не останавливаться! — послышался сзади рык Брута. — Времени нет, бегом! Бегом, я сказал!!!

Ваня прибавил ходу. Минуту спустя группа вновь погрузилась во мглу туннеля. На станции было столь же темно и холодно, и особой разницы в ощущениях Ваня не почувствовал. Все так же жутковато и инфернально. Впрочем, для него, как и для большинства обитателей метро, тревожное ожидание давно стало привычкой.

— Стоять! — крикнул Брут.

Ваня и Штефан остановились, повернулись к командиру.

— Сюда! — штурмбаннфюрер ткнул пальцем в узкий проход, который Колосков даже не заметил.

Теперь первым шел Брут, за ним по узкому, беспрестанно петляющему проходу следовал Ваня, а замыкающим был Штефан. Вскоре они уперлись в стальную дверь, которую удалось открыть не без труда. За дверью оказался тупик с прикрепленной к стене лестницей, ведущей в узкий лаз. Штурмбаннфюрер повернулся, осветил фонарем товарищей и сказал:

— Лезем наверх, надевайте намордники. По поверхности пройдем чуть больше двухсот метров, но зевать никому не рекомендую.

Облачившись в противогаз, Ваня испытал странное чувство нереальности происходящего. Он далеко не в первый раз выходил на поверхность, и хоть не мог считать себя матерым сталкером, тем не менее новичком тоже не был. Но сейчас, когда обзор сузился до двух стеклянных окошек, а звуки стали глухими и далекими, он вдруг увидел себя как будто со стороны. Будто лезёт по лестнице вслед за штурмбаннфюрером Брутом не парень с Баррикадной, а кто-то другой, яростно жаждущий заменить прежнего Ваню Колоскова. Такое странное чувство впервые возникло во время бегства в Рейх и теперь посещало его все чаще и чаще.

Брут неожиданно перестал подниматься, и Ваня чуть не удалился головой о ботинок штурмбаннфюрера. Послышался металлический скрежет, что-то гулко ухнуло. Парень поднял голову, увидел блеклый круг и понял, что Брут вывел команду на поверхность известным лишь одному ему путем. Полминуты спустя Ваня оказался посреди улицы и, держа автомат наизготовку, тревожно озирался по сторонам. Стояла темная безлунная ночь. Несмотря на декабрь, снега не было, но холод практически сразу пробрал до костей. Справа, всего в нескольких метрах от выхода, возвышался пятиэтажный, неплохо сохранившийся дом из кирпича. Как ни странно, почти все окна были целы, и стекла в разболтавшихся рамках позвякивали на ледяном ветру. На стене висела разбитая табличка. Ваня попытался ее прочесть, но разобрать надпись так и не смог.

«2-й... иловский», — прошептал он про себя.

Слева стояла трансформаторная будка, рядом — трехэтажная коробка, а за ними вздымался красивый дом, напрочь лишенный окон.

— Не зевать! — рявкнул Брут, закрывая люк. — Ты сейчас смотришь на одно большое логово крысанов.

Парень хотел спросить, кто такие крысаны, но осекся, поскольку штурмбаннфюрер знаком указал направление движения — в сторону высотки, похожей на гигантский цилиндр. Ваня и Штефан молча последовали за Брутом вдоль звенящего стеклами кирпичного дома. Казалось, здание живое и предупреждает нежданых гостей о незримой опасности, притаившейся в зловещей ночи. Неожиданно в поле зрения попало нечто темное и пугающе бесформенное. Сердце болезненно екнуло; встрепенувшись, Ваня вскинул автомат, прицелился и только потом сообразил, что перед ним всего лишь полусломанный остов микроавтобуса. Облегченно выдохнув, парень ощутил, что ему не хватает воздуха, а руки сотрясают мелкая дрожь. Невероятным усилием воли он заставил себя оторвать окаменевший палец от спускового крючка и пойти за Брутом.

Между тем они миновали кирпичный дом, и справа от сталкеров открылась улица. Слева их защищала четырехэтажная коробка, а до цилиндрической высотки оставалось каких-то метров пятьдесят-семьдесят. По крайней мере, так показалось Ване. Он уже собрался двинуться вперед, как штурмбаннфюрер поднял вверх сжатый кулак. Парень мгновенно замер, хоть и не понял причину внезапной остановки. Он всмотрелся в темноту и увидел три тени, — и это были отнюдь не ветхие каркасы. У теней имелись четыре лапы, и они бесшумно крались.

«Крысаны», — догадался Ваня.

Странно, но теперь он неожиданно для самого себя собрался, приготовившись дать бой мерзким существам. Исчезла дрожь, страх ушел куда-то глубоко в подсознание и там, на самом дне, почти не ощущался. Справа Ваня увидел шесть мерзких созданий, очень похожих на крыс, но с длинными мускулистыми лапами и раздвоенными на концах хвостами. Тут же послышался вскрик Штефана. Ваня развернулся: сзади на сталкеров надвигались еще

полторы дюжины крысанов. Все они достигали примерно половины человеческого роста.

Мохнатые твари неторопливо и беззвучно подбирались к окруженным с трех сторон жертвам. Впрочем, возможно, мутантов не было слышно из-за мощных порывов ветра, гудящего в опустелых многоэтажках. Глаза крысанов сверкали злыми красноватыми огоньками, поджарые тела напрягались в готовности рвать теплую плоть незваных гостей.

Трезво оценив шансы, Ваня решил, что живыми они не уйдут. Если, конечно, крысаны не испугаются автоматной пальбы и не отступят после убийства нескольких сородичей. Если же почти три десятка зверей догадаются атаковать одновременно, людям несдобровать.

— В головы! Одиночными! Постепенно отступаем к стене дома! — прокричал штурмбаннфюрер и знаками обозначил сектора, которые должны защищать бойцы.

Штефану достался самый легкий участок: на начальном этапе боя он должен был обороняться всего лишь от трех мутантов. На долю Вани выпала боковая улица, с которой подкрадывались шесть крысанов. Брут взял на себя最难的 задачу: биться со всеми остальными тварями, подбирающимися сзади.

— Огонь! — скомандовал штурмбаннфюрер, решив упредить нападение.

Ваня выстрелил. Один из крысанов, взвизгнув, начал оседать. Не дожидаясь, пока зверь упадет на землю, парень прицелился в новую тварь, нажал на спуск и отступил на два шага к стене. Опять выстрел, и еще два шага назад. Твари наконец-то догадались атаковать и бесшумно кинулись на людей. Ваня успел еще дважды огрызнутся из автомата, прежде чем уперся спиной в стену многоэтажки.

На ледяной декабрьской земле остались лежать с десяток мутантов, но остальные, ощерившись, короткими рывками неслись навстречу сталкерам. Ваня понял, что успеет выстрелить еще один, в лучшем случае — два раза, а потом наступит конец. Краем глаза, он заметил истошно мычавшего от ужаса Штефана, дергающего затвор заклинившего автомата. Ваня прицелился, чтобы выстре-

лить в последний раз и унести с собой в могилу хотя бы еще одну тварь.

И в этот миг случилось нечто непонятное. Откуда-то сверху послышалось резкое шуршание, а потом с крыши дома, под стеной которого оборонылись люди, кто-то молниеносно метнулся вниз, в стаю крысанов. Исполинское извивающееся тело разметало взвывших от ужаса мохнатых мутантов. Секунду спустя они обратились в паническое беспорядочное бегство.

Оправившись от первого шока, Ваня разглядел внезапно спасшего их монстра. Это был гигантский удав с головой, похожей на собачью. Ваня не решился определить его размеры — настолько тот был велик. Из огромной пасти рептилии торчали задние лапы и дергающийся раздвоенный хвост крысана. Еще один зверь отчаянно сучил лапами, тщетно пытаясь вырваться из стальных объятий окольцевавшего несчастную жертву удава. Два глотательных движения — и монстр пожрал крысана, а второго сжал так, что хруст костей на какой-то миг заглушил шум ветра.

Пальцы Вани коснулись спускового крючка.

— Нет! — рявкнул Брут и с силой потянул ствол автомата вниз. — Это Нидхёгт, Неспящий Змей. Жрет крысанов и прочую мерзость.

— Откуда он? — опустив оружие, прошептал Ваня так тихо, что штурмбаннфюрер вряд ли услышал его сквозь противогаз.

Однако Брут ответил, указав на цилиндрообразную высотку:

— Он живет за этой многоэтажкой, в Антроповском сквере. Он теплокровный и никогда не дремлет, и никогда не трогает воинов Рейха, — штурмбаннфюрер посмотрел на Штефана, который все никак не мог справиться с отказанвшим автоматом, и несильно пнул его ногой, — кроме дебилов. Ты оружие когда в последний раз чистил, убожество?

— Это не мой автомат, — попытался оправдаться Штефан, — мне его таким выдали...

— Ладно, — отмахнулся штурмбаннфюрер, — я с тобой потом разберусь! Времени нет, нужно бежать дальше.

Уже минуту спустя они оказались в подвале высотки. К удивлению Вани, здесь было намного теплее, чем на улице, но запахи,

пробивающиеся даже через фильтр противогаза, оставляли желать лучшего.

— Сюда просачивается дермо Нидхёгга, — сказал Брут, разгребая мусор под ногами. — Воняет, зато неплохо греет. Посвети мне, Ганс!

Ваня осветил фонарем ноги штурмбаннфюрера и увидел металлический квадратный люк на стальных петлях. Брут резким рывком открыл его и ткнул пальцем в черную дыру, — видимо, лаз, ведущий в метро.

— Штефан, лезь первым! Там лестница, — скомандовал штурмбаннфюрер.

Штефан, нервно дернувшись, опустился на четвереньки и, пятаясь, вслепую принялся искать ногами ступеньки невидимой лестницы.

— Быстрее, ушлепок! — гаркнул штурмбаннфюрер.

Видимо, Штефан боялся разъяренного офицера Четвертого Рейха больше бездонной темноты: он почти сразу же нашел ступеньки и исчез в дыре.

— Теперь ты, Ганс, — сказал Брут.

Ваня заметил, что голос штурмбаннфюрера заметно смягчился, и это порадовало парня. Лаз оказался узкой, почти отвесной трубой. Дышать здесь было заметно тяжелее. Ваня то и дело светил вниз, выхватывая из темноты голову Штефана. Почему-то вспомнился анекдотичный случай, произошедший почти полгода назад, когда Брут хорошенко поколотил Штефана. Его тогда еще не повысили до должности палача, и был он обычным подмастерьем заплечных дел.

Штефана Поппеля направили на Тверскую охранять арестанта, приговоренного к казни через повешение. Был ли это троцкист, анархист или самый обыкновенный шпион Красной Линии, история умалчивает, — но смертник однозначно обладал весьма тонким и малодоступным для быдловатой массы метророжителей чувством юмора. В свою последнюю ночь он умудрился разговорить Штефана и научил его песне украинских коллаборационистов, тесно сотрудничавших с немецкими наци во время Второй мировой войны.

Вернувшись на Пушкинскую после казни, Штефан гордо расхаживал по платформе и распевал: «Аванти пополло, алла риско-са! Бандера росса! Бандера росса!», пока его случайно не услышал Брут. Штурмбаннфюрер Четвертого Рейха после пары хороших ударов по ребрам объяснил незадачливому арийцу, что «Бандера росса» означает «Красное знамя», и поет он вовсе не гимн украинских националистов, а песню итальянских коммунистов.

Впрочем, всю комичность ситуации кроме самого штурмбаннфюрера оценил, пожалуй, только Ваня, с детства увлекавшийся иностранными языками и собравший на Баррикадной целую коллекцию словарей и самоучителей. Зато язык кулаков и боли был понятен абсолютно всем, и потому Штефан так боялся Брута.

Спустившись вниз, штурмбаннфюрер наконец разрешил снять противогазы. Еще какое-то время пошныряв по узким ходам, группа, наконец, вышла в туннель, показавшийся Ване после тесных коридорчиков необычайно просторным.

— Сейчас мы в перегоне между Проспектом Мира и Новослободской, — отчетливо прошептал Брут. — Гасим свет, рассредоточиваемся и ждем. Помните: в девушку и ее команду не стрелять. Это сестра нашего гауляйтера. Зацепите ее или даже если с нее случайно упадет хоть один волос, я вам кишки выпущу. По остальнym стрелять короткими очередями.

Ваня, нервно теребя цевье автомата, погасил фонарь и прижался к тюбингу.

— Герр Брут, а как нам понять, что это фрау Ева? — послышался угодливый голосок Штефана.

— Я первый выстрелю, — донесся, будто отовсюду, приглушенный рык штурмбаннфюрера. — Если я не стреляю, то и вы не стреляете, понятно?

— Яволь, яволь, герр Брут. Всегда восхищался вами. Вы настоящий и истинный белый европеец. Всегда восхищался вашей арийской мудростью и вашим...

— Заткни пасть, Поппель!

В нагрянувшей тишине и абсолютной темноте на Ваню вдруг накатил приступ страха. Человеческая психика иногда выдает самые настоящие чудеса. Когда на сталкеров напала стая крысанов,

Ваня, предвидя скорую и жуткую смерть, совсем не испугался и мужественно сражался с мутантами. А сейчас, находясь в самых безопасных перегонах Ганзы, он, несмотря на холод, вспотел. Стиснул зубы, чтобы не закричать от непередаваемого ужаса. Сердце было тревожной канонаду, будто предчувствуя дурное, нечто такое, после чего окончательно будет пройдена точка невозврата. Окружающая тьма сгущала воздух и заставляла дышать через силу. И, казалось, рядом стоит некто и зорко следит за поверженным в трепет парнем, только и дожидаясь, когда же Ваня, поддавшись панике, истошно заорет и, впустив в себя адский кошмар, пустится наутек. Вот тогда-то и можно будет пожрать Ваню подобно тому, как совсем недавно гигантский змей заглотнул крысана. Страх всегда делает слабым.

Понимая, что на самом деле никого постороннего в туннеле нет, Ваня сделал над собой усилие, глубоко вдохнул, выдохнул, затем снова вдохнул и заставил себя думать, что ему слышится наружное сопение Штефана, а не запредельное дыхание туннельной мглы.

Вскоре до обостренного слуха Вани донеслись частые, почти неслышные чирканья. Кто-то бежал по туннелю. Его удивила легкость бега. Словно некто, лишь слегка касаясь носками шпал, парил над рельсами. Но самым поразительным было отсутствие света. Кто-то мчался по перегону — Ваня не сомневался, что это человек, а не какой-нибудь мутант — с выключенным фонарем, совершенно не заботясь о том, что может расшибиться насмерть.

Бегущий был совсем уже близко, и Ваня крепче сжал автомат, готовясь открыть пальбу по первому знаку штурмбаннфюрера. Тяжело, конечно, целиться на звук, но выбирать не приходилось.

Вдруг раскатистым эхом по перегону разнесся звонкий девичий смех, и ясный женский голос радостно прокричал:

— Аве и Ева, идущие к свету, приветствуют вас, мальчики!

Кто-то с быстротой молнии промчался мимо Вани. Только потом, когда еле уловимый ветерок обдал лицо, он сообразил, что это была сестра гауляйтера. За полгода жизни в Рейхе Колосков видел ее всего несколько раз, ибо она не любила показываться на людях. Но Ваня узнал голос Евы. Ошеломленный, он никак не мог прий-

ти в себя, не понимая, как девушка могла вычислить засаду в почти абсолютной темноте. Видимо, те же самые мысли пришли в голову штурмбаннфюрера.

— Дерьмо! — выругался он. — Как она нас... дерньмо!

— Герр Брут, это была Ева Вольф? — подал робкий голос Штефана.

— Заткни пасть, Поппель! Сиди молча!

Легкий бег Евы вскоре перестал быть слышен, и в туннеле вновь повисла тягучая тишина. Опять Ваню начало преследовать ощущение постороннего присутствия. Как будто, кроме Брута и Штефана, еще кто-то сидел в засаде и сквозь толщу тяжелой беспрозрачной мглы следил за ним. И это было нечто нечеловеческое. Или, может быть, зачеловеческое, за пределами человеческого. Еще живя на Баррикадной, Ваня слышал множество баек о том, что есть такие места в туннелях, где на путника накатывает необъяснимый ужас. У некоторых караванщиков даже имелись карты метрополитена, где были обозначены опасные в ментальном отношении зоны. Может, они находятся в одной из них?

«Но почему тогда беспричинный страх возникает только у меня? — спросил себя парень. — И Брут, и Штефан вроде бы ведут себя адекватно...»

Ванины размышления неожиданно прервались. Он заметил три огонька, а затем ухо уловило шарканье шагов. К засаде приближалась чья-то команда. Парень весь напрягся, сжал крепче автомат, прицелился в один из огоньков. Палец его беспрестанно елозил по спусковому крючку, но штурмбаннфюрер отчего-то не стрелял, и Ваня, следуя инструкции, терпеливо ждал.

Бледно-желтые лучи блуждали по стенам туннеля совсем рядом с засадой, уже слышалось пыхтение быстро идущих людей, а Брут все медлил. Ваня перестал дышать; еще немного и он, ослушавшись приказа, нажмет спуск.

Однако штурмбаннфюрер его опередил — вспышка сбоку, а следом короткая очередь на мгновение оглушили и ослепили парня. Ваня выстрелил следом, а секунду спустя начал палить Штефана. Фонари погасли, и кто-то открыл огонь в ответ. Колосков молниеносно сообразил, что этот кто-то — один. Двоих либо

убиты, либо тяжело ранены. Вот почему штурмбаннфюрер вплотную подпустил к себе противника — чтобы бить наверняка. Ваня и Брут одновременно выстрелили, и в ответ уже никто не огрызнулся из автомата, но лишь протяжно застонал. Все! Бой закончился, не успев даже как следует начаться.

Штурмбаннфюрер, а следом Ваня и Штефан кинулись к побежденным врагам.

— Так-так, два двухсотых, один трехсотый, — заключил Брут, освещая убитых и раненого фонарем, — неплохой улов. Кто хочет добить трехсотого?

— Можно я, герр Брут, — с приыханием произнес Штефан, — во имя партии и расы, можно я...

Ваня включил свой фонарь, осветив лицо лежащего навзничь тихо стонущего молодого мужчины, и обомлел.

— Никита... — прошептал он дрожащим голосом. — Никита... ты...

Мгновенно вспомнилась тесная каморка на Баррикадной, импровизированный детский сад для немногочисленных малышей. Маленький Ваня играет в солдатики с лучшим другом Ником. Разноцветных солдатиков с поверхности принес один из сталкеров. Ваня хватает пластикового автоматчика в каске и восторженно кричит:

— Трррр! Я убил тебя! Убил!

— Трррр! — стрекочет в ответ Ник, вертя в ручках раскрашенного красноармейца. — Это я убил тебя! Я!

— Нельзя так, — вмешивается в спор детей пожилая воспитательница Зинаида Александровна, — друзья не стреляют друг в друга...

...Подростками они подглядывают в душевой за сверстницами.

— Инка будет моей женой, — шепчет Ник.

— Нет, она будет моей, — улыбается Ваня.

— Нет, моей...

Спор так ничем и не заканчивается, поскольку оба получают мокрым полотенцем по затылку от дородной банщицы, а затем и по два наряда на работы, когда слух об их безобразиях доходит до начальника станции...

Спустя несколько лет Инка все-таки выходит замуж за Ника. Скромная свадьба без платья и без костюмов. Комендант официально поздравляет молодоженов, дарит им усиленный продуктowyй паек. Ваня не в обиде, потому что это был свободный выбор Инны. Праздник проходит без ненужной помпезности, в узком кругу. Ваня все понимает, он никогда не встанет на пути счастья своего друга. Ведь Ник поступил бы точно так же, если бы девушка предпочла его друга. Ваня лишь сильнее налегает в свободное время на словари и самоучители иностранных языков, принесенные с поверхности...

В тот ужасный и роковой день друзья вместе заступают в караул. Ваня, оступившись, нажимает на спуск, и в следующий момент видит дергающееся окровавленное тело начальника блокпоста. Ваня пересекается взглядом с побледневшим Ником. И, быть может, впервые в жизни судорога жесточайшей зависти к судьбе друга бежит по телу Вани. Он медленно поднимается, смотрит в последний раз на Ника и уходит в сторону Пушкинской, в Четвертый Рейх. Ник даже не пытается остановить товарища...

— Я хочу, герр Брут, — заискивающий голос Штефана вывел Ваню из секундного оцепенения, — я хочу, пожалуйста, во имя партии и расы...

— Нет, Поппель, это сделаешь не ты, — штурмбаннфюрер оскалился и обратился к Ване: — Ты его знаешь? Знаешь ведь? Отвечай!

— Да... — с трудом вымолвил Ваня, — знаю.

— Значит, мы положили команду Конфедерации 1905 года, — заключил Брут, — и этот раненый с Баррикадной? Отвечай, Ганс!

— Да...

— Не успели... — задумчиво произнес штурмбаннфюрер, — по списку гауляйтера баррикадники стартовали четвертыми. Значит, скорее всего, три команды уже прошли этот перегон... ладно... Ганс, добей трехсотого!

— Я?! — внутри Вани все сжалось, к горлу подкатила дурнота. — Я не могу...

— Почему? — притворно удивился Брут. — Ты теперь воин Великого Рейха. И не просто мелкая букашка, а офицер. Ты совер-

шил самую головокружительную карьеру в нашей истории, за десять минут вырос до унтерштурмфюрера.

— Он мой друг, — Ваня умоляюще посмотрел на Брута, — понимаете, друг. Пусть даже и бывший, но друг...

Штурмбаннфюрер отрицательно покачал головой, мертвый взгляд доисторического ящера вперился в поникшего парня:

— Я тебе кое-что объясню, Ганс. Ты можешь отказаться добить этого баррикадника, можешь даже попытаться пристрелить меня, и, может, у тебя это даже получится. Но я хочу, чтобы ты уяснил: власть Рейха держится не только на ненависти, но и на любви. Подумай о Хельге, ведь ты ее любишь.

Ваня вздрогнул. В суматохе короткого боя он совсем забыл об Оле.

— Несмотря на декларируемую приверженность чистоте расы, в Рейхе, как и везде, девять из десяти — быдло, — штурмбаннфюрер, растянув рот в улыбке, кивнул. — Да, именно так, тупое и беспросветное быдло. Неужели ты хочешь, чтобы твоя Хельга доталась какому-нибудь жирному хряку вроде толстожопого Генриха или, еще хуже, такому дерыму, как этот? — Брут ткнул пальцем в сторону Штефана.

Главный палач Пушкинской нервно хихикнул, глаза его сверкнули бессильной злобой.

— А ведь ее могут определить в солдатский бордель общей женои, — продолжил рассуждать Брут. — Неужели ты, Ганс, настолько подл и низок, что отдашь любимую девушку на поругание грязным выродкам? Ты ведь не такой? Докажи, что ты благороден и любишь Хельгу.

На лбу Вани выступил холодный пот, окружающее пространство побагровело, что-то лязгнуло в мозгу, будто где-то внутри открылся стальной люк, и оттуда, из черной бездны, вылез некто иной, холодный и беспощадный. Ваня направил автомат на бывшего друга.

— Он все равно истечет кровью и умрет, — заметил Брут. — На Играх каждый сам за себя, и никто ему не поможет. Он все равно уже покойник. Подари ему облегчение, будь благороден.

Дрожащий палец Вани коснулся спускового крючка. Он взглянул через прицел на Ника. Тот бесстрастно смотрел на бывшего друга, и в глазах его читалось не то презрение, не то ирония, не то даже жалость.

— А Хельге еще жить и жить, — сказал Брут, — и она тебя ждет, она хочет принадлежать только тебе и никому другому. Она не хочет превратиться в подстилку для тупой солдатни. Будь же благороден, исполни ее мечту! Исполни свою мечту! Вы же хотите быть вместе, хотите быть счастливыми?

У Вани закружила голова. Ему почудилось, что кто-то схватил его, поднял на воздух и кинул в люк, а затем с пронзительным щелчком захлопнул стальную дверцу. Сердце парня отчаянно колотилось, когда дрожащим пальцем он нажал спуск. Ник, всхрипнув, дернулся и затих.

Унтерштурмфюрер Ганс Брехер, звавшийся когда-то Ваней Колосковым, опустил оружие.

— Да, Ганс, теперь ты уже никогда не будешь прежним, — сказал Брут, отойдя на несколько шагов назад и погасив фонарь. — Теперь ты принадлежишь Рейху, и только ему.

Лицо парня горело, по щекам струился липкий пот, ноги так и подгибались.

— Знаешь, почему я выбрал тебя и Штефана? — штурмбаннфюрера практически не было видно, и казалось, что с Гансом Брехером говорит сама тьма, и голос ее изливается отовсюду и давит, давит, давит...

— Штефан зверски замучил семью на Красной Линии, — представляешь, трехлетнего ребенка примотал колючей проволокой к стулу. На Красной Линии он заочно приговорен к смертной казни, и агенты коммунистов охотятся на него. За пределами Рейха он не может чувствовать себя в безопасности. И ты тоже, Ганс, уже не можешь. Потому что сердце твое всегда будет жить в Рейхе, там, где Хельга. Настоящая власть умеет приручить и подлецов, и благородных. Она умело использует и ненависть, и любовь. Для тебя и для Штефана, для вас обоих, Четвертый Рейх — это последнее убежище. Не будет Рейха, не будет и вас. Запомни это, Брехер.

Парень устремил полный злобы взгляд во тьму, туда, где должен был стоять штурмбаннфюрер. На мгновение у Ганса Брехера возникло желание полоснуть очередью по ненавистным спутникам. Но тут же он вспомнил, как жирный Генрих тащил беззащитную хрупкую девушку за тонкую нежную руку, как толстые похотливые губы разжалованного ефрейтора самодовольно кривились, и ярость парня утихла.

— Ладно, — скомандовал Брут, — хватит лирики. Погасили фонари и рассредоточились! Ждем шесть минут. Если больше никто не появляется, уходим.

* * *

Команда Красной Линии под радостный рев болельщиков мчновала станцию Проспект Мира и вошла в туннель. Капитан Роман Третин не без основания считал себя самым подготовленным среди участников Пятых Ганзейских игр, однако вынужден был осторожничать, что сказывалось на скорости передвижения. Они прошли уже четыре перегона, но до сих пор так и не обогнали парней из Конфедерации 1905 года. Незадолго до начала соревнований к Роме Трёшке (так его называли близкие товарищи) подошел некто с накрытой капюшоном головой и, сказав кодовое слово, отозвал в укромное место.

Незнакомцем оказался покашливающий худощавый мужчина с бородкой. Он сообщил Роме, что в одном из перегонов, но в каком именно — неизвестно, готовится провокация: скорее всего, в туннели будут выпущены мутанты. Чтобы обезопасить себя и товарищей, агент передал Трёшке коробочку со специальной мазью, похищенной у ганзейских ученых. Ею нужно было намазать лицо, руки и обувь, и тогда твари не тронут Рому и его команду.

Надеясь на разведчиков Красной Линии, капитан и сам не плошал, а потому прислушивался к каждому подозрительному звуку. И теперь услышал отдаленные звуки стрельбы. Трёшка вскинул свой фонарь вертикально вверх, что означало приказ остановиться.

Терять время в гонке было непозволительной роскошью, и потому Рома быстро соображал, как ему поступить дальше. Должно быть, там, впереди, схлестнулись две команды. Но кто? Конфедерация 1905 года с кем-то еще? С ганзейцами? Или с оставшейся в живых девушкой — по пути Трёшка со спутниками напоролись на два трупа, один из которых был обезглавлен. Или в этом туннеле оказались те самые обещанные мутанты? Или чертобы буржуи устроили дополнительную провокацию?

Наверняка все участники перешли в левый внутренний туннель. Значит...

— Возвращаемся на Проспект мира! — приказал Трёшка. — Переходим в правый туннель. На следующей станции вернемся в левый!

Не обращая внимания на недоуменное хмыканье своих товарищ, он ринулся назад к станции, благо в перегон команда углубилась от силы метров на тридцать. Рома знал, что обязан выиграть гонку, и терять время на объяснения он не мог. И если победа достанется без ненужных встреч с противниками, то тем лучше.

Победа или смерть! И третьего не дано!

Глава 3

РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ

Лом никогда не испытывал мук совести. Он в принципе не знал, что это такое. Более того, гордился своей беспринципностью, искренне полагая, что только она помогла ему выжить в тяжелой борьбе за существование.

Такие взгляды на жизнь он приобрел задолго до ядерной войны. Еще двенадцатилетним мальчуганом, впервые отобрав у первоклассника карманную мелочь, он постиг простую истину, которая потом вела его по ухабам жизни: насилием можно решить все.

Окончив кое-как школу, Лом не пошел по стопам родителей — не стал рабочим на заводе, не поступил в институт, ибо вкалывать за копейки — это для лохов. Покинув родной «долбаный Мухосранск, где ловить нечего», Лом рванул прямиком в Москву. Возможно, связавшись с компанией мелких гопников или каких-нибудь недалеких отморозков, он бы быстро попал в места не столь отдаленные, и как бы сложилась его дальнейшая судьба — неизвестно. Однако слишком уж дерзкому и четкому пацану повезло. Благодаря удачному случайному знакомству он оказался в команде черных рейдеров. Колесил по стране, помогая солидным дядям отжимать предприятия у менее удачливых конкурентов. Грубое нарушение гражданско-правовых норм и даже уголовного законо-

дательства совершенно не волновало молодого рейдера, ибо он ходил под очень высокой крышей.

Спустя несколько лет Лом вернулся в Москву. Он не заработал на своих делах капитал. Веселые пьяные загулы и не менее веселые девушки отнимали много времени и средств. Да и был он все-го лишь пешкой в играх, которых никогда не понимал. Впрочем, Лом полагал, что быть пешкой — намного лучше, чем пылью на шахматной доске, которую игроки, стряхивая себе под ноги, и во-все не замечают. Вскоре дерзкий парень должен был снова пуститься на поиски легких денег. На этот раз, используя старые связи, он устроился в агентство недвижимости, переквалифицировавшись из черного рейдера в черного риелтора. Благо высокая стоимость квартир в Москве и ощущение полной безнаказанности способствовали этому мрачному бизнесу. На счету Лома было то ли семья, то ли девять пенсионеров, — он уже не помнил, сколько именно, да и было ему, откровенно говоря, наплевать.

Как-то, обмывая с подельниками нелепую смерть ветерана Великой Отечественной войны, выпавшего с седьмого этажа дома, расположенного недалеко от Патриарших прудов, Лом сотоварищи, рассевшись на широком диване, смотрели под холодную водичку, хорошую закуску и малолетних минетчиц модный фильм о лихих девяностых. Один из героев киноленты произнес тогда коронную фразу, которая стала девизом Лома: «Не мы такие, жизнь такая».

Наконец-то он нашел оправдание всем своим богомерзким делам. Да, именно жизнь такая. Она заставляла совершать грязные поступки. Если хочешь быть не пылью на шахматной доске, а хотя бы пешкой, ты должен уметь переступать через трупы. Шаг за шагом, клетка за клеткой, — и, кто знает, вдруг однажды станешь ферзем. А если не можешь, то ты рожден ползать, ты — лох.

Ядерную войну и крушение былого уклада Лом пережил на удивление спокойно, без стресса и депрессии, без мыслей о суициде. Просто жизнь стала страшней, и мы стали страшней. Просто стало больше трупов, болезней, крыс, вшей и прочего дерья. В общем, как обычно, Лом не был виноват — виновата была жизнь. Она, сука, заставляла творить ужасные вещи.

Первые годы после катастрофы Лом занимался откровенным разбоем. Затем, когда в метро начал наводиться хоть какой-то порядок и самых отъявленных мразей стали расстреливать без суда и следствия, Лом подался в солдаты удачи. И, бывало, сам за плату возглавлял команды сталкеров или диггеров, охотившихся на преступников. Так он шаг за шагом, клетка за клеткой от черного рейдерства через черное риелторство пришел к черному наемничеству. Ему было откровенно до лампочки, на кого работать и кого убивать. Лом воевал за Красную Линию; затем его перекупили ганзейцы. Смешно, но пару раз он вместе с кавказцами даже работал на Рейх. Хотя вроде бы чистоплюи-арийцы не должны были якшаться с черножопыми.

И сейчас Лом выполнял очередное задание. Никогда в жизни он не выложил бы свои кровные маслята в качестве залога, чтобы участвовать в Играх. Он же не дурак. Но вот некий человек с лицом сурка, — Лом не сомневался, что это был ганзеец, — предложил неплохое дельце.

— Нам нужны свои люди на соревнованиях, — сказал незнакомец, — нам нужны зрелища, нужны кровь и смерть. Вы ведь по этой части специалист?

— Допустим, по этой, — ответил Лом.

Русобородый наемник и неизвестный нашли общий язык. Лом получил необходимую для залога сумму в упах и предписание отстрелять на Играх как можно больше участников. Особенно неплохо было бы грохнуть проклятых коммунистов. Они вообще лишние в подземном мире. Вот этой иррациональной ненавистью незнакомец и выдал в себе ганзейца. Хорошо хоть не стал рассказывать про миллион расстрелянных лично товарищем Москвиным.

Сошлись на отличной цене — сто автоматных патронов калибра 5,85 за каждый труп. В качестве доказательства выполненной работы Лом и его подельники решили предъявлять отрезанные уши.

Всю малину чуть не попортил ублюдок Фольгер, убивший в ножевом поединке давнего кореша Лома, Брэка, который вместе с южанином Мусой составил команду для Игр. Однако Лом

быстро нашел Брэку замену, взяв с собой земляка Мусы Исмаила. Начало миссии было успешным: бандиты убили седобородого старпера, которому развлечения ради оттяпали башку, и какого-то молокососа, и сейчас мешочек с двумя отрезанными ушами покачивался на поясе главаря. Жалко, эта фашистская сучка Ева ускользнула. Наверняка перетрухнула и сошла с дистанции. Ну что ж, она не единственная бегунья. Потенциальных покойников еще много.

Пройдя значительную часть Кольцевой линии, в перегоне между Новослободской и Белорусской Лом решил устроить засаду. Главарь не знал, в какой очередности команды стартовали после них, однако очень хотел, в отличие от незнакомца-работодателя, повстречать на своем пути не «проклятых коммунистов», а Фольгера. За выбитый зуб ублюдок должен был расплатиться сполна.

Лом и два его подельника расположились в трех-четырех метрах друг от друга и, погасив фонари, стали ждать. Главарь ощущал зуд в руках. Он чувствовал себя очень опасным зверем, вышедшем на охоту. Ох, как не повезет сегодня тем, кто попадется ему на пути! Впадая в раж, Лом часто перегибал палку, проявляя излишнюю жестокость. Вот и старому хахалю этой потаскушки Евы отрубил в неконтролируемом порыве ярости голову. Но разве он виноват в этом? Нет, виновата жизнь! Та самая жизнь, которая разделила всех на хищников и травоядных, на прошаренных и лохов, на бесправных и пользующихся правом силы, на тех, кто создан попирать, и тех, кто рожден ползать. И Лом, зная, что третьего не дано, с великой радостью поджидал очередные жертвы, чтобы расстрелять их, а потом, если те еще будут живы, добить секачом.

Несколько минут главарь всматривался в кромешную тьму, в сторону Новослободской, пытаясь увидеть пятна фонариков. Не могли же люди идти или бежать вслепую. Однако зрение никак не помогало Лому. Тогда он напряг слух, и вскоре до его ушей донеслось легкое шарканье, будто кто-то несся по перегону, едва касаясь земли ногами. Крепче сжав автомат, Лом попытался разглядеть во мгле хоть какое-то движение, но не смог. Лишь послышалось шуршание крыльев, будто по туннелю ме-

чется летучая мышь, а затем все стихло, словно и не было никаких подозрительных звуков: ни хлопанья крыльев, ни шаркающих шагов.

От напряжения главарь перестал дышать, органы чувств обострились до предела, в груди что-то предательски дрогнуло, и по телу поползли холодные щупальца страха. И не просто обычного человеческого страха перед неизвестностью. Лома охватил потусторонний, ничем не обоснованный ужас. И только невероятное усилие воли и до крови укушенная губа заставили его оставаться на месте, а не броситься с паническими воплями наутек.

Конвульсивно вдохнув и выдохнув, главарь принял себя успокаивать. Не может, не может здесь, в ганзейском туннеле, быть ничего такого, что угрожало бы его жизни. Кроме людей, разумеется. Но люди в темноте на ощупь не бегают. А значит, у Лома громадное преимущество. Ведь он не лошара какой-нибудь, подписался на верное дело. Участники будут идти или бежать с фонарями, будут как на ладони, а он, Лом, невидимый, положит из засады любого. Это просто нервишки расшалились, вот и все. Ничего такого здесь, в перегоне между Новослободской и Белорусской, нет, и не может быть.

«Хер вам! — думал главарь, оскалившись во тьму. — Не возьмите меня, страхи туннельные. Я третый! Я в Рашке выжил! Я в метро выжил! Я вас всех переживу! Мне полтинник скоро стукнет, а я на ногах, живой, здоровый, всегда при бабках и с телками! Хер вам...»

Утешительный мысленный поток неожиданно прервался. Перед глазами Лома нарисовалось эфемерное лицо. Оноказалось красивым, но в то же время было в нем что-то противоестественное, повергающее в ужас. Сердце главаря тяжело ухнуло, и он понял, в чем дело. Лицо было женским — но каким-то невероятным образом оно было также и огромной мордой летучей мыши. Главаря мгновенно пробил ледяной пот; он зажмурился, тряхнул головой, открыл глаза... и ничего не увидел.

«Глюк, — подумал Лом, — чертовах нервишки шалят. Ничего, сделаю дело — отвисну как следует пару неделек. Новый год вон скоро. Да что пару неделек — месяц гулять буду! Заслужил!»

Главарь вновь успокоился, стал ровнее дышать. Странно, он совсем забыл, что не один в туннеле: рядом подельники, Муса и Исмаил. Все будет хорошо, все на мази...

Внезапно возле самого уха Лом услышал шепот:
— Нельзя обижать лириков!

Главарь не успел даже испугаться, как что-то ледяное и обжигающее острое полоснуло по глазам, аккурат между бровями и верхними веками, а следом по перегону разнесся звонкий женский смех.

Лом, взревев от нестерпимой боли, вдавил спусковой крючок автомата.

— Ай, шайтан! — услышал он вопль Исмаила и ответную автоматную очередь.

Выкрикивая бранные слова, вертясь волчком на месте, главарь стрелял до тех пор, пока в рожке не закончились патроны. Он пытался разлепить веки, но пылающие багровым огнем глаза отказали ему. Лом видел перед собой лишь пульсирующую густую красноту. Выронив автомат, схватившись за лицо и протяжно воя, он сделал несколько шагов вперед и, споткнувшись обо что-то, упал. Главарь приподнялся на четвереньки и, перестав выть, лишь поскуливая, пополз наугад. По его щекам и носу стекали горячие кровавые капли, в ладони впивалась острые ледяная галька, а в ушах отдаленным эхом звенел торжествующий женский смех.

Через некоторое время Лом наткнулся на нечто теплое. Ощупав это нечто изрезанными до костей пальцами, главарь понял, что перед ним труп одного из подельников. Скорее всего, Мусы, — а до этого он споткнулся об Исмаила. И, что страшнее всего, расстрелял своих сотоварищей он сам. Братков-то не сильно жалко, но жалко самого себя, потерявшего контроль над ситуацией. А жальность к себе — удел лохов.

— Как? — прохрипел Лом. — Как такое... как?.. я не лошара...

Русобородый бандит не мог постигнуть случившееся. Лишенный зрения и подельников, он, неловко перебирая руками, ползал на карачках, тщетно пытаясь подняться на ноги. Судьба изменила ему, и впервые в жизни Лом ощутил себя загнанной в угол беспомощной жертвой, а не охотником. В первый и последний раз. Главарь с ужасом понял это.

На Новослободской команды, возглавляемая Ромой Трёшкой, вновь перешла на левый, внутренний путь по специально огороженной от болельщиков дорожке. Предыдущий перегон красные сталкеры преодолели без препятствий, избегнув встречи с неизвестным противником, таящимся в параллельном туннеле. Люди, толпившиеся на платформе, что-то выкрикивали, похоже, даже нечто одобрительное, что само по себе было удивительно. В Ганзе не любили краснолинейцев. По крайней мере, правящий класс Кольцевой линии их терпеть не мог.

Однако Роме сейчас не было никакого дела до болельщиков. Кивнув напарникам, он углубился в туннель. Быстро, но бесшумно передвигаясь, сталкеры прошли около тридцати-сорока метров, как вдруг Трёшка неожиданно приказал группе остановиться. Капитана посетило ощущение дежавю. Его острый слух уловил звуки стрельбы. Опять возникла необходимость быстро принимать решение. Рома подумал, что второй раз возвращаться на станцию и вновь идти по правому перегону — недопустимая трата ценного времени. Да и перед товарищами будет стыдно. Что это за капитан, боящийся каждого звука?!

Дважды закрыв фонарь ладонью, Трёшка выключил его. Это означало приказ погасить свет и идти вперед в полной темноте, — благо сталкеры почти год тренировались в перегонах Красной Линии передвигаться на ощупь.

Минуту спустя Рома услышал натужный хрип. Он остановился и прислушался. Впереди, совсем близко, кто-то тихо изрыгал бранные слова. Краснолинеец понял, что бой уже закончился, и это, скорее всего, недобитый раненый проигравшей стороны. Вот только вопрос: а не оставили ли его в живых специально, как приманку, чтобы уничтожить еще какую-нибудь команду? Трёшка решил рискнуть. Он включил фонарь. Его товарищи остались позади, невидимые в темноте, но с оружием наизготовку. Такая тактика была продумана заранее. Если вдруг тут окажется засада, капитан команды, безусловно, погибнет, приняв огонь на себя, но оба напарника успеют ответить меткой стрельбой, и, вполне возможно,

останутся победителями. Роман Третин был уверен, — им это вились в голову с самого детства, — что в страшной борьбе за выживание выигрывают общества, где многие готовы пожертвовать собой во имя остальных. Такой парадокс: инстинкт самосохранения коллектива зиждется на отсутствии данного инстинкта у отдельных особей. И кто, если не он, капитан краснолинейцев, должен поступиться своей жизнью?

Однако в Рому никто так и не выстрелил. Метрах в пяти от себя Трёшка увидел мужчину, никак не отреагировавшего на свет. Он стоял на четвереньках и что-то бормотал. Рома подошел вплотную к раненому, присел на корточки, присмотрелся. Глаза, рот, борода мужчины были залиты кровью, которая в свете фонаря казалась черной.

— Что здесь произошло? — спросил Трёшка по слогам.

Мужчина вздрогнул, голова его дернулась на звук.

— Не лошара, — пробормотал он, — не лошара...

— Что здесь произошло? — медленно повторил свой вопрос Рома, узнав бандита с Новокузнецкой.

— Летучая мышь напала...

Капитан напрягся. Он решил, что в перегоне между Новослободской и Белорусской ганзейцы выпустили тех самых неизвестных мутантов, о которых предупреждал перед началом соревнований агент Красной Линии. И хоть худощавый и вечно покашливающий разведчик с бородкой снабдил краснолинейцев специальной мазью, которая должна отпугнуть тварей, Трёшка был настороже.

Рома щелкнул пальцами, и сзади вспыхнули два фонаря его товарищей.

— Просмотрите стены и потолок, — скомандовал он, освещая шпалы и рельсы.

На промерзшей гальке Трёшка обнаружил два свежих трупа. У обоих — характерные огнестрельные ранения. Рома направил фонарь в лицо главарю.

— Ты врешь, — сказал капитан краснолинейцев, — это не мутанты. Тебя по глазам ножомолоснули.

— Нет... — прохрипел ослепленный русобородый мужчина, — я не лошара какой... чтоб меня человек... это летучая мышь...

— Ясно, — сказал Рома, понимая, что зря теряет время, — я узнал тебя, ты бандит с Новокузнецкой. Ты когда-то предал нас, Красную Линию. Тебя перекупили ганзейцы. А еще ты работал на Рейх, служил тем, кто заплатит больше. Ты — продажная мразь и грязный подонок без принципов.

— Зато я не лошара, — прошипел бородач и хрипло засмеялся, — не лошара...

— Ты не лошара? — усмехнулся Рома, достав из кобуры пистолет. — Ты закончил свою жизнь, ползая на коленях, слепой, захлебывающийся в собственной крови. И ты не лошара?

— Не лошара! — настаивал на своем бандит. — Не лошара!

— Ты сейчас сдохнешь, — спокойно произнес Трёшка, передернув затвор и приставив пистолет к голове бородача, — и от тебя не останется ни памяти, ни имени.

— У меня есть имя, — с надрывом выкрикнул бандит, — меня зовут Л...

Бородач не договорил, ибо грянул выстрел, размозживший почти половину его черепа.

— Двигаем дальше! — сказал Рома, и команда Красной Линии помчалась в сторону станции Белорусская.

Мгновение спустя Трёшка забыл о мертвых бандитах, чьи настоящие имена никто никогда не знал, да и знать не хотел.

Глава 4

К СВЕТУ

После того как Ева высыпала себе в рот безвкусный порошок из пробирки с надписью «Му ОС» и запила его водой из фляги, она, пошатываясь, побрела в сторону туннеля. Выйдя из-за вагонов, девушка вдруг вспомнила, что Андрей Андреевич предупреждал об опасности передозировки. Она испугалась, но, не желая показывать свой страх перед ненавистной толпой, которая славила сейчас отвагу «амазонки», но с удовольствием поглазела бы и на ее смерть, смело зашагала к перегону.

— Дамы и господа, посмотрите на эту воительницу! — орал во всю глотку букмекер в сером джемпере. — Она великолепна! Она храбра и прекрасна! Пока еще не поздно сделать последние ставки! Напоминаю, коэффициенты изменились!

Уже возле самого входа в туннель Ева почувствовала необычайный прилив сил. Но в то же время окружающая действительность началаискажаться. Звуки как-то удлинялись, и слова, выкрикиваемые болельщиками на платформе, приобретали иной, сокровенный смысл, значили не то, что раньше. Цвета отличались удивительной глубиной, стали чрезвычайно яркими и насыщенными. Девушка улыбнулась; ей казалось, что еще немногого — и она постигнет суть этого мира. А потом она взглянула в огромный зев

туннеля и ужаснулась. Ева внезапно осознала, что бездна перегона — живая, что если она покинет станцию, то мгла ее поглотит, пожрет без остатка.

Почти не дыша, девушка остановилась на границе света и тьмы. Она не знала, что делать. Оставаться в мире людей, которые с удовольствием делают ставки на чужие жизни, она не хотела, но и окунаться в объятья беспросветной и вечно голодной бездны было страшно. Ева с подозрением огляделась. Она вдруг поняла, что съеденный порошок начал действовать, и она галлюцинирует из-за передозировки. Конечно, все эти люди на платформе, вместе с букмекером, орущим какую-то чушь, — не что иное, как миражи.

— А что тогда настоящее? — прошептала сестра гауляйтера.

В ответ из глубины туннеля до ее ушей донесся звонкий смех. Содрогнувшись, девушка заглянула в бездну перегона и увидела саму себя. Но эта копия Евы была одета не в камуфляж и берцы, а в красивое красное платье до колен, и стройные ноги ее были босы.

— Ты ненастоящая, — Ева зажмурилась и сильно тряхнула головой, — это все маёк, это все он. Я под наркотиком.

— Это я ненастоящая? — двойник снова залился смехом. — Посмотри, какая я яркая! Разве я могу быть ненастоящей? А теперь оглянись еще раз назад, на платформу, посмотри, какие они все серье! Разве они могут быть реальными людьми?

Ева осторожно повернула голову и взглянула на орущих, пожирающих ее жадными до зрелиц глазами болельщиков. Самая отвратительная морда была конечно же у букмекера, громче всех выкрикивающего какую-то несуразицу, — но какую именно, девушке было неинтересно, она не вслушивалась.

— Да, — согласилась Ева, — они обманки. Особенно этот... в сегом джемпере, он самый ненастоящий...

— Ну вот, — сказала копия и поманила девушку к себе. — Нам нужно бежать.

«Куда? — спросила Ева, направившись к двойнику. Тут только она сообразила, что разговаривает с закрытым ртом, мысленно. — Мы должны выиграть соревнование? Прийти первыми?»

«Разве можно, бегая по Кольцевой, куда-то прийти?» — копия так заразительно засмеялась, что Ева сама невольно захохотала. Туннель теперь не казался таким уж страшным. Более того, девушка вдруг поняла, что видит в темноте, отчетливо различая тюбинги, рельсы, шпалы, мелкий мусор и гальку.

«Как зовут тебя? — спросила Ева. — Ты — ведь это я?»

«Не совсем, — ответила копия. — Я — твоя внутренняя изнанка. У каждого человека есть свои внешняя и внутренняя изнанки. Внешнюю ты уже видела на Павелецкой, ты ее сама так назвала. Это твоя противоположность, богато одетая женщина с пухлым ребенком на руках. А теперь и я предстала перед тобой. Я — твоя скрытая сущность, твое отражение. Помнишь, ты когда-то читала «Королевство кривых зеркал»?»

«Помню... — нахмурилась девушка, — и тебя зовут... зовут... наоборот...»

«Да! Угадала! — копия от радости подскочила и хлопнула в ладоши, платье ее взвилось, обнажив упругие бедра. — Меня зовут Аве, это Ева наоборот. Я твое отражение, а ты — мое! Но... — Аве вдруг стала серьезной, с тревогой посмотрела в сторону станции Проспект Мира, — нам нужно бежать».

«Куда? — спросила Ева. — Куда? Ты так и не сказала!»

«К свету! Из мира подземелей! Из мира вечного сумрака!» — Аве ответила с таким непередаваемым восторгом, что Ева тут же повеселела, и каждая клеточка ее тела наполнилась радостным, живительным экстазом.

«Я готова! — воскликнула девушка, ощущая себя невероятно счастливой. — Готова!!! Побежали!»

Ева и ее двойник помчались по перегону.

«Прощай, Проспект Мира!» — прокричала девушка, понимая, что навсегда покидает грязные станции и тунNELи метро. Здесь она никогда не чувствовала себя своей. Здесь она была в плену мрачных катакомб, в окружении не менее мрачных жителей.

«Проспект этого Мира, прощай! — вновь прокричала Ева. — Я так и знала, что ты лишь галлюцинация...»

«Только помни! — мысленно прошептала Аве. — Мы не должны носиться по кругу, по Кольцевой линии. Мы должны разомкнуть контур, только тогда мы найдем выход».

«И как это сделать?» — громко подумала Ева, чувствуя такую невообразимую легкость, что, казалось, еще немного, и она воспарит.

«Почему мы мчимся по кругу? — мысленно спросила Аве, продолжая бежать бровень со своей близняшкой, и тут же сама на него ответила: — Потому что на шее каждого из нас ошейник с веревками. Мы уподобляемся лошадям, которых обвязывают и держат на длинной привязи, чтобы они не вырвались».

«Я никогда не видела лошадей...» — задумалась Ева.

«Мы должны порвать эти привязи, — продолжала увещевать Аве, — веревки, что нас держат, — это наши инстинкты. Инстинкты, что лишают свободы. Ты должна преодолеть их, пройдя сквозь три темных туннеля, в каждом из которых тебя будут поджидать три стражи. И тогда кольцо разомкнется».

«Мы уже бежим по туннелю», — заметила Ева.

«Да, — согласилась Аве, — и должны преодолеть власть первого инстинкта. Скоро ты встретишь первых трех стражей».

«И что это за инстинкт?» — полюбопытствовала Ева, замедлив бег.

«Иерархический, — тихо подумала Аве. — Все мы живем в метро, доминируя или подчиняясь. Ведь так? Есть фюрер, есть генсек, есть председатели и президенты, есть коменданты, есть их помощники, есть солдаты, есть обычные рабочие, есть сталкеры и есть даже рабы. Если лезешь наверх, мечтая о власти, то ошейник — на тебе. Если склоняешь в смирении голову, то ты на цепи. Хоть так, хоть так, ты все равно на привязи инстинкта, который не дает тебе мыслить и жить свободно».

«И как? Как мне разорвать веревку? Как пройти сквозь стражей?» — спросила Ева, увидев вдали трех притаившихся человек с автоматами наизготовку. Благо сейчас толщи тьмы не были препятствием для ее сверхчувствительного зрения.

«Эту задачу ты должна решить сама, — подумала Аве, — сама...» Ева перешла на быстрый шаг.

«Доминировать и подчиняться...» — проговорила про себя девушка, пытаясь сконцентрироваться.

И вдруг вспышка воспоминания озарила ее. Своды перегона исчезли, и Ева вновь почувствовала себя пятнадцатилетней девочкой.

Она стоит перед массивным столом, за которым сидит ее родной брат, будущий гауляйтер Пушкинской.

— Присаживайся, сестра, — говорит Вольф, покровительственно улыбаясь и указывая на стул.

Девчонка садится. Она внимательно смотрит на брата, в глазах которого читается непередаваемое торжество.

— Вот наконец мы обрели дом, — говорит Вольф, — перестали шастать по метро, как какие-нибудь бомжи. Теперь эта станция наша, мы сумели выбить отсюда всю нечистую мразь, — а скоро нашими будут и две остальные, смежные с Пушкинской. А потом, потом... весь метрополитен будет принадлежать нам... — Взгляд брата, задымленный сумрачной мечтой, незряче устремляется поверх головы Евы, он блаженно улыбается.

Через какое-то время Вольф приходит в себя и спрашивает:

— Как тебе мой новый кабинет?

— Да так себе, — жмет плечами Ева и оглядывается на голые стены, — не так тесно, как раньше, конечно, но как-то... бесцветно. Хотя так везде...

— Скоро эти стены будут заставлены знаменами Рейха, — с вожделением произносит Вольф, — тут будут цвета: красный, белый, черный...

Ева снова равнодушно пожимает плечами. Ей нет никакого дела до увлечений брата. И если бы не страх остаться одной среди вконец одичавших, мелочных, мстительных, похотливых, жадных и жестоких людышек, она давно бы сбежала.

— Теперь все будет по-другому, — продолжает Вольф, — грядет новая эра, эпоха сверхлюдей. Многие годы я оберегал тебя, сестра. Теперь ты должна взять на себя часть ответственности. Сейчас мы создаем различные структуры управления, в том числе и такие, которые будут работать с подрастающим поколением. Тебе пре-

доставляется уникальная возможность возглавить гитлерюгенд.

Как тебе мое предложение?

— Нет! — не раздумывая, отвечает Ева. — Я не хочу заниматься этой фигней.

Вольф сжимает кулаки, хмурится, но берет себя в руки и, как можно мягче улыбаясь, говорит:

— А чем ты хочешь заниматься?

— Чем угодно, но уж точно не моральным уродованием детей. — Ева скрещивает руки на груди.

— Сестра, ты горячишься, — все так же улыбаясь, Вольф приподнимается и подается вперед, — ты не понимаешь, от чего отказываешься. Только представь: для всех, кто младше тебя, ты будешь примером, бесспорным идеалом, они тебе в рот заглядывать будут. Нет ничего слаще власти над неокрепшими душами.

— Я не хочу ни над кем властвовать! — безапелляционно заявляет Ева.

— Пока я тебя просто прошу, — Вольф садится на место, — как родную сестру прошу.

— А что, можешь приказать? — с вызовом спрашивает девчонка.

— Могу! — гаркает Вольф, хлопая тяжелой ладонью по столу, и взгляд его становится непроницаемо жестким. — Я твой старший брат, это первое. А второе — мы начали строить новый Рейх. А в Рейхе, в нашем Четвертом Рейхе, будет железная дисциплина! И ни для кого исключений не предусмотрено, даже для тебя, любимая сестренка! Ты обязана подчиниться!

— Я никому и ничего не обязана! — чеканит Ева.

— Неблагодарная! — рычит Вольф и вновь приподнимается с кресла. — Я с самой катастрофы забочусь о тебе! Если бы не я, ты бы давно уже сгинула!

— Вот и хорошо, если бы сгинула! — кричит Ева, вскакивая с места. — Не видела бы весь этот ужас! Не жила бы среди таких ублюдков, как ты!

Протяжно рыкнув, Вольф бьет сестру ладонью по лицу. Впервые в жизни. И в эту же ночь впервые в жизни Ева сбегает...

Давняя сцена с братом промелькнула в голове Евы в считаные мгновения.

«Они, стражи эти, меня не тронут, — обрадовалась девушка, — потому что я никогда не хотела ни властвовать, ни подчиняться. На моей шее этой веревки никогда не было, а значит, и удерживать меня не за что!»

«Тогда вперед! — прислала мысль Аве. — Если уверена, что пройдешь, тогда вперед!»

Ева, быстро набирая скорость, помчалась навстречу стражам. Были они чем-то очень похожи на обитателей Пушкинской. Главный страж походил на соратника Вольфа Брута, двух других Ева не знала, да и знать не хотела. Пробегая мимо стражей, девушка, пронзительно засмеявшись, прокричала:

— Аве и Ева, идущие к свету, приветствуют вас, мальчики!

Несколько секунд спустя стражи остались позади, а девушка мчалась вперед, не замечая ничего вокруг. Она жаждала увидеть свет. Вскоре Ева узрела бледно-желтое пятно и догадалась, что выход из туннеля близок как никогда. Радостно вскрикнув, девушка ускорилась до предела. Несмотря на быстрый бег, дыхание ее было легко и свободно. Она распростерла руки, запрокинула голову и блаженно улыбнулась, приготовившись покинуть мир метро. Но вместо этого выскочила на станцию. Еву словно окатили ледяной водой.

— Оставшаяся участница команды «Дед и компания» прибыла на Новослободскую! Пока идет третьюей! — донесся до Евы то ли громогласный крик, то ли чья-то пронзительная мысль.

Девушка остановилась и испуганно осмотрелась. На платформе находились десятки, если не сотни скандирующих людей:

— Мо-ло-дец! Мо-ло-дец!

Какой-то паренек лет семнадцати махал Еве рукой и, пытаясь переорать гоноящую толпу, кричал что есть мочи:

— Нам с Проспекта Мира позвонили! Ты очень красивая и молодец! Мы тут все за тебя болеем! Мы хотим, чтобы ты прошла всю Кольцевую линию! Чтобы ты победила!

— Я не хочу бежать по кольцу, — пошевелила губами Ева, — не хочу бежать по кругу, я хочу к свету...

Девушка оглянулась, пытаясь найти поддержку у Аве, но ее двойняшки нигде не было.

«Маёк, — с ужасом осознала Ева, — это все маёк, наркотик...»

Зеркальная копия в красном платье, стражи туннеля, разговоры о цепях инстинктов, не дающих покинуть этот страшный мир, — все это оказалось галлюцинацией. А вот метро — вполне реально. Уже двадцать лет, как реальней всего на свете.

На глаза девушки навернулись слезы, но она не хотела, чтобы голосящие болельщики видели, как она плачет. Ева рванула вдоль платформы к следующему туннелю. И чем громче были крики, тем быстрее она бежала. Казалось, этот звуковой ад, это ревущее многоголосие никогда не кончится. Ноги девушки ныли от напряжения, дыхание сбилось, она спотыкалась, но продолжала мчаться в спасительную темноту перегона. Там никто не увидит ее боли и разочарования, там можно будет подумать о том, как убраться из этой жизни.

Наконец Ева скрылась от посторонних глаз в холодной мгле туннеля. Она остановилась, упала на колени и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

— Не хочу... — шептала Ева, — не хочу здесь быть... и не буду!

Правой рукой девушка потянулась к ножу, висящему на поясе.

«Главное — ударить себя так, чтобы умереть быстро, чтобы рука не дрогнула», — с горечью подумала Ева, глядя на клинок с надписью «My OC».

«Не надо!» — вдруг послышалось у нее в голове, а затем молодой мужской голос принял читать стихотворение:

*В бездне, в ночи рассеянной,
Гаснет закатная линия,
Трудно ей жить уверенной
В мире бесцветного инея.*

*Трудно ей быть безмолвною,
Но с распостёртыми веками,
С тайной обидой кровною,
Так и поведать ведь некому.*

*Червям, от смрада млеющим,
Ну же, попробуй, крикни-ка:
«Кто пожалеет жалеющих?!
Кто защитит защитников?!»*

*Тщетно, у этого воинства
Похоть, жрата и незнание
Числятся в главных достоинствах,
Здесь все известно заранее.*

*Выйдешь в кромешное марево,
Где только кочки да рты винь,
Глянешь на блеклое зарево,
И открываются истины*

*В искрах почти уж не тлеющих,
Тонущих в черной обители,
Что не жалеют жалеющих
И не спасают спасителей.*

Девушка вздрогнула, осмотрелась и увидела Кирилла. В следующий миг она ужаснулась: ведь парня убили бандиты с Новокузнецкой, он умер у нее на руках. И вдруг — вот он, живой и невредимый, стоит и печально улыбается.

«Это стихотворение Кирилл написал для тебя, оно есть в блокноте, который он передал тебе, — сказал юноша глазами. — Ты должна идти дальше».

«Почему ты здесь? Ты погиб», — удивленно подумала Ева.

«Люди умирают, — согласился парень, — но их отражения в другом мире всегда остаются».

«Это все маёк, — девушка схватилась за голову, — на станции меня отпустило, а сейчас опять, новая волна пошла...»

«Нет, — возразил парень, — ты прошла первый туннель, избавилась от одной веревки, но две оставшиеся все же держат тебя, и мир, который ты пытаешься покинуть, тянет за них и заставляет бежать по кругу, как лошадь на привязи...»

«Ты — галлюцинация, — перебила мысль собеседника Ева, — ты мне кажешься!»

«А может, наоборот, — парень хитро прищурил глаза, — может, это метро — лишь иллюзия? Или внутри тебя живут две реальности, и ты все никак не можешь выбрать, в какой из них тебе быть?»

«Перестань, это все игра моего разума, ты не Кирилл!» — девушка поднялась с колен.

«Я не Кирилл, — согласился парень, — я Лирик, можно просто с одним «л» — Лирик».

«Лирик? — удивилась Ева, мгновенно забыв о том, что она считала собеседника галлюцинацией. — Ах, ну да, ты ж зеркальная изнанка, и имя твое читается наоборот».

«Да, — кивнул парень, — это изнанка Кирилла. Он всегда был Лириком. Правда, об этом мало кто знал. Но нам нужно спешить, у нас времени мало. Наш разговор по меркам этого мира, который ты хочешь покинуть, длится всего лишь две секунды, хотя кажется, что несколько минут. И тем не менее мы должны двигаться дальше...»

Ева вновь почувствовала прилив сил. Да, теперь она готова была пройти сквозь любые туннели и любых стражей, охраняющих их. Девушка и зеркальная изнанка Кирилла побежали по перегону, то и дело телепатически делясь мыслями. Ева узнала: для того, чтобы навсегда покинуть угнетающие подземелья метро, для того, чтобы никогда не возродиться здесь вновь, она должна порвать со вторым инстинктом. У животных это инстинкт продолжения рода, а у людей — половое влечение.

Зрение девушки с легкостью пронизывало толщи тьмы, в туннеле она видела так же хорошо, как при ярком электрическом свете. Заметив трех стражей, притаившихся в засаде метрах в ста пятидесяти от нее, Ева замедлила бег.

«С этим у меня всегда были проблемы. Они меня не пропустят...» — с грустью подумала девушка.

«Ты решишь эту проблему, — заверил ее проводник, — ведь я Лирик, я с тобой для того, чтобы возвысить этот инстинкт, натянуть его до предела и порвать, вывести на иной уровень...»

Девушка, перейдя на шаг, сощурилась, вспоминая очередной эпизод из своей жизни.

Ева заходит в кабинет Вольфа без стука. За три года это помещение сильно преобразилось. Теперь здесь вдоль стен стоят знамена, сейфы, мини-стенды с атрибутикой нацистской Германии, а прямо за креслом гауляйтера располагается огромный портрет фюрера в полный рост. Все это добро натаскали стальеры, у которых оно выменивалось за патроны, оружие, амуницию или продовольствие. Ева никогда не скрывала своего непонимания и даже отвращения к увлечению брата. Чем копить всякое ненужное баражло — не лучше ли тратить ресурсы на что-нибудь полезное, да хоть на собственных граждан, к примеру?

Впрочем, пытаться что-либо объяснить Вольфу — дело безнадежное, не в том состоянии теперь находится Ева, чтобы перечить брату. Хотя бы просто потому, что почти с ним не пересекается. После двух побегов из Четвертого Рейха ее фактически держат взаперти, выпуская на платформу лишь вочные часы, да и то под строгим наблюдением. И вот гауляйтер неожиданно вызывает сестру, с которой не виделся почти полгода, несмотря на то что обитает с ней на одной станции.

Ева, наступивши, смотрит исподлобья на брата, садится без разрешения на стул со спинкой и демонстративно, скрестив руки на груди, кладет ноги на стол. Вольф делает вид, что не замечает бесцеремонности девушки.

— Здравствуй, дорогая сестра, давно не виделись, — говорит гауляйтер, выдавливая из себя улыбку.

— Думаю, ты не сильно расстроился, братец, — отвечает Ева.

— Тут такое дело, — начинает Вольф без обиняков, поскольку не видит эффективных способов смягчить ожесточение девушки, — тебе, моя дорогая сестра, уже восемнадцать лет. Участвовать в работе по строительству нашего Рейха ты наотрез отказываешься, и реальной пользы для дела партии и расы от тебя никакой. Фактически ты у меня на изживении с самой катастрофы. Но нахлебничество рано или поздно должно закончиться. Ты понимаешь, о чём я?

Ева думает, что понимает. Она убирает со стола ноги, кладет локти на столешницу и упирается подбородком в кулаки.

— Я неплохо готовлю, — говорит девушка, — я вообще люблю готовить, могу помогать на кухне, раз уж тебя так тяготит мое тунеядство.

— Нет, — ухмыляется Вольф, — на кухне ты уже работала и умудрилась оттуда улизнуть, пройти через все посты и оказаться в Полисе.

— Тогда к чему все эти разговоры о пользе? — Ева нарочито равнодушно пожимает плечами.

— Разве ты не знаешь, в чем главное назначение женщины? — Вольф пристально смотрит в глаза сестры.

— Помню, помню: каждый мужчина — солдат, каждая женщина — мать солдата, — отвечает Ева и настороживается. — Ты меня под кого-то подложить хочешь? Солдат-племяшек захотел?

— Зачем же так грубо, сестра? — На лице Вольфа вырисовывается гримаса огорчения. — Я ведь тебе хочу только добра.

— Добра... — передразнивает Ева брата, — хочу только добра... И в чем же это твое добро выражается?

— Нашему фюреру, — Вольф на несколько мгновений замолкает, будто желая подчеркнуть торжественность момента, а затем продолжает: — нужна жена. Она должна быть родственницей преданного делу расы и партии человека, у нее должна быть безукоризненная внешность, и она должна быть невинной.

Ева вздрагивает, понимая, что сейчас речь идет о ней, но тут же берет себя в руки, иронично улыбается и спрашивает:

— А кто тебе сказал, что я невинна?

На этот раз вздрагивает Вольф, но в глазах его читается непробиваемая уверенность.

— После второго побега тебя осматривала наш врач фрау Кох, и она мне сказала, что ты еще девственница.

Ева чувствует, как начинает краснеть, в груди закипает ярость. Чтобы не выдать своего смятения проклятому братцу, девушка закрывает лицо ладошками.

— И имя у тебя подходящее, — говорит Вольф, — дано было тебе при рождении, а не у нас. Великая честь — быть женой фюрера. Представь, как высоко поднимется наша семья.

Еве очень хочется вскочить и закричать: «Ублюдок, при чем здесь наша семья?! Это ты хочешь привилегий, хочешь быть свекром вашего фюрера! Подложить меня под того, кого я даже ни разу в жизни не видела! Что за радость мне?! Ублюдок — вот ты кто!»

Однако девушка сдерживает себя. Неожиданно к ней приходит осознание, что руганью эту проблему не решить, — наоборот, перечи брату, ее можно лишь усугубить. Тогда Вольф точно не спустит с сестры глаз и будет держать ее под замком до самой свадьбы. Сделав несколько глубоких вдохов, Ева убирает руки от лица и, как можно мягче и добродушнее улыбаясь, говорит:

— Как скажешь, брат. Это и в самом деле великая честь.

У гауляйтера сами собой поднимаются брови, а глаза расширяются в непривычном удивлении. Быть может, впервые в жизни сестра не спорит с его решением.

— Что ж, я рад, что ты понимаешь всю важность момента, — говорит, чуть помедлив, Вольф, затем поднимается и идет к одному из сейфов. — За это стоит выпить. Настоящий тридцатилетний киршвассер. Как тебе, сестра, не сильно крепко?

«Пила и покрепче», — думает Ева, но произносит совсем другое:

— С удовольствием выпью с тобой, мой милый брат.

Несколько часов кряду девушка выдавливает из себя улыбку, отвечает любезностями на любезности, слушает утомительный рассказ о великой миссии Четвертого Рейха в истории Московского метрополитена и потихоньку попивает водку, отдающую, по словам гауляйтера, миндалем.

А ночью Ева ускользает из своей комнаты, пробирается мимо уснувшего охранника, находит первого попавшегося мужчину и без сожалений отдается ему.

Этим первым попавшимся оказался Филия Реглов, известный в Рейхе как Феликс Фольгер. Когда Вольф узнал о поступке сестры, он пришел в неописуемую ярость. Однако фюрер по каким-то причинам отказался от своей задумки, и потому ни Ева, ни ее случайный любовник не пострадали. Гауляйтер заставил их пожениться...

«Да, — подумала Ева, подкрадываясь к трем стражам, — с тех пор много воды утекло. Я тогда как с цепи сорвалась. Сколько у меня мужчин было после этого? И бедный Филя, он ведь меня любит, а я... я просто подстилка...»

Засада была уже совсем близко. Ева сощурилась. Один из стражей был очень похож на бандита с Новокузнецкой, того самого, который отрезал голову Андрею Андреевичу и убил Кирилла. Наверное, так и должно быть: хранитель туннеля просто обязан иметь устрашающий лик — лик беспощадного убийцы. И лик этот всегда навевает страшные воспоминания.

«Этот инстинкт всегда был моей слабостью, — подумала Ева. — Он убивает Лириков, превращает их в Циников. Без крови здесь не обойтись...»

Девушка бесшумно извлекла нож с выгравированной на пятке надписью «Му ОС». Она вдруг вспомнила, как бежала по туннелю с тогда еще живыми Андреем Андреевичем и Кириллом и представляла себя летучей мышью.

«Да, так и есть, — решила Ева, — я большая летучая мышь. Невидимая и молниеносная! С гигантским когтем, рвущим нечестивцев!»

Она подобралась совсем близко к стражу; теперь до него можно было дотянуться рукой. Русобородый мужчина судорожно сжимал автомат, силясь хоть что-то разобрать в кромешной тьме.

«Меня нет! Меня нет! Меня нет! И я хочу, чтобы ты увидел гигантского нетопыря», — подумала Ева и оскалилась.

И действительно, страж вытаращил в ужасе глаза, а на его массивном лбу выступила испарина. Ева видела каждую маленькую капельку пота и чувствовала страх русобородого мужчины.

«Так вот вы какие, стражи! Вы тоже боитесь, — Ева высоко занесла руку с ножом. — Убиваете Лириков, но сами боитесь!»

Русобородый зажмурился, резко тряхнул головой и открыл глаза. На лице его читалось облегчение.

«Невидимая и молниеносная!» — подумала девушка, а вслух сказала:

— Нельзя обижать Лириков!

Она полоснула ножом по глазам стражи и с пронзительным смехом кинулась наутек. Где-то сзади слышались матерная брань и треск автоматных очередей, но девушке было все равно. Счастливая, она неслась к выходу из туннеля, ибо знала, что второе испытание успешно прошла.

Однако возле самого входа на станцию Ева остановилась в нерешительности. К ней снова пришло осознание нереальности происходящего, а вслед за ним — отчаянье и ужас.

— Это все маёк, — прошептала она, — это все маёк. Вот он, подлинный мир, а Аве и Лирика нет, они — галлюцинации.

Девушка осмотрелась и никого вокруг не обнаружила. Она была одна. Она была одинока. Коварный наркотик накатывал волнами. Периоды помутнения рассудка чередовались с фазами резкого прозрения, — и сколько еще продлятся эти мучительные метания, Ева не знала. Она стояла на краю света и тьмы, не решаясь перейти границу. Там, впереди, станция. Белорусская, кажется. Да совершенно неважно, как она называется, главное, что она переполнена галдящими людьми, для которых любимая пища — это страдания других. Человек, наверное, так устроен: когда у него хватает еды, он начинает питаться чужими страстями. Ведь перед атомной войной, говорят, было много всяких реалити-шоу, или как они там назывались, на которых разыгрывали драмы для пресыщенных зрителей. Вот и тучная Ганза развлекает своих граждан ежегодными Играми. Ева ощущала себя куклой в чужом спектакле.

— Не хочу быть здесь! Не хочу! — прошептала она.

Да, все тут поддельное, ненастоящее. Фальшивые маски благодушия на отвратительных человеческих рылах, вранье власть имущих, сказки про то, что когда-нибудь будет лучше, чем сейчас. Ведь все врут! Все! И в Ганзе, и в Полисе, и в Рейхе, и на Красной Линии, везде рассказывают небылицы, что только они есть истина и свет этого мира, а остальные погрязли во мраке и лжи. Но в том-то и дело, что во всем подземелье метро нет настоящего света — он искусственный, электрический. Подлинный дневной свет в последний раз Ева видела маленькой девочкой — в четыре года.

— Мир обмана, — сказала девушка и, сощурившись, рванула вперед.

Она мчалась, не глядя в сторону платформы, думая лишь о том, как прорваться сквозь людской гвалт, мечтая поскорее утонуть в спасительном мраке следующего туннеля. Девушка обежала вагоны, под радостные выкрики зевак выскочила на рельсы.

— Второй идет!.. Невероятно быстрая!.. — доносилось до ее ушей.

Наконец, Ева преодолела непостижимо долгий путь, пронизанный любопытствующими взглядами болельщиков, и исчезла в переходе. С облегчением выдохнув, она прислонилась к тюбингу и только сейчас осознала, что держит в руках окровавленный нож. Девушка забыла вложить его в ножны после того, как напала на стражей туннеля. Так и бежала с обнаженным клинком. Тут Ева вдруг сообразила, что что-то здесь не сходится: если стражи были лишь галлюцинацией, то почему кровь настоящая? Или, может, она приняла за стражей кого-то другого? Сощурившись, девушка прочитала надпись на пятке ножа: «My OC». Ева поняла, что вновь безупречно видит в темноте.

— Опять! — прошептала она. — Опять глюки...

«Знаешь, — раздался в голове девушки знакомый мужской голос, — OC может означать не только officer commanding или operational capability и переводиться не только как «командир» или «пригодность к эксплуатации», но также и «open circuit», то есть — «разомкнутая цепь»».

Ева повернула голову и увидела Андрея Андреевича. Все такой же седобородый, теперь он казался моложе. Глаза его светились успокаивающим голубоватым сиянием. Подобно Аве и Лирику, он общался, не шевеля губами, с помощью телепатии.

«Ты права, — улыбнулся старик, — настоящего света в метро давно уже нет, есть только электрический. Да и раньше, когда я был молод, в любом более-менее крупном городе звезды казались тусклыми и невзрачными из-за фонарей, неоновых реклам и прочих штучек. Чтобы оценить красоту ночного неба, нужно убрать весь искусственный свет, взглянуться в чернеющий свод и восхититься тысячами далеких огоньков, рассыпанных в за-

пределной дали. Нужно разомкнуть электрическую цепь, разорвать контур».

«Я не помню, как выглядят звезды, — подумала Ева, — а еще я очень устала метаться между двумя мирами, не понимая, какой из них подлинный, а какой фальшивый».

«Не волнуйся, милая леди, — Андрей Андреевич подошел вплотную к девушке, погладил ее по щеке, — остался последний туннель со стражами. Да и важно не то, какой из миров настоящий, а какая ты в любом из этих миров».

Ева почувствовала кожей лица приятно теплую ладонь старика. Трудно было усомниться в реальности этого ощущения.

«Меня называют Дедом, — Андрей Андреевич прижал к себе девушку, доверчиво уткнувшуюся ему в грудь. — Я — зеркальная изнанка самого себя, я не меняюсь ни в каком из миров, потому что Дед читается как справа налево, так и слева направо одинаково. Я всегда верю в добро и справедливость, пусть даже вокруг зло и бесчестие. Я свет самого себя, я те самые звезды в бесконечном небе».

Старик отстранил Еву, с потусторонней нежностью посмотрел на нее и произнес одними лишь глазами:

«Тебе пора, последний туннель ждет. Вперед!»

Девушка понеслась, не чуя под собой ног. Она не видела бегущего рядом Андрея Андреевича, но отчетливо слышала его голос, возникающий внутри головы.

«Теперь ты должна преодолеть последний и главный инстинкт — инстинкт самосохранения. Древние мистики, шаманы и колдуны всех мастей проходили обряд инициации, умирали и возрождались новыми личностями. Стражи последнего туннеля убьют тебя, чтобы ты воскресла в ином обличии. Чтобы узреть сияние мира, ты должна отключить искусственный свет. И то и другое внутри тебя... и только внутри тебя... вперед... вперед...»

— Да! Да! — закричала Ева, переполняемая неземным восторгом. — Я разорву круг! Разомкну контур! Вперед! К свету! К настоящему свету!

Вскоре девушка заметила спины трех стражей, передвигающихся быстрым шагом. Они не таились в засаде, а шли в том же

направлении, в котором бежала Ева. Девушка издала радостный возглас и ускорилась. Три хранителя туннеля повернулись одновременно. У всех мужчин в руках были фонари, а на плечах висели автоматы. Один из стражей, который находился ближе всего к Еве, направил на нее оружие.

— К свету! — прокричала девушка, расправив руки, точно вот-вот готова была воспарить. — Я лечу к свету!!!

Страж был уже совсем близко; он прицелился в Еву. Девушка расхохоталась в ответ и совершила последний затяжной прыжок. Страж выстрелил, и безбрежное сияние утопило Еву.

«Прощай, проклятый подземный мир!» — успела подумать она, прежде чем забыться в ослепительной вспышке.

* * *

С самого начала соревнований фортуна благоволила к Алексею Грабову и двум его напарникам. Впрочем, удивляться здесь было нечему. Как победители прошлых Игр, ганзейцы стартовали первыми. Это были подготовленные ребята, и опасаться им стоило, пожалуй, лишь сталкеров с Красной Линии. Если кто и мог преподнести неприятный сюрприз, то разве что проклятые коммунисты. Однако на станции Курская один из чиновников в сером джемпере — на Пятых Играх все чиновники и букмекеры были одеты в серые джемперы — как бы невзначай показал открытую ладонь. Это означало, что краснолинейцы начали гонку с пятой позиции, что весьма успокаивало.

Тем не менее ганзейцы не расслаблялись. Желая увеличить отрыв от преследователей, но при этом не вымотаться раньше времени, они чередовали бег с быстрым шагом. Грабов сотоварищи преодолевали станцию за станцией, перегон за перегоном, и, казалось, никто их уже не нагонит. Единственное, что заставляло нервничать Алексея, — кровожадные мутанты, которые были выпущены по приказу Главного менеджера в один из туннелей Кольцевой линии. И хоть лицо, руки и обувь капитана ганзейцев и его напарников были смазаны специальным, отпугивающим глаберов кремом, все же где-то внутри маленькая червоточинка не давала по-

коя. Можно ли быть уверенным, что у чертовых тварей не замкнет в безмозглых черепушках, и они не кинутся на своих хозяев? Хотя...

Перед глазами Грабова постоянно всплывала картина, от которой невольно индевела спина: Главный менеджер, спокойно держащий на морде зверя пальцы и говорящий: «Мы своих не бросаем».

Хотелось бы верить. Впрочем, другого выхода у Алексея не было. Господин Главный менеджер, каким-то невероятным образом прознавший о незаконных торговых сношениях Грабова с Красной Линией и убийстве партнеров по бизнесу, крепко держал его за яйца. Оставалось надеяться на свои мышцы, силу товарищай и дальнейшую благосклонность фортуны. А еще Алексея греяла мысль, что в случае победы он войдет в число избранных и перед ним откроется невероятная возможность для дальнейшего обогащения.

Грабов шел посередине. Впереди двигался сталкер по имени Макс, пятидесятилетний лысеющий усач крепкого телосложения; замыкающим был Крот, коротко стриженый мужчина в очках, примерно одного с Алексеем возраста. Миновав станцию Белорусская, они преодолели более половины пути. Их ждала Краснопресненская и еще один перегон, а потом — перед финальным забегом — шестичасовой отдых на Киевской. Грабов уже предвкушал, как растянемся на топчане, предварительно отведав горячей грибной похлебки, как вдруг до его слуха донеслись легкие шаркающие шаги, а затем будто бы женский крик: «Я разорву круг...», — и еще что-то неразборчивое. Кто-то с невероятной скоростью нагоняя ганзейцев. Грабов сперва не поверил своим ушам: казалось невероятным, что его команду в принципе можно настигнуть. Однако звуки шагов усиливались, и вся троица повернулась навстречу опасности. Фонарь Крота, прикрепленный к автомату, поймал бегущую.

— К свету! Я лечу к свету! — прокричала она и, не сбавляя темпа, ринулась на сталкера.

Крот быстро прицелился, однако успел нажать спуск только тогда, когда фигура прыгнула в его сторону. Грязнул выстрел, и

сталкер тут же был сбит с ног. Грабов бросился к напарнику. Он обнаружил девушку с простреленной грудью и рычащего от боли Крота, схватившегося за левую голень.

— Сука! — прохрипел поверженный сталкер. — Она мне ногу вывихнула!

— Идти сможешь? — спросил Алексей.

— Не знаю, — процедил сквозь зубы Крот, попытался подняться, но, вскрикнув, вновь повалился на землю.

Грабов осветил фонарем убитую. Он узнал ее: примерно год назад видел в одном из злачных мест Ганзы. Сестра гауляйтера Пушкинской. Глаза девушки были полузакрыты, на губах застыла блаженная улыбка, будто перед смертью ей открылось нечто бесподобно прекрасное.

— Странно, — задумчиво произнес подошедший Макс, — какая-то она неправильная... и лицо у нее... как будто, перед тем как копыта отбросить, кончила...

— Под наркотой была, — заключил Грабов, — маёк или что-то в этом роде. Потому и неслась как бешеная, потому и нас догнала. Явный передоз.

— Граб, — простонал Крот, приподнимаясь на руках, — я сам не смогу идти. Дотащите меня до Краснопресненской.

Алексей не спешил помогать товарищу, соображал, как ему лучше поступить. Если какая-то телка умудрилась настичь его команду, то такое тем более под силу краснолинейцам. По правилам Игр раненых товарищей оставлять нельзя. Вернее, можно, — но пока вся команда в полном составе не одолеет перегон, его прохождение не будет засчитано. То есть оставить здесь Крота равнозначно поражению. С другой стороны, напарника с вывихнутой ногой можно дотащить до ближайшей станции и там сдать в медпункт. Грабов прикинул: до Краснопресненской еще далеко, с километр. Тащить на себе такую тушу — значит потерять очень много времени, а парни с Красной Линии быстры и опасны. И, следовательно, оставался только один выход.

— Прости, — сказал Алексей, направив автомат на раненого, — ничего личного, просто расчет и принцип целесообразности.

— Граб, нет! — успел закричать Крот, а в следующий миг пуля раздробила ему переносицу.

— Нам нужна победа, — сказал Грабов оторопевшему Максу. — Получишь его долю.

Несколько мгновений Макс переваривал сказанное, а затем, потерев усы, одобрительно хмыкнул.

— Тогда вперед! — скомандовал Алексей. — Время не ждет! Время — деньги!

Ганзейцы побежали по туннелю в сторону Краснопресненской, оставив изуродованного пулей и гримасой ужаса товарища и прекрасную девушку, блаженно улыбающуюся неизвестности.

Глава 5

МУТАНТЫ

Команда Красной Линии во главе с капитаном Романом Третиным упорно продвигалась вперед. Теперь краснолинейцы бежали, практически не останавливаясь. Возможно, Трёшка потерял бдительность, стал менее осторожен, но ему, откровенно говоря, надоело шугаться каждой тени. В конце концов, победить без риска невозможно. Его напарники были молоды и здоровы, имели косую сажень в плечах и неудержимую волю к победе. Рома невольно усмехнулся, вспомнив картинку из детской книжки с забавным текстом: «Двое из ларца, одинаковых с лица».

Да, команда Красной Линии была объективно сильнейшей на Играх, и даже ганзейцы во главе с Грабовым ей в подметки не годились. Однако Трёшка хорошо знал, что быть сильнейшим вовсе не подразумевает быть победителем. Скорее наоборот, лучшие всегда отправляются в небытие, ибо они опасны для менее талантливых, но более подлых и коварных соперников. Рома подумал о легендарном команданте Эрнесто Че Геваре. На Красной Линии ценили героев прошлого, особенно приверженцев коммунистического пути. И подрастающему поколению краснолинейцев знаменитого латиноамериканского революционера ставили в пример. Он был лучшим, но отчего-то прожил

недолго. И кто знает, как бы его чтили, если бы он не погиб смертью бесстрашных.

«Интересно, — подумал Рома, — если бы Че Гевара жил на Красной Линии, здесь и сейчас, как бы относился к нему наш председатель товарищ Москвин? Был бы Че все еще героем или превратился бы в предателя и изменника?»

Трёшка не был уверен в однозначности ответа, — он вообще в последнее время мало в чем был уверен. Как бы ни превозносились на его родной линии свобода, равенство и братство, ни того, ни другого, ни третьего он не замечал. Достаточно посмотреть, как живут приближенные к товарищу Москвину толстомордые номенклатурщики и как — все остальные. Да, в отличие от ганзейских бонз начальники Красной Линии как бы стыдятся своего богатства, не выставляют его напоказ. Но волки в овечьей шкуре все равно остаются волками. Трёшка опасался, что настанет момент, когда самые ярые ревнители коммунизма в мгновение ока сбросят маски добродетели и превратятся в наглых, жиরящих нуворишей, во имя выгоды продающих за гроши собственных сограждан в рабство и орущих до хрипоты, что они, мол, всегда были антисоветчиками. И если так произойдет, то получится, что все было зазря, что кровь многих, в том числе и его отца, погибшего при защите от проганзейских банд станции Площадь Революции, была пролита напрасно.

Такие вот скверные дела. Но где лучше? Все остальные микрогосударства, претендующие на гегемонию в метро, Роме тоже не нравились. И потому ощущение безысходности все чаще посещало его. Раньше, живя в вечном подземном сумраке, он был тем не менее убежден, что человечество Московского метрополитена, объединившись под руководством Красной Линии, справится со всеми невзгодами и выйдет на поверхность в обновленном виде. Теперь же у Ромы создавалось впечатление, что ни товарища Москвина, ни его соратников борьба за светлое будущее остатков хомо сапиенс совсем не интересовала. Им бы просто выжить и не потерять свои привилегии, а что будет после — не важно. Пусть хоть все сгинет к чертовой матери...

Трёшка с трудом отогнал от себя черные мысли. Не хватало еще из-за депрессии попасть впросак и завалить дело. Он и его

спутники мчались по перегону между Белорусской и Краснопресненской. Уже преодолели более половины пути — а обещанные мутанты так и не появились. Может, агенты Красной Линии ошиблись, и ганзейцы не готовили никаких провокаций? Может, и не нужен был этот краденый крем, которым пришлось намазать лицо, руки и обувь?

Рома, как обычно, бежал впереди, искренне веря, что капитан должен в случае чего принять первый удар на себя. За ним следовал здоровяк Игнат с прямоугольным, немного туповатым лицом, а замыкающим был Леха, с не менее прямоугольной мордой и тоже не особо блещущий интеллектом. Да от них сообразительности и не требовалось: Трёшка был мозгом, а они — мышцами. Иногда Рома задумывался, случайно ли ему поставили в напарники таких здоровенных амбалов с мышлением как у муравьев, на уровне рефлексов? Да, он, Трёшка, несмотря на все свои таланты, слишком уж был склонен к ненужным размышлениям, а значит, был потенциально опасен. А вот эти безызвинные ребята ни капли не сомневаются в правильности действий руководства Красной Линии. Они являлись противовесом Роме, а заодно и следили за ним, чтобы, не дай бог, капитан не выкинул какую-нибудь штуку.

Трёшка мысленно обругал себя последними словами за то, что снова отвлекся от основной задачи. Он сконцентрировался на беге. Едкий пот заливал глаза, аккумулятор фонаря немного подсел, и тот теперь светил не так ярко, как в начале соревнований. Вдруг луч выхватил из тьмы человеческое тело, лежащее навзничь. Рома резко поднял фонарь вверх, приказав своим напарникам остановиться. Выхватив пистолет из кобуры, капитан команды на полусогнутых подошел к трупу. Пулевое отверстие в районе переносицы, лицо искажено гримасой ужаса и отчаяния. Трёшка узнал покойника: это был один из напарников Грабова.

«Неужели ганзейцев постигла печальная участь?» — радостно подумал Рома, но тут же понял, что надеяться на такой хороший исход не стоит. Чуть дальше от мужчины лежала девушка с пропущенной грудью. Та самая, из команды «Дед и компания». Уди-

вило Трёшку то, что на лице убитой застыла блаженная улыбка, будто перед гибелью она увидела нечто очень приятное, воодушевляющее, словно встретила родителей, которых давным-давно потеряла, или что-то в этом роде. Рому невольно передернуло, — быть может, оттого, что он сам с подросткового возраста рос сиротой.

— Значит, теперь мы вторые, впереди нас только ганзейцы, — прошептал Трёшка своим напарникам, полуобернувшись к ним.

Леха и Игнат одновременно и совершенно одинаково ухмыльнулись.

Рома попытался восстановить события, недавно произошедшие здесь. Бряд ли Грабов решил устроить засаду. Он и так со своими подельниками шел первым. Ганзейцам незачем было зря терять время. Получается, девушка догнала их? Но это просто невероятно. С какой скоростью надо мчаться, чтобы настичь опытных сталкеров, да еще и умудриться убить одного из них?

Поразмыслив секунду, Рома решил, что над этой загадкой он подумает на досуге, когда закончится гонка или хотя бы ее промежуточный этап. Команда Красной Линии двинулась дальше и вскоре, преодолев перегон, вышла на станцию Краснопресненская. Местные жители, столпившиеся на краю платформы, встретили появившихся из тьмы туннеля сталкеров с невероятным ликование. Трёшка, как ни странно, обрадовался приветствиям ганзейцев. Вот она, подумалось ему, классовая солидарность. Низы общества симпатизируют простым рабочим парням, пускай даже и из конкурирующей державы, потому что эксплуатируемые всегда будут стремиться к объединению вне зависимости от принадлежности к тому или иному подземному государству. Однако радостные возгласы букмекера быстро потушили торжество в душе Трёшки.

— Дамы и господа! — истошно орал человечек в сером джемпере. — Вот она, главная интрига! Команда Красной Линии вышла на вторую позицию! Кто же выиграет, Ганза или Красная Линия?! Два непримиримых соперника следуют друг за другом, а победитель может быть только один! Какая интрига, дамы и господа!..

«Плевать им на классовую солидарность! — со злостью подумал Рома. — Никакой сознательности! Жратва и зрешица — вот, что их волнует. Потому что нет у них будущего, есть только сегодня, есть только сейчас, а завтра... завтра могут прийти мутанты с поверхности... нет никакого завтра...»

Трёшке очень захотелось выхватить пистолет и с яростной руганью разрядить его по толпе, чтобы утихомирились, суки, и не горлопанили на всю станцию, чтобы не болтали и не обсуждали, кто кого уже порешил и кто кого еще порешит на Играх, чтобы, наконец, поняли, что беда одна, одна на всю подземку, и принцип «каждый сам за себя» ведет лишь к скорейшему вымиранию. Но, разумеется, Рома легко подавил мгновенную слабость и вместе со своими напарниками-громилами скрылся в следующем перегоне.

Теперь Трёшка мчался во всю прыть. Впереди была станция Киевская. На ней участники соревнований могли передохнуть несколько часов перед решающей схваткой за первое место. Капитану все-таки удалось выбросить из головы сумрачные мысли.

Какая в общем-то разница, отчего ликуют люди на станциях: из-за халявного доппайка или классовой солидарности? Может ли это хоть что-нибудь изменить? Нет. Главное — победа. Победа или смерть. Трёшка снова стал самим собой: целеустремленным, сильным и отважным парнем, сражающимся за честь родной Красной Линии. Разве что не таким внимательным, как прежде. Близость отдыха заставляла торопиться и ослабляла бдительность.

Большую часть перегона краснолинейцы прошли стремительно. Теперь лучи фонарей не блуждали опасливо по стенам туннеля, выискивая неприятные сюрпризы, которые могли устроить для незадачливых конкурентов учредители Игр, но устремлялись вперед, во тьму, лишь изредка касаясь рельсовой дороги.

И вот, когда туннель стал резко загибаться влево, когда до станции Киевская оставалось не более пятисот-шестисот метров, сталкерское чутье Ромы Трёшки вновь заработало в полную силу. Его команда оказалась в самом темном месте перего-

на, там, куда из-за особенностей строения туннеля даже в теории не мог доходить свет со станций. В нос ударили кисловатый запах, и капитану показалось, что он со своими товарищами проскочил мимо чего-то угрожающего. Но лишь спустя полминуты, когда неприятный запах усилился, Рома велел своей команде остановиться. Держа в одной руке фонарь, а в другой пистолет, Трёшка медленно водил лучом вдоль стен. Леха и Игнат проделывали ту же операцию. Где-то во тьме слышалось отрывистое шипение. Волосы на теле Ромы были наэлектризованы, он буквально кожей ощущал присутствие хищных тварей, но увидеть ни одну из них пока так и не смог.

— Это те самые мутанты, которых выпустили ганзейцы, — громко прошептал Трёшка, — нас они не тронут, на нас крем. Медленно идем вперед! Не паникуем и не стреляем.

В бледно-желтое пятно луча вдруг попал силуэт гигантского грызуна ростом до груди взрослого мужчины. Зверюга, угрожающе зашипев, отпрянула в сторону, в темноту. Капитан успел заметить шайбовидные черные немигающие глаза на оскаленной морде.

«Глаберы!» — мелькнуло в голове Ромы. Капитан краснолинейцев краем уха слышал об этих тварях, выведенных в лабораториях Ганзы. Гибрид мутировавших крыс и каких-то африканских грызунов неплохо поддавался дрессировке и потому частенько использовался для тайных операций Содружества Кольцевых станций. И далеко не всегда было понятно, погибли ли те или иные люди из-за случайного столкновения с подземными тварями или по воле ганзейских бонз.

Краснолинейцы медленно продвигались вперед, в сторону Киевской. Отовсюду доносилось царапанье когтей о шпалы и гальку, грозное шипение. Бледно-серые тени то и дело появлялись из тьмы и тут же исчезали. Кислый запах стал совершенно невыносимым. Рома вертел фонарем и пистолетом в разные стороны, но шаг за шагом продолжал идти вперед. Сейчас он жалел, что для облегчения снаряжения решил обойтись без автоматов, касок и бронежилетов. Трёшка надеялся на свой опыт, силу и выносливость товарищей. Но перед ним не люди, а му-

танты. Впрочем, эти твари здесь по воле человека, так что неизвестно, кто хуже.

Краснолинейцы прошли уже с пятьдесят метров, и Рома искренне надеялся, что мельтешащие вокруг монстры наконец оставят их в покое. Ведь на сталкеров специальный крем; не будут же мутанты преследовать их до самого выхода на станцию?

Вдруг сзади послышался дикий, полный боли вопль. Трёшка мгновенно развернулся. Он увидел лежащего на животе, отчаянно скребущего мерзлую гальку Игната, над которым нависла гигантская туша мутанта. Зверь с грозным шипением рвал несчастному здоровяку затылок.

«Как же крем?!» — Рома удивился всего лишь на миг, а затем его палец нажал на спусковой крючок пистолета.

Пуля угодила в шайбовидный глаз мутанта. Взвизгнув, тварь скатилась с окровавленного Игната. Тем временем на Леху из тьмы кинулись сразу два глаубера. Краснолинеец успел выстрелить в одного из них, но, видимо, не зацепил никаких жизненно важных органов монстра, поскольку обе зверюги повалили парня, и фонарь его погас. Трёшка остался один. Вращаясь как заводной, он несколько раз выстрелил, и, судя по визгу, даже в кого-то попал. Слишком близко подобравшегося зверя Ромаолоснул лучом фонаря по черным глазам, отчего мутант шарахнулся в сторону. Откуда-то из кромешной мглы доносился треск рвущейся плоти, хруст костей, шипящий рык и слабеющий вопль поедаемого заживо сталкера. Рома понял, что это конец. Победы ему не видать. Значит, смерть.

Трёшка расстрелял бледно-серого мутанта, ослепил еще двух или трех зверюг светом фонаря, а затем попытался очень быстро перезарядить свой «стечкин». Этим воспользовался один из глауберов. Гигантский грызун молниеносно ринулся на краснолинейца. Рома попробовал увернуться, но другая тварь, вцепившись сзади в ногу, не дала ему шансов на маневр. Монстр вгрызся Трёшке в живот. Заорав от жуткой боли, выронив пистолет и фонарь, сталкер все же сумел извлечь нож из чехла и нанести несколько мощных ударов в шею рычащего мутанта, прежде чем еще один глаубер вцепился ему в горло.

Несмотря на постоянный бег, чередующийся с быстрым шагом, Ленора ни капли не устала. Возможно, это было связано с действием майка, которым поделился Фольгер. Кухулин, внимательно осмотрев пробирку с бесцветным порошком, позволил Леноре принять небольшую дозу.

Девушка сразу заметила, что с Феликсом творилось что-то неладное: в каждом перегоне он хотя бы раз прикладывался к своей микстуре. Это придавало ему невероятные силы, и он мог бежать наравне с Кухулином и Ленорой.

— Ты погубишь себя, — заметил Кухулин, когда Фольгер в третий раз принял лекарство.

— Я знаю, — согласился Феликс, — но я смертельно болен, без него мне совсем не жить.

Леноре нравился их новый попутчик. В отличие от большинства подземных жителей, Фольгер был веселым, хоть веселость эта замешивалась на черной горечи и отчаянии. Девушка чувствовала, что Феликса гнетет какая-то печаль, нечто удручающее, но что именно — Ленора, разумеется, знать не могла. А еще ей казалось, что Фольгер устроил погоню за златовласой красавицей, сестрой какой-то важной шишки из какой-то странной фракции под не менее странным названием Четвертый Рейх, не по приказу начальства, а потому, что любил ее, хоть и тщательно скрывал это от посторонних.

«Вот мой Кух, — думала девушка, — такой же, никогда не покажет своего отношения. А ведь он меня тоже очень любит. Очень. Я знаю, он хороший».

Однако чаще Ленора ни о чем не думала, а просто бежала следом за Фольгером и своим мужем. Перегоны сменялись станциями, станции — перегонами. После гудящих, переполненных разномастными болельщиками залов троица окуналась в холодную туннельную мглу, а потом выныривала в мир яркого электрического света и суетливых кричащих людей. Поначалу девушку даже забавлял бег по большому подземному Кольцу. До тех пор, пока на их пути не попались первые жертвы кровавых Ганзейских Игр.

Как и прочие участники, команда Феликса Фольгера перешла из правого внешнего туннеля в левый внутренний и вскоре наткнулась на обезглавленный труп. За годы, проведенные в Самарском метрополитене, за время жестокой революционной войны в Стране Десяти Деревень девушка привыкла ко всяkim мерзостям, но все же вид безголового мужчины ее покоробил. В этом же перегоне они обнаружили еще одного убитого — совсем молодого парня с отрезанным ухом. Ленора узнала его — это был напарник Евы, той самой красотки, которая нужна была Феликсу. Сам Фольгер заметно помрачнел, а взгляд его стал затравленно-тревожным. У Леноры невольно защемило сердце. Она считала Феликса хорошим, но несчастным, и ей было его жалко.

Фольгер даже спросил у Кухулина замогильным голосом, не пропустили ли они труп Евы. Но потом решил, что проще будет узнать на следующей станции, что случилось со златовласой красавицей. Феликс оказался прав: на станции, которая носила название, кажется, Проспект Мира или, может быть, Площадь Мира, — Ленора не запомнила точно, — им сообщили, что Ева двинулась дальше в одиночку.

Ленора искренне обрадовалась этой новости, потому что капитан их команды тут же просветел. Девушка не знала, какая она, эта Ева. Возможно даже плохая, но если Феликс счастлив рядом с ней, значит, и Ленора должна быть счастлива. Друзья ведь всегда переживают друг за друга.

В следующем перегоне они обнаружили новые трупы. Убитыми оказались ребята из фракции со странным названием «Конфедерация 1905 года».

«Неужели теперь нам на пути будут попадаться одни покойники? — спросила саму себя Ленора. — А ведь мы тоже можем погибнуть».

Впрочем, беспокойство девушки тут же улетучилось. Рядом ее возлюбленный муж — Кух. А он умный, сильный и храбрый, совсем ничего не боится и всегда знает, как правильно поступить.

Они преодолели еще одну станцию, вошли в новый туннель. Кухулин поменялся местами с Фольгером, заглотнувшим очередную порцию порошка, и теперь бежал первым. Ленора, как всегда,

была замыкающей. И в этом перегоне не обошлось без неприятностей. Еще три мертвеца. Двое были расстреляны, у третьего отсутствовало чуть ли не полчерепа, а глаза были залиты запекшейся кровью.

— Бандиты с Новокузнецкой, — сказал Феликс. — Не сильно большая потеря для остатков человечества.

Команда двинулась дальше. Ленора помнила, что, согласно правилам Игр, которые ей вслух прочитал на Павелецкой Кухулин, на станции Киевская должны быть подведены промежуточные итоги. Девушка очень надеялась на то, что больше не встретит убитых, что все остальные благополучно преодолеют первый этап соревнований. Там, на этой самой Киевской, Фольгер найдет Еву, заберет ее с собой, и они, наконец, покинут подземное Кольцо. А потом Феликс поможет Куху увидеть волшебные светящиеся звезды, расположенные на древних башнях, и ее муж избавится от мучительных видений, вновь обретет дар внушения и станет прежним повелителем мутантов.

Но самое ужасное ждало Ленору и ее спутников впереди. В следующем перегоне перед ними предстала жуткая картина. Мертвый мужчина с раздробленной пулей переносицей незряче глядел в пустую тьму. Глаза его, остекленевшие, были переполнены ужасом. А неподалеку лежала она — златовласая красавица. Ленора остолбенела. На нее накатила совершенно противоестественная смесь жалости и восхищения. Мертвая Ева лежала с прорванной грудью, бездыханная и окоченевшая, но блаженно улыбающаяся лицо ее, будто высеченное из белого мрамора, внушало невероятное спокойствие.

«Она умерла счастливой!» — осенило Ленору, и она перевела взгляд на Феликса.

Фольгер стоял спиной к Леноре, и девушка не желала видеть глаза своего нового друга, боясь найти в них бесконечное отчаянья и нестерпимую боль. Мужчина опустился на колени перед возлюбленной. Его дрожащая рука потянулась к нежному мраморному лицу златовласой красавицы. Пальцы коснулись матово-бледной окаменевшей ямочки на щеке и медленно-медленно поползли вниз, к изящному подбородку.

Ленора почувствовала, как обжигающе горячая капля стекает к уголкам губ, но не стала ее стирать, — следом обязательно потечет новая. Кухулин, серьезный и строгий, стоял рядом с женой, и лицо его не выражало ни капли сочувствия. Ленора знала это выражение лица: тысячу раз она видела его во время революции в Десяти Деревнях. Скольких соратников он похоронил без единой слезинки? Ее муж не умел сопереживать отдельным личностям, сострадание у него могла вызвать лишь несправедливость. Социальная несправедливость, как любил говорить он. Кух впускал в себя только коллективное горе, — как совсем недавно, когда увидел греющихся у костра нищих на Павелецкой. Но пожалеть одного-единственного человека он никогда не сможет.

И Леноре вдруг представилось, что если бы сейчас вместо Евы на холодной земле лежала бы она сама, Кухулин точно так же стоял бы и даже не двинулся бы с места. И ни единый мускул на его лице не дрогнул бы, и не опустился бы он на колени, и не гладил бы ледяную щеку, и не поцеловал бы в окоченевшие губы, потому что смерть одного человека для него ничто, если коллектив продолжает жить.

Ленора ненавидела противогазы. Она считала их резиновыми масками, делающими всех людей одинаковыми, скрывающими истинные лица как палачей, так и добрых людей. Но Кух был другим, особенным, — он не носил противогазов. И оказалась, что настояще лицо его равнодушней любой резиновой маски. И никогда он не прятал свою любовь, — ему просто всегда было все равно. Это прозрение стало шоком.

Впервые в жизни девушке захотелось закричать на своего мужа. Бесчувственный мутант, вот кто он! Мутант не потому, что у него вдоль позвоночника идет черная полоса, а потому, что в душе он совсем не человек, а какое-то бессердечное чудовище! Может, и справедливое, и умное, и храбре — но бессердечное! И как, как она могла все это время буквально молиться на него?! Да, Кухулин вытащил ее из смердящего сумрака самарской подземки, спас от неминуемой смерти, — но что она получила взамен? Вечные скитания по выжженной радиацией земле. Может, умереть в Самаре было бы лучше?

Ленора отошла от своего мужа на пару шагов. И тут же ей стало стыдно. Он защищал ее от опасностей, как защищал бы любого своего спутника... вот именно, что любого, а не только ее...

Кухулин внимательно посмотрел на жену. Ленора тут же испугалась, что муж увидел ее внутреннее смятение. Но он, не поглядев даже бровью, отвернулся и бесстрастным ровным голосом произнес:

— За нами следят. Наверное, кто-то из участников Игр, кому выпал жребий идти после нас.

Фольгер, все еще стоявший на коленях перед мертвой, но прекрасной Евой, никак не отреагировал, продолжая гладить щеку погибшей возлюбленной.

— Я понимаю твою скорбь, — сказал Кухулин, — но ее не вернуть в мир живых. Мы здесь стоим уже восемь минут, и нас нагнали.

«Даже минуты посчитал...» — с горечью подумала Ленора и неожиданно для самой себя подскочила к Феликсу, коснулась его плеча. Она очень хотела помочь своему новому другу, но чем — не знала.

— Не трогай меня! — прорычал, содрогнувшись, Фольгер в ответ на прикосновение Леноры.

Девушка испуганно отдернула руку, а Феликс поднялся с колен, несколько раз вытер лицо рукавом куртки и повернулся к супругам.

— Извините, не сдержался, — сказал он абсолютно спокойно. — Я выполню свою часть договора, я приведу вас к звездам, пускай даже навсегда сгину за кремлевскими стенами. Но вы поможете мне отомстить, — Фольгер указал пальцем на убитого мужчину с раздробленной переносицей. — Это ганзейцы, они убили Еву. Это сделал Грабов, я знаю, это сделал он. И он должен умереть.

Кухулин молча кивнул, и команда Феликса продолжила свой путь. Приступ сострадания к Фольгеру и открытие, сделанное в отношении мужа, сильно вымотали Ленору, и потому она не вела счет времени, не смотрела по сторонам и под ноги, а лишь тупо бежала за мужчинами. Девушка никак не отреагировала, когда выскочила на простор очередной ярко освещенной станции, а затем

вновь оказалась во мраке перегона. И только когда вдруг потемнело так, что лучи фонарей показались непроницаемо желтыми, и туннель начал загибаться влево, а Кухулин просигналил, что нужно остановиться, Ленора пришла в себя. Девушка почувствовала кисловатый запах и поморщилась.

— Там впереди пять мутантов, — громко прошептал Кухулин, — и еще три мертвые твари.

— У тебя снова появились способности? — спросила Ленора без особого энтузиазма, хотя недавно эта новость сильно ее обрадовала бы.

— Нет, львенок, — сказал Кухулин, — я просто все еще ощущаю ауры мутантов, даже если они недавно погибли. Но внушать им свои желания я не могу, звезды на башнях не дают.

Троица продвигалась вперед сквозь толщу непроглядной тьмы, и только яркие лучи фонарей рассекали мглу, словно длинные-длинные ножи. Тошнотворный запах усилился. Вскоре Ленора услышала жадное чавканье и звуки, очень похожие на хруст костей. Она, еще ничего не видя, бесшумно извлекла из кобуры пистолет Макарова. А потом Кухулин внезапно поймал в свет фонаря двух больших крысвидных тварей и полуобглоданные человеческие ноги. Одна из зверюг подняла вымазанную в крови морду, недовольно зашипела и тут же отпрянула во тьму. Другой мутант ничего не успел предпринять, поскольку Кухулин, вскинув автомат, выстрелил. Монстр, издав икающее урчание, рухнул на недоеденного человека.

— Они боятся света! — прокричал Фольгер, извлекая «стечкин». — Это глаберы!

Ленора успела подумать, что ее пистолет — слишком слабое оружие для таких мощных монстров, прежде чем огромная тень с угрожающим шипением рванулась к ней. Девушка, протяжно завизжав, в несколько секунд опорожнила магазин своего «макарова». Тень на мгновение остановилась, пошатнувшись, а затем вновь бросилась на Ленору. Девушка полоснула фонарным лучом по черным шайбам-глазам и отскочила в сторону. Ослепленный глаубер промахнулся и с яростным шипением покатившись по шпалам, исчез в темноте. Где-то совсем рядом застремился автомат,

следом раздалось несколько пистолетных выстрелов. До ушей Леноры, судорожно водящей лучом фонаря по стенам туннеля, до несся предсмертный хрип смертельно раненного мутанта. И вдруг все стихло.

— Они ушли? — испуганно прошептала Ленора.

— Не знаю, — ответил Кухулин, — мы убили двоих, еще трое осталось, но я их не ощущаю. Совсем потерял чувствительность... проклятые звезды...

— Нет, они так просто не уходят, — сказал Фольгер, выставив пистолет и вертаясь на месте.

Тут только Ленора сообразила, что ей нужно перезарядить «макаров». Она спешно вставила новую обойму и принялась вместе со спутниками выискивать притаившихся во тьме мутантов. Девушка несколько раз освещала человеческие останки: недоеденную кисть руки без мизинца и указательного пальца, разорванную грудную клетку с обглоданными перекусенными ребрами. Она увидела дохлого глабера с ножом в глотке и оскалившейся мордой, но живых тварей не обнаружила. Тем не менее противный кислый запах говорил, что монстры где-то рядом.

Слева послышалось резкое шипение. Ленора с быстротой кошки повернулась на звук. Огромная темная туша кинулась на девушку. Ленора попыталась ослепить мутанта, но луч фонаря скользнул по когтистым кривым лапам, не задев морды мерзкого животного. Девушка успела несколько раз нажать на спуск «макарова» и пригнуться, но глабер, зацепив ее, брюхом придавил к земле. Послышались пистолетные выстрелы и автоматная очередь. Кости Леноры затрещали, однако страх смерти заставил забыть о боли. Закричав от ужаса, девушка умудрилась каким-то немыслимым образом перевернуться на спину и, воткнув «макаров» в живот твари, разрядила весь магазин. Мутант вздрогнул, однако, по всей видимости, пистолетные пули не причинили ему ощутимого вреда. Зверь приподнялся, посмотрел на Ленору и со злым шипением ощерился. Бездонные и абсолютно ничего не выражавшие черные глаза уставились на поверженную девушку, которая, судорожно сжимая фонарь,

дергала рукой, пытаясь направить луч на морду твари. Но огромная лапа оскалившегося гладбера намертво придавила ло-коть Леноры к земле. Внутри девушки все сжалось: она поняла, что настал ее конец.

И вдруг что-то длинное и острое, блеснув, молниеносно вот-кнулось в глаз мутанта, а затем так же стремительно перерезало артерию на шее твари. Заливаясь черной кровью, гладбер попятился и, издав протяжный хрип, рухнул на ноги девушки. Ленора по-смотрела вверх и увидела своего спасителя. Это был мужчина, об-лаченный в странный мешкообразный костюм серого цвета. В пра-вой руке он держал большой нож с заточкой по внутренней грани. В этот миг к девушке подбежал Кухулин.

— С тобой все в порядке, львенок? — спросил он ровно, хоть и чуть запыхавшись. — Ничего не сломано?

Ленора сказала, что с ней все нормально, и Кухулин, схватив девушку под мышки, с легкостью выдернул ее из-под туши мон-стра, а затем поставил на ноги.

Человек в мешкообразном костюме, вытерев тряпкой окровав-ленный вогнутый клинок, засунул его в чехол и примирительно поднял руки:

— Мы — команда из Полиса, и мы не хотим войны. Мы пропу-саем вас вперед.

Девушка осмотрелась и увидела еще двух мужчин в таких же странных серых одеждах, с кривыми ножами на поясах. Рядом с каждым из воинов лежало по мертвому гладбера.

— Я вас помню, — сказал Фольгер, — вы перед самым стартом поменяли команду кшатриев, ваших военных.

— Мы не хотим войны, — повторил незнакомец, — и отпускаем вас с миром. Мы помогли вам убить всех мутантов, — думаю, это лучший знак нашей искренней и доброй воли.

— Как вам удалось убить тварей одними только кукри, без при-менения огнестрельного оружия? — спросил Кухулин.

— Гладбера хорошо видят в инфракрасном диапазоне, — отве-тил незнакомец. — Наши костюмы рассеивают тепло, для этих монстров мы практически невидимы и можем делать с ними, что захотим, хоть голыми руками душить.

— И зачем вам нужно нам помогать? — спросил хмурый Фольгер, пряча пистолет в кобуру. — Знаете ли, майне камераден, я не верю в добрых самаритян. Уже давно не верю. Лет десять точно.

— Я служу браминам и Полису — это все, что я могу вам сказать. Идите с миром, — незнакомец поклонился и, погасив свой фонарик, шагнул назад.

Так же поступили и два его спутника.

Фольгер горько ухмыльнулся, взглянул сперва на Кухулина, затем на Ленору и сказал:

— Что ж... идем. Ганзейцы уже на Киевской, отдыхают перед решающей схваткой. Отдохнем и мы. Это будет последний день Грабова и его напарника. Клянусь!

ГЛАВА 6

СВИДЕТЕЛЬ

Верховный Хранитель Книг всегда тщательно пережевывал пищу. Вот и сейчас он проглотил кусочек свинины, лишь досчитав до пятидесяти. Благо, должность позволяла никуда не спешить, а пищеварительную систему организма, как и кровеносную, как и нервную, как и все прочие, следовало беречь. Язву желудка, как двадцать лет назад, так просто не залечишь.

«Тщательное пережевывание — один из маленьких секретов здоровья», — подумал брамин, млея от удовольствия.

Полис вообще хранил много тайн: от информации о нетронутых секретных складах с ракетно-ядерными зарядами до весьма подробных атласов центра радиоактивной Москвы с отметками мест, опасных для сталкеров. Казалось бы, зачем скрывать карты, дающие сведения о наиболее загрязненных территориях и лежбищах мутантов? Это спасло бы не одну человеческую жизнь. Можно, конечно, сделать жест доброй воли. Но только возникает один-единственный вопрос, а зачем давать конкурентам такую важную информацию? Нет уж, все имеет свою цену и целесообразность. Вот, например, наркотик под названием «Маёк» в Полисе официально запрещен. Однако любой залетный сталкер (именно залетный, а не свой) легко купит его из-под полы за отно-

сительно небольшую цену, потому что продают этот стимулятор с негласного разрешения Совета.

Спрашивается, почему? А все очень просто: у майка есть негативные побочные эффекты. Тот, кто его регулярно принимает, умирает в течение года. Вот если бы наркотик, стимулируя работоспособность, оставался безвредным, его бы сразу засекретили. А так маёк убивает чужаков и приносит небольшую прибыль в казну. С контрабанды тоже можно взимать налог.

Верховный Хранитель, сидя за небольшим столиком в ярко освещенной тесной комнате, медленно доедал свинину и по стародавней привычке разглядывал висящую на стене калачакру. Колесо, двенадцать спиц, вечность времени и неизменность хода истории...

«Скоро, очень скоро все свершится, — думал Хранитель. — Избранный уже спустился в метро через Павелецкий вокзал, и самая долгая безлунная ночь царит над Москвой. Осталось только получить благие вести. Избранный будет в Полисе, избранный будет работать на нас...»

И, словно в ответ на мысли Верховного Хранителя, в дверь постучали. В комнатку вошел бритый послушник с книгой в руках. Молча забрав поднос с остатками пищи, он положил увесистый томик на стол и, поклонившись, удалился. Брамин бросил взгляд на обложку книги. Средневековая *Carmina Burana* с комментариями какого-то ученого, репринтное издание, автор перевода с латинского, средненемецкого и старофранцузского на русский неизвестен. Как обычно, на сто восьмой странице Хранитель обнаружил расшифрованную записку.

Колесу времени от Спицы сансары.

Дважды рожденный, мы, как и объект (установленное имя объекта — Кухулин), принимаем участие в Играх. Жребий выпал нам стартовать седьмыми, сразу после команды Четвертого Рейха, что значительно облегчило задачу слежки за объектом и лишний раз подтвердило нашу правоту, ибо прорицание помогает нам. На протяжении большей части пройденного пути мы старались не обнаруживать своего присутствия, однако в пере-

гоне между станциями Краснопресненская и Киевская на команду объекта совершили нападение мутанты (одна из разновидностей глаберов). Ввиду форс-мажорных обстоятельств мы приняли решение раскрыть себя и незамедлительно вмешаться в ситуацию, благодаря чему объект благополучно достиг станции Киевская. Согласно информации, переданной агентом Мармомтом, до окончания Игр, то есть до самой Павелецкой, никаких неприятных сюрпризов больше не ожидается. В связи с тем, что миссия подверглась опасности разоблачения, нами было принято решение сняться с соревнований и положиться полностью на промысел Судьбы, а также на то, что команда объекта потенциально сильнее команды Ганзы.

Конец связи.

Верховный Хранитель отложил записку. Что ж, агент Спица самостоятельно решил отказаться от дальнейшей слежки за избранным. Если этот самый объект со странным именем Кухулин действительно жаждет увидеть гибельный свет кремлевских звезд, он обязательно придет в Полис, ведь станция Библиотека имени Ленина расположена очень-очень близко к Кремлю. Но если избранный вдруг будет убит, всю ответственность придется возложить на агента Спицу.

«С другой стороны, если избранный умрет раньше срока, то он и не избранный вовсе... — пришла неожиданная мысль, — и, значит, Спица тут ни при чем. Он ведь фанатик. Один из самых преданных Полису людей».

Брамин не смог сообразить, как решить эту дилемму, и потому вознамерился ждать знака судьбы. Как и любой из принадлежащих к касте грамотеев, Верховный Хранитель обратился к книге, лежащей на столе. Он захлопнул *Carmina Burana*, а затем, открыв ее наугад, бросил взгляд на текст.

«Если Сын Человеческий придет к престолу нашего величества, спросите Его: «Зачем пришел ты к нам?» И если будет, ничего не дав вам, продолжать стучаться, выбросите Его вовне во мрак», — прочитал брамин и задумался, что бы это могло означать.

Однако ход его мыслей был прерван самым бесцеремонным образом. Дверь с грохотом отворилась, и в комнату ворвался пожилой мужчина, круглолицый, лысоватый, с татуировкой в виде двуглавого орла на выбритом правом виске. На плечах шестидесятилетнего здоровяка висел щуплый послушник.

Верховный Хранитель, бросив надменный взгляд на нежданного посетителя, захлопнул книгу и аккуратно накрыл ею расшифрованную записку, лежащую на столе.

— Сними с меня своего дохлика! — прорычал сквозь тяжелую одышку незваный гость. — Иначе я ему шею сверну!

Верховный Хранитель, снисходительно улыбнувшись, сделал жест рукой, и послушник тут же исчез из комнаты, захлопнув за собой дверь.

— Рад видеть вас в добром здравии, генерал Шогин, — сказал брамин бархатным голосом. — Но все же хотел бы просить вас о любезности предварительно уведомлять о своем визите моего секретаря и стучаться перед тем, как войти в мои покой.

— Ты эти штучки, Виталик, брось! — рыкнул лысоватый здоровяк. — Не первый год знаем друг друга! Что это за выкрутасы на Играх ты устроил?!

— Я? Выкрутасы? — Хранитель вскинул брови. — Все, что я делаю, я делаю в интересах Полиса, и только Полиса. И никаких выкрутасов.

— Рассказывай эти сказки шудрам, а не мне! — генерал подошел к столику и, опершись на него задом, положил руку на книгу. — Ответь мне, Виталик, по какому праву ты велел заменить команду моих боевых подготовленных ребят на своих псов? Или ты думаешь, что брамины справляются с гонкой по Кольцевой линии лучше военных? Лучше нас, кшатриев?

Верховный Хранитель бросил осторожный взгляд на томик *Cartmina Burana*, под которым лежала расшифрованная записка от агента Спицы. Генерал Шогин был членом Совета Полиса, о чем многозначительно говорила татуировка на его виске. Разумеется, нехорошо утаивать секретные данные от согражданина и соратника, принадлежащего к высшей касте. Но все же некоторые тайны до поры до времени должны оставаться тайнами даже для генералов.

— У нас есть предсказание, — медленно вымолвил Хранитель, надеясь, что Шогин не сдвинет с места книгу и не заметит записку, — и мы действуем в соответствии с ним. Это очень важно для Полиса, для его великого будущего. Мы ведь все работаем заодно. Не забывай, что сегодня самая длинная ночь в году. И самая темная, потому что в эти часы нарождается новая луна. Это знак свыше.

— Опять эти байки про древние фолианты, — недовольно пробурчал генерал, — про золотые буквы и аспидно-черные страницы. Нашли нового избранного? Неужели ты веришь, что книга, в которой записано будущее мира, существует? Неужели, Виталик, ты действительно думаешь, что с помощью куска макулатуры можно изменить расклад сил в нашу пользу? Здесь стратегия нужна, а не гадание по звездам.

— Речь идет не просто об очередном человеке, — сказал Верховный Хранитель, — речь идет о том, кто, возможно, обладает сверхспособностями.

— Сверхспособностями? — Губы Шогина искривились в скептической полуулыбке, а пальцы заерзали по обложке книги. — Может, расскажешь, кого ты там нашел?

— Обязательно, но не сейчас. — Хранитель выдавил из себя улыбку. — На ближайшем заседании Совета я представлю подробнейший доклад.

— То есть, — генерал успокоился и говорил теперь почти ровно, — ты без санкции Совета заменил команду Полиса в полном составе на своих псов, а теперь даже не хочешь объясниться?

— На ближайшем заседании Совета я представлю подробнейший доклад, — повторил Верховный Хранитель. — У меня нет причин и желания что-либо скрывать от дружественных нам кшатриев, мы ведь одно дело делаем, работаем на благо Полиса. Просто сейчас не пришло еще время...

— Секретничаешь, значит, — сделал свой вывод Шогин. — Что ж, хорошо-о-о... смотри, Виталик, я этого так не оставлю. Твое самоуправство тебе аукнется.

Генерал отстранился от стола и хотел уже направиться к выходу, как взгляд его упал на томик *Carmina Burana*.

- Ого! А это что такое? — Шогин вновь схватился за книгу.
- Это пустяк, никому не нужная средневековая немецкая поэзия, — нарочито равнодушно сказал Хранитель и накрыл ладонью морщинистую руку генерала.
- Я люблю поэзию, — произнес Шогин и попытался оторвать книгу от стола, но ладонь брамина не позволила этого сделать.
- На русский язык перевод дословный, никаких ритмов и рифм, — сказал брамин, — совершенно унылый труд какого-то эмгэушного историка.
- Все равно интересно почитать, — настаивал на своем генерал, — я и историю люблю.
- Я пришлю ее тебе через пару часов, а сейчас, извини, она нужна мне для работы, — Верховный Хранитель сдержанно улыбнулся.
- Ладно, — сдался Шогин, оторвав руку от книги, — только не забудь.
- Генерал направился к выходу и, уже открывая дверь, обернулся, грозно сверкнул очами и, погрозив пальцем, сказал:
- Все равно, Виталик, твое самоуправство я так не оставлю. Вы у меня докукареетесь, псы божьи!

* * *

Если в начале Игр со станции Павелецкая стартовало восемь команд, то до Киевской добрались всего лишь три. Лишившись одного человека, первыми примчались, как и ожидалось, ганзейцы. Следом пришли Фольгер, Кухулин и Ленора, а третьими — люди из Полиса в странных мешковатых серых одеяниях. Остальные погибли. Правда, были еще парни из Бауманского альянса, которым по воле случая досталась последняя, восьмая позиция, но они, видимо, понимая бесперспективность своего участия, сошли где-то на середине дистанции, и болельщики на Киевской о них даже не вспоминали. Организаторы гонок и простой народ, безусловно, получили незабываемое удовольствие от немалого количества смертей. Радостные зеваки, граждане Ганзы и гости Содружества Кольцевой линии праздно шатались по платформе, шумно обсуждая результаты первого эта-

па соревнований. Немного расстроила толпу новость о том, что команда Полиса, вооруженная кривыми ножами кукри, по каким-то неизвестным причинам покидает Игры. Однако интрига все же осталась. Два ганзейца и три представителя Четвертого Рейха должны будут в скором времени сойтись в решающей схватке. Команда Грабова стартует первой, а минуту спустя по параллельному туннелю начнет свой бег троица Фольгера. Большинство полагало, что выиграет Ганза, но кое-кто считал иначе. Букмекер в сером джемпере рвал глотку, призывая делать ставки.

Вся эта суэта совершенно не интересовала Феликса. Он сидел в разделенном на несколько помещений вагоне для отдыха. Каждому из участников перепало по целой комнатке, и Фольгер, зашторив окна от любопытных взглядов, вздохнул с облегчением, когда остался наедине с собой. Он закрывал глаза, и перед ним вновь и вновь всплывало матово-белое лицо мертвой Евы. Феликс опускался на колени перед покойницей, гладил ее по щеке, касался ледяного лба и окоченевших губ своими горячими губами, шептал нежные слова в маленькое ушко, которое уже ничего не могло услышать. Осознание безвозвратной потери превращало бытие в нестерпимый ад, и тогда Фольгер размыкал тяжелые веки, вскакивал с места, желая выйти на платформу, смешаться с толпой, избавиться от гнетущего одиночества, кидался к выходу. Но видеть все эти возбужденные кровью и дешевым праздничным алкоголем лица было невыносимо, и тогда Феликс, понимая безвыходность ситуации, хватался за голову, садился на топчан, закрывал глаза и вновь в своем болезненном воображении водил дрожащими пальцами по мраморной коже и золотистым волосам убитой девушки.

Эти мучения длились целую вечность, пока кто-то не постучал в дверь и не вошел в комнатку. Феликс открыл глаза. Перед ним стояла смущенная Ленора.

— Что тебе нужно? — хрипло выдавил из себя Фольгер.

— Я... — Ленора, беспокойно теребя белесый локон, прикусила губу, — я хочу... помочь... я знаю, тебе плохо сейчас...

— Ты ничего не знаешь, — внезапно рявкнул Феликс, — ты просто глупая девчонка!

— Прости... — Ленора покраснела и повернулась спиной, чтобы выйти из комнатки.

— Постой, — сказал Фольгер.

Феликсу вдруг показалось, что шестнадцатилетняя девочка — это меньше, чем толпа, но больше, чем одиночество, это спасительный мостик между двумя разновидностями ада. Фольгер уже давно понял, что Кухулин и Ленора — чужие в подземном мире метро. Они пришлые. Наверное, легче выговориться незнакомцу, чем кому-то, кто, как и ты, целых двадцать лет живет безвылазно в сумрачных катакомбах. Да, этой девчонке можно сказать то, что никогда не скажешь и лучшему другу.

— Сядь, пожалуйста, — Феликс похлопал ладонью по топчану рядом с собой, — сядь!

Ленора подчинилась.

— Не обижайся, — сказал Фольгер, — я мерзок самому себе, оттого и на тебя сорвался.

— Нет, ты хороший, — тихо возразила Ленора.

— Хороший, — засмеялся Феликс, — хороший... А тебя не смущает тот факт, что я много лет работаю на Четвертый Рейх?

Девушка пожала плечами.

— Ну, да, конечно, — сказал Фольгер, — ты ведь не местная, тебе что Рейх, что Ганза, что краснолинейцы, — все одно.

Ленора, испуганно моргнув, встрепенулась.

— Даже и не думай отрицать, — Феликс вымучил из себя улыбку, — ты и твой муж — не жители метро. Кожа у Кухулина совсем не бледная, а ты — просто артёмка какая-то, о нашей подземной жизни элементарных вещей не знаешь. Я прав?

Девушка, потупившись, промолчала.

— Но это даже к лучшему, — сказал Фольгер, полез за пазуху и извлек оттуда нож, на пятке которого были выгравированы четыре буквы «Му ОС» и миниатюрный звездно-полосатый флаг. — Столько лет спустя это оружие вернулось ко мне. Когда-то я отнял этот нож у убитого врага, и вот теперь забрал его снова, но из рук...

К горлу Феликса подкатил горький ком, и он, собираясь с духом, несколько минут молчал, а потом вновь заговорил:

— Я ведь не всегда был Феликсом Фольгером. Когда-то меня звали совсем иначе...

* * *

Мое настоящее имя — Филипп Реглов. Когда случилась ядерная война, я был молоденьким лейтенантом, совсем недавно закончившим военное училище. Я всегда хотел жить в Москве, столице великой державы, которую уважали во всем мире и боялись даже в Америке. Так нам, по крайней мере, внушали по телевизору и через интернетовских блоггеров. И вот я прибыл по распределению в Первопрестольную. Мечта сбылась. Здесь я и остался на всегда.

Тысячи одинаковых историй можно услышать от тех, кто выжил в подземке: поездка в метро, вдруг поезд резко тормозит, останавливается, в вагоне гаснет свет. Удивление и недоумение сменяются страхом и даже паникой. Потом пассажиры выбираются из вагонов и бредут к ближайшей станции. А там суматоха, столпотворение, гвалт.

Война! Какая война?! С кем?! Кто первый начал? Никто ничего не знает. Только неистовый ор сотрясает пилоны станции. Представляешь, Ленора, какая была суматоха? Потом вроде все более-менее успокаиваются, находят себе места для отдыха и сна. Поначалу кажется, что ты попал в какой-то дурной сон, который вот-вот должен закончиться. Думаешь, что это ненадолго, сейчас откроются гермоворота, люди выйдут на улицы и будут, как и прежде, ездить в метро, ходить на работу и чем-то там еще заниматься... В общем, все будет обыденно, буднично и-sero. Как всегда.

Но проходит день, проходит второй, за ним третий, а дальше счет идет на недели, месяцы, годы. Страшный сон все длится и длится, не желая заканчиваться. И люди начинают жить так, будто и не было прошлого мира. Лишь нечеткие воспоминания заставляют их тосковать по безвозвратно ушедшему. Самые психически

неустойчивые добровольно расстаются с жизнью. Остальные как-то приспосабливаются, грызутся, хитрят, крутятся, вертятся, собираются в группы, воруют, грабят, убивают друг друга, — в общем, борются за выживание. Жизнь вновь становится обыденной, будничной, но не серой, а бездонно черной.

Я не знаю, как не сошел с ума и выжил в первые годы. Очень много плохого я сделал, но клянусь тебе, Ленора, что до каннибализма, немотивированных убийств и жестоких изнасилований я никогда не опускался. Первые несколько лет в метро царил хаос и беспредел. Потом, наконец, начал устанавливаться хоть какой-то порядок. Появилась даже надежда, что человечество воспрянет духом, возродится из пепла. Начали самоорганизовываться станции Кольцевой линии, позже объединенные в Ганзу, появились первые форпосты краснолинейцев. При всех своих разногласиях эти силы привносили в жизнь подземки порядок. Люди устали от беззакония и произвола и с радостью отдавали себя в руки тех, кто мог защитить их от грабителей и убийц. Большинству ведь наплевать на идеологию, им просто нужна хоть какая-то уверенность в будущем.

Я тоже не имел политических предпочтений. Я всего лишь хотел облегчить быт жителям метро. Многие организации пытались склонить меня на свою сторону, заставить работать на себя. Но я всегда соблюдал нейтралитет. Глупо воевать друг с другом, когда несчастье — одно на всех. Так и прожил я первые десять лет в надежде на то, что найдутся сильные и влиятельные люди, которые смогут объединить всю подземку, сумеют заразить выживших идеей общего блага. Впрочем, чаще настроение мое было сумрачным, ибо я видел много мерзости людской, о которой не имею никакого желания рассказывать.

Нет ничего хуже, чем быть идеалистом в мире, где нет идеалов. Это я понял слишком поздно. Однажды по всему метро прошел слух, что некие патриоты человечества (да, да, именно так они и назывались: «патриоты человечества») собирают команду для очень важной миссии. Скоро, мол, они найдут способ вернуть людей на поверхность, а затем Москва станет великим центром новой экспансии хомо сапиенс. Звучало красиво и со-

вершенно нереалистично. Но, что удивительно, многие на это повелись. Когда вокруг кромешная тьма, глаза обостренно реагируют на малейший свет, и взгляд цепляется даже за слабый лучик надежды.

Я был одним из таких дураков. Нас собирали на станции Октябрьская, одном из главных форпостов Южной Дуги. В то время существовали два крупных образования: Северная Дуга, тянувшаяся от станции Киевская до Проспекта Мира, и Южная Дуга, во владении которой были Курская, Таганская, Павелецкая, Добрынинская и Октябрьская. Это потом две эти Дуги объединятся в единое Кольцо и назовутся Ганзой.

И вот перед нами выступил один из боссов Южной Дуги, — так я, по крайней мере, предполагаю. Что интересно, его нельзя было назвать харизматичным, он был абсолютно непримечательным, но почему-то многие смотрели на него с благоговением, как на великого спасителя человечества. А один тип в клетчатом пиджаке, с мордой, как у сурка, с незыблемой уверенностью прошептал мне на ухо: «Если бы не он, метро давно бы уже погибло. Это он поднимает метро с колен...»

Я так и не задал уточняющего вопроса, что же такого великого сделал для подземки этот человечишко с восковым лицом, жи-денькими волосами и пресыщенным до мутоты взглядом? Впрочем, мне думается, клетчатый пропагандист-сурок не смог бы внятно ответить на этот вопрос. Я вообще теперь полагаю, что в толпе были засланные шептуны, рассказывающие небылицы о величии своего босса и подвигах, которых тот никогда не совершал. Старый мир погиб, а пиар-кампании остались. Не спрашивай меня, Ленора, что такое пиар, эта дрянь страшнее и заразнее любой бубонной чумы.

Справедливости ради стоит отметить, что человечишко с пресыщенным взглядом умел выступать перед публикой. Речи он толкал витиеватые и красивые, говорил о том, что общество московских подземелий испытывает явный дефицит духовных скреп, милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу. Говорил, что человечество пора подымать с колен, что в двадцати с лишним километрах от Москвы живут несчастные люди по бункерам и де-

ревушкам, а ведь все люди — братья. Все люди — свои, а мы, мол, своих не бросаем.

Конечно, было ясно, что большие боссы метро имели какой-то интерес, раз снаряжали рискованную экспедицию за пределы столицы, но все же эти слова запали мне в душу. Я даже грешным делом подумал: может, действительно грядет великое возрождение страны, канувшей в небытие. Да и вознаграждение нам пообещали солидное. Впрочем, я, если честно, в тот момент не гнался за прибылью.

В общем, лег я спать с воодушевлением, а на следующий день рано утром колонна из одного БТРа и двух грузовиков выдвинулась в юго-западном направлении. Наша группа делилась на две неравные части: тех, кто должен был заниматься эвакуацией, и тех, кто их прикрывал. Первые были лучше вооружены, на них были такие костюмы химзащиты, каких я раньше не видел, имелись у них и приборы ночного видения. Вторых, то есть нас, снабдили по остаточному принципу, но в общем-то тоже неплохо.

Мы ехали по Киевскому шоссе, облаченные в костюмы химзащиты, бронежилеты и противогазы. Уже тогда мутантов развелось прилично, но, к счастью, на дороге они нам не попадались. Зато перемены, случившиеся с природой за десять лет, очень удивляли. Больше всего поражало непостоянство пейзажа. Едешь по шоссе, смотришь по сторонам, — а вокруг мертвые деревья, сухие, почерневшие, без единого листочка. А уже через двести метров все меняется на глазах: перед тобой непроглядная чащоба, да такая, какой, наверное, и в тропических джунглях раньше не бывало. И растения диковинные, будто из фэнтезийного фильма какого-то, и звуки из этого леса иногда такие доносятся, что в дрожь бросает. Прости, Ленора, за незнакомые слова, ты ведь не знаешь, что такое фэнтези...

Однако ехали мы недолго. Колонна свернула с шоссе, миновала аэропорт Внуково, который, к моему удивлению, остался почти невредим, хотя по идеи должен был стать одной из первых целей бомбардировок. Вскоре мы оказалась на месте. Нас высадили возле многоэтажных заброшенных зданий и велели держать позиции,

пока из округи не вывезут мирных жителей и нечто стратегически важное из аэропорта. БТР и два грузовика уехали.

Я хорошо запомнил тот день. Он выдался на редкость спокойным. Мы разбили палатки, в одной из которых устроили лазарет. На верхних этажах зданий скучали снайперы. Вечером, когда уже почти стемнело, я поднялся на крышу многоэтажки. Мне любопытно было взглянуть на опустелое Подмосковье с высоты. Удивительно, но эти районы оказались не такими уж и заброшенными. Повсюду, буквально повсюду горели огни. Сигнальные огни. Люди давали таким образом знать, что выжили и просят о помощи. Тогда я подумал, что нашим боссам, которые решили, что не бросают своих, понадобится много дней, если не недель для эвакуации всех бедствующих.

Я посмотрел на запад, в сторону поселка Изварино, туда, где на горизонте гасла багровая кромка. И на мгновение мне почудилось, что никакой войны никогда не было, что я стою на крыше недостроенной многоэтажки и вот прямо сейчас спущусь вниз. Спокойно пойду к ближайшему домику, постучусь в окно, и меня встретят радушные хозяева, пригласят внутрь, и мы будем пить настоящий индийский чай с вареньем и болтать о каких-нибудь пустяках. Ты ведь, Ленора, никогда не пила индийский чай с малиновым вареньем, тебе легче...

Да, это был самый чудесный вечер в моей постъядерной жизни: умиротворяющий, безветренный, прекрасно печальный. Я не знал, что это было лишь затишье перед бурей.

А через час начался ад. С севера, из леса, по пересеченной местности и по Внуковскому шоссе на нас надвигалась огромная орда диких людей. Вернее, даже не людей, а каких-то зомби. Обезумевших от радиации мутировавших дикарей. Трудно объяснить, но веяло от них чем-то нечеловеческим, я бы даже сказал — античеловеческим. Были они грязны, облезлы, с бесчисленными язвами на коже. Мы их прекрасно различали без приборов ночного видения, — было полнолуние. К счастью, вооружение этих недочеловеков состояло в основном из ржавых арматурин и деревянных дубин с гвоздями.

Тактика нападения дикарей являла собой верх примитивности. Подпрыгивая и злобно рыча, они перли лавиной, напролом, не заботясь ни о прикрытии, ни о собственной жизни. Мы просто расстреливали их в упор, а они неустанно шли и шли вперед, влекомые непонятным импульсом, побеждающим даже инстинкт самоохранения.

Это была жуткая бойня. Мы отразили первую атаку и уничтожили, пожалуй, сотню мразей, не потеряв ни одного бойца. Однако большой радости по поводу легкой победы никто не испытывал. Мы израсходовали почти половину имеющегося в наличии боезапаса, и я с тревогой ожидал новых попыток прорвать нашу оборону. Дикарей было много. Очень много. Я до сих пор не в силах понять, откуда их столько взялось. Они рассеялись по лесу и по улочкам заброшенного Изварино. Периодически сквозь ночную тишину прорывались яростные возгласы нелюдей. Мрази были поблизости, но пока не решались снова напасть.

Нас возглавлял Андрей Андреевич Нилин, но все называли его Дедом. Может быть, ты его запомнила, — он участвовал в Играх и погиб. Удивительной чистоты человек. Военврач. Неплохой профессионал. Вызвался добровольцем. Мне думается, что командиром могли назначить кого-нибудь другого, но наемник стоил бы дороже, а босы решили сэкономить. Впрочем, Дед был энтузиастом и свои обязанности выполнял на «отлично». Он велел радиисту затребовать помощь. Нам ответили, что для паники нет причин, что нам надо продержаться еще пару часов, и нас эвакуируют.

Два часа прошли в томительном ожидании, но за нами никто не приехал. А ближе к полуночи дикари снова полезли в атаку. Теперь они надвигались не только с севера, но и с запада, со стороны вымершего поселка. Как и в прошлый раз, они наступали беспорядочно и неорганизованно, слепо лезли под пули и умирали пачками. Однако я заметил, что кое-кто из них все же осторожничал, прятался за неровностями местности, будто предыдущая неудача их чему-то научила. Нелюди, издавая горловые отрывистые звуки, лишь отдаленно напоминавшие человеческую речь, рыча и размахивая дубинами, шли вперед, а мы, казалось, сойдем с ума от

обильного количества трупов, которые оставляла за собой орда этих странных и страшных существ. Пятнадцать-двадцать минут спустя дикари выдохлись и отказались от бессмысленной атаки. И в этот раз у нас не было потерь.

Боезапас мы израсходовали конкретно, и Дед вновь связался с теми, кто занимался эвакуацией в аэропорту. Он объяснил, что патронов осталось на три, в лучшем случае — пять минут непрерывного боя. Нас все-таки услышали. Наверное, не успевали обтяпать свои делишки, пришлось нам помочь. Вскоре прибыл КамАЗ. Примечательно, что боеприпасы в нем были не из метро. Я это понял по коробкам. Еще нам выдали несколько ПНВ.

Мы разгрузили машину, и она уехала, а час спустя мы вновь вступили в схватку с человекообразными монстрами. Поразительно, но дикари стали намного организованней. Они разделились на группы, по пересеченной местности передвигались перебежками, старались не попадать в зоны обстрела.

У нас появились первые потери. Два бойца в пылу сражения забыли о приказе держать позиции и предприняли контратаку. Слишком углубившись вглубь Изварино, они попали в окружение. На помощь им выдвинулась группа, но мы пришли слишком поздно. Нелюди живого места не оставили на парнях: измолотили, искололи, изрубили, раздели догола, обгладали пальцы и отрезали гениталии... жуткое дело, Ленора. И главное, они бесследно исчезли, когда мы подошли на выручку. Дикари очень быстро учились тактике боя, и это было самое страшное.

Впрочем, нелюдей надолго не хватило, — мы их хорошо побили в прошлые два раза, и они вскоре отступили. Мы даже обрадовались, решили, что твари наконец-то от нас отстанут. Дед рапортовал об успехе, ему радировали, мол, терпите парни, одно дело делаем. Своих ведь не бросаем! И пока вы здесь стоите насмерть, эвакуация идет полным ходом. Людей оказалось очень много и в бункере аэропорта, и в окрестных бункерах. Вы герои, парни, вы герои! — ну и все такое в том же духе.

Как оказалось, мы рано радовались. Ночь ужаса не закончилась. Четвертая атака нелюдей была последней, но самой страш-

ной. Наши силы были рассеяны по периметру. Дикари провели ряд ложных атак в северном и северо-восточном направлениях, а затем нанесли концентрированный удар со стороны Изварино и прорвали оборону.

Ты пойми, Ленора, сейчас я выражаясь сухими терминами, но тот ад, который творился тогда, десять лет назад, в нескольких километрах от аэропорта, невозможно описать никакими словами. Человекообразные твари сумели навязать нам ближний бой. Мы сражались с двуногими монстрами практически в рукопашную, я лично перерезал глотки пяти или шести выродкам вот этим самым ножом с двусторонней заточкой. А скольких я расстрелял в упор из «калаша» и «стечкина» или просто поранил, и сосчитать невозможно.

Ты ведь со своим Кухулином проходила через Павелецкую, не ганзейскую, а нищую, радиальную, и, может, видела Серегу, такого, со скошенным набок носом и шрамом. Видела? Ну вот, этого здоровенного мужика нелюди облепили со всех сторон, повисли на нем, как собаки на медведе, а особо ретивый дикарь угодил Сереге дубиной с гвоздями по лицу. Вот с тех пор он такой кривой. Если бы не мой «стечкин», если бы не нож, его бы уже в живых не было. Я ворвался в толпу этих тварей с пистолетом в левой руке и кинжалом в правой. Такого неистовства я никогда больше не испытывал. Это был транс. Да, именно транс, в котором человек перестает быть человеком, становится кровавым богом войны, настолько страшным, что даже бесстрашные в своей тупости нелюди с ужасом разбегаются.

Впрочем, вряд ли мой напор мог спасти отряд от неминуемой гибели. Радист сумел убедить наших боссов, что обстановка сложилась критическая и выстоять мы не сумеем. Из Внуково на подмогу пришел бэтээр, и он-то, наматывая на гусеницы кишки дикарей и кося их из пулемета, переломил ход боя в нашу пользу.

На рассвете мы перешли в контратаку. Окраина поселка загорелась, — уж не знаю, как это случилось и кто поджег ветхие дома. В суматохе сражения трудно было что-либо разобрать. Однако факт остается фактом, нелюди оказались между молотом и наковальней. В своеобразном котле. Изваринском котле.

Совершенно обезумевшие, они кидались под пули или впрыгивали в огонь, а затем, охваченные пламенем, выныривали обратно и, дико завывая, метались из стороны в сторону, пока не падали замертво.

Эту непереносимую вонь паленых тел я никогда не забуду. Жутко. Мерзко. Тошнотворно...

Мы уничтожили практически всех человекообразных тварей. И знаешь, ради чего? Ради того, чтобы в метро вывезли какую-то ценную аппаратуру и вещества. Я точно не знаю, что именно искала в аэропорту бригада сталкеров, пока мы воевали с дикарями, но они это нашли. И как ты думаешь, Ленора, кто получил все бонусы? Простые обитатели метро? Нет — все это стало собственностью небольшой кучки людей, новых подземных олигархов, которые не любят о себе распространяться.

И еще: из Подмосковья никого не эвакуировали. Ни единого человека. Рассказни в стиле «мы своих не бросаем» оказались пустым блефом, красивой оберткой для дурно пахнущего куска дерма. И я уверен: сигнальные огни в окрестностях Москвы до сих пор горят повсюду, тщетно взывая о помощи, которой никогда не будет...

Когда бойня почти закончилась, на меня выскоцил недобитый дикарь. Он увидел меня и остановился. Я тоже не стал сразу стрелять.

Я посветил фонарем ему в морду. Возможно, мне просто показалось, — но я увидел в глазах нелюдя проблески осмысленности. А еще там были бездонный страх, затравленная ненависть и какая-то потусторонняя зависть к обычным, живым людям. Дикарь был обнажен по пояс, кожа на его плечах тлела. Наверное, до ядерной войны он принадлежал к субкультуре скинхедов: на левой груди его была вытатуирована свастика, на правой — трезубец, а на животе чернела малопонятная надпись: Sector D. В руках он сжимал нож фирмы «Камиллус». Тот самый, с гравировкой американского флага и четырьмя английскими буквами «Му ОС». Этот нож я потом подарил нашему военврачу и командиру Андрею Андреевичу.

Наконец, у меня прошел ступор, и я убил дикаря. Прострелил голову. Его рожу, Ленора, я запомнил навсегда. И знаешь почему? Потому что, когда я узнал, как нас обманули наши боссы, я понял, что морда нелюда — это и есть истинное лицо человека, но честное, без маски и без добродушного оскала.

После спецоперации в аэропорту Внуково и Изварино многие из выживших бойцов так и остались солдатами удачи. Кто-то из них, полагаю, преуспел в работе на Ганзу и до сих пор охраняет больших начальников. Но многие из простых бойцов стали погибать при странных обстоятельствах. Кто-то выходил на поверхность и не возвращался, кто-то травился пропавшими консервами, кого-то настигала шальная пуля в туннеле. В общем, от ненужных свидетелей начали избавляться. Вот и пришлось мне переименоваться, стать Феликсом Фольгером и раствориться среди маргиналов подземки.

Я решил помогать становлению Четвертого Рейха. Из принципа. Просто потому, что у этих отморозков лицо было истинным, без прикрас, без фальшивого благочестия, — как у того нелюда из Изварино. Бездонный страх, затравленная ненависть и зависть к тем, кто живет... и никакой осмысленности...

Жалею ли я о прожитых двадцати годах?.. Конечно, жалею... все неправильно и все не так...

* * *

Феликс чувствовал себя опустошенным, однако облегчение действительно наступило. Он посмотрел на Ленору с печальной улыбкой и сказал:

— Единственное, о чем я не жалею, — это о том, что встретил когда-то Еву. Она была особенной, всегда противилась тьме, что окружает нас. Я ее любил, но ни разу в жизни не признался ей в этом, все изображал из себя веселого трахаря. А теперь ее нет. И сказать «я тебя люблю» мне больше некому.

Ленора молчала, и Фольгер, вложив в руки девушки нож с надписью «My OC» и потрепав ее по плечу, прошептал:

— Иди, отдохни, нас ждет решающий забег. Мы должны победить и удивить. Обязательно удивить, поступить не так, как от нас ожидают. Ради Деда, ради Евы, ради тех светлых людей, что канули в бессмертность в этих вонючих катакомбах.

Ленора, не произнеся ни слова, поднялась с топчана, подарила Феликсу теплую улыбку и, прицепив нож к поясу, вышла из комнатки, а мужчина, закрыв глаза, лег на дощатую кровать. Ненависть и жажда мести на время сменились непреодолимой усталостью. Фольгер заснул.

Ему снилась Ева. Живая, веселая, в ярко-красном платье до колен. Она была счастлива...

И Феликс тоже.

ГЛАВА 7

ОТСТУПНИК

Отведав в местной столовой грибной похлебки за четыре патрона, Кухулин направился к своему вагону, где ему отвели место для отдыха. Ему не нравились любопытные взгляды обитателей Киевской. Незнакомые люди здоровались с ним, поздравляли с успешно пройденным этапом соревнований, желали победы и дальнейших успехов в жизни. На первый взгляд подобное благодущие могло показаться безобидным и даже милым. Что плохого, если люди желают тебе добра? Однако Кухулин понимал, что местные зеваки выражали свою признательность отнюдь не бескорыстно. Они благодарили за подаренные Играми переживания и как бы выдавали аванс на будущее, предвкушая решающую битву между ганзейцами и командой Фольгера.

«Можно ли хоть что-нибудь изменить в их душах? — думал Кухулин, пробираясь сквозь толпу. — Или все безнадежно, и они так и будут радоваться чужим победам и поражениям, так и останутся серыми безучастными наблюдателями, готовыми вознести на пьедестал победителя и освистать побежденного?»

Уже возле своего вагона Кухулин заметил Ленору, входящую в комнату Феликса. Видимо, его жена решила посочувствовать горю Фольгера, потерявшего близкого человека. Кухулину было знакомо

мо чувство утраты, но никогда оно не перерастало в безудержное горе, и людей, слишком убивающих по своим близким, он понимал мало. Кухулин ощущал некую перемену в отношениях с Ленорой. Теперь она смотрела на него по-другому. Как-то отчужденно, без прежнего беззаветного обожания. Не разочаровалась ли девочка в своем кумире? Впрочем, если разочаровалась, то это даже к лучшему. Пострадает, а потом станет сильнее и закаленее. И, главное, наконец обретет независимость.

Оказавшись в своей комнатке, Кухулин тут же лег на топчан и мгновенно расслабился. До нового старта оставалось несколько часов, нужно как следует отдохнуть. Капитаном команды двигала исключительно месть. Он жаждал добраться до Грабова. Что ж, если это необходимо для того, чтобы успокоить Феликса, Кухулин поможет ему. Ради тайны кремлевских звезд, которые после катастрофы стали излучать загадочный свет, парализующий волю любого смертного, можно и не такое совершить. Когда-то давно Кухулин покинул родную подземную обитель и решил идти в Москву, плохо понимая зачем...

Теперь он вспомнил, с чего все начиналось. Тринадцать подростков, именуемых суператорами, семь мальчиков и шесть девочек, выращенные не без помощи генных технологий, после ядерной войны остались жить в бункере со своим Учителем. Они росли с пониманием того, что будут избранными, новыми людьми нового мира. Учитель, старый профессор, постоянно внушал им эти мысли.

— Вы, суператоры, — говорил он, — обладаете сверхспособностями, вы можете обитать там, где радиационный фон в сотни раз выше нормы, вы очень сильны и умны. Вам строить будущее, на вас лежит великая ответственность. Наша исследовательская лаборатория далеко не единственная. Я знаю как минимум еще об одной на Соловецких островах. И этот факт внушает мне оптимизм. Человечество не погибнет.

Учитель был неисправимым романтиком. Но очень скоро он почувствовал перемены в своих воспитанниках. Если первые годы дети слушались его, то, созревая, превращаясь в юношей и девушки, постепенно стали выходить из-под контроля. Сперва это

были невинные шалости, вроде нарушения распорядка дня; затем некоторые из особо дерзких учеников стали в открытую перечить Учителю. А под конец дети нового мира и вовсе отстранили профессора от власти, оставив в его владениях лишь маленькую комнатку с книгами и компьютером.

Оно и понятно: кто такой этот безумный старикашка? Обычный смертный человечишко с дряхлым телом. Ему ли указывать юным сверхчеловекам? И только Юра по-прежнему тепло относился к несчастному Учителю, который сильно сдал, когда оказался не нужен своим ученикам. Юра часто захаживал в гости к профессору, обсуждал прочитанные книги, расспрашивал о прошлом человечества и рассказывал свежие новости, случившиеся в бункере, — стафик почти не выходил из своей комнаты и не пересекался с бывшими учениками.

Однажды самый способный среди суператоров, Миша, собрал парней и девушек у себя в комнате. Миша отличался от своих сверстников более темной кожей. У всех суператоров тянулся вдоль позвоночника эластичный нарост, его цветовая гамма варьировалась от бордового до черного. У Миши этой выпуклости не было видно. Юре иногда казалось, что нарост распространился на все тело, и именно потому Миша был сильнейшим из ребят. Миша радостно объявил, что суператоры по сравнению с людьми — боги, а значит, и имена у них должны быть соответствующие.

— Почему бы нам не взять имена богов? — говорил он. — Мне вот, например, вполне подходит имя Ариман.

Остальным понравилась идея Миши, и с громким смехом и веселыми прибаутками ребята принялись спорить, кто к какому древнему богу ближе по характеру. Юре было некомфортно среди новоявленных Кришн, Кецалькоатлей, Дионисов, Астарт и Немезид. Он с удовольствием бы ушел в свои покой, занялся спортивной подготовкой или почитал что-нибудь, лишь бы не участвовать в очередной придури разбаловавшихся юных суператоров. Однако в то время он слишком зависел от мнения окружающих и потому молча наблюдал за резвящимися сверстниками.

— А ты, Юрик, кем из богов хотел бы стать? — спросил его Миша-Ариман.

Юра знал, что от него так просто не отстанут. Нужно придумать себе имя. Сначала он решил называться Прометеем или, на худой конец, Локи. Очень уж хотелось противопоставить себя остальным. Но, испугавшись общего осуждения, он неожиданно для самого себя вымолвил:

— Кухулин.

— Нет, — тут же запротестовала Аня-Астарта, — Кухулин — это ирландский герой, а ты должен выбрать бога.

— А мне нравится Кухулин, — заупрямился Юра.

— А по-моему, Кухулин — очень даже неплохое имя, — заметила Женя-Изида, — есть в нем что-то такое... возбуждающее...

— Ладно, — согласился Миша-Аriman, поднялся во весь рост и под общий смех громко провозгласил: «Нарекаю тебя Кухулином!»

Позже Юра рассказал Учителю о новой блажи суператоров. Стариk, выслушав своего единственного ученика, помрачнел.

— Плохо дело, — печально сказал он, — сегодня они назвались богами в шутку, а завтра потребуют причитающихся их величию почестей. Один древний драматург сказал, что вся наша жизнь — игра, но послушай меня, мой мальчик: если игра длится слишком долго, она превращается в жизнь. Сегодня они играют в богов, а завтра поверят в то, что они и есть боги.

Учитель оказался прав. В скором времени суператоры стали покидать бункер. Сперва робко и несмело изучали окрестности. Затем, убедившись, что могут с легкостью воздействовать на психику как мутантов, так и обычных зверей, юные сверхчеловеки начали устраивать экспедиции, выискивать деревни с выжившими людьми. Ведь богам нужны те, кто будет им поклоняться, богам нужны слуги и рабы. Суператоры захватывали пленных, уничтожали самых строптивых, остальных со скабром и скотом пригоняли к бункеру, переименованному с подачи Ани-Астарты в Асгард — обитель бессмертных. К двенадцатому году от сотворения мира — асуператоры считали ядерный коллапс началом новой, а не концом старой жизни — вокруг бункера вырос настоящий маленький городок с населением почти в восемьсот человек, с животноводческим комплексом и огородами. От разной лесной нечисти поселе-

ние защищали юные боги и гигантские черные псы-мутанты — цербера. Еще около сотни избранных слуг обитали в самом Асгарде.

Юра-Кухулин не участвовал в завоевательных походах. Он занимался обустройством хозяйства и быта нарождающейся цивилизации, а также пытался продлить жизнь своему престарелому Учителю. Однако какими бы способностями ни обладал молодой суператор, смерть была не в его власти. Однажды Юра-Кухулин вошел в комнату профессора и обнаружил, что тот умер. На столе лежала записка. Учитель каялся в том, что не смог удержать под контролем суператоров. Тем не менее писал стариk, какими бы ни были заносчивыми сверхчеловеки, они — основа разумной жизни на Земле и, значит, имеют право на существование. Профессор был уверен, что юные боги сумеют отстоять Асгард и поселок, образовавшийся вокруг бункера, от нашествия любых, даже самых свирепых мутантов. Единственное, что его беспокоило, — властолюбие суператоров, которое могло привести к гражданской войне и самоуничтожению. Опасаясь таких последствий, Учитель сообщил секретную информацию своему последнему ученику. Оказывается, в бункере существовал потайной резервуар с крайне токсичным газом. Создан он был на случай, если генетические эксперименты выйдут из-под контроля. Профессор указал место, где спрятана книжка со спецкодами для центрального компьютера, и просил Юру-Кухулина деактивировать газ, чтобы никто из суператоров, случайно прознав о существовании столь страшного оружия, не использовал его против себе подобных.

Впервые в жизни Юра-Кухулин пролил скучную слезу, но последнюю волю Учителя после нескольких дней размышлений выполнять не стал, решив, что резервуар с токсичным газом будет его главным козырем.

Шел пятнадцатый год от сотворения мира. Суператоры окончательно вошли во вкус власти, превратившись в самых неподдельных богов. Они уже практически забыли свои прошлые человеческие имена, и Юра, как и остальные, незаметно для себя превратился в Кухулина и отзывался на это имя как на данное при рождении.

Численность населения Поселка медленно росла и теперь приближалась к тысяче. Люди, превратившись в покорных рабов малейших прихотей сверхчеловеков, все же по постыдерным стандартам жили неплохо. Ради безопасности они готовы были стерпеть многое. Ариман, ставший царем богов, выдумывал все новые и новые унизительные процедуры и законы для безмолвной паства. Он разбил всех жителей Поселка и Асгарда на тринадцать кланов, принадлежащих тому или иному богу или богине. Кухулин хотел сперва отказаться от высокой чести иметь при себе личных рабов и рабынь, но потом благоразумно решил, что это будет наводить на лишние подозрения. Белых ворон никогда не любили.

Кроме того, что члены каждого клана отрабатывали трудовые повинности на стройке, на ферме, на огородах, а также исполняли роль обслуги в бункере, люди обязаны были возносить молитвы своим богам-покровителям. Сперва Кухулину это казалось нелепой, безумной игрой. Но покойный Учитель был прав: когда слишком долго во что-то играешь, начинаешь относиться к своему занятию всерьез, начинаешь верить, что это не просто так, что в этом есть особый смысл. К ужасу и удивлению Кухулина, жители поселка, по крайней мере, большинство из них, на полном серьезе молились и совершали жертвоприношения новым Тору и Астарте, Дионису и Фрейе, Кришне и Мокоши.

Однажды Ариман собрал суператоров на Совет богов, на котором торжественно объявил, что неплохо бы наложить на паству еще одну обязанность: человеческие жертвоприношения.

— Сами подумайте, — говорил он, — алтари всех древних богов окропляли кровью прекраснейших юношей и девушек. Я про ацтеков вообще молчу, им для своих богов сотен и даже тысяч людышек не было жалко. В общем, нам нужно учредить ритуальные жертвоприношения весной и осенью в честь посевной и сбора урожая.

Несколько суператоров, в том числе и Кухулин, возразили, что, мол, боги должны быть добры к своим рабам, но Ариман был не-преклонен. Он утверждал, что человеческая жертва есть не что иное, как проявление высшей формы преданности, и люди, пере-

ступив последнюю грань, окончательно и бесповоротно превратятся в фанатичных адептов новых богов. С Ариманом редко кто смел спорить в открытую, ибо он был сильнейшим из суператоров. Не стал этого делать и Кухулин. Однако решение в его голове созрело молниеносно. Он не любил своих собратьев, он всегда был им чужой. Даже пары у него, тринадцатого по счету, не было. Суператоры не раз шутили по этому поводу: мол, взял себе имя героя — вот и ищи себе героиню не из богов.

Кухулину было проще среди обычных людей. Он прочитал много книг и прекрасно знал, что человечество с незапамятных времен лелеяло мечту о свободе, о равенстве, о братстве. Еще древние вавилоняне роптали на несправедливость богов и царей. И вот прошли тысячи лет, а на земле ничего не изменилось. Сверхлюди ничем не отличались от своих властолюбивых предшественников.

В весенний день жертвоприношения, после кровавого ритуала, суператоры устроили в Зале Оргий на минус третьем этаже Асгарда роскошный, прерываемый сексуальными излишествами пир. Для этой цели в Поселке набрали два десятка самых привлекательных юношей и девушек. Кухулину не составило особого труда улизнуть с празднества. Он спустился на минус пятый этаж, туда, где находился главный компьютер бункера.

В зале он наткнулся на худощавого сорокалетнего мужичка с длинным носом и бегающими глазками.

— Личный раб Диониса и слуга всех богов, хранитель центрального процессора, Николай Петров желает тебе здоровья и вечной жизни, о Великий Кухулин! — произнес стандартное приветствие мужичок и низко поклонился.

— Значит, ты, Николай Петров, из клана Диониса?
— Да, Великий.
— Хорошо, — Кухулин сделал нетерпеливый жест рукой, — мне нужен доступ к главному компьютеру.

Три минуты спустя мятежный суператор набирал код активации газовой атаки. Весь минус третий этаж будет заблокирован и отравлен. Жалко, конечно, обслугу и тех, с кем забавляются сверхчеловеки, — но без невинных жертв ни одно стоящее дело никогда не обходилось. Он это знал из книг.

— Осмелюсь ли я спросить, Великий и Могучий Кухулин, что вы делаете?

Кухулин обернулся. Перед ним стоял Петров, руки его тряслись. До ядерной войны он был начинающим программистом и, видимо, кое-что понимал в манипуляциях суператора.

— Я делаю вас свободными, — сказал Кухулин. — Через десять минут богов не станет, а вы вновь превратитесь в хозяев своих жизней и судеб.

— Но нам не нужна свобода, — огорошил суператора Петров. — Если не станет богов — нам придется несладко. Кругом мутанты. Кто нас защитит?

— Вам будет трудно, — немного помедлив, произнес Кухулин, — но вас почти тысяча, вы организуетесь и справитесь.

— Наступит хаос, — на глазах Петрова выступили слезы, — половина из нас погибнет. Слишком дорога цена за такую свободу.

— Скажи мне, Николай Петров, — Кухулин подошел вплотную, — у тебя есть двенадцатилетний сын, такой симпатичный мальчишка со славной мордашкой?

Тот кивнул.

— И почти каждую ночь твой сын приходит в покой Диониса, повелителя вашего клана. Я прав?

Петров, залившись густой краской, снова кивнул.

— А сколько раз... — Кухулин запнулся, пытаясь вспомнить настящее имя того, кто был когда-то веселым озорным пареньком, а теперь надел на себя личину вечно пьяного похотливого бога-самодура, но память отказалась суператору, и он продолжил:

— А сколько раз в покой Диониса заходила твоя жена?

— Всего лишь три раза, — протараторил мужичок, — за все эти годы всего лишь три раза...

— И ты, Николай Петров, намерен терпеть эти унижения дальше?

— Такова плата за безопасность, — сказал тот, потупившись.

Кухулин понял, что дальнейший разговор бесполезен, и сломал Николаю Петрову шею.

А затем поменял настройки. Вместо одного минус третьего этажа мятежный суператор решил залить газом весь бункер. Все

рабы, обитавшие в Асгарде, были привилегированными, и большая часть их служила новым богам по своей воле...

Облаченный в химзу и изолирующий противогаз, с кислородным баллоном за спиной, Кухулин, обойдя труп молодой женщины, шел по коридору, ведущему к выходу. Газ был бесцветным, и если бы не время от времени попадающиеся на пути мертвцы с вытаращенными глазами и противоестественно скрюченными пальцами, можно было подумать, что воздух в бункере чист и совершенно безопасен. Кухулину оставалось пройти какие-то жалкие двадцать-тридцать метров, когда дорогу ему преградил Аrimан. Царь богов был одет в одни трусы, мышцы его бугрились. Пошатываясь, он смотрел замутненным взглядом на своего убийцу.

— Отступник! — прорычал суператор, которого когда-то звали Мишней. — Ты всегда был таким! Тебя проклянут. Люди тебя проклянут! Ты убил их сыновей и дочерей в Зале Оргий.

Кухулин медлил, обдумывая, одолеет ли он своего противника. Аrimан был сильнейшим из богов, и даже газ не смог его умертвить.

— Изида... — с трудом произнес темнокожий царь Асгарда, покачнулся и оперся рукой о стену, — она беременна... была... ты убил моего ребенка... ты — убийца детей...

Кухулин понял, что Ariman держится из последних сил, и смело шагнул навстречу врагу. Он сшиб царя богов одним мощным ударом в грудь, переступил через поверженного противника и решительно направился к выходу.

— Кухулин! — доносился сзади яростный хрип. — Стой, Кухулин!

Отступник шел, не оборачиваясь, жаждая лишь одного: быстрее покинуть ненавистный бункер.

— Стой, Кухулин!

Нет, нельзя оборачиваться на зов минувшего. Дело сделано, и прошлого не вернуть. Ошибки не исправить. Жизнь заново не прожить.

— Кухулин! Кухулин!

Кто-то тряс его за плечи. Кухулин открыл глаза и увидел незнакомое лицо светловолосого мужчины лет сорока.

— Нам пора, — сказало лицо, — через пятнадцать минут старт.

Кухулин не сообразил, чего от него хотят, но задал вопрос, который очень мучил его:

— Если раб счастлив в своем рабстве — нужно ли его освобождать?

— Что? — удивилось лицо. — Ты о чем?

— Я не должен был так поступать, — сказал Кухулин, — я был не прав. Я уничтожил их всех, но не возглавил остальных, а струсили и сбежали. Я испугался ответственности...

— Я тебя не понимаю...

Тут Кухулин вспомнил, что находится в Московском метрополитене, что пришел сюда для того, чтобы разгадать тайну звезд, и что незнакомец, трясущий его за плечи, — Феликс Фольгер.

— Извини, это сон, — сухо сказал Кухулин, поднимаясь с топчана.

— Звезды снились? — спросил Феликс.

— Нет, — нехотя ответил Кухулин, — просто бредовый сон.

— Ладно, это не мое дело, — отмахнулся Фольгер, и в глазах его появились боль и ненависть. — Меня сейчас другое волнует: как Граба и его подельничка завалить.

— Я их догоню, — сказал Кухулин. — Скорость бега суператора в полтора раза выше, чем у человека.

— Чья скорость бега? — переспросил удивленный Фольгер.

— Неважно, забудь. Главное, что я их догоню, — Кухулин, не отошедший еще ото сна, сообразил, что сболтнул лишнее.

Феликс понимающие кивнул, задумался на несколько мгновений, а затем спросил:

— А обогнать сможешь?

— Если могу догнать, то могу и обогнать.

— Тогда мы их окружим, — сказал Фольгер, — для них это будет неприятным сюрпризом, сработает эффект неожиданности.

— Можно и так, — согласился Кухулин.

— Четыре километра — достаточная дистанция для того, чтобы обогнать ганзейцев, если они стартуют на минуту раньше? — Феликс пытливо посмотрел в глаза собеседника.

— Вполне, — Кухулин кивнул. — Шпалы и темнота сильно затрудняют бег, я быстро их настигну.

— Хорошо, тогда сделаем так, — Фольгер присел на топчан, вытащил из кармана карту-схему метро. — Ганзейцы стартуют по левому туннелю, мы — по правому. До финиша на Павелецкой нужно миновать четыре перегона через Парк Культуры, Октябрьскую и Добрынинскую. На Парке Культуры мы с Ленорой перейдем в смежный туннель, а ты продолжишь бежать по правому. Перейдешь в левый только на Добрынинской и пойдешь навстречу Грабу. Так эти мрази окажутся в ловушке, в перегоне между Октябрьской и Добрынинской.

— Я понял тебя, — сказал Кухулин. — Если хочешь, я убью их быстро и бесшумно.

— С подельником Грабова делай что вздумается. А ганзейского капитана, — лицо Фольгера искривилось гримасой ненависти, — оставь мне.

* * *

Никогда раньше Алексей Грабов не бегал с такой скоростью. Сталкер многое повидал на своем веку, не раз попадал в переделки, из которых, казалось, нельзя выйти живым. Многие невиданные чудища, порожденные радиацией, после встречи с ним остались гнить среди руин безлюдной Москвы. Грабову, как и любому человеку, было ведомо чувство страха. Но сегодня его впервые охватила самая настоящая паника.

Случилось это минут за пять до старта, когда он пересекся на платформе со своими конкурентами. Долбаный фашист Фольгер был, конечно, противником опасным, но все же не настолько, чтобы вселить в матерого ганзейского сталкера беспросветный ужас. Шестнадцатилетняя ссыкуха вообще была лишь статисткой в играх серьезных дядь. Но вот от спутника Феликса, высокого, рослого, со строгой решимостью в карих глазах, веяло какой-то странной, неодолимой силой. И когда Грабов перевел взгляд с загорелого незнакомца обратно на Фольгера и увидел на его лице лютую ненависть, он постиг шестым чувством, что ярость одного и несо-

крушимость другого не оставляют ему шансов на победу, а значит — и на жизнь. Грабов попробовал отогнать от себя несвоевременную навязчивую мысль, — ведь нельзя сдаваться заранее. Сколько раз он выпутывался из самых безнадежных ситуаций. Но от этих тщетных попыток Грабов лишь все глубже и глубже погружался в липкую пучину страха. Сталкеру стало абсолютно ясно, что он уже проиграл, и тогда инстинкт самосохранения вкупе с жаждой обмануть судьбу и вопреки ей выиграть соревнования толкнули его на дерзость.

Стараясь вести себя как можно непринужденней, Грабов подошел вплотную к Фольгеру и, ухмыльнувшись, произнес:

— Хреново выглядишь, Феликс. Бледный ты какой-то, совсем неживой. Почти такой же, как и твоя дохлая краля.

Ганзеец очень хотел, чтобы Фольгер не выдержал и при многочисленных свидетелях кинулся в драку, — а это уже попахивало дисквалификацией. По крайней мере, можно было надеяться на такой расклад. Лицо Фольгера вытянулось, он непроизвольно сжал кулаки, но остался стоять на месте. Буквально выдавив из себя вежливую улыбку, тихо сказал:

— Скоро, Граб, ты будешь такой же, как она.

— Ходят слухи, — ганзеец неискрение хохотнул, — что твоя краля перетрахалась с половиной метро. Говорят, она была очень горячей штучкой. Жаль, что я так и не проверил, действительно ли это так.

Фольгер сжал губы до белизны, правый глаз его конвульсивно дернулся, но он ответил замогильно спокойным тоном:

— Ты никогда не смог бы это проверить, потому что такому, как ты, она не дала бы даже за центнер свинины в самый голодный год. Уж лучше с последним бомжом из милосердия, чем с тобой — за любую плату, — Феликс одарил ганзейца взглядом, полным ледяной ненависти, отчего тот отшатнулся, отступив на один шаг.

— Не пытайся меня провоцировать, Граб, до Павелецкой ты все равно не доберешься, — Фольгер растянул губы в злой улыбке, которая показалась ганзейцу свирепым оскалом судьбы.

И вот теперь Алексей Грабов несся по туннелю на пределе своих возможностей. Сзади слышалось тяжелое сопение — напарник

Макс еле поспевал за своим капитаном. Ганзейцы миновали уже две станции: Парк Культуры и Октябрьскую, и теперь стремительно приближались к Добрынинской. За ней оставался всего один перегон. А потом — победа, почести, слава, обещанное Главным менеджером вхождение в круг избранных. Паника, охватившая Грабова сразу после старта, постепенно сходила на нет. Теперь, немного успокоившись, он решил, что шансы на победу не так уж и малы. В конце концов, ганзейцы стартовали на минуту раньше. Лишнее время потратится и на переход с правого туннеля в левый; чтобы их настигнуть, Фольгеру придется стать сверхчеловеком. Как бы ненависть ни подгоняла Феликса, выше головы он прыгнуть не сможет.

Туннель между Октябрьской и Добрынинской был коротким, менее одного километра, и Грабов по собственным наблюдениям преодолел более половины пути. Воодушевленный, ганзеец прибавил ходу. И тут словно из ниоткуда вынырнула человокообразная тень. Она попала в свет фонаря и сразу же исчезла. Грабов не успел ничего предпринять, как уже напоролся лбом на чью-то невероятно жесткую ладонь. Земля ушла из-под ног ганзейца. Перекувыркнувшись, он упал на рельсу. Сознание на мгновение покинуло его, а когда Грабов пришел в себя, он услышал душераздирающий крик Макса и хруст ломающихся костей. Подобравшись, ганзеец вскочил на одно колено, вскинув автомат, однако в следующий момент получил мощный удар берцем в голову и провалился в бездонную черноту.

Когда он очнулся, то увидел стоящего над ним рослого мужчину, того самого напарника Фольгера, которого больше всего опасался.

— Ты и в самом деле феноменально быстр, Кухулин, — сказал Феликс, выйдя из тени.

— Как и обещал, я оставил его в живых, — ответил тот и отошел в сторону.

Грабов потянулся к оружию, но ни автомата, ни пистолета, ни даже ножа не было на месте. Ганзеец сел, потирая лоб и виски — голова раскалывалась. Но даже нестерпимая боль не смогла заглушить страх смерти. Грабов понимал, что пришел его конец, однако

сдаваться было не в традициях бравого ганзейского сталкера, и он отчаянно искал выход из безнадежной ситуации.

— Вот и все, — сказал Фольгер, извлекая из кобуры «стечкин». — Я с удовольствием резал бы тебя по кусочкам и прижигал раны, чтобы длить твою агонию до бесконечности, но Ева умерла счастливой — значит, не мучилась. Поэтому и я убью тебя быстро.

— Это не я, — прохрипел Грабов, — это не я сделал, Феликс, не я ее убил, клянусь тебе.

— Неужели? А кто?

— Это Крот, тот, который застрелен был...

— А кто тогда убил его? — спросил Фольгер, целясь в лоб Грабову.

— Я! Я его убил... пожалуйста, Феликс...

— Это тебя совсем не оправдывает, — указательный палец Фольгера лег на спусковой крючок.

Грабов почувствовал, как внутри него все индевеет. Цепляясь за последнюю возможность выжить, он выпалил дрожащим голосом:

— Ты поступаешь бесчестно! Дай мне нож, и разберемся один на один, как мужчины!

— Не тебе, гнида, рассуждать о чести, — вымолвил Фольгер трясущимися губами и выстрелил.

Грабов успел вскинуть руку. Пуля пробила ладонь и раздробила лобную кость.

Последнее, что услышал ганзеец, — собственный голос:

— Нет!!!

* * *

Станция Добрынинская встретила команду Фольгера гробовой тишиной. Где-то за сорок минут до этого Кухулин выскочил из одного туннеля, молниеносно преодолел платформу и скрылся в смежном туннеле. Стало понятно, что в перегоне между Добрынинской и Октябрьской решится судьба Игр. Так оно и вышло.

Толпа молча переваривала случившееся, ибо поражение команды ганзейцев во главе с легендарным Алексеем Грабовым стало для большинства полной неожиданностью.

Фольгер, а следом Ленора и Кухулин не проследовали в сторону Павелецкой, а поднялись на платформу. Перешептываясь, люди расступались перед троицей, которая, ни на кого не обращая внимания, шла в сторону перехода на станцию Серпуховская.

— Мы поздравляем победителей Пятых Ганзейских игр! — чиновник в сером джемпере преградил дорогу идущим. — Победа Четвертого Рейха стала для всех неожиданностью! Но спорт, как говорится, есть спорт...

— Отойди, дядя, — устало произнес Фольгер, отодвинув чиновника в сторону, — мы уходим.

— Куда? — удивился тот. — Вы должны замкнуть круг, прийти на Павелецкую и получить призы.

Феликс остановился, повернулся лицом к ошарашенным болельщикам, тяжело вздохнул и сказал:

— Я должен сделать заявление. Мы не из команды Четвертого Рейха. И эти двое никогда ни к какому Рейху не принадлежали. Четвертый Рейх не участвует в Ганзейских играх, пора бы давно уже выучить это. И Кольцо замыкать мы не собираемся, и победителей в ваших Играх нет, есть только побежденные. И так было всегда. А чтобы победить — нужно не играть, нужно стать отступником. В общем, долго объяснять. Скажу одно, чтоб вы все уразумели: мы вас нае...

Не закончив фразу, Фольгер устало махнул рукой и вместе со своими спутниками скрылся в переходе, а люди еще долго недоуменно переговаривались, так и не поняв, что же произошло.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕ ИГР

Глава 1

СТАНЦИЯ-ПРИЗРАК

Главный менеджер не умел проигрывать. Любое, даже самое безнадежное дело он мог свести как минимум вничью. Наверное, за это и ценил его председатель Ганзы и Совета Директоров Логинов. Однако даже могущественнейший человек Кольцевой линии находился в глубоком заблуждении относительно талантов этого невзрачного на вид администратора. Главный менеджер был отличным тактиком... и абсолютно никаким стратегом. Он сам это прекрасно понимал. Любая стратегия в умирающем метро — безнадежна, ведь каждый день нужно решать тактические задачи выживания, не заглядывая слишком далеко вперед. И плевать, что там думает председатель Логинов и все остальные члены правления.

Вот и сейчас ганзейский босс, сидя в удобном мягким кресле и барабаня холеными пальцами по прозрачной столешнице, наблюдал за снующими по миниатюрным коридорчикам из оргстекла голыми землекопами и размышлял, какие плюсы можно извлечь из сложившейся ситуации. Сзади, за левым плечом, стоял секретарь.

— Значит, они сумели пройти сквозь глахеров и уничтожить группу Алексея Грабова, — задумчиво произнес Главный менеджер. — Жалко зверушек, мутантиков ведь не один год растили...

— Этого не смогли даже проклятые коммунисты с Красной Линии, — заметил секретарь.

— Еще бы, ведь мы подсунули им фальшивый крем, — Главный менеджер криво усмехнулся, повернув голову в сторону собеседника, — это ваша идея, Велислав Андарбекович. Я бы сказал, блестящая идея: спровоцировать ложную утечку информации, на которую повелись лучшие разведчики краснолинейцев.

Мужчина в клетчатом пиджаке, с лицом, чем-то напоминающим морду очень умного сурка, застенчиво улыбнулся, но ответил не без гордости:

— Я всего лишь скромный советник при гениальном руководителе.

— Ну да... ну да... — как бы нехотя согласился ганзейский босс. — Вы расшифровали бредни шпионов Полиса? Что там агент Спича прислал этому чудаку, Верховному Хранителю Книг?

— Разумеется, — сказал секретарь, — глупцы из Полиса полагают, что, общаясь по телефону на санскрите с элементами эзопова языка, они могут скрыть от нас смысл своих сообщений.

— И что там?

— Очевидно, Верховный Хранитель считает некоего Кухулина, прибывшего из-за МКАДа, избранным и желает использовать его в своих гнусных целях.

— А что думаете вы? — спросил Главный менеджер.

— Я не считаю, что он избранный, его ведь никто не избирал, — секретарь хитро улыбнулся. — Но, полагаю, пришелец определенно обладает сверхспособностями и может нам пригодиться. Сейчас он с группой направляется в сторону Полиса через станцию-призрак, через Полянку. Прикажете послать спецназ?

— Ни в коем случае, — сказал ганзейский босс, — с ними нужно по-другому. Никаких кнутов, только пряники... только пряники... да...

— Предложить им гражданство Кольцевой линии? — с сомнением произнес человек с лицом сурка. — Если они не захотели заканчивать Игры, отказались от победы, то вряд ли их искусят какие-либо преференции.

— А было бы здорово... — Главный менеджер мечтательно сощурился. — Только представьте, господин секретарь: команда Чет-

вертого Рейха, выигравшая Пятые Ганзейские игры, просит политического убежища у Содружества Станций Кольцевой линии. Это прогремело бы на все метро.

— Была бы неплохая, так сказать, пиар-акция, — согласился секретарь, — но нам доложили, что Фольгер, Кухулин и эта... девчушка... запамятовал имя, участвовали на стороне Четвертого Рейха по подложным документам.

— Да плевать, если честно. Истинно то, что преподносится как истина. Мне ли вам объяснять эти примитивные истины, простите за каламбур, — ганзейский босс, бросив покровительственный взгляд на ползающих в макете Московского метрополитена слепых грызунов, поднялся из-за стола. — Говорите, этого Кухулина никто не избирал? Что ж, так давайте мы изберем его, сделаем своим.

— Вы хотите... — на лице секретаря нарисовалось сомнение, — лично встретиться с тем, кто называется Кухулином? На Полянке?

— А почему бы нет, — сказал Главный менеджер. — Бункер наш совсем недалеко, по спецлинии да на скоростной дрезине я мигом окажусь на станции-призраке.

— Осмелюсь заметить, — настороженно произнес человек-сурок, — это весьма опасно. Полянка славится ментальными и парapsихическими аномалиями...

— Я в курсе, но вербовку такой феноменальной личности никому не могу доверить. Даже вам, уважаемый Велислав Андарбекович. Уж не обессудьте.

Секретарь только пожал плечами и, помолчав секунду, сказал:

— Ну, хотя бы пару охранников с собой возьмете?

Главный менеджер согласно кивнул и спешно покинул зал заседаний.

* * *

Феликс Фольгер, Кухулин и Ленора медленно продвигались вдоль заброшенной станции. Абсолютная тьма, разрезаемая блеклыми лучами фонарей, давила с непривычной тяжестью, а

гнетущая тишина даже у сверххладнокровного Кухулина вызывала лишь одно желание — закричать. Трудно было понять, отчего у путников выворачивает нутро: ведь ничего здесь нет, если не считать мусора, разбросанного меж грязных пилонон. А может, именно совместное присутствие равнодушной мглы и воющего безмолвия превращало станцию-призрак в диковинный замкнутый мирок, живущий по собственным законам и заставляющий случайных путников беспокойно оглядываться по сторонам.

Фольгер предупредил своих товарищей, что Полянка особое и, пожалуй, самое загадочное место во всем метрополитене. Здесь даже с психологически устойчивыми людьми порой происходили странные и нелепые вещи. Иные садисты и развратники после посещения станции-призрака превращались в раскаявшихся грешников и святых, несущих проповедь Света и Любви среди людей, чья кровь давно уже была отправлена Тьмой и Ненавистью. Другие сходили с ума, не выдержав ужаса содеянного, третья встречались с чем-то таким, что давало им подсказку, как решить сложную жизненную дилемму. Но в любом случае каждый встречал здесь нечто свое, и никогда видения на Полянке не повторялись. Впрочем, попадались и те, кто ничего не чувствовал, не слышал посторонних звуков, не видел бесцелесных призраков, не ощущал непонятных запахов. Они просто проходили мимо по своим делам и удивлялись, почему такую замечательную станцию не облюбовали не то что люди, но даже крысы.

— На платформу не поднимаемся, идем вперед и ни на что не обращаем внимания, тут глюк только так можно схватить, — шепнул Фольгер своим спутникам, когда они покинули перегон.

Однако бдительный проводник первым же и попался в сети станции-призрака. Уже в самом конце, когда большая часть пути была преодолена, Феликс услышал звонкий смех. И этот смех принадлежал Еве. Фольгер отчетливо понимал, что его посетили звуковые галлюцинации, что труп сестры гауляйтера, подобранный ганзейскими рабочими, хранится в каком-нибудь станционном морге и ждет захоронения, но ничего с собой поделать не мог.

— Я сейчас, — прошептал он, запрыгнул на платформу и исчез во тьме.

— Я с тобой! — откликнулась Ленора и рванулась за своим новым другом, но Кухулин ее удержал:

— Погоди, львенок.

— Не трогай меня, — резко огрызнулась девушка, попытавшись отдернуть руку.

Кухулин ничего не ответил, лишь сощурился и мгновение спустя отпустил жену. Ленора, оказавшись на платформе, так же, как и Фольгер, была поглощена темнотой и безмолвием. Суператор остался один. Интуиция подсказывала ему не препятствовать товарищам. Каждый должен разбираться со своими кошмарами наедине, ибо если не желаешь впускать постороннего в свой внутренний мир, никто и никогда тебе не поможет, а если и пожелает помочь, то сделает только хуже.

Вдруг Кухулин почувствовал, как мгла надвигается на него, будто некто бесшумно шел навстречу и гнал впереди себя беспроственную тьму. Суператор не испугался и даже не подумал вскинуть автомат, прескокойно висящий у него на плече. Он направил фонарь в сгущающуюся бездну и увидел приближающийся размытый силуэт.

Смех, казалось, раздавался отовсюду. Фольгер беспрестанно вертелся на месте, освещая то обледенелые пилоны, то груды мусора, то изогнутый грязно-бледный потолок. Наконец, Феликс не выдержал и закричал:

— Ева, милая! Покажись! Прошу тебя!

Разумеется, он понимал, что этот бесподобный заразительный смех — лишь плод фантазии, ментальное искажение реальности, морок, беспощадно играющий на человеческих эмоциях. Но разум не мог совладать с вырвавшимися из глубин чувствами. Древний, давно потухший вулкан неожиданно проснулся, и раскаленная лава ревущим огненным фонтаном вырвалась наружу.

— Ева, покажись! Я люблю тебя, слышишь!

Фольгер продолжал крутиться, выкрикивая то, что никогда не произносил вслух. Теперь он жалел об этом. Очень жалел.

— Я люблю тебя, милая! Люблю! Слышишь!

Смех неожиданно стих, и Феликс почувствовал, как маленькие ледяные мурашки, безжалостно прокалывая кожу крохотными острыми лапками, засеменили по его спине. Сзади кто-то был. Мужчина резко повернулся и зажмурился от яркого свечения...

Ленора, запрыгнув на платформу, побежала следом за Фольгером, но уже через секунду-другую потеряла его из виду. Она оказалась в кромешной тьме, которую не мог пробить даже луч фонаря, тонущий в непроглядной бездне на расстоянии вытянутой руки. Девушка почувствовала, как глаза ее непроизвольно расширяются; она открыла рот, но закричать так и не смогла. Вязкая мгла устремилась ей в горло и ноздри, запорошила глаза, сдавила грудь, сгостила до предела. Ленора судорожно глотнула тягучий воздух, застрявший на полпути к легким. Она поняла, что задыхается и сейчас умрет, так и не сумев позвать на помощь. А потом пришло беспамятство...

Кухулин приблизился к силуэту и разглядел в нем мужчину в плаще с капюшоном, под которым виднелся серого цвета камуфляж. За незнакомцем стояли два здоровенных амбала с респираторами на лицах. Что удивительно — мордовороты были одеты в английские классические костюмы.

— Господин Кухулин, — учтиво произнес незнакомец, — станция Полянка славится своими паранормальными трюками. Как вы считаете, я реальный персонаж или лишь галлюцино-генный плод соприкосновения вашего сознания с неизвестной аномалией?

— Я могу задать вам точно такой же вопрос, господин... не знаю, как там вас... — не растерялся суператор. — Вполне вероятно, что я только мерещусь вам, а наяву вы разговариваете с коробкой, до-нельзя наполненной бесполезным хламом.

Незнакомец холодно засмеялся и погрозил пальцем:

— А вы не так просты, как можно подумать.

— А вы не так сложны, как хотите казаться, — сухо ответил суператор.

— Интересно, — незнакомец изобразил задумчивость, — в чем же моя простота? Я-то всегда полагал, что умею просчитывать на несколько ходов вперед.

— Все ваши великие комбинации и замысловатые многоходовки сводятся к простым, даже примитивным целям: выживать в наиболее комфортных условиях, спать с самыми красивыми женщинами и, конечно, властвовать над серой отупевшей массой в умирающем подземном мире. Так скажите, зачем мне просчитывать траекторию вашего движения с бесчисленными волчими петлями и мудреными зигзагами, когда я знаю конечный пункт каждого из вас? Если мне понадобится кого-то подкараулить, я с легкостью найду где: возле объектов вожделения и комфорта.

— Раз уж вы, господин Кухулин, так проницательны, — сказал незнакомец, — то не вижу смысла ходить вокруг да около. Я хочу сделать вам весьма соблазнительное предложение...

Обомлевший Феликс взирал на люминесцирующий круг. Это была сделанная из цветной керамики композиция. Она располагалась в торце станции. На синем светящемся фоне с красным стягом выделялись две белесые, держащие друг друга за руки фигуры — мужчины и женщины. В левой руке женщина сжимала ветвь, а на плече у мужчины сидел маленький ребенок. Желая изгнать наваждение, Фольгер зажмурился, а когда вновь открыл глаза, то увидел, что фигуры преобразились.

Обрамленная мягким сиянием, перед ним стояла Ева. Она была боса и одета в красное платье. Счастливая девушка держала за руку его — Фольгера, на плече которого, болтая ножками, восседал щебечущий какую-то веселую околесицу малыш.

«Так могло быть! — ошарашенно подумал Феликс. — Так могло быть, но так никогда не будет!»

Фольгер закрыл лицо ладонями. Нестерпимая горечь подступила к самому горлу, а в коленях появилась дрожь. С бывалым сталкером такого не случалось давно. Не хватало только разрыдаться.

— Могло быть по-разному, — донесся до него знакомый голос. — Например, ты мог не ограничиваться непыльной работой на

Рейх, а стать палачом, навсегда разделавшимся с собственной совестью. Это было бы гораздо хуже.

Феликс отдернул руки от лица и обнаружил, что находится посреди округлого, весьма просторного зала. Пол его был облицован синим люминесцирующим мрамором, стены и потолок, закрытые красной тканью, колебались, словно на ветру. А рядом с Фольгером стояла она.

— Ева? — удивленно воскликнул Феликс...

Сделав глубокий вдох, Ленора открыла глаза и осмотрелась. Она стояла все на той же платформе, но Полянка решительно переменилась. Станция теперь была залита ослепительным светом, а пилоны, пол и дугообразные потолки сияли необычайной чистотой. Сощурившись и прикрыв глаза ладонью, девушка побрела наугад. Неизвестно, сколько времени она шла: толстенные беломраморные опоры сменяли друг друга нескончаемой чередой, перрон превратился в длинный коридор без конца и края, и только гулкие шаги одинокой путницы отражались от сводов прозрачной станции.

Вдруг, спустя многие и многие минуты беспрестанной ходьбы, Ленора увидела впереди человека.

— Феликс! — крикнула она и побежала. — Феликс, с тобой все в порядке?

Приблизившись к мужчине на расстояние двух шагов, девушка в испуге остановилась. Это был не Феликс. Некто, облаченный в костюм химзащиты, уставился на Ленору безжизненными стекляшками противогаза. Тихо вскрикнув, девушка попятилась, а незнакомец протянул к ней свои лапы.

— Нет! — споткнувшись, Ленора упала. — Нет... пожалуйста...

— Ты боишься резиновых масок, — сказал мужчина и сорвал с себя противогаз.

И перемена оказалась разительной...

— Пожалуй, господин Кухулин, вы правы, — сказал человек в плаще с капюшоном. — Выживание с комфортом, красивые женщины, готовые услужить в любое время, и власть над безмозглым

человеческим стадом — предел мечтаний для большинства из нас. Это три арканы, сжимающие глотку любому человеку. Но вы ведь не такой, вам нужно кое-что еще. Я прав?

— Вряд ли вы сможете это мне дать, — сказал суператор.

— Отчего же, — возразил собеседник, — я являюсь полномочным представителем самого могущественного государства Московского метрополитена, и наши возможности в пределах подземки практически неограничены. Я вас разгадал, господин Кухулин. Вы по натуре революционер, всегда хотели преобразовать общество, сделать его чище и лучше. Так почему бы нам не объединить усилия в этом достойном всяческой похвалы деле? Свобода, равенство и братство из утопической мечты превратятся в реальность.

— Объединить усилия... — как бы в задумчивости произнес Кухулин. — Звучит заманчиво...

— Вот-вот, заманчиво, — воодушевился человек в плаще. — Помните сами: ваша пассионарность, ваши сверхспособности и наши связи, наши знания преобразуют метро навсегда. Вы станете для нас своим. А своих мы не бросаем.

— Есть одна маленькая деталь, портящая идиллию, которую вы мне пытаетесь здесь изобразить, — суператор внимательно посмотрел на собеседника, пытаясь разглядеть его лицо, скрытое капюшоном. — Я много читал о прошлом человечества и могу сказать одно: всякий раз, когда революционер шел на сделку с жиরующим бонзой, он очень быстро превращался в тряпичную куклу, играющую по чужим правилам. Он мог сколь угодно много разлагольствовать о светлом будущем человечества, но уже не в силах был помочь страждущим. Он превращался в обыкновенного политика, клоуна на побегушках. Таков закон истории. Именно поэтому в последние десятилетия перед коллапсом любая революция, любая освободительная борьба обрачивалась фарсом.

— Я также много читал о прошлом человечества, господин Кухулин, — в голосе незнакомца в плаще появились нотки угрозы, — и тоже могу кое-что сказать: непримиримые погибают первыми. Какими бы они ни были суперменами, их всегда обламывали, пу-

ской потом и превращали в святых и великомучеников. Таков закон истории. От Христа до Че Гевары — исключений не было. Когда герой врезает дуба, можно рисовать с него иконы и штамповывать майки с его изображением. И главное, благополучно продавать поделки все той же безмозглой толпе. Так что жиравший, как вы выразились, бонза и так, и так останется при своем профите.

— И все же вы всегда боялись тех, кто вместо того, чтобы с благочестивым трепетом покупать картинки с усопшими, пытался вникнуть в суть того, чему они учили и что творили. От Христа до Че Гевары — без исключений. Вы боитесь всех, кто не имеет ничего общего с вашей братией и не принадлежит, как вы выразились, к безмозглой толпе.

— Сотрудничество с нами, — отчеканил незнакомец в плаще, и смутная недобрая улыбка прорисовалась в тени капюшона, — даст вам хоть какую-то возможность улучшить быт жителей метро. А это все-таки больше, чем ничего, согласитесь, господин Кухулин.

Суператор промолчал. Он понимал, что им не договориться, и обе стороны останутся при своем мнении. Видимо, то же самое додшло и до человека в плаще.

— Знаете, господин Кухулин, почему Ганза — самая могущественная организация в метро? — спросил он.

— Ева? — удивленно воскликнул Феликс.

Девушка в ярко-красном платье до колен звонко рассмеялась, и, казалось, в такт ее смеху затрепетали, обдуваемые могучими неощутимыми ветрами, красные полотнища, а синий пол пошел пульсирующими фиолетовыми разводами.

— Не совсем, — сказала она, — меня зовут Аве. Я и Ева — отражения друг друга. Впрочем, ты можешь называть меня как угодно, теперь я и она — одно целое.

— Это как? — спросил Фольгер, неожиданно вспомнив, что находится на Полянке, и все, что он видит, скорее всего, лишь очень реалистичная галлюцинация.

— У каждого настоящего человека, у каждого, кто не превратился в пустую резиновую куклу, есть свой двойник, — ответила

девушка. — У тебя он тоже имеется. И оттого человек, как бы счастлив ни был, время от времени чувствует себя одиноким, словно разрубленным надвое. И потусторонняя тоска овладевает им, и совсем непонятно ему, несчастному, отчего так. Он мечется по жизни, обреченный бежать по кругу до конца дней своих. И только разорвавший этот круг встречает, наконец, своего близнеца, скрытого где-то глубоко в безднах бессознательного, и обретает гармонию и покой.

— Я бы рад тебе поверить, — заметил Феликс, оглядываясь по сторонам, — но чувствую, что меня просто не по-детски штырит. Это какая-то фантасмагория.

— А разве тот мир, в котором ты живешь, не фантасмагория? — возразила Аве. — С подземным бытом, мутантами, сталкерами и враждующими микрогосударствами? Твой мир походит на кошмар подростка. Вся человеческая история вообще напоминает бред сумасшедшего. Эта вселенная так же несчастна, как и люди, населяющие ее, ибо она не может найти своего двойника, утопию, о которой мечтали философы и поэты прошлого.

— Ты слишком заумно излагаешь, — проговорил Феликс. — Я почти верю, что ты — отражение Евы. Она тоже любила изрекать что-нибудь этакое, только попроще. Двойники, надо же...

— Каждый скрывает своего двойника, — настаивала девушка, — каждый прячет свое «я» от самого себя.

— Интересно увидеть мое альтер эго, — сказал Феликс, чувствуя, что любопытство вкупе с щемящей тоской одолевают скепсис.

— Что означает Фольгер? — спросила Аве. — Почему ты так назвался?

— Сокращение от немецкого *der Verfolger*, — на задумываясь, ответил Феликс, — можно перевести на русский как «сталкер».

Девушка загадочно улыбнулась и принялась выводить указательным пальцем буквы, которые высвечивались в воздухе фосфоресцирующими огнями. Полминуты спустя перед глазами мужчины горела переливающаяся желто-зеленым надпись латиницей: FOLGER.

— А теперь посмотрим на отражение, — проникновенно произнесла Аве и сделала кругообразный пас ладонью.

Буквы поменялись местами, и получилось: REGLOF.

— Можно прочитать как Реглов, — девушка, вытянув губы трубочкой, дунула, и надпись рассеялась. — Это твоя настоящая фамилия, Филя. Ты пытался изменить свое имя, поменять судьбу. Ты решил, что мир — это воплощение Зла, и ты станешь таким же. Из принципа. Признай, глупо все это. А главное — безрезультатно. Своего двойника, который и есть ты сам, можно закопать глубоко-глубоко, но от тоски и разочарования никуда не денешься.

Феликс молчал. Он не знал, что возразить.

— Ты ведь жалеешь, — продолжила Аве, — что ни разу в жизни не признался Еве в любви, — ведь Фольгер, циничный и веселый трахарь, не мог позволить себе произнести три простых слова. То ли дело Реглов, он совсем другой...

— Евы больше нет, — с горечью произнес Феликс.

— Я Аве, — сказала девушка, — но я же и Ева. Я единое с ней целое.

— Ты совсем другая личность...

— Но ведь и ты другой! — воскликнула собеседница. — До катастрофы ты был одним, после нее стал вторым, воевал под Изварином с зомби третьим, вернулся в метро четвертым, а сейчас ты снова иной. Человек, как река, дважды одним и тем же не бывает. И вот я стою напротив тебя и смотрю в твои глаза. Скажи мне то, что всегда хотел сказать.

— Я... — Феликс запнулся.

— Скажи, — почти умоляюще попросила девушка, — и две реки сольются в единый поток, и их уже ничто не сможет разлучить. Ничто и никогда.

— Я люблю тебя, — вымолвил Феликс, и голос его дрогнул, — я люблю тебя, Ева!

— Я тоже люблю тебя, Филя, — донесся призрачный ответ, и тут же бьющиеся на ветру красные стяги и синий люминесцирующий пол начали исчезать на глазах, рассеиваясь во тьме станции.

— Постой! — закричал Феликс, протягивая ладони к полупрозрачному фантому. — Не покидай меня, пожалуйста...

— Очень скоро мы вновь встретимся, — послышался чуть слышный шепот, — и больше не расстанемся. Никогда...

Девушка растворилась во мгле, и Феликс внезапно осознал себя стоящим с фонарем в руках, освещающим скульптурную керамическую композицию: белесые фигуры женщины, мужчины и ребенка на красно-синем фоне... а потом послышался выстрел.

— Ты боишься резиновых масок, — мужчина, сорвавший с себя противогаз, оказался не таким страшным, как рисовала себе в воображении Ленора, — скорее, наоборот. Это был седобородый старик с удивительно светлыми и добрыми глазами.

— В том мире меня называли Дед, — сказал он. — Впрочем, в этом тоже.

— Я — Ленора, — тихо произнесла девушка.

— Чудесное имя, — сказал старик, — означает «львица» или, скорее, «львенок».

Ленору передернуло. Так ее называл Кухулин.

Дед понимающе кивнул:

— Да, ты действительно не любишь маски и восхищалась своим кумиром за то, что он, один-единственный, не скрывал своего лица. И на тебе: оказывается, он не тот, за кого себя выдает...

— Это не твое... — Ленора поправилась, — не ваше дело!

— А может, он себя ни за кого и не выдавал? — продолжал рассуждать Дед, не обращая внимания на возражение девушки. — Может, это ты в своих грезах слепила идеальную маску и набросила ее на лицо совершенно стороннего мужчины?

— Не ваше! — Ленора сорвалась в визг. — Не ваше дело!

— Только поверь мне, милая девочка, в этом отравленном мире без масок — никуда. На, возьми, — старик протянул противогаз девушке, — ведь ты обронила свой на Павелецкой.

— Не возьму, — прошипела Ленора, — я перестану быть собой!

— Не перестанешь, — Дед подарил девушке теплую улыбку, — не перестанешь. Просто помни, что маска на лице далеко не всегда отображает суть.

— Не хочу это слышать, уходи, — Ленора попятилась и, споткнувшись, упала.

От неожиданности она вскрикнула, а когда поднялась на ноги, оказалась в абсолютной темноте. Девушка нашупала фонарик, висящий на поясе, включила его, и в бледно-желтом пятне среди разбросанного мусора заметила аккуратно сложенный новенький противогаз. Сделав шаг, она подняла его с пола, и тут послышался одинокий пистолетный выстрел...

— Знаете, господин Кухулин, почему Ганза — самая могущественная организация в метро?

Суператор размышлял недолго, ибо действительно знал, или думал, что знает:

— Кольцевая линия расположена на пересечении всех остальных линий метро. Таким образом она занимает главенствующее положение в экономике подземки, является ее центром, в то время как остальные фракции и независимые станции поневоле оказываются экономической периферией и вынужденно попадают в зависимость от Ганзейского содружества.

— А вы, оказывается, любитель мир-системного анализа, — натянуто засмеялся незнакомец в плаще. — Кого из авторов предпочитаете, Броделя, Валлерстайна, Амина Самира или, может, Ка-гарлицкого?

— Я никого не предпочитаю, — ответил Кухулин, — это простая логика, и ничего более.

— Ну да, — согласился незнакомец в плаще, — в ваших словах имеется доля правды. Но есть еще и метафизический аспект. Понимаете, господин Кухулин, людям не нужна свобода. Люди хотят, ни за что не отвечая, думать, что они свободны. Это большая разница.

— И в чем же заключается ваша метафизика? — безучастно спросил суператор.

— В том, что внешняя форма зачастую соответствует содержанию. Посмотрите на карту метро. Что вы видите? Рейх и Полис со всех сторон обложены конкурентами. Они — как загнанные крысы в клетке. То же самое касается и других государств. Есть Красная Линия проклятых коммунистов. Но и она в конечном счете ущербна. Только представьте, господин Кухулин, вы начинаете свой путь

по прямой, и вам кажется, что впереди светлое будущее. Вы идете, идете, идете и тут — бац! Линия закончилась, впереди — тупик. У краснолинейцев нет перспектив. А теперь взгляните на нашу Кольцевую. Сколько бы вы ни шагали, вы никогда не упретесь в стену, вы будете идти все время вперед, думая, что приближаетесь к заветной цели, а на самом деле — бегать по кругу. И главное, у вас есть выбор: хотите, двигаетесь по часовой стрелке, хотите — против. Демократия в действии, — человек в плаще засмеялся, — этим мы и привлекаем выживших. Из-за этого они стремятся эмигрировать...

— Зачем вы мне все это говорите? — Кухулин равнодушно пожал плечами.

— Затем, чтобы вы поняли, за кем в метро будущее.

— Знаете, господин... ганзеец, — сказал суператор, — ни у кого из вас нет будущего. Не обольщайтесь. Все ваши подземные фракции цепляются за умершие идеи, не соответствующие историческим реалиям. И, раз уж вы подняли тему формы и содержания, скорее, наоборот, те, кто оказался в тупике, начинают отчаянно искать выход. Может, у них что-то и получится. А вот те, кто до самого смертного конца думают, что у них все в порядке, обречены на бесславную гибель.

К незнакомцу в плаще бесшумно подошел один из охранников в английском костюме и респираторе и что-то шепнул на ухо. Тот, хмыкнув, кивнул и обратился к суператору:

— Мне пора, господин Кухулин. Я вижу, наш разговор неконструктивен. Только запомните: ваш радикализм неприемлем. С такими взглядами вы быстро превратитесь в персону нон грата не только в Ганзе, но и на Красной Линии, и в Полисе, и в Рейхе, и в любом другом крупном объединении метрополитена. Вам не выжить в подземном мире, каким бы суперменом вы ни были. Если вы вступаете в игру, то должны соблюдать правила.

— В любом случае это будет мой свободный выбор.

— Пусть так, — согласился незнакомец. — Я вас предупредил, господин Кухулин. Отказ от сотрудничества — ваш окончательный ответ?

— Окончательный.

— Тогда прощайте, — разочарованно произнес таинственный собеседник и спешно скрылся в темноте, а следом за ним исчезли и охранники.

Суператор остался наедине с собой. Какое-то время он думал о странном ганзейце, так не похожем на большинство обитателей подземки. А потом грянул выстрел, и пуля, отрикошетившая от рельса возле самой ступни Кухулина, заставила его выйти из забытья и рвануться в сторону станции. В мгновение ока он запрыгнул на платформу и скрылся за пилоном.

ГЛАВА 2

НИЖЕ АДА

Брут откровенно измотал своих бойцов. Штефан и Ганс Бре-хер, звавшийся когда-то Ваней Колосковым, за последние не- сколько часов исходили столько же километров, сколько, пожа- луй, одолели за весь прошедший год. Покинув перегон между Проспектом Мира и Новослободской, где они уничтожили коман- ду Конфедерации 1905 года, нацисты вернулись тем же путем, ко- торым попали на Кольцевую. На этот раз на поверхности все про- шло без происшествий: ни крысанов, ни гигантского змея, ни про- чих мутантов они не встретили.

Спустившись обратно в метро и благополучно миновав забро- шенную станцию Цветной Бульвар, команда Брута вновь оказалась в Рейхе, в котором они надолго не задержались. Перегон между Чехов- ской и Боровицкой считался опасным. Здесь не было мутантов или ментальных аномалий, — просто туннель этот находился в столь пла- чевном состоянии, что мог в любой момент обрушиться. Однако бди- тельные фаши и тут держали блокпост. Ведь Боровицкая принадле- жала Полису, который в Рейхе не любили так же, как Ганзу и Крас- ную Линию. Кругом враги, и нужно быть начеку.

Небрежно ткнув в посиневшую от холода морду начальника кара- ула ксиву, Брут со своими подчиненными углубился в перегон.

— Не расслабляться! — периодически покрикивал штурмбаннфюрер, подгоняя уставших бойцов. — Отдохнем в гробу!

Преодолев большую часть туннеля, уже возле самой заставы наци неожиданно свернули в ответвление, узкий малозаметный лаз. Бруту не нужны были лишние вопросы со стороны пограничников Полиса. Формально его должны были пропустить, но тот факт, что представители Четвертого Рейха куда-то настолько спешат, что готовы, рискуя жизнями, мчаться во всю прыть по дышащему на ладан перегону, наверняка привлек бы внимание соответствующих органов. А этого штурмбаннфюреру хотелось меньше всего.

Пообтиравшись о стены тесных коридорчиков, спустя минут сорок Брут с подопечными выбрался на Арбатско-Покровскую линию, в туннель между станцией Площадь Революции, принадлежащей краснолинейцам, и Арбатской, находящейся во владениях все того же Полиса.

— Мы — граждане Бауманского альянса, идем транзитом в Ганзу, на Добрынинскую, — объявил штурмбаннфюрер своим подчиненным, раздавая фальшивые паспорта.

— А если нас спросят, почему мы не поехали на Добрынинскую по Кольцевой? — спросил Штефан. — Так ведь быстрей было бы...

— Поппель, ты идиот! — рявкнул Брут. — Идут Игры, движение по Кольцевой перекрыто.

Пограничный пост они прошли на удивление быстро и без проблем. Ганс никогда раньше не бывал в Полисе, и убранство необычайно длинного зала станции Арбатская поразило его до глубины души. Уходящий вдаль строй бело-золотых арок, залипых ослепительно ярким светом, привел парня в трепет. Он так и застыл с открытым ртом, и неизвестно, сколько бы простоял в оцепенении, если бы не грубо ткнувший его в бок локтем штурмбаннфюрер.

— Что уставился, Брехер? Решил, что увидел Вальхаллу? Это лишь показуха книжных червей и штабных крыс. Только такие дураки, как ты, ловятся на яркий свет. Или ты насекомое?

Штефан хихикнул и спросил:

— Герр Брут, а что такое Вальхалла?

— Заткнись, Поппель! Ты туда все равно никогда не попадешь!

Дебилам туда вход воспрещен. Не расслабляться, вперед!

Штефан и Ганс, пробиваясь сквозь толпу, последовали за своим шефом. Покинув Арбатскую, через переход они попали на Боровицкую. Эта станция поразила Ганса меньше, чем предыдущая. Возможно, она была не так сильно освещена, да и колонны не являли собой нечто массивно-монументальное и незыблемое со времен зарождения мира. А может быть, нагоняй штурмбаннфюрера отрезвляющее воздействовал на парня.

На Боровицкой наци не задержались и, спешно миновав блокпост пограничников Полиса, направились по туннелю в сторону Полянки. Еще когда Ганс Брехер был Ваней Колосковым и жил на Баррикадной, он много слышал об этой странной станции. Здесь часто происходили непонятные вещи: путники погружались в галлюциногенный бред, оказывались в других местах или иных временах, встречались с умершими близкими, видели то, что другим видеть было не дано.

— Если где и можно узреть Вальхаллу, то здесь, — сказал штурмбаннфюрер, когда наци проходили мимо Полянки, — а Полис — это лишь имитация.

Однако в этот раз ни Брут, ни Ганс, ни Штефан ничего странного не повстречали. Станция была темна, пуста и безмолвна. Высвечивая дорогу, они дошли без происшествий до самого поста на Серпуховской. Попасть в Ганзу оказалось сложнее, чем в Полис. Пограничник долго и привередливо изучал паспорта.

— Цель вашего визита в Содружество Станций Кольцевой линии? — наконец спросил он не особо дружелюбно.

— У нас выдалось свободное время, и мы решили поболеть за наших ребят, — прохрипел Брут, нарочно искажая голос.

— Если верить телефонным сообщениям, — сухо констатировал пограничник, — ваш Бауманский альянс выбыл из Игры, струился, сошел с дистанции.

— Пусть так, — парировал штурмбаннфюрер, — но мы же не зря прошли полметро? Поболеем за тех, кто остался. Спустим кровно заработанные патроны на еду, питье, а может, и на кое-что еще, — а это пускай маленький, но все же вклад в вашу экономику.

Доводы Брута не особо впечатлили пограничника. Подозрительно прищурившись, он внимательно осмотрел лжебауманцев и сказал:

— Что-то вы не сильно похожи на простых работяг с Электро- заводской.

— Ну так время нынче какое? — штурмбаннфюрер понимающе кивнул, погладив цевье укороченного автомата. — Без оружия — никуда.

— Не в этом дело, — пограничник указал взглядом на Штефана, а затем на Ганса. — Вы вооружены одинаково: пистолетами Ярыгина и АКСУ, и одеждой друг на друга похожи.

— Вы еще скажите, что мы долбаные фашисты из Рейха и занимаемся подрывной деятельностью, — натужно засмеялся Брут.

— Я ничего не хочу сказать, — сказал пограничник, — но оружие придется сдать в камеру хранения.

— Никаких проблем, — ответил штурмбаннфюрер, отдав честь двумя пальцами у виска.

Первым делом, попав по переходу с Серпуховской на Добрынскую, Брут нашел букмекера в сером джемпере.

— Где сейчас команды? — спросил он чиновника.

— Отдыхают на Киевской, — ответил тот, — через полтора часа стартуют, а там по прямой до Павелецкой, кто кого.

— Кто остался из участников?

— Кольцевая и Четвертый Рейх.

— А Ева? Ева?! — почти прорычал Брут.

— Какая Ева? — не сразу понял букмекер. — А, вы, наверное, имеете в виду девушку из команды «Дед и компания»?

— Да!

— Если верить телефонограмме, она погибла между Белорусской и Краснопресненской. Сожалею, любезный господин, если вы поставили на эту команду. Однако еще не поздно отыграться. Вы можете сделать ставку на команду Кольцевой линии или Четвертый Рейх. Коэффициенты равны...

Брут посмотрел на букмекерствующего ганзейского чиновника таким бешеным взглядом, что тот, прервавшись на полуслове, извинился и поспешил скрыться в толпе.

Штурмбаннфюрер помнил наказ гауляйтера Вольфа убить Фольгера в случае смерти Евы или поражения Четвертого Рейха. Что ж... одно из двух условий есть. Феликс Фольгер должен умереть.

Теперь Брут размышлял, как все обставить. Конечно, изначально лучше было бы попасть туда, где заканчивается соревнование, на Павелецкую. Но для этого пришлось бы пройти транзитом через Красную Линию и Треугольник. И те, и другие слишком хорошо знали Брута Арглистманна, и любить его ни у коммунистов с Театральной, ни у бандитов с Новокузнецкой причин не было. Лучший диггер нацистов совершил несколько успешных рейдов против конкурентов по подземке и, что хуже всего, засветился. Его знали в лицо, и долго церемониться с ним не стали бы. Пуля в лоб — и делу конец. К тому же и напарничек, главный палач Пушкинской, в свое время умудрился основательно нагадить на Красной Линии, зверски замучив семью, состоящую из мужа, жены и маленького ребенка. Поэтому пришлось идти через Полис и Полянку.

Брут знал обходной маршрут и мог бы оказаться в перегоне между Добрынинской и Павелецкой, устроить засаду на соревнующихся, но что-то заставило его ничего не предпринимать. Несколько часов они со Штефаном и Гансом шныряли среди зевак, терпеливо ожидая команды Фольгера и Грабова.

Штурмбаннфюрер был не из тех, кого легко удивить, однако, когда толпа тревожно охнула, и диггер-наци увидел, как какой-то мужчина, выскочив из одного туннеля, молниеносно перемахнул через платформу и тут же скрылся в смежном, он поневоле изумился. Брут оценил силу, быстроту и напор незнакомца, у которого мышцы так и выпирали из-под свитера. А еще он интуитивно понял, что команда Грабова обречена. С таким напарником Фольгер, вне всякого сомнения, победит. И тут же штурмбаннфюрер спросил себя: а сумеет ли он убрать Феликса с таким мощным союзником? Или все получится наоборот? После секундного раздумья Брут решил, что не может позволить себе бояться, иначе очень быстро превратится в ничтожество вроде палача Штефана. А человек, трясущийся от страха, всегда проигрывает, ибо заведомо

слаб. Нужно, подобно тамплиерам, делать, что должно делать, и будь, что будет.

Вскоре из темноты туннеля появились Фольгер, тот самый мускулистый мужчина и совсем молоденькая девушка. Теперь всем стало абсолютно ясно: Игры закончились, троице победителей осталось пройти перегон до Павелецкой и получить заслуженные призы. Вместо этого Феликс сотоварищи поднялись на платформу. Чиновник в сером джемпере, по совместительству букмекер, преградил дорогу чемпионам и принялся выкрикивать панегирик бойцам Четвертого Рейха.

И тут случилось то, чего Брут совсем не ожидал: Фольгер прилюдно объявил, что на стороне Рейха он участвовал по подложным документам и потому отказывается от победы. Следом за шокирующей тирадой троица, расталкивая озадаченных зевак, скрылась в переходе на Серпуховскую.

Требовалось немедленно принять решение, и штурмбаннфюрер, не колеблясь, скомандовал:

— За мной!

Несмотря на оперативность, он, Штефан и Ганс потеряли из виду команду Фольгера. Впрочем, Брут не сомневался, куда движется проклятый предатель интересов Рейха. У него был только один путь — в сторону Полиса через Полянку. Правда, чисто теоретически ренегат мог направиться и на юг, к станции Севастопольская, но штурмбаннфюреру этот вариант показался маловероятным. Севастопольская являлась полуизолированным анклавом, вынужденным постоянно обороняться от агрессивно настроенных мутантов. Жизнь там была сущим адом, по сравнению с которым даже жалкое существование на нищей Павелецкой радиальной могло показаться вполне сносным.

Пограничник неприлично долго выдавал сданное в камеру хранения оружие.

— Зря столько километров отмотали со своего Бауманского альянса, — злорадно улыбнулся он, — вон оно как обернулось.

Брут подавил нахлынувшее искушение вбить нос в глотку ганзейскому недоумку и, сжав до боли кулаки, лишь сухо ответил:

— Значит, судьба.

Наконец все формальности были улажены, и нацисты пустились в погоню, к Полянке.

По правде говоря, штурмбаннфюрер затаил обиду на станцию, славившуюся паранормальным воздействием на людей. Брут неоднократно бывал на Полянке, но ни разу станция-призрак не приоткрыла перед ним двери потустороннего.

Брут, конечно, не был оторванным от жизни мечтателем (такие в метро долго не живут) — но и циничным атеистом себя не считал. Среди офицерства Четвертого Рейха существовала устойчивая мода на неоязычество. Один и боги, руны судьбы, Регнарёк, врата Асгарда, распахнутые для adeptов чистоты расы, — все эти понятия не были для штурмбаннфюрера пустыми звуками. Он и мутантов, бывало, называл именами хтонических чудовищ, как Нидхёгга из Антроповского сквера, так удачно спасшего его команду от крысоловов. Брут искренне считал себя настоящим воином, достойным посещения чертогов, в которых пировали герои.

Что-то случилось после ядерной войны с этим миром, и рациональные законы природы нарушались теперь с завидным постоянством. Мистическое и трансцендентное проявлялось на каждом углу. Метрошные байки сталкеров и диггеров, коллекционируемые Брутом, не могли быть просто сказками напуганных людей — слишком уж много их расплодилось. Но вот только Полянка, самое таинственное место в подземке, отчего-то не жаловала штурмбаннфюрера.

Брут ничего не ожидал и в этот раз, но когда, приближаясь к станции-призраку, вдруг увидел голубоватое сияние, почувствовал, что сердце его невольно забилось быстрее.

— Вперед, вперед! — зашипел штурмбаннфюрер на своих подчиненных, бесшумно ускоряясь. — Не расслабляться!

В центре голубоватого сияния Брут увидел человеческую фигуру. Это был тот самый здоровяк, напарник Фольгера.

«Я не ошибся, я нашел их!» — воодушевился штурмбаннфюрер и, выхватив пистолет из кобуры, выстрелил. Однако не попал. Пуля отрикошетила от рельса возле самой ноги здоровяка, который тут же исчез, запрыгнув на платформу. Брут остановился, от-

дышался, пошарил лучом фонаря вдоль массивных пилонов. Затем, оглянувшись на Штефана и Ганса, произнес:

— Рассредоточиваемся! Их трое и нас трое, это будет честная битва.

— Может, лучше держаться вместе? — робко спросил Штефан.

— Заткни пасть, Поппель! — рявкнул Брут. — Делай, что я сказал!

На мгновение в голову штурмбаннфюрера закралась мысль, что, возможно, Штефан прав, — но потом он вспомнил о голубоватом сиянии безусловно потустороннего происхождения. Бруту почудилось, будто только что он ощутил сквозняк из приоткрытой двери, за которой скрывалась Вальхалла, обитель бессмертных. Нет, Штефан не может быть прав, хотя бы потому, что он трусливый кусок деръма. Диггер-наци за свою жизнь совершил множество удачных рейдов против Красной Линии и Поляса, против ганзейцев и бандитов, против вольных станций. Но для каждого настоящего воина рано или поздно наступает час решающего сражения, когда он идет в свой последний поход...

— Я всегда жил по чести, во имя расы и партии, — надменно выпалил в лицо палачу Брут, — и честь говорит мне, что мы должны разделиться. И пусть боги решат, кому пировать в чертогах Асгарда.

— Это все Полянка, герр Брут, — в ужасе взвизгнул Штефан, — она вас дурачит! Вы только послушайте себя!

— Я сказал, заткни пасть, Поппель, и выполняй приказ! Иначе я, — штурмбаннфюрер поднес кулак к горлу Штефана, — вырву твой поганый кадык этой самой рукой!

Ганс и палач Пушкинской подчинились и молча полезли на платформу. Брут последовал за ними. Очень быстро он потерял из виду своих напарников, хотя свет фонарей трудно было бы не заметить. Но штурмбаннфюрера это ничуть не волновало. Сейчас решали боги, а не люди.

Он шел в кромешной тьме так тихо, что не слышал собственных шагов. Предчувствие встречи с чем-то необычным не оставляло Брута, и штурмбаннфюрер, затаив дыхание, продолжал

неспынно двигаться. Вдруг прямо перед его носом на полу вспыхнул круг света радиусом в пару метров. Диггер-наци остановился, вскинув пистолет.

— И ты, Брут! — услышал он знакомый голос.

А потом из темноты в круг света вошел Фольгер.

— И ты, Фольгер! — ответил, оскалившись, штурмбаннфюрер.

— И я... Брут... — поник Феликс.

— Я пришел убить тебя, — с затаенным воодушевлением произнес Брут.

— Убей, — равнодушно сказал Фольгер, — меня в этом мире уже ничто не держит, кроме слова, данного Кухулину. Но, полагаю, он меня простит. Я хочу снова встретиться с Евой... или Аве... без разницы, с ней хочу увидеться...

Штурмбаннфюрер не понял, о чем ведет речь ренегат, а потому, пропустив его слова мимо ушей, сказал:

— Ты предал дело расы и партии, но ты воин, а не трус, и я хочу убить тебя в честной схватке. Мы столько раз сходились в спарринге. Помнишь? Но мне интересно, как оно будет по-настоящему. Ты считался лучшим бойцом на ножах. Но я так не думаю.

С этими словами Брут положил на пол короткоствольный автомат, вложил в кобуру пистолет Ярыгина, извлек армейский нож из чехла и вошел в круг света.

— Меня ждет Вальхалла, — сказал штурмбаннфюрер, — а ты отправишься в Хельхейм! В самый нижний уровень ада, туда, где гниют жиды, хачи и ниггеры, а еще такие предатели, как ты!

— Забыл еще гомиков, — Феликс усмехнулся, — а также совков, косоглазых, масонов, либерастов, ватников и просто несогласных с тобой.

— Именно так, — подтвердил диггер-наци. — Вход в Асгард ограничен, на всех мест не хватит.

— Ты безумен, Брут, — констатировал Фольгер, медленно извлекая из чехла листовидный, с двусторонней заточкой нож. — Впрочем, мы все сумасшедшие и видим то, что рождает наше сознание. А уж на Полянке — тем более.

— Пусть так. Мое безумство — мое спасение, — штурмбаннфюрер взял нож обратным хватом, выставил вперед невооруженную левую руку и чуть согнул ноги в коленях.

Фольгер, держа нож лезвием в сторону большого пальца, также принял боевую стойку.

Штефан Поппель, как и любой настоящий палач, был отъявленным трусом, и когда вместо темной смердящей станции неожиданно оказался в светлом зале, сияющем мраморной чистотой, поджилки его затряслись.

— Это Полянка... — плачуще прошептал он, — Полянка дурачит меня.

Он вскинул автомат. Глаза его начали слезиться от нестерпимой белизны. Штефан шел, спотыкаясь, ноги его заплетались. Тьма была ему гораздо милее яркого света, ведь в ней можно было скрыть свое истинное лицо, — а здесь так светло. Так светло и наглядно! Это ужасно. И невыносимо. Вдруг он увидел две размытые фигуры. Сердце Штефана отчаянно екнуло. Не раздумывая, он вдавил спусковой крючок. Звук длинной автоматной очереди разорвал тишину зала. А потом палач Пушкинской выстрелил еще раз. И еще. В четвертый раз автомат не зарокотал, но Штефан, пожалуивая сквозь сбитое дыхание, продолжал нажимать на спуск — Один! Два! Три! — пока, наконец, не сообразил, что закончились патроны. Тогда он опустил оружие и присмотрелся. Оказалось, он устроил пальбу не по живым людям, а по какой-то фарфоровой мозаике, изображающей счастливую семейную пару. На плече у мужчины сидел маленький ребенок. На заднем фоне разевался красный стяг. Штефан вспомнил тот сладостный день, когда он с подельниками до смерти замучил семью краснопузых. Никогда после этого он не испытывал такого кайфа. Даже когда пытал врачей Рейха на Пушкинской.

Мужчину, женщину и ребенка банда поймала в одном из перегонов Красной Линии и затащила в какое-то техническое помещение. Взрослых связали, воткнули во рты кляпсы. А истошно верещавшего трехлетнего малыша Штефан, ощущая острейшее возбуждение, лично обматывал колючей проволокой.

И ведь еще дергался, сучонок, сопротивлялся, кусаться пытался! Что тут говорить: краснопузый — он и в детстве краснопузый. Разницы никакой. Всех давить! На корню!

Потом на глазах у мужа они изнасиловали женщину. По очереди сношали эту коммунистическую грязную шлюху, а трахаря ее били сапогами, чтоб, тварь, не дергался и не мычал. Ну, и напоследок перерезали обоим горло.

На Красной Линии Штефана заочно приговорили к смертной казни. Он сбежал в Ганзу. Преступление он совершил во время кровавого конфликта Кольцевой линии с коммунистами, и потому все злодеяния списала война. Штефан, пожалуй, мог бы спокойно жить в богатой и процветающей Ганзе, но страсть к мучительству потянула его в Рейх. Здесь он нашел работу по душе. Сперва — подмастерьем, а затем и мастером заплечных дел.

И вот теперь, глядя на настенную композицию, изображающую молодую семью, он ощущал сладостную дрожь в руках и обжигающую твердость в районе паха.

— Маски! — Штефан услышал женский голос. — Резиновые маски... у всех на лицах.

Палач резко развернулся и увидел сидящую на коленях спиной к нему худую девушку. Штефан, вскинув автомат, нажал на спуск и только потом вспомнил, что магазин разряжен. Тогда он достал из кобуры пистолет, направив его на незнакомку. Обошел девушку по дуге и заглянул ей в лицо. Она была совсем юна и не особо-то красива. Чуть вытянутое лицо, белесые немытые локоны спадают на глаза, тонкие губы... в руках она теребила противогаз.

Незнакомка посмотрела на Штефана отстраненным взглядом и прошептала:

— Ты тоже в маске? Или это настоящее лицо?

Палач Пушкинской не обратил на ее слова никакого внимания. В нем еще сильнее разгорелась похоть. Он плотоядно осмотрел тело девушки, на котором камуфляж висел, как на вешалке, поскольку был на два размера больше.

— Сучка! — проговорил он вибрирующим фальцетом. — Сучка!

Какая же она молоденькая! Может, еще целочка. Нет, он не застрелит ее, он задушит, задушит сучку. А потом отымет. Руки Штефана сомкнулись на горле девушки.

Ганс Брехер, звавшийся когда-то Ваней Колосковым, не видел круга света на полу и не оказался в зале, сияющем мраморной чистотой. Он шел по грязной платформе станции-призрака. Несколько раз, кляня себя, он поднимал ненужный шум, цепляясь ногами за какие-то полусгнившие картонные коробки. Автомат парень держал одной рукой, а другая с фонарем была просунута между цевьем и магазином. Он совсем не чувствовал страха; в душе нарастила странная смесь досады, раздражения и желания умереть. У Ганса не было времени на анализ своих чувств. Он просто и отчетливо понимал, что его благородство, желание защитить возлюбленную вошло в непримиримое противоречие с тем, что он сотворил сегодня, с убийством лучшего друга. И выхода из этой мерзкой ситуации не было. Теперь все поменялось. Навсегда. Безвозвратно. И оставалось лишь одно: идти дальше в черный омут отречения от собственного «я»... или же умереть.

Луч фонаря скользнул по человеческой фигуре. Ганс тут же среагировал, нажав на спуск. Автомат зашелся в рычащей трели, рука, не удержав оружие в нужном положении, скакнула вверх. Тень исчезла. Парень понял, что промахнулся, и разозлился на самого себя. Он направился туда, где только что стоял противник, осторожно заглянул за пилон, но никого не обнаружил.

— Я вижу людей, — донесся словно бы отовсюду спокойный шепот.

Ганс развернулся и выстрелил наугад, так и не определив, откуда доносится леденящий душу тихий голос.

— Ты не боишься, — разнесся над станцией все тот же шепот, — но ты в отчаянии. Я вижу.

— Иди на хрен! — выпалил Ганс, еле сдержавшись, чтобы снова не нажать на спуск, бездарно растратив очередную дюжину патронов.

— Да, так и есть, отчаяние, одиночество и непонимание. Вас здесь большинство таких... и что мне с вами делать?

Парню почудилось движение в черном проеме, и он выстрелил. Пронзительная автоматная очередь разрезала тишину зала, пули высекли ослепительные искры из мраморных плит.

— Бедный, запутавшийся сопляк! Тебе не выбраться из этой паутины.

— Иди на хрен! — заорал Ганс и снова нажал на спуск.

Несколько выстрелов — и магазин пуст, патроны закончились. До ушей парня донесся клокочущий хрип. Или показалось? Все-таки достал гада. Или нет? Просто обман слуха?

Ганс двинулся вперед. Фонарный луч блуждал по загаженному полу, перекидываясь на грязный мрамор пилонов, растворялся в густой тьме. Там, где он рассчитывал увидеть скошенного очередью противника, никого не оказалось, — лишь остатки дурно пахнущего деревянного поддона опирались на обитый угол столба. Вдруг показалось, что сзади кто-то есть, и Ганс сразу же сообразил, что не перезарядил автомат. Поворачиваясь на сто восемьдесят градусов, он взял в рот фонарик, отделил магазин и, воткнув его в карман разгрузки, вытащил новый, начиненный тридцатью патронами. В этот миг бесшумная тень, мгновенно выделившаяся из непроглядной холодной мглы, молниеносно метнулась к нему.

— Как в старые времена, Фольгер, — Брут, оскалившись, шагнул вперед, — помнишь наши тренировки? Только ножи теперь не резиновые.

Исподлобья буравя взглядом противника, Феликс перекидывал свой маленький кинжал из руки в руку и молчал.

— Ты прав, — сказал штурмбаннфюрер, — лишние слова нам ни к чему. Зрелищная получится драка, боги порадуются.

Брут Арглиствманн, он же Борис Холмских, ошибался или, возможно, лукавил: ножевой бой редко бывает зрелищным. По крайней мере, Фольгер так не считал, ибо исход поединка почти всегда решался в течение полуминуты.

Феликс пошел на Брута. Держа нож лезвием к большому пальцу, он вложил в боковой удар, как и положено, всю силу, работая не столько рукой, сколько ногой и корпусом. Лезвие, описав дугу, с бешеной скоростью устремилось к шее врага.

Фольгер, ожидая, что штурмбаннфюрер отступит назад, попытавшись ударить ногой, опустил левую ладонь вниз, защищая пах. Но это был Брут, а не какой-нибудь заштатный боец. Диггер-наци подался чуть вперед, выставив блок. Феликс почувствовал боль в правой руке. Нож, который штурмбаннфюрер держал обратным хватом, метнулся к лицу Фольгера. Феликс, в последний момент слегка отклонившись вбок, успел отвести удар левой рукой, прикрывавшей пах, тут же отшатнулся и полоснул клинком предплечье штурмбаннфюрера, блокировавшее боковой удар. Впрочем, рана, нанесенная Бруту, была несерьезной, почти царапиной.

— Неплохо, — гаркнул диггер-наци, вытирая разрезанным и чуть замаранным кровью рукавом лицо, — неплохо...

Брут неожиданно ринулся в атаку, проведя комбинацию молниеносных ударов. Раз! Два! Три! Поменял хватку. Раз! Два! Три! Опять поменял хватку. Раз! Два...

Фольгер виртуозно уворачивался, стараясь не соприкасаться с противником; лишь однажды клинки дерущихся звякнули друг о друга. А потом Феликс с силой пнул врага в коленную чашечку. Так бывает, когда слишком увлекаешься нападением.

Скривив злую гримасу и зашипев, штурмбаннфюрер остановился. Фольгер тут же нанес прямой удар снизу. Бруту ничего не оставалось, как резко отпрянуть. Из-за непослушного, ноющего от боли колена он не смог удержать равновесие и рухнул навзничь. Штурмбаннфюрер неожиданно понял, что близок к поражению, и скорее инстинктивно, нежели осознанно бросив нож, выхватил из кобуры пистолет...

Положив девушку на спину, все сильнее сжимая пальцы на ее горле, Штефан сел на свою жертву.

— Сучка! — произнес он противным, дрожащим голоском. — Сейчас я тебе покажу, сучка! Так тебе! Так!

Белобрысая девчонка, обхватив кисти душителя и устремив незрячий взгляд куда-то вверх, шевелила губами:

— Маски... кругом маски... из резины... маски...

— Сейчас, сучка, — палач, часто дыша, терся тазом о живот жертвы, чувствуя, как возбуждение мощными приливными волнами накатывает на него, — я трахну тебя, трахну, сучка!

Девушка слабела на глазах. Губы ее почти перестали двигаться, взгляд помутнел, стал рассеянным.

— Да! — простонал Штефан, оторвав левую руку от горла несчастной и пытаясь расстегнуть трясущимися пальцами ширинку. — Да! Шлюшка, я тебя кончу! Кончу! Так! Так... да!

И вдруг что-то изменилось. Полузадышенная девушка посмотрила на палача Пушкинской. В глазах у нее была ясность и холодная ярость.

— Ты ненастоящий, без изнанки, — сказала она ужасающе спокойным, режущим нервы голосом. — Ты — резиновая кукла, маска. Вот кто ты!

Штефан оторопел. Только что под ним лежала слабая, умирающая девчонка, беспомощная жертва, которую можно было безнаказанно терзать, и тут — такое преображение! Лицо ее словно излучало нечто демоническое, сулящее возмездие за все черные дела. Палач Пушкинской оторопело поднял руки. Внезапно над станцией разнесся детский плач.

Встрепенувшись, Штефан поднял голову и увидел трехлетнего ребенка, того самого, которого он так сладостно мучил на Красной Линии. Малыш был опутан колючей проволокой, побуревшее лицо покрывали глубокие шрамы, а под большими глазами зияли устрашающей чернотой набухшие синяки.

— Дядя, — сказал мальчик, — это ты меня убил, дядя.

Из глотки палача вырвался отчаянный вскрик, полный непередаваемого ужаса. Он попытался закрыть лицо ладонями, но руки его не слушались.

— И меня, — послышался замогильный шепот, — и меня ты тоже убил...

Штефан увидел, как на него надвигается женщина. Голова ее неестественно склонилась набок, а из разрезанного от уха до уха горла пульсирующими толчками выплескивалась темная вязкая жидкость. И такая же черная кровь струилась из-под разорванного платья по изрезанным, покрытым синяками стройным ногам.

— И меня...

Следом за женщиной, рывками передвигая одеревенелые ноги, шел мужчина. Лицо его, обезображенное огромными гематомами, было бесформенным, левый глаз заплыл, а правый светился лютой ненавистью. Вся верхняя часть рубахи покойника побагровела от крови.

Штефан истошно заверещал. Как загнанное в ловушку раненое животное, как свинья под ножом мясника, как десятки жертв на его допросах. Бездонный, всепоглощающий ужас накрыл палача с головой. Возможно, он, утонувший в бездне кошмаров, еще долго бы орал, если бы не отрезвляющий голос девушки, все еще лежащей под ним.

— Когда в Десяти Деревнях была революция, таким, как ты, отрезали яйца, — сказала она, и в руке у нее появился нож. — Без суда и следствия.

Она ловко выскользнула из-под ног окаменевшего Штефана, поднялась в полный рост. Палач попытался выхватить пистолет, чтобы пристрелить эту гадкую сучку, но тело отказалось ему. От так и стоял, беспомощный и жалкий, на коленях, не в силах ничего предпринять.

Между тем бывшая жертва вплотную приблизилась к нему. Клинок ослепительно и зловеще сверкнул в лучах ламп дневного света. Штефан широко открытыми глазами посмотрел на нож, на пятке которого были выгравированы звездно-полосатый флагжок и надпись «Му ОС», и замычал, ибо язык его онемел.

«Полянка! Это все проклятая Полянка!» — в отчаянии подумал он, тщетно пытаясь пошевелить хотя бы мизинцем.

Девушка, слегка наклонившись, прицелилась в пах палачу, несла удар и, выпустив рукоять, отскочила в сторону. Острая боль прожгла низ живота Штефана. Пронзительно завизжав, он согнулся и повалился на пол. Лампы дневного света внезапно стали гаснуть, мир вокруг начал темнеть, снова превращаясь в заброшенную, грязную станцию. Палач Пушкинской, скрюченный и хрипящий, лежал на замусоренном ледяном полу. На мгновение пароксизм нестерпимой боли отступил, и он увидел внутренним взором светлое лицо седобородого пожилого мужчины.

— Я вот что думаю, Аве, — сказал фантом, — ОС можно перевести еще как oxygen cutting, что означает «кислородная резка». Му ОС — моя кислородная резка. Этот нож режет не хуже сварки.

В ответ послышался заливистый женский смех, который почему-то напомнил о Еве, сестре гауляйтера Вольфа. В следующий миг странное видение исчезло, и новый приступ острой боли заставил Штефана Поппеля забыть обо всем на свете. Истекая кровью, он взвыл, схватившись голыми руками за клинок, застрявший в лобковой кости, а перед глазами умирающего палача в бешеном танце замелькали лица тех, кого он замучил, работая в Рейхе мастером заплечных дел.

Скорее инстинктивно, нежели осознанно, штурмбаннфюрер выхватил пистолет. Но Феликс оказался быстрее. Резко уходя вправо, он выстрелил из своего «стечкина». Пуля острым раскаленным жалом впилась в грудь Брута. Дернувшись, он все же успел нажать на спуск, но промахнулся. Второй выстрел раздробил штурмбаннфюреру локтевой сустав, и он выронил оружие.

— Вот и все, — беззлобно произнес Фольгер, подходя к поверженному врагу.

— Тебе... повезло... — вымолвил через силу Брут.

— Я в этом не уверен, — ответил Фольгер, поднимая с пола пистолет Ярыгина. — Я его заберу, он тебе все равно уже не пригодится.

Штурмбаннфюрер ничего не ответил; голова его безвольно упала на пол. Феликс ушел, загадочный световой круг, в середине которого лежал смертельно раненый диггер-наци, погас. Брут Арглиствман, он же Боря Холмских, был недвижим. Жуткий холод пополз по его немеющим конечностям, но штурмбаннфюрер не испытывал страха. Со свистом вдыхая и выдыхая воздух, погружаясь во тьму, он все же надеялся, что попадет в чертоги Вальхаллы, а не в ледяные бездны подземного Хельхейма.

Ганс Брехер успел перезарядить свой АКСУ. Он даже сумел перернуть затвор, прежде чем молниеносная тень, оказавшись около него, превратилась в высокого, крепкого мужчину, — того

самого, который вместе с Феликсом Фольгером и белесой девчонкой, наплевав на Ганзейские игры, покинул Добрынинскую под молчаливое негодование болельщиков.

Парень уже готов был выстрелить, но мужчина, схватив автомат за цевье, с такой силой рванул оружие, что у Ганса не осталось никаких шансов удержать его в руках. АКСУ, описав дугу, исчез во тьме и где-то гулко упал. Ганс вытащил пистолет, но быстрый незнакомец перехватил его кисть и сжал. Затрещали кости. Ганс закричал от боли, выронив пистолет и фонарик, который все это время держал во рту. Другая рука силача стальными тисками обхватила его горло и с поразительной легкостью приподняла парня над землей. Ганс захрипел, предчувствуя неминуемую гибель.

— Как я уже сказал, ты бедный, запутавшийся сопляк, — тихо, но отчетливо заговорил мужчина.

Ганс, задыхаясь, засучил ногами, вцепился свободной рукой в могучую кисть силача, несколько раз безуспешно дернул ее.

— Я вижу, я многое вижу, — продолжил незнакомец, — и я знаю, что из тебя мог бы получиться неплохой человек. Я могу дать тебе шанс, дать новое имя, и ты пойдешь со мной. Как это сделала когда-то моя жена Ленора. Ты согласен?

В глазах у Ганса рябило, а в ушах стоял звон. Но он уяснил, чего от него хотел силач, и кивнул. Вернее, попытался кивнуть, конвульсивно мотнув головой. Мужчина его понял и разжал руку. Парень рухнул на пол, больно ударившись локтем.

— Меня зовут Кухулин, — представился незнакомец.

Судорожно глотая воздух, Ганс долго не отвечал. Мужчина, возвышаясь могучим колоссом над полузадушенным парнем, терпеливо ждал. Наконец, когда тот более-менее пришел в себя, силач сказал:

— Возможно, скоро я покину Москву, возможно — нет. Я пока не знаю. Но в любом случае ты можешь идти за мной.

Ганс приподнялся, бросил взгляд на лежащий невдалеке рядом с фонариком пистолет, но даже не подумал дотянуться до него.

— Я никуда с тобой не пойду, — просипел парень сквозь режущую боль в горле. — У меня нет выхода. Я убил лучшего друга, мне нет пути назад.

- Выход есть всегда, — спокойно произнес Кухулин.
- Там, в Рейхе, Оля, то есть Хельга. Я не брошу ее. Она пропадет без меня. Я убил ради нее.
- То есть ты готов расправляться даже с самыми близкими, пожертвовать интересами многих ради... — силач замолчал, непроизнесенное слово застряло у него в глотке.
- Просто убей меня, убей, и все, — отстраненно сказал Ганс.
- Я вас никогда не пойму, люди. — Кухулин, пристально глядываясь в лицо собеседника, присел на корточки. — Вы — эгоисты, ради своих мелких интересов, глупых желаний вы готовы пустить под откос весь мир. Поэтому и живете в аду. Или даже ниже ада, в бездонном тартаре. Ты знаешь, что такое тартар?
- Убей меня, — упрямо настаивал на своем Ганс. — Я никуда не пойду.
- Ты сам себя убьешь, — констатировал Кухулин. — Ты будешь медленно умирать, мечась между чувствами и обстоятельствами. Ты будешь оправдывать себя: «Да, я совершаю подлость, но делаю это ради любви, ради нее». А потом неожиданно окажется, что того, кто любил ее, уже давно нет. Ты постепенно потеряешь вкус к жизни и в конце концов погубишь и себя, и свою возлюбленную. Вот и вся твоя любовь.
- Убей меня! — заорал Ганс, не обращая внимания на боль в горле. — Убей меня!
- Нет! — отрезал Кухулин, резко поднялся и бесшумно исчез во тьме.

Станция-призрак опустела. На поле битвы остались два трупа и парень с разбитой душой. Одинокий, в холодной и пустой черноте, Ганс Брехер, звавшийся когда-то Ваней Колосковым, разрыдался.

Глава 3

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Фольгер, Ленора и Кухулин встретились перед перегоном, ведущим на станцию Боровицкая, в Полис. Случилось это как-то неожиданно. Каждый из них был в своем пласте реальности, с кем-то общался, с кем-то сражался, не замечая, что рядом, быть может, всего лишь в нескольких метрах, с товарищем происходит то же самое: он с кем-то разговаривает, с кем-то борется, видит что-то свое. И вот Полянка их отпустила, и пути вновь сошлись; сознания двух людей и одного суператора влились в сумрачную матрицу единого восприятия метрошной действительности. Ленора оставила на станции подаренный Феликсом нож фирмы «Камиллус» с непонятной надписью на пятке, зато нашла новенький противогаз. Фольгер приобрел пистолет Ярыгина, а Кухулин остался при своих, — только лицо его стало отчего-то еще более угрюмым и задумчивым, нежели раньше.

— Я выполню свою часть уговора, — сказал Феликс, высыпая в рот остатки психостимулятора из пробирки — Покажу вам звезды Кремля, пускай даже ценой своей жизни, — она мне все равно не нужна. В любом случае это мой последний поход на поверхность.

Никто ему не возразил.

Троица брела по туннелю молча. Они потеряли всякую осторожность, и даже когда мимо них прошли с громоздкими тюками караванщики, ни Феликс, ни Кухулин, ни Ленора даже не взглянули на вооруженных здоровенных мужиков. Вязкая печаль струилась в их душах. Фольгер мечтал вернуться на Полянку к своей возлюбленной. Кухулин хотел, наконец, прикоснуться к великой тайне, чтобы окончательно выбрать: оставаться ему в Москве и начинать смуту или покинуть навсегда мегаполис. А Ленора не знала, что ей дальше делать; она была в смятении.

Начальник погранпоста с татуировкой в виде двуглавого орла на виске без малейшего интереса взглянул на протянутые ему паспорта, вяло осмотрел путников и сказал:

- Вас ожидают.
- Нас? — удивился Фольгер. — Кто?

Пограничник не удостоил вопрос ответом, поманил ладонью путников и зашагал к станции. Троица последовала за ним.

Боровицкая была ослепительна. Яркий, непривычный после полутемных станций и мрачных туннелей свет давил. Зажмурившись, ожидая, пока глаза привыкнут, Фольгер тихо произнес:

— Никогда не понимал, к чему такие неуемные траты электроэнергии...

— Полис — светоч метрополитена, и теней здесь не должно быть совсем, — сказал появившийся словно из ниоткуда мужчина в балахонистом одеянии.

Это был один из тех троих, кто помог Феликсу, Кухулину и Леноре справиться с глаберами во время Игр. В лице его, худом и остроскулом, читалась легкая надменность, а цепкий острый взгляд серых глаз заставлял испытывать дискомфорт.

— Я — Спица, — представился мужчина, поправив кукри, висящий на офицерском ремне. — Иногда меня называют агентом Спицей, но это не совсем правильно.

Фольгеру вдруг пришла мысль, что Полис на самом деле не светоч, а вампир метрополитена, вурдалак, высасывающий электроэнергию из соседних станций. И нестерпимо яркое освещение здесь возможно только потому, что оно вообще отсутствует, например, на Павелецкой радиальной или Полянке. Для того чтобы

одни купались в свете, другие должны тонуть во тьме. И делиться богатые с нищими не будут: ни электричеством, ни едой, ни знаниями, ни гуманизмом. Однако Феликс решил не озвучивать свою мысль.

— Мило, — сказал он, — у браминов, оказывается, тоже есть свой спецназ.

— Я не из спецназа, я самый обычный книжник, который служит Полису и своему господину. Возьмите, у нас слишком ярко, — Спица жестом отпустил начальника погранпоста, достал из кармана трое солнцезащитных очков и протянул их Феликсу и его спутникам.

— Сами-то почему не носите? — спросил Фольгер.

— Свет истины не слепит дважды рожденного, — с достоинством ответил брамин.

Криво усмехнувшись, Феликс надел очки. Немного поколебавшись, Ленора последовала его примеру. Кухулин отказался, вернув очки Спице.

— Мы ждали вас, — сказал брамин, с почтением посмотрев на Кухулина, — и знали, что рано или поздно Судьба приведет вас в Полис.

— Интересно, откуда такие сведения? — спросил Фольгер.

— Долго объяснять. Скажем так: Полис — это средоточие остатков великих знаний человечества, это единственный источник света в темном мире невежества, — ответил Спица, не глядя на Феликса. — И любой избранный так или иначе, осознанно или неосознанно стремится сюда. Была такая поговорка: все дороги ведут в Рим. Теперь же ее можно перефразировать: все туннели ведут в Полис.

— Вы считаете меня избранным... — Кухулин произнес это нейтральным тоном, и неясно было, спрашивает он или утверждает.

Брамин хитро улыбнулся:

— Следуйте за мной, и вам все станет понятно.

У Фольгера сложилось впечатление, что для Спицы он и Ленора — не живые люди, а лишь функции, дополнения, которые обеспечили Кухулину возможность попасть в Полис, и теперь надобность в них в общем-то отпала. Они сделали все для того, чтобы

события шли по нужному сценарию, и сейчас отходят на второй план. Впрочем, очень скоро Феликс убедился, что ошибается.

Пройдя по переходам и лестницам, они оказались на станции Библиотека имени Ленина. Желто-мраморная, накрытая одним-единственным монолитным сводом, вытянутым в поражающую воображение длину, она мало чем уступала по освещенности Боровицкой. Однако людей тут было заметно меньше. Возможно, оттого, что станция находилась слишком близко к поверхности, и радиоактивный фон здесь несколько превышал допустимую норму. Но, судя по всему, местных жителей эта проблема мало волновала. Они отличались и от сытых, самодовольных ганзейцев, и от изможденных обитателей Павелецкой радиальной, и от агрессивно настроенных приверженцев дела расы и партии. Казалось, каждый гражданин Полиса знает свое место в жизни, и это придавало их лицам почти неуловимую уверенность, не свойственную большинству выживших. Впрочем, так оно и было. Вступая в одну из четырех каст, ты уже знал наперед свои права и обязанности: что должен делать, что — не должен и как вообще будет протекать твоя жизнь.

— Чувствуйте себя как дома, — сказал агент Спица, обращаясь к Леноре и Фольгеру, затем повернулся к Кухулину: — А вас, поченный, ожидают. Прошу за мной.

— Я скоро вернусь, — Кухулин посмотрел сперва на Фольгера, затем на Ленору.

Девушка отвела взгляд.

— Ну что будем делать? — спросил Феликс у Леноры, когда Кухулин и Спица ушли.

Девушка, пожав плечами, застенчиво улыбнулась. В солнце-защитных очках она выглядела более взрослой. Удивительно, как меняет человека такая мелочь: укрытый за темным стеклом взгляд. Будто обретаешь уверенность и силу, преимущество над окружающими. Ведь ты видишь глаза других, а твоих — не видно. Фольгер подумал, что большинство обитателей Полиса носят очки не из-за яркого света, а из-за незыблевой уверенности в превосходстве над остальными жителями метро. От микрогосударства, расположенного в центре Москвы и состоящего из

четырех станций, веяло снобизмом и высокомерием. Полис взирал на другие фракции надменно, сквозь затемненные очки тайных и явных знаний книжников и бывших вояк генштаба, перевоплотившихся за двадцать лет хаоса и разложения в браминов и кшатриев.

Феликс хотел уже рассказать о своих мыслях Леноре, но вдруг заиграла музыка. Возле лестницы в центре зала стоял молодой человек, выводящий на флейте удивительно красивую мелодию. Музыкант был хорош собой и необычайно строен, даже хрупок. Нестриженные волосы и темные очки придавали ему особую харизму, неуловимое очарование, которое влекло к себе уставших от однообразия быта зрителей. Ленора, глядя на симпатичного неизвестного, открыла рот от удивления.

«Никогда раньше не слышала звуков флейты», — предположил Фольгер.

Молодой человек улыбнулся девушке, и та улыбнулась ему в ответ. Это не понравилось Феликсу. Если бы его спросили, как он относится к Леноре, вряд ли он смог бы вразумительно ответить. Нет, Фольгер не испытывал к ней влечения как к женщине, но после гибели Евы, после того, как он разоткровенничался о битве десятилетней давности с зомби, он невольно начинал ощущать себя то ли старшим братом, то ли отцом, который должен опекать девушку в отсутствие Кухулина.

Последнего рядом не было. Зато был какой-то смазливый хмырь, играющий на большой дудке и нагло кидающий откровенные улыбки.

— Препарат нужен? — вкрадчивый голосок вывел Феликса из задумчивости.

Перед ним стоял щуплый мужчина довольно-таки интеллигентного вида, одетый в толстый коричневый свитер и в столь же толстые брюки. Фольгер узнал его. Это был торговец майком. В Полисе, несмотря на запрет, нелегальная торговля психостимулятором процветала, и местные власти отчего-то смотрели сквозь пальцы на это вопиющее безобразие. Не иначе как были в доле, а может, сами и санкционировали. Феликс вспомнил, что его порошок закончился, и если не принять новую дозу, то грозный при-

ступ может нагрянуть уже через два-три часа. Все-таки во время Игр ему пришлось слишком часто принимать наркотик.

Фольгер осмотрелся. Вокруг музыканта собралась небольшая толпа, кое-кто даже подбрасывал патроны в лежащий у ног флейтиста потертый футляр. Ленора была увлечена чарующей мелодией. Вроде на торговца и потенциального клиента никто не обращал внимания.

Феликс почти незаметно кивнул и вслед за интеллигентным барыгой спрыгнул с платформы, зашел под лестницу.

— Сколько? — спросил он.

— Двадцать, — ответил торговец.

— Подешевел? — удивился Фольгер.

Барыга неопределенно пожал плечами. Феликс решил, что расплачиваться патронами не стоит, и вытащил из кармана рюкзака трофеинный пистолет Ярыгина, принадлежавший когда-то штурмбаннфюреру Бруту.

— Могу две дать, — сказал торговец, осмотрев оценивающим взглядом оружие.

— Хватит одной, — невесело произнес Фольгер, — все равно я отправляюсь в свой последний поход.

Интеллигентный барыга вновь неопределенно пожал плечами; в руках у него появилась стеклянная пробирка, до основания набитая порошком. Феликс, отдав пистолет, быстро спрятал психостимулятор в карман летной куртки.

Поднявшись на платформу, он выщепил взглядом Ленору. Людей заметно прибавилось. Все они окружили музыканта, слушая чарующую мелодию. Феликсу она показалась знакомой.

«Кенни Джи, что ли?» — подумал он и направился к девушке.

В этот момент дорогу ему преградили два здоровенных бугая в зеленых фуражках, а сзади кто-то положил Фольгеру на плечо могучую лапу.

— Уважаемый, — пробасил один из громил, — вы арестованы. За покупку запрещенного на территории Полиса наркотического препарата.

Феликс посмотрел сперва на одного стражи порядка, затем на другого и, вежливо улыбнувшись, прошептал про себя: «Подстава».

В тесном коридорчике перед неширокой стальной дверью Кухулин увидел тумбочку с телефоном и бритого наголо послушника, одетого в такой же балахонистый костюм, как и агент Спица. Молодой парень с татуировкой в виде раскрытой книги на виске стоял навытяжку. Кухулин уже сообразил, что наколки в Полисе являются иерархическим маркером: двуглавый орел — символ кшатриев, раскрытая книга — соответственно, браминов. Интересно, каков баланс сил между двумя этими правящими кастами?

— Сообщи дваждырожденному, что избранный стоит у его порога, — торжественно, с режущим слух пафосом произнес Спица.

Послушник молча поклонился и исчез за дверью. Спустя полминуты он вновь появился в коридорчике и, все так же не говоря ни слова, сделал пригласительный жест. Кухулин вопросительно посмотрел на своего проводника. Агент Спица, еле заметно поклонившись, сказал:

— Идите, этот разговор не для моих ушей.

В маленькой, ярко освещенной комнатке, опершись локтем на изящный столик, на стуле с мощными ножками сидел одетый в серый халат немолодой мужчина, лысый, с седой бородкой. Неприятно острый взгляд его устремился на вошедшего, губы вытянулись в бесцветной улыбке.

— Приветствую вас, почтенный Кухулин, — вымолвил он, указывая на стул, стоящий у стены, — я нескованно рад нашей встрече. Наконец-то сбывается то, что было предрешено Судьбой.

Суператор поначалу хотел усомниться в том, что предопределение существует, но затем отказался от этой затеи. Невозможно вот так, с наскока хоть в чем-то переубедить человека, верующего в свою и чужую исключительность.

— С кем имею честь разговаривать? — спросил Кухулин, присаживаясь.

— Называйте меня Верховный Хранитель, — мужчина неспешно погладил бородку.

— Почему вы решили, что я избранный? — задал следующий вопрос суператор.

Сощурившись, брамин улыбнулся мудрой, всезнающей улыбкой и сказал:

— У нас есть предсказание, что избранный явится в самую долгую и темную ночь, когда силы мрака будут иметь наибольшее влияние. Он придет, и тьма начнет отступать. Долгая и темная ночь — это, безусловно, безлунная ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря. Все совпало. Вы со своей спутницей проникли в метро двадцать первого декабря в новолуние.

— Проникли в метро... — Кухулин вопрошающе посмотрел на собеседника.

— Только не пытайтесь отрицать, — Верховный Хранитель усмехнулся в бородку. — Вы пришлый, не от нашего мира, не от мира подземки. Наверху вам комфортней, вы там без противогаза разговариваете.

Суператор не стал спорить, догадавшись, что утверждение брамина — установленный факт. Возможно, за ним и Ленорой вели наблюдение уже на поверхности Москвы, возле Павелецкого вокзала.

— Вы правы, — сказал Кухулин после непродолжительного молчания, — я пришел издалека. И однажды меня уже принимали за избранного, святого, который явился избавить народ от тиранического притеснения. Это место называлось Десять Деревень. Я принял на себя миссию освободителя, но до сих пор не уверен, что поступил правильно. Я возглавил восстание и сверг угнетателя, но, покидая Десять Деревень, я знал, что мир, согласие и справедливость воцарились там ненадолго.

— От вас вовсе не требуется устраивать революции, — Верховный Хранитель любовно осмотрел колесо, висящее на стене. — Полис способен возглавить метро без кровавых битв. Вы нам поможете по-другому.

— Как?

— Мы руководствуемся предначертаниями, — брамин перевел взгляд на Кухулина. — В отличие от всех остальных мы верим в предопределение. Одно из важнейших предсказаний говорит о том, что однажды явится избранный. Он сумеет добыть книгу, в которой записано будущее. Кто будет владеть книгой, будет вла-

деть миром. Страницы ее аспидно-черные, а буквы вытиснены золотом. Находится она в Библиотеке, в Большом Книгохранилище.

— Вы полагаете, что такая книга есть на самом деле?..

— Раньше существовало три фолианта, — Верховный Хранитель говорил ровным голосом, словно не слыша возражений собеседника, — в них хранилась информация о Прошлом, Настоящем и Будущем. Первые две книги сгинули безвозвратно, третья хранится где-то среди груды макулатуры. Вы поможете нам отыскать этот прекрасный цветок в безбрежном море сорняков.

— Книги очень часто создавались для того, чтобы оболгать прошлое и извратить восприятие настоящего, так с чего вы взяли, что они могут предсказать будущее? — Кухулин пронзил брамина острым взглядом так, что тот непроизвольно сжал кулаки, и спросил: — Что будет, если я скажу «нет»?

Перед испуганным взором Леноры предстал здоровенный малый с лицом, будто вырубленным из камня.

— Пройдемте с нами, уважаемая, — пробасил он, — вы подозреваетесь в хранении наркотических препаратов, запрещенных на территории Полиса.

— Я таким не занимаюсь, — девушка инстинктивно подалась назад и наткнулась спиной на чью-то жесткую грудь.

— А это что, по-вашему? — громаднаяолосатая ручища залезла в карман брюк и небрежно вырвала из него закупоренную пробирку с порошком.

— Это не мое, — искренне удивилась Ленора.

Красавец-музыкант, резко оборвав мелодию, оторвал флейту от губ и закричал:

— Оставьте ее! Я видел, вы подбросили!

Люди, стоящие вокруг, недоуменно зашептались. Ленора во-прошающее взглянула на разоруженного стражами порядка Фольгера. Тот еле заметно повертел головой из стороны в сторону — мол, не сопротивляйся.

— Вы нарушаете права! — вновь закричал музыкант. — Ведь это Полис! В Полисе все по закону!

— Граждане, — обратился к толпе неизвестно откуда взявшийся невысокий мужчина в сером френче, с коротко постриженной бородкой рыжего цвета, — здесь только что произошло задержание опасных преступников. Просим прощения за вынужденное беспокойство. Вы можете и дальше заниматься своими делами и чувствовать себя в полной безопасности.

— Никуда не расходитесь! — не унимался флейтист. — Это провокация!

На мгновение у Фольгера возникла надежда, что сознательные люди помешают беспределу, однако секунду спустя он отмел эту мысль как совершенно бредовую. Кто здесь толпился? Шудры, являющиеся низшим сословием, да пришлые с других станций зева-ки. Полис законопослушен, граждане не усомнятся в словах своих книжных и военных фарисеев. Яркий свет и отсутствие теней на станции намекали на незыблемость истины. Брамины и кшатрии не могут ошибаться.

Отобрав оружие у Феликса и Леноры, стражники повели их по лестнице и далее по межстанционному переходу. Музыкант увязался следом за процессией, периодически выкрикивая что-то вроде: «Я буду свидетельствовать, они невиновны, а вы творите произвол!» До поры до времени на него не обращали внимания, но потом, когда арестованных заводили в комнатку, один из стражников преградил искателю правды дорогу.

Мужчина с рыжей бородкой (Феликс окрестил его про себя «следователем») уселся за стол, окинул быстрым изучающим взглядом задержанных и сказал:

— Девушку уведите в другое место и проследите, чтобы этот чертов флейтист не увязался за ней. А нас оставьте вдвоем.

Первым импульсом Фольгера было помешать охранникам, однако благоразумие одержало верх, и он сел на стул напротив следователя. Феликс понимал, что задержали их не просто так. Запрет на маёк в Полисе являлся чистой формальностью, за это пришлых не карали, только своих. Значит, тут замешано нечто другое.

— Господин Фольгер, — неторопливо произнес следователь, когда они остались наедине, — вы понимаете всю серьезность обвинений, предъявленных вам?

— Так я арестован или нет? — Феликс, гадая, кто перед ним, кшатрий или брамин, пытался разглядеть татуировку на виске собеседника, но она была скрыта под густыми волосами.

— Давайте не будем заострять внимание на процессуальных тонкостях, а просто условимся на том, что у вас большие неприятности, — на лице следователя появилась гаденькая улыбочка.

— А давайте вы просто, прямо и открыто скажете, что вам от нас надо, — Фольгер улыбнулся, но, как обычно, не гаденько, а вежливо.

Следователь мгновенно посерезнел, глаза его скосились в сторону. В таком состоянии он застыл на несколько секунд, а затем вновь посмотрел на Феликса и сказал:

— Что ж, будем играть в открытую. Вы, вернее, ваша подруга — подстраховка.

— Подстраховка?

— Да, именно так. Сейчас Верховный Хранитель Книг делает предложение вашему Кухулину, от которого тот не может отказаться. Но если ваш друг заупрямится, то, сами понимаете... — рыжебородый пожал плечами.

— Понимаю, — сказал Фольгер, — вы взяли заложницу.

— Нет, — возразил следователь, — мы взяли ее и вас с поличным и можем закрыть на это глаза в случае плодотворного сотрудничества с властями Полиса.

Феликс понял, что спорить бессмысленно, и вновь спросил:

— Что вы от нас хотите?

— Знаете... — рыжебородый посмотрел вверх, лицо его окаменело на пару мгновений, а затем он продолжил: — Мне не очень нравятся нелепые игры браминов, но я выполняю свой долг. В конце концов, без солидарности правящих классов мы погрузимся в хаос.

«Значит, ты — кшатрий», — решил про себя Фольгер, а вслух произнес:

— Мы и так в хаосе.

— У браминов есть такое предание, будто в Библиотеке, что над нами, существует некий экземпляр нетлеющей книги, в которой записано будущее мира. От вас требуется разыскать его.

— Чушь, — Фольгер развел руками, — я слышал эти глупые байки. Сколько сталкеров отправилось на поиски несуществующего фолианта? Сколько из них погибло в схватке с мутантами, проживающими в Библиотеке?

— Вы правы, — невозмутимо согласился следователь, — но мы помогаем браминам, а брамины помогают нам. Такова логика симбиоза. И далеко не всегда этот симбиоз имеет рациональные основы.

— Вы пошлете Кухулина на верную гибель, — медленно и четко проговорил Феликс.

— Не только его, но и вас, — заметил без всякого сарказма рыжебородый. — А девушка останется здесь. Мы не можем отправить столь юное создание на смерть, ведь Полис — светоч не только знаний, но и гуманности.

— А если мы задумаем уйти по поверхности, не выполнив миссии, — Фольгер горько усмехнулся, — с юным созданием может случиться несчастный случай. Ведь так?

— Не все так плохо. Я вам вот что скажу... — пожав плечами, следователь замер, устремив взор в стену, и как бы нехотя произнес: — У вас есть небольшой шанс.

— Шанс? — Феликс привстал со стула, весь обратившись во внимание.

— Да, шанс. Вы знаете, что такое Суд Толкований?

— Впервые слышу.

— Неудивительно, — следователь вытащил из-под стола пропбирку с майком и протянул ее Фольгеру. — Об этом в метро практически никто не знает. За все время существования Полиса таких Судов было четыре или пять, может, шесть. Брамины хранят свои тайны. Сейчас я введу вас в суть дела.

Феликс удивился и, немного поколебавшись, принял из рук рыжебородого наркотик. Дело принимало любопытный оборот. Видимо, между браминами и кшатриями существовал не только симбиоз, но и конкуренция.

Кухулин пронзил брамина острым взглядом так, что тот непривычно сжал кулаки, и спросил:

— Что будет, если я скажу «нет»?

Верховный Хранитель, не поменявшихся в лице, сцепил руки в замок, и, положив их на живот, произнес:

— От Судьбы не уйдешь, а тех, кто не желает исполнять ее указания, Рок тянет за шиворот к неотвратимому. Вы не можете ответить «нет», а если так скажете, Судьба покарает вас.

— Каким же образом, интересно?

— Прямо сейчас на территории Полиса совершается преступление. Ваши друзья уличены в торговле наркотиками. Мы — государство, что славит торжество разума, а наркотики туманят разум, и, значит, они запрещены.

Кухулин мгновенно сообразил, к чему клонит лукавый брамин. Наступила тягучая пауза. Наконец, суператор нарушил гнетущее молчание:

— Вы не боитесь, что я сверну вам шею?

Вопрос прозвучал тихо, но оглушительно. Верховный Хранитель даже не шелохнулся, однако костяшки пальцев на его руках побелели. Спустя мгновение голос его зазвучал спокойно и ровно:

— Вы можете отказаться от своего избранничества, можете убить меня, но за это Рок ниспошлет вам наказание. Вы не выберетесь отсюда живым, сами погибнете и навлечете гибель на ваших соратников. И не моя вина будет в том, ибо я действую по велению Судьбы, ибо я хочу блага для родного Полиса и всего метро, ибо я хочу спасти этот мир, повернуть волею Рока Колесо Времени, — брамин мотнул головой в сторону калачакры, висящей на стене. — Сделать так, чтобы человечество вновь пришло к процветанию. Вы невероятно сильны, вы можете жить без противогаза на поверхности, вы особенный и потому обязаны найти книгу, где записано Будущее.

Кухулин осознал, что находится в проигрышной ситуации, и сейчас не время для угроз.

— Ладно, — сказал он, — но сначала я должен взглянуть на башенные звезды.

— Это безумство, — облегченно выдохнув, Верховный Хранитель расцепил пальцы. — Все, кто обращают свой взор на звезды, идут, загипнотизированные, в сторону Кремля и никогда уже не возвращаются.

— Я должен взглянуть на звезды, — упрямо повторил Кухулин. — Если вы считаете меня избранным, то со мной ничего не случится, я вернусь в Полис.

Собеседники встретились напряженными взглядами, затем брамин сказал:

— Хорошо, пусть исполнение вашего желания станет компромиссом. Но с вами пойдет наш человек.

— Что будет с моими товарищами?

— Фольгера можете взять с собой, а девушка останется в Полисе, — Верховный Хранитель развел руками. — Извините, ничего личного, только веление Судьбы.

* * *

Кухулина отвели в отдельную комнатку с деревянной кроватью без матраца, принесли недурную на вкус еду: свинину с какой-то растительной приправой. Ганзейские игры закончились, а вместе с ними — и самая длинная ночь в году, и теперь наверху немилосердное солнце поливало смертоносным светом безлюдный, переполненный мутантами мегаполис. В дневное время выходить на поверхность было чрезвычайно опасно, и до следующего заката делать было нечего. Что ж, с кремлевскими звездами в ближайшие полдня вряд ли что-то случится. Подождут. Да и собственные мысли нужно привести в порядок.

Кухулин лег на доски и задумался над тем, как произойдет эта встреча с неизвестным, губительным сиянием. Что он увидит за завесой, сотканной из пурпурных лучей? И увидит ли хоть что-нибудь? Во сне перед суператором часто представляли башни, с вершин которых его слепили и обездвиживали звезды. Или перед глазами маячила гигантская гардина, за которой скрывалась тайна, но Кухулин не мог пошевелить даже пальцем, не говоря о том, чтобы сорвать проклятую штору.

Если перед кремлевскими стенами люди входят в подобие транса, в измененное состояние сознания, а затем гипнотической силой затягиваются внутрь, то можно ли смоделировать нечто подобное без соприкосновения с неведомой жутью? Сон — тоже из-

мененное состояние сознания. Но это не то. А осознанное сновидение? Способно ли оно хоть чуть-чуть приблизить к тому, что происходит на поверхности в центре Москвы? Человека — вряд ли. А суператора?

«Хоть я и очень похож на людей, но все же другой, — подумал Кухулин. — Вероятно, я чем-то подобен тому, что сидит в Кремле, ведь я умею подчинять своей воле мутантов, как это нечто — людей. Вернее, я раньше покорял своей воле, а сейчас... не могу покорять... покорять...»

— Покорись и покори...

Леденящий шепот вывел суператора из задумчивости. Он стоял посреди широкой площади. Гнетущая тьма безлунной ночи давила нестерпимой тяжестью одиночества. Холодный ветер, обжигая щеки, навевал тоску. Кухулин поднял глаза и увидел башню, и сияющую на ней звезду, и распахнутые настежь ворота, закрытые матовой завесой.

— Покорись и покори... — тихий, вкрадчивый голос обволакивал, сковывал мышцы тела, обездвиживал, требовал безоговорочного послушания.

Нечто противное, склизкое, бездонно-черное вязкой вонючей жижой втекало в нос, в ушные раковины, в глаза, в полуоткрытый рот, жаждало заполнить собой нутро суператора, стать им самим. Кухулин задержал дыхание, пытаясь хотя бы так остановить наступление бесформенного и жуткого Нечто.

— Не противься... — послышался шепот, — впусти... будет легко... будет хорошо...

Матовая завеса озарила пурпурным сиянием. Суператор дернулся, но не смог пошевелить даже мизинцем. То, что скрывалось за гигантской шторой, парализовало его, превратило в беспомощную статую, в жалкий манекен. Кухулин напряг всю свою волю, но сдвинуться с места так и не смог.

— Впусти... впусти... впусти... или умри... — настойчиво шептал голос, — впусти или умри... впусти или умри... впусти или умри...

«Впустить или умереть... — тело Кухулина не слушалось, но мысли текли беспрепятственно, — такой вот выбор...»

Ветер усилился, завыл, и вслед за ним пурпурное сияние стало ярче, и голос из-за завесы повысился:

— Впусти или умри!

«Но ведь это не мой выбор, — вдруг сообразил суператор. — Не мой выбор, он навязывается мне. Я не покорюсь и не умру».

И тут же Кухулину пришла в голову еще одна нетривиальная мысль: преодолеть черную волю того, что спрятано за воротами, можно, но не усилием, а представлением. Все, что сейчас происходит, ему снится. Так почему бы не сделать сон осознанным? Если ты хочешь сделать шаг, не нужно тщетно напрягать мышцы, надо просто вообразить, что ты идешь. И никакие звезды, никакие стены, ворота и завесы не смогут тебя остановить.

Кухулин так и сделал, он представил, что двигается навстречу гигантской шторе, подсвеченной пурпуром.

— НЕТ!!! — взревело Нечто, и завеса, дико хлопая, заколыхалась на бешеном ветру.

Но яростный крик не смог остановить суператора. Он неуклонно приближался к воротам.

— НЕТ!!! — оглушительный вой разнесся над миром, над целой вселенной.

На миг Кухулина окутало сомнение, и чужая воля темными щупальцами вновь стиснула его мышцы. Но суператор представил себя смело шагающим навстречу опасности и некоторое время спустя оказался возле ворот. Он протянул руку к шторе. Завеса озарилась нестерпимо алым сиянием, пальцы обожгла боль. Кухулин сконцентрировался на том, что матовая ткань — холодная, а свет — тускл. Сразу же Нечто, скрывающееся за мгновенно остывшей завесой, начало угасать. Суператор рванул штору...

И увидел лицо Феликса Фольгера.

— Тебя хрен добудишься, — сказал угрюмый Феликс.

Кухулин поднялся с кровати, осмотрелся, вспомнил, где находится.

— Они Ленору в заложницы взяли, долбаные козлы! — Фольгер сжал кулаки.

— Я знаю, — спокойно произнес Кухулин.

— И что предлагаешь делать? Идти в Библиотеку?

— Я настоял на том, что сперва увижу звезды, а уж потом — будь, что будет.

— Эти чертовы книжники от тебя так просто не отстанут, — Феликс сел на кровать рядом с Кухулином, — но мне тут один тип из кшатриев подкинул интересную идеяку. Видимо, в Полисе не все так гладко, как кажется с первого взгляда, здесь ведется подковерная борьба.

— У тебя есть какие-то важные сведения? — Кухулин внимательно посмотрел на товарища.

— Да, — кивнул Фольгер. — Мне тут сообщили о такой любопытной штуке, как Суд Толкований.

— Что еще за суд?

— Я сейчас все тебе расскажу...

Глава 4

СЛЕПЯЩАЯ ПУСТОТА

Комната хорошо вентилировалась, но Леноре было душно. Ее посадили сюда без всяких объяснений. Впрочем, она и так прекрасно понимала, что превратилась в заложницу чужих игр. Девушка впервые за долгое время ощущала себя беспомощной и совершенно одинокой. Раньше у нее был Кух, потом она пыталась сблизиться, подружиться с Феликсом, а теперь — никого не осталось. Никого.

Ведь муж с легкостью пожертвует ею. Ради идеи, ради революции, ради чего угодно, что сочтет целесообразным. Кто она для него? Песчинка в людском море. Вот он выйдет на поверхность, увидит проклятые звезды, сверкающие ослепительным пурпуром, узнает нечто важное — и не вернется в Полис. Не вернется потому, что решит устроить революцию, как в Десяти Деревнях. А революция не смотрит на личность, она делается для общего блага. И даже если Кухулин не станет затевать смуты, согласится ли он быть рабом ненавистной системы, служить этим... книжникам и воякам? Нет, не согласится. Ленора, вспоминая, с каким хладнокровием он разговаривал с Феликсом, стоящим на коленях перед мертвой возлюбленной, убедилась в равнодушии и абсолютной бесчеловечности мужа.

Быть может, было бы лучше, если бы тогда, в Самарском мегрополитене, Кух убил ее. Погибла бы она пацанкой среди банды подростков, без надежды на будущее. Ведь лучше семени вовсе не прорости, чем подняться зеленым ростком и засохнуть, так и не распустившись в прекрасный цветок.

Лампочка несколько раз моргнула, и Ленора вжалась в стену, со страхом представив, что сейчас погаснет свет, и она окажется в кромешной тьме. Одна. В чужой комнатке. На чужой станции. В чужом подземелье. Может, даже... на чужой планете... в чужой вселенной...

Эта мысль ужаснула девушку, заставила вздрогнуть всем телом. Не зная, что ей делать, как спрятаться от невыносимого одиночества, она нашупала сумку, извлекла из нее новенький противогаз — единственное, что не забрали при обыске. Она нашла его на Полянке, и он показался ей спасением от гнетущего космического кошмара, нависшего над погибшим миром. Ленора, вытерев слезы, спешно натянула противогаз на лицо. И впервые в жизни почувствовала себя комфортно в резиновом наморднике.

* * *

— Готовы? — агент Спица испытующе посмотрел сначала на Кухулина, затем на Фольгера.

Оба кивнули.

— Запомните — как выйдем наверх, следуйте строго за мной, все мои команды выполнять безоговорочно! Пойдем в сторону Манежа. Совсем немного пройдем, и в проеме между зданиями можно будет увидеть башню со звездой. Ты, — законспирированный брамин ткнул пальцем в Феликса, — и я следим за избранным, чтобы вовремя удержать его, когда он рванет в сторону Кремля.

Кухулина слегка покоробило то, что Спица назвал его избранным, однако виду он не подал.

— А вам, почтенный, — брамин с подчеркнутым уважением обратился к суператору, — полагаю, хватит нескольких секунд. Потом мы выведем вас из забытья.

Спица, одетый, как обычно, в балахонистый костюм серо-бурового цвета, был вооружен не только кукри, висящим на офицерском ремне, но и АК-74 с подствольником. У Фольгера был пистолет Стечкина и нож, а у Кухулина автомат той же марки, что и у бравомина.

— Выдвигаемся, — скомандовал Спица, натягивая противогаз.

Фольгер последовал его примеру. Суператор не нуждался в средствах индивидуальной защиты, и потому, готовясь к выходу на поверхность, сосредоточенно потер нос и виски. Тяжелые удары сердца гулко отдавались в ушах. Он нервничал. Почти как обыкновенный человек.

Ночной воздух был морозен и свеж. Кухулин вдохнул его полной грудью. К нему вдруг пришло осознание, насколько люди несчастны. Двадцать долгих лет они прячутся под землей и не могут самого элементарного — дышать без противогазов. Спица с автоматом наизготовку тревожно озирался. Феликс включил фонарь.

Суператор повернул голову, посмотрел на здание — высокое, неуклюже угловатое, опирающееся на длинные колонны. Небо, еще светлое из-за недавно зашедшего солнца, оттеняло тяжеловесный портик, превращая Библиотеку в гигантского монстра, сгущающего зловещую тьму между негнущимися лапами-пилонами. С трудом оторвав взгляд от здания, Кухулин увидел памятник — сидящего бородатого мужчину.

— Достоевский, — глухо прохрипел сквозь противогаз Фольгер.

Суператору неожиданно вспомнились долгие ночи в бункере, проведенные за чтением. Братья Карамазовы, притча о Великом Инквизиторе и о Сыне Человеческом, который, несмотря на избранничество, был изгнан. Потому что справедливость разрушает любую власть. И разговор с Ленорой в доме недалеко от Павелецкого вокзала о путевых знаках тоже всплыл в памяти Кухулина. Вот, перед заветной целью он напоролся на памятник Достоевскому. Что бы это значило?

«Они не готовы, — подумал суператор, досадуя на себя из-за того, что в самый ответственный момент не может сконцентриро-

ваться как следует, — не готовы. Разобещены. Не видят суть. Не готовы!»

— Не везет так не везет! — прохрипел Спица, указывая в сторону Манежа.

Там, всего в сотне метров от брамина, возвышалась грузная фигура животного высотою в два человеческих роста. Зверь был покрыт панцирем из толстых, намертво спаянных друг с другом костных пластин, который заканчивался мощным хвостом с массивной шиповатой булавой на конце. Шея мутанта была закрыта костяным воротником, а на морде торчал огромный рог. И вся эта туша держалась на четырех могучих лапах.

— Цератопс, — выдохнул сквозь фильтр Феликс.

— Дедикур, — сказал Спица, — он не хищник, но подслеповат и очень агрессивен.

Фольгер, чтобы не привлечь внимания, погасил фонарь. Все трое пригнулись.

— Он спит, но сон у него очень чуткий, — продолжал громким шепотом Спица, — его хищники вообще не трогают. Не знаю почему. Может, из-за почти непробиваемой брони, может, отпугивающие ферменты вырабатывает. Он простоит здесь всю ночь. Придется обойти с другой стороны.

Троица уже двинулась было в противоположную от Манежа сторону, как вдруг брамин поднял руку и указал вперед. Кухулин присмотрелся и увидел еще одну гигантскую тушу. Еще один цератопс-дедикур перегородил улицу. Два человека и суператор оказались заперты с обеих сторон.

— Невероятное невезение, — послышался приглушенный противогазом голос Спицы. — Сегодня не судьба, придется возвращаться на станцию. Только зря время потеряем. Они будут спать здесь до утра.

Кухулин не поверил в случайность.

«Звезды, — подумал он, — звезды не хотят, чтобы я их увидел».

А если они не хотят, то каждую ночь случайности будут закономерно повторяться. Завтра какие-нибудь птеродактили, как только закатное солнце зайдет за горизонт, начнут неустанно патрулировать местность, послезавтра случится аномально густой

туман, потом — еще что-нибудь. Нет, эту проблему ожиданием решить невозможно.

Кухулин, выпрямившись во весь рост, вышел на середину улицы и твердо зашагал навстречу дедикуру, спящему возле здания Манежа.

— Нет, — прохрипел Спица, — назад! Это приказ!

Суператор, пропустив мимо ушей слова брамина, продолжал идти. Тогда Спица и Фольгер бесшумными тенями двинулись следом. Спор в такой ситуации делался бессмысленным, разбор полетов следовало оставить на потом. Наверное, все могло бы закончиться хорошо. Гигантский монстр так и не проснулся бы, если бы вдруг в ночи не раздался протяжный вой, полный боли и страдания. Кто издал его — осталось загадкой. Возможно, один зверь напал на другого. Так или иначе, дедикур, всхрапнув, поднял морду, огромный рог взвился на недосягаемую для человеческих рук высоту. Тварь плохо видела, но обоняние у нее было превосходным. Тяжелый хвост мутанта зашевелился. Острые тяжелые шипы с противным хрустом вспахали промерзший асфальт. Кухулин шел, не останавливаясь.

Тогда, видимо, понимая, что нападение монстра неизбежно, Спица выпалил по нему из подствольника. Граната не сработала — угодила дедикуру в костяной воротник и отпружинила в тьму.

Дико взревев, опустив голову, дедикур ринулся на обидчиков. Земля под его толстенными ногами гулко вздрагивала, многотонный живой танк слепо несся на трех смельчаков, казавшихся безумными лилипутами, обреченными на скорую гибель.

Спица молниеносно зарядил подствольник новой гранатой, нажал, почти не целясь, на спуск. Резкий щелчок — и снаряд полетел под ноги чудовищу. Взрыва не последовало. Снова не сработало! Опять случайность?

Слишком много их — случайностей — скопилось в узком пространственно-временном промежутке: два спящих дедикура, перегородивших с обеих сторон улицу, вой неизвестного мутанта, разбудивший гигантскую тварь, два подряд никуда не годных, выработавших свой ресурс выстрела. Нет, никакая это не случайность...

Фольгер и Спица бросились в разные стороны, а Кухулин даже и не подумал взяться за автомат: пули не причинили бы никакого вреда бронированному монстру. Он остановился и вытянул перед собой руку. Ведь раньше силой воли он подавлял психику любого мутанта. И только пересекая МКАД, суператор лишился дара. Но ведь до этого мог. Мог! Нужно просто почувствовать тварь, проникнуть внутрь ее головы и представить, что зверь остановился. Как в осознанном сновидении.

Кухулин сощурился, пальцы затряслись мелкой дрожью, он напряг воображение. Время остановилось, и секунды превратились в тысячелетия. Мир погрузился в глухую тишину. Вот перед внутренним взором предстал рогатый мутант. Он больше никуда не бежал, лишь, слабо покачивая головой, терся о ладонь суператора. Все очень просто. Стоит только представить, и тварь становится покорной...

«Покорись и покори...» — послышалось далекое нашептывание, а потом яростный рев и оглушительный топот вернули Кухулина в реальность. На него неумолимо надвигалась гигантская туша. Куски асфальта разлетались из-под ног дедикура, точно капли воды. Рог зверя был направлен прямо на жалкого двуногого, посмевшего потревожить его ночной покой. До столкновения оставалось всего-то несколько метров. В такой ситуации любой, даже самый многоопытный сталкер был обречен на гибель. Но Кухулин не был сталкером. Мышцы ног последнего из суператоров ценой неимоверного напряжения спасли его от неминуемой гибели. С феноменальной быстротой он рванул резко влево, и взбешенный мутант пронесся рядом, обдав Кухулина градом асфальтовых брызг. Инерция грузного тела была слишком велика, и чудище не могло сразу остановиться, однако, обиженно взревев, махнуло массивным хвостом. Суператор мгновенно среагировал и успел откатиться с того места, по которому скользнули шипы. Неуклюжему мутанту требовалась минимум минута, чтобы остановиться, развернуться и вновь броситься на противника. Однако второй дедикур, дремавший в противоположной от Манежа стороне, уже проснулся и, громыхая всеми четырьмя копытами, мчался на помочь собрату. Ку-

хулин вскочил на ноги и побежал. Фольгер и Спица, отделившись от стен, последовали за ним.

Через миг суператор выскочил на открытую местность и тут же боковым зрением уловил яркое, переливающееся всеми оттенками красного сияние. Правую щеку слегка покалывало, по спине побежали мурашки. В ушах грозно загудело, а внутренний голос требовал одного: бежать, не оборачиваясь, вернуться в метро и больше никогда не пытаться смотреть в сторону Кремля. Преодолевая сопротивление собственных мышц, Кухулин начал мучительно и очень медленно поворачиваться на свет. Сзади послышалась возня.

— Следи, чтоб его не затянуло! — раздался голос агента Спицы. — Я прикрою, как смогу! Двадцать секунд у нас, не больше...

Автоматная трель и грозный рык дедикура разорвали тишину.

— Быстрее, смотри быстрее! — задыхающийся голос Феликса заставил Кухулина ускориться и взглянуть на звезду. Алое сияние тут же поглотило суператора и начало быстро тухнуть, растворяя его в странной, бесформенной темной массе, которая была и снаружи, и внутри него, которая становилась им.

Кухулин почти провалился в забытье, но остатки разума, не успевшие еще утонуть в кипящей черноте, сумели сконцентрироваться, зацепиться вниманием за край бездны, засасывающей в вечный кошмарный сон.

«Сон... сон... сон... — замелькала слабо пульсирующая мысль, — что там было, во сне?.. было... было... было...»

Он вспомнил, как шел к мерцающей пурпуром завесе, закрывающей распахнутые настежь ворота, как схватился за штору, чтобы сдернуть ее и узреть Нечто, не желающее показывать свой лик. Его разбудили в самый ответственный момент. Но это было тогда. А сейчас можно вернуться в тот сон. Как только Кухулин осознал это, он оказался напротив завесы. Она билась на бешеном ветру. Ветер ревел грозное: «НЕТ!!!»

— Да! — сказал Кухулин и рванул на себя штору.

Завеса легко поддалась, бесшумно опала, и вместе с нею рассеялось видение. Кухулин завис в абсолютной темноте. Именно завис, потому что опоры под ним не было. Сверху, снизу, спереди и

сзади, с боков зияла бездна. Суператор не ощущал собственного тела, и только способность мыслить указывала на то, что он все еще существует. Кухулина со всех сторон, извне и изнутри, одолевал неописуемый ужас, тьма сжимала его в бесконечно малую точку. Он понял, что если страх победит его, то он не сумеет думать, а значит, исчезнет, погибнет.

Но что же делать? Как избавиться от этой вездесущей бездны?

«Убрать тьму! — пришел неожиданный ответ. — Творить реальность!»

Кухулин напряг память, чтобы вспомнить последний момент в своей жизни, чтобы вернуться обратно. Что там было? Ночь. Зима. Центр Москвы. Он стоит напротив кремлевских стен и смотрит на звезду на Троицкой башне, рядом его товарищи: Феликс Фольгер и законспирированный брамин Спица. Слева — Манеж, справа — другое четырехэтажное здание. И еще на них несутся два разъяренных мутанта с большими рогами на морде.

Да, именно так, на этом все закончилось. Кухулин представил себе картинку, и она стала проявляться сквозь бездну. Вскоре тьма рассеялась в сотворенной реальности, и резкие звуки восстановленной действительности накрыли Кухулина.

— Следи, чтобы его не затянуло! — закричал агент Спица, вскидывая автомат. — Я прикрою, как смогу! Двадцать секунд у нас, не больше...

Раздалась короткая очередь, а следом яростное рычание дедикура, мчащегося на всех парах.

— Быстрее, смотри быстрее! — задыхаясь, сквозь фильтр, проорал Феликс.

— Я уже посмотрел, — спокойно произнес Кухулин.

— И?.. — глаза Фольгера округлились и теперь размером практически не уступали окулярам противогаза. На секунду он забыл о надвигающейся опасности. — Ты... не зачаровался... что ты увидел?..

— Ничего. Слепящую пустоту, — Кухулин, мягко отодвинув Феликса, подошел к стреляющему из автомата Спице.

Суператор вдруг ощутил, что к нему вернулась внутренняя сила. Звезды больше не были властны над ним.

— Хватит, — произнес он командным тоном, произнес так спокойно и уверенно, что брамин тут же прекратил стрельбу и удивленно уставился на товарища.

Кухулин устремил взор на несущихся неистовым галопом дедикуров. Он поднял руку, сконцентрировался на монстрах, узрел гремучую смесь страха и ярости, клокочущих в гигантских животных. Страх преобладал.

Он безмолвно обратился к чудищам, но не мысленно, а эмоционально. Внушил им картинку спокойствия и безмятежности, показал, что странные двуногие существа, к тому же еще и плохо, не по-звериному пахнущие, не представляют для них никакой опасности, а являются безвредным дополнением к ландшафту, таким же, как городские здания.

Дедикуры замедлились, а затем, фыркая и громко сопя, и вовсе остановились.

— Они нас не тронут, — сказал Кухулин, — мы можем пройти мимо них и спуститься в метро.

— Вы действительно избранный, — пораженный Спица опустился на колени, — предсказание было верным, и вы поможете Полису объединить метро, возродить человечество.

— Нет, — Кухулин покачал головой. — Встань, и давайте спрячемся за домом, чтобы вы случайно не посмотрели на звезду.

Когда все трое оказались в тени здания, суператор заглянул сквозь стекла противогаза в глаза брамина и понял, насколько тот потрясен. Кухулину, не желавшему заниматься бессмысленными поисками мифического фолианта с черными страницами и золотыми буквами, пришло в голову, что Спица мог бы помочь ему в деле освобождения Леноры. И сейчас, когда брамин находился в полушоковом состоянии, просто превосходный момент для быстрой перевербовки.

— Быть может, я открою тебе жуткую тайну, но я не избранный, помочь Полису и местным остаткам человечества не смогу. При всем желании.

Фольгер опасливо покосился на громадную тушу дедикура, мирно посапывающего всего в десятке метров от сталкеров, затем перевел взгляд на второго монстра, стоящего чуть дальше.

— Не беспокойся, — сказал Кухулин, — они уже забыли о нас и надежно защищают от других мутантов.

— Но ведь у вас такие способности, почему же вы ничего не сможете сделать? — с отчаянием спросил Спица. Вся былая спесь брамина безвозвратно растворилась в зимней ночи.

— Давай перейдем на «ты», — предложил суператор, — за последние пять минут мы сильно сблизились.

— У тебя способности, почему ничего нельзя сделать? — переспросил брамин.

— А что я должен сделать, по-твоему? Распространить кастовый принцип на все метро? Так у вас здесь и так вопиющее неравенство, — Кухулин пожал плечами. — Что принципиально изменится, если Полис станет гегемоном?

— Будет порядок, каждый будет знать свое место и то, что он должен делать в случае опасности, — с жаром заговорил Спица. — Осознание этого сплотит людей, поможет противостоять агрессивной среде.

— Двадцать лет прошло, а вы как были разобщены, так и остались. Ты хочешь навести порядок? Можно, конечно, попробовать. Наши активные действия рано или поздно приведут к всеобщей войне. Население подземки за полгода сократится раза в два. При этом не факт, что мы победим. Даже с моими способностями.

— Может, будет не все так кроваво, — возразил Спица, — а если и будет так, как вы... как ты говоришь, что с того? Мы все равно погибаем, а так хоть у кого-то останется шанс выжить. Ведь в таких условиях разобщение хуже строгой дисциплины.

— Слеза невинно замученного ребенка, — Кухулин, бросив быстрый взгляд на памятник, стоящий возле Библиотеки, впервые за время пребывания в Москве усмехнулся, — никогда не была для меня дилеммой, ибо такие вопросы решает простая арифметика, а не псевдомораль: сколько невинных детей погибнет в случае действия и сколько — в случае бездействия. И ты прав, может быть, мое вмешательство было бы спасением...

Суператор замолчал, и стало отчетливо слышно тяжелое дыхание дремлющего неподалеку дедикура.

— Так в чем же дело? — негромко спросил Спица.

— Есть такое место, километрах в трехстах-четырехстах отсюда, называется Десять Деревень. Там я возглавил восстание и победил. Я не уверен, что поступил правильно, вмешавшись в дела чужого для меня общества. Революция, принесенная извне, ведет к деградации. До коллапса таких революций было предостаточно, их называли «цветными». К развитию и прогрессу ведут лишь революции, созревшие изнутри. А теперь подумай — готовы ли вы все к переменам? В Десяти Деревнях я хотя бы видел предпосылки к восстанию. У вас таких предпосылок нет. Вы разобщены и дезориентированы, единственная ваша мотивация — еда и патроны. Нечто специально не дает вам сплотиться, и я против этого Нечто бессилен. Потому что один, даже со сверхспособностями, ничего не сможет сделать, если у него нет опоры на тысячи или хотя бы сотни других, на твердый фундамент, а не на болотную жижу. Протест должен быть надежно твердым, а не предательски болотным.

Наступила тишина, если не считать шумного дыхания дедикуров, чьи ноздри плевались облаками пара, быстро рассеивающимися в холодном воздухе. В погибшей столице обитало множество мутантов, но сейчас, казалось, все они притихли, чтобы подслушать разговор двуногих существ. От этого ощущения становилось не по себе.

— Нечто, что не дает нам объединиться, сидит в Кремле? — спросил брамин. — Это Нечто постепенно высасывает из нас жизнь, и оно сидит там? Оно не желает, чтобы мы, обычные люди, осознали общие цели. И ментально влияет на нас, провоцирует ссоры. Оно питается не только телами, но и негативными психическими излучениями. Так?

Кухулин проигнорировал вопрос. Он помолчал с полминуты, затем сказал:

— Нам нужно возвращаться в метро.

— Получается, я зря все эти годы служил Полису? — с надрывом спросил Спица. — Так получается?

— Я собираюсь покинуть Москву, — Кухулин буквально пронзил взглядом брамина. — Если хочешь, можешь пойти со мной, и

мы обязательно найдем место, где у выживших есть шанс возродить цивилизацию.

Спица непроизвольно отступил на два шага и еле слышно проговорил:

— Я не знаю...

— Не знаешь, — Кухулин понимающе кивнул, — но ты подумай. А пока я хочу спросить тебя о другом: тебе ведь, как брамину, известно, что такое Суд Толкований?

Глава 5

ЗА ГОРИЗОНТ

Верховный Хранитель Книг был немало удивлен и озадачен. Впрочем, вскоре он подавил волну смятения и сообразил, откуда растут ноги. Кухулин, вернувшись вместе с Фольгером и агентом Спицей из похода на поверхность, неожиданно заявил, что он никакой не избранный и не собирается искать в Библиотеке мифический фолиант, что в связи с этим его жена Ленора должна быть освобождена и что он вызывает Верховного Хранителя на Суд Толкований, дабы Судьба решила, кто из них прав.

Тот факт, что пришлый знает о Суде Толкований, ошеломил брамина. Кто посмел поведать Кухулину об этой чрезвычайно редкой и не очень-то афишируемой процедуре? Феликс Фольгер? Вряд ли. Сталкер, работающий на Рейх, не мог иметь о ней никаких сведений. Эту информацию Кухулин наверняка получил от гражданина Полиса. Но от кого? От Спицына? Невероятно. Такое просто невозможно. Агент Спица являлся одним из самых преданных людей. Так кто же?

Вскоре разгадка пришла сама собой. Для того чтобы Суд Толкований состоялся, мало заявления истца, для этого необходимо официальное согласие правления одной из главенствующих каст: кшатриев или браминов. И это согласие было получено. Генерал

Шогин, круглолицый стареющий мерзавец, в сопровождении своего рыжебородого денщика-подлеца, по совместительству работающего следователем, предстали перед Советом и заявили, что полностью поддерживают желание почтенного Кухулина отстоять свои права. Ведь пресветлый Полис — обитель мудрости, знаний и закона.

Все очень просто: генерал Шогин решил отомстить за то, что его команда без предварительных консультаций была снята с Ганзейских игр и заменена спецагентами из браминов. Проклятые кшатрии не могли и не хотели понять Верховного Хранителя, и мелочное желание поквитаться за случайно нанесенную обиду возобладало над принципом солидарности правящих каст. Что ж, неплохая попытка штабных крыс помешать его планам. Но ведь не факт, что у них хоть что-то получится.

Никогда Суд Толкований не занимался разбирательством дел людей, не являющихся гражданами Полиса. Впрочем, и судов этих было не так уж и много: всего пять. Трижды брамины спорили с кшатриями, один раз между собой и еще один раз военные обратились к книжникам с просьбой разрешить внутренний конфликт между ними. И вот впервые брамин будет состояться с инородцем.

Суд Толкований представлял собой нечто, похожее на ордalu, которая являлась испытанием не огнем или водой, как в древние времена, а книжной мудростью. Эту процедуру брамины придумали и пратали в Совете из-за того, что были уверены в своем превосходстве.

В комнате заседаний, на стенах которой висели картины с изображением Библиотеки и Генштаба, по разные стороны массивного, длинного деревянного стола садились восемь человек: четыре брамина и четыре кшатрия. Во главе стола становился истец, напротив него — ответчик. В зал заходил послушник с коробом, накрытым крышкой. Он ставил его на специальный ритуальный трехногий табурет. Короб был до половины забит корешками от книг, пришедших в негодность. Послушник приоткрывал коробку, просовывал туда руку и с закрытыми глазами тщательно перемешивал содержимое. Затем доставал один из корешков с названием

книги. Участники процесса толковали ее содержание (как правило, это было художественное произведение) в свою пользу. Каждый из членов Суда Толкований голосовал за того, чью интерпретацию считал более убедительной. Если количество голосов за истца и ответчика оказывалось равным, то право дополнительного голоса давалось секретарю, и тогда от него зависело, кого считать выигравшим процесс.

Верховный Хранитель не сомневался в своей победе. Во-первых, каким бы Кухулин ни был избранным, он всяко прочитал меньше книг, чем один из влиятельнейших людей Полиса, а во-вторых, даже если он ответит так, что кшатрии без зазрения совести и с превеликим удовольствием отдадут голоса в его пользу, то брамины-то в любом случае проголосуют против. А при раскладе четыре на четыре Суд Толкований признает победу за ответчиком, потому что секретарем волею жребия избран брамин. Так что попытки военных вставлять палки в колесо судьбы даже при гениальном выступлении Кухулина не увенчиваются успехом.

Четыре брамина в серых халатах и четыре кшатрия в камуфляже сидели друг напротив друга. На выбритых висках чернели татуировки раскрытых книг и двуглавых орлов. У представителей обеих правящих каст, как и положено в подобных обстоятельствах, лица были протокольно суровы и шаблонно непреклонны. Истец и ответчик встали друг напротив друга.

— Итак, — и без того серьезный генерал Шогин нахмурил брови, — поскольку одним из участников процесса является брамин, позвольте мне, кшатрию, как лицу незаинтересованному, объявить Суд Толкований открытым.

Услышав заверения старого штабного вояки о своей принципиальной незаинтересованности в деле, Верховный Хранитель позволил себе демонстративно ухмыльнуться. Сзади застучала печатная машинка секретаря, ведущего протокол.

— Истец, — продолжил генерал, — назовите ваше имя и фамилию.

— Имя Кухулин, фамилии не имею.

— Согласно протоколу, фамилию положено иметь, — заметил генерал. — Убедительная просьба, назовите вашу фамилию.

- Тогда Кухулин.
- То есть вас зовут Кухулин Кухулин?
- Пусть будет так.
- Хорошо-о-о, — протянул генерал, вытирая лысину платком, — объясните тогда Суду, в чем смысл ваших претензий к касте мудрейших браминов в лице Верховного Хранителя Книг.
- Суть моих претензий такова, — заговорил Кухулин совершенно спокойно, — достопочтенный Верховный Хранитель Книг решил, что я являюсь избранным и должен найти некую книгу с черными страницами и золотыми буквами. Для того чтобы его желание было выполнено, моя жена Ленора и мой компаньон Феликс Фольгер были взяты в заложники. Им было предъявлено ложное обвинение в приобретении запрещенных наркотических препаратов. Посему, уверенный в справедливости законов пресветлого Полиса, в великой силе его и сокровенной мудрости, я попросил защиты у касты кшатриев, как у незаинтересованной в конфликте стороны, и вызвал на Суд Толкований своего обидчика.

Верховный Хранитель невольно восхитился соперником: ни единой визгливой нотки в голосе, ни одного дрогнувшего мускула на лице. Абсолютная, ледяная безмятежность. И говорит, как по-писаному: «суть моих претензий», «пресветлый Полис», «сила его и сокровенная мудрость». Вояки явно подготовили его к процессу, научили всем формальностям. Или не научили? Или он сам?

- Каково ваше слово? — спросил генерал.
- Мое слово таково, — сказал Кухулин. — Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, Судьбе угодно признать невиновными мою жену Ленору и моего компаньона Феликса Фольгера. Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, Судьбе угодно заявить, что я не являюсь избранным и не обязан искать артефакты в Библиотеке. Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, Судьбе угодно отпустить меня, мою жену и моего компаньона на все шесть сторон, будь то север, юг, восток, запад, подземелья или поверхность. Таково мое слово.

«Нет, сам бы он так свою речь не построил, — подумал Хранитель. — Явно потрудились кшатрии».

— Суд принял ваше слово, — сказал генерал, взял колокольчик, и, позвонив в него, крикнул:

— Введите заинтересованных!

В комнате в сопровождении двух здоровенных охранников появились Феликс и Ленора. Их усадили на ветхого вида стулья за спинами кшатриев, под картиной Генштаба. Девушка была неестественно бледна и очень напряжена. Она обхватила себя руками и, съежившись, буквально вжалась в стул, а когда блуждающий взгляд ее пересекся со взглядом Кухулина, прикусила нижнюю губу.

Странная девчушка. Перед Судом Толкований охранники пришли в ее камеру и обнаружили Ленору забившейся в угол, тихо поскуливающей, с противогазом на голове. Двум крепким мужикам стоило немалого труда привести брыкающуюся, истерящую девушку в чувство. Феликс Фольгер, напротив, держался весьма раскованно. Развалившись на стуле, он, лениво выдавив из себя вежливую улыбку, осмотрел комнату. Глаза его пылали болезненным возбуждением. Не иначе как совсем недавно принял маёк.

Верховного Хранителя этот факт нисколько не заботил. Употребление, хранение и распространение наркотических веществ далеко не всегда коррелировало со строгостью наказания. Главное — цель, остальное — ничто. Фольгер мог обжираться психостимуляторами, сколько влезет, и на это никто не будет обращать внимание, если Кухулин будет делать то, что должен: согласится на роль избранного и поиски фолианта.

— Майне Камераден, — Феликс поднялся со стула, — я бы хотел сделать официальное заявление.

— Заинтересованный, сядьте на место, — сказал Шогин. — Вы не можете делать никаких заявлений до завершения Суда.

Фольгер посмотрел сперва на потную лысину ведущего процесс генерала, затем на Хранителя и наконец на Кухулина. Помедлив немного, Феликс подчинился.

— Достопочтенный ответчик, вам понятны претензии достопочтенного истца?

— Понятны, — сказал Верховный Хранитель.

— В таком случае каково ваше слово?

Верховный Хранитель, покровительственно осмотрев судей, торжественно заговорил под противное клацанье печатной машинки секретаря:

— Мое слово таково! Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, Судьбе угодно признать достопочтенного Кухулина избранным. Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, Судьбе угодно, чтобы достопочтенный Кухулин нашел нетленный фолиант с аспидно-черными страницами и золотым тиснением, в котором записано будущее мира, или же погиб, исполняя свой долг. Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, судьбе угодно считать виновными в совершенных преступлениях жену достопочтенного Кухулина Ленору и его компаньона Феликса Фольгера. Если Суд Толкований решит дело в мою пользу, значит, Судьбе угодно приговорить Ленору к тюремному заключению, а Феликса Фольгера — к исправительным работам в качестве поисковика библиотечного артефакта на неопределенный срок, до тех пор, пока достопочтенный Кухулин не найдет нетленный фолиант или не погибнет, исполняя свой долг. Таково мое слово!

— Суд принял ваше слово, — вытерев лысину платком, генерал спросил у Кухулина: — Достопочтенный истец, клянетесь ли вы перед лицом пресветлого Полиса, великой силы его и сокровенной мудрости безропотно исполнить приговор Суда Толкований, каким бы он ни был?

— Клянусь!

Ленора неожиданно вздрогнула. Широко открытыми глазами она посмотрела на мужа.

— Достопочтенный ответчик, — генерал Шогин обратился к Хранителю, — клянетесь ли вы перед лицом пресветлого Полиса, великой силы его и сокровенной мудрости безропотно исполнить приговор Суда Толкований, каким бы он ни был?

— Клянусь.

Генерал, не сказав больше ни слова, с силой зазвонил в колокольчик. В комнату вошли бритые наголо юноши: один — в сером

халате, с большой коробкой в руках, другой — в камуфляже, с трехногим табуретом. Несколько секунд спустя коробка стояла на стуле, а оба парня вытянулись по стойке смирно.

— В связи с тем, — заговорил Шогин, — что, согласно жеребьевке, секретарем стал брамин, праведной рукой Судьбы назначается послушник из кшатриев. И да случится правосудие!

Юноша в камуфляже приподнял коробку и запустил внутрь руку. Он мучительно долго шуршал корешками книг. Было видно, что этот процесс доставляет ему удовольствие. Еще бы, такая честь оказана: быть рукой Судьбы. Когда еще случится что-нибудь подобное? Прошла минута, за ней потянулась вторая, бесконечность спустя началась третья. Воздух в комнате, сгустившись, наэлектризовался, каменные лица судей посерели, а паренек продолжал мешать корешки, не замечая растущего вокруг напряжения. Его конопатое, еще мальчишеское лицо сияло восторгом.

Не выдержав накала, генерал Шогин громогласно кашлянул. Юноша вздрогнул и, увидев, с какой сокрушающей суворостью на него взирает кшатрий, с такой поспешностью выдернул руку с корешком, что чуть было не перевернул коробку.

— Ма-ма-мари... — заикаясь, пролепетал паренек, потом резко замолчал, откашлялся, собрал всю волю в кулак и прочитал скороговоркой: — Мария Семенова «Волкодав».

Тут же печатная машинка секретаря отстучала дробь.

Верховный Хранитель Книг понял, что победа его будет убедительной и красивой. Фэнтези-роман российской писательницы, безусловно, говорил в пользу избранничества, но никак не иначе. Служить тебе, Кухулин, до конца дней касте браминов, если, конечно, не найдешь фолиант. А ежели будешь хорошо себя вести, сможешь видеться иногда с женой. Раз в месяц или раз в неделю, а может, даже каждый день. Все будет зависеть от твоей лояльности и результативности поисков. Оседлав коня вдохновения и не желая с него слезать, Верховный Хранитель произнес нараспев:

— Многоуважаемые судьи, согласно протоколу, первым должен толковать достопочтенный истец, но, предполагая, что благо-

родный Кухулин не читал данную книгу, позвольте мне начать со-
стязание.

— Достопочтенный истец не возражает? — спросил упавшим
голосом генерал Шогин.

— Нет, — сказал Кухулин.

— Тогда слово предоставляется достопочтенному ответчику, —
генерал протер платком внезапно покрасневшую лысину.

Выдержав торжественную паузу, Верховный Хранитель начал
свою речь:

— Мое слово таково! Полагаю, что Судьбе угодно признать
правоту за мной. Давайте вспомним, о чем, вернее, о ком роман
«Волкодав»? Главный герой — молчаливый варвар из рода Серых
Псов. В подростковом возрасте его отправили на каторгу в подзе-
мелья добывать самоцветы. Охранники на рудниках были безжа-
лостны к рабам. Но забавы ради стражники устраивали показа-
тельный бои с каторжанами — один на один. Невольнику в случае
победы обещалась свобода. Естественно, преимущество было на
стороне тюремщиков, потому что они были упитаны и вооруже-
ны, а рабы были истощены недоеданием и тяжелой работой и сра-
жались голыми руками. Не было ни одного случая, чтобы охран-
ник проиграл. Тем не менее желающих схлестнуться насмерть с
надзирателями не убавлялось. И вот однажды Серый Пес бросил
вызов тюремщику. И победил. В первый и единственный раз в
истории рудников. Он одолел мучителя, убил его, и ему даровали
свободу. Он превратился в живую легенду. Рассказ о нем переда-
вался из уст в уста. Каторжане сочинили об этом незаурядном со-
бытии песню, которую тихо напевали в надежде на освобождение.
Судьба говорит нам о том, что Кухулин, подобно Волкодаву из
рода Серых Псов, — избранный, что он должен исполнить пред-
сказание браминов, найти фолиант, превратиться в легенду и на-
дежду на избавление для всех выживших в Московском метро.
Таково мое слово!

Наступила тишина. Верховный Хранитель, ни капли не сомне-
ваясь в своем триумфе, горделиво окинул взглядом судей, а затем,
посмотрев на соперника и позволив себе покровительственно
улыбнуться, произнес:

— Теперь ваше слово, достопочтенный истец.

— Мне надоели все эти протокольные формулы, — голос Кухулина, не отрывавшего пристального взгляда от ответчика, был тих, четок и тверд, — но я отвечу на вызов. Очень часто люди, уверенные в своем безусловном превосходстве, оказываются потом в нелепых ситуациях. Уважаемый Верховный Хранитель Книг ошибся, полагая, что я не читал данное произведение. В юности у меня имелось достаточно времени для сотен и сотен книг, как художественных, так и научных. Но сейчас не это важно, а важно толкование. Ведь так у вас положено?.. Тогда слушайте: победив, Волкодав стал легендой, и легенда эта превратилась в дополнительное орудие угнетения. Теперь каждый каторжанин гарантировано знал, что может сразиться с охранником и быть освобожден. Но тысячи и тысячи других все так же будут гнуть спины на эксплуататоров. Отныне каждый думал только о себе, о том, что лично он выйдет однажды один на один с вертухаем, убьет его и избавится от оков. И плевать на остальных. Эта мечта вытесняла мысль об организованном сопротивлении, о том, что можно объединиться с товарищами по несчастью и взбунтоваться. Легенда о Волкодаве была на руку поработителям, — ведь лучше лишиться одного стражника и отпустить одного раба, чем получить массовое восстание и потерять контроль над рудниками. Отсюда я делаю вывод, что пресловутая Судьба, так восхваляемая браминами, говорит об обратном: мое избранничество принесет вред всем обитателям метро. Я не являюсь избранным, и моя жена, и мой друг должны быть отпущены на все четыре, вернее на все шесть сторон.

В комнате повисла многозначительная пауза. Судьи молча переваривали сказанное. Истец и ответчик пристально глядели друг на друга. Наконец, не выдержав, Верховный Хранитель отвел взгляд. Как не крути, а Кухулин дал достойный отпор доводам мудрствующего книжника. Теперь кшатрии со спокойной совестью проголосуют за своего протеже. Тем не менее Хранитель знал, что все равно не проиграет процесс — ведь брамины в любом случае отдадут голоса в его пользу.

— Хорошо-о-о, — не по-протокольному протянул генерал Шогин, в очередной раз протирая взмокшую лысину, — Суд принял

толкования состязающихся. Предлагаю перейти к голосованию. Кто из уважаемых судей полагает, что Судьбе угодно признать правоту достопочтенного истца?

Четыре руки, руки кшатриев, в том числе и генерала Шогина, взмыли вверх.

— Хорошо-о-о... кто из уважаемых судей полагает, что Судьбе угодно признать правоту достопочтенного ответчика?

Книжники подняли руки. Таким образом, как и предполагал Верховный Хранитель, голоса разделились поровну: четыре на четыре. Теперь все решало слово секретаря. А им был один из преданнейших делу браминов людей. Что ж, прости, великолепный Кухулин, но быть тебе избранным до конца дней своих. Хранитель злорадно улыбнулся.

— В соответствии с регламентом... — генерал Шогин прошептался и продолжил, — в соответствии с регламентом при равном количестве голосов, отданных за достопочтенных истца и ответчика, право голоса предоставляется секретарю.

Маска сдержанного благочестия окончательно слетела с лица Верховного Хранителя, он заулыбался еще злораднее, с нескрываемым торжеством взирая на Кухулина. Попался, голубчик! Теперь не отвертишься! Каждую ночь будешь в Библиотеку лазить и приносить если не фолиант с аспидно-черными страницами, то какие-нибудь ценные экземпляры. Будешь знать, как связываться с браминами!

— Я полагаю, что Судьбе угодно признать правоту... — послышался сзади ледяной, неестественно хриплый голос секретаря, — Судьбе угодно признать правоту достопочтенного истца, благородного Кухулина.

Улыбка мгновенно сползла с лица Хранителя; он ощущил, как холодаеет кожа на щеках и индевеет затылок. Такого просто не могло быть. Ни один брамин не посмеет пойти против интересов собственной касты, а уж тем более...

— Предательство... — сорвалось еле слышно с губ Верховного Хранителя. Он медленно обернулся.

Судьба благоволила замыслам книжника, жребий исполнять обязанности секретаря выпал брамину. И Хранитель настоял, что-

бы заседание стенографировал преданный до фанатизма Станислав Семенович Спицын, он же — агент Спица. И вдруг произошло такое...

— Предательство...

Верховный Хранитель заглянул в бесстыжие глаза ренегата, желая постичь, что заставило Спицу изменить делу всей жизни. Брамин-отступник ответил прямым, вызывающе дерзким взглядом.

— Судьбе угодно признать правоту достопочтенного истца, — повторил Спица, и в голосе его звучала сталь.

И на ошеломленного грамотея снизошло озарение. Такого человека нельзя было купить даже несметными богатствами в виде тысяч патронов и тонн тушеники, не отступил бы он от принципов и ради самой красивой женщины, не позарился бы и на самую высокую должность. Потому агент Спица и не отвел глаз, не устыдился осуждающего взгляда сюзерена. Он не был предателем — он просто сменил веру, стал служить новой идее, новому господину, так же беззаветно и фанатично, как раньше служил книжникам. Но что его подвигло на это?

— Именем пресветлого Полиса, великой силы его и сокровенной мудрости! — громогласно провозгласил генерал Шогин. — Суд Толкований постановил, что Судьбе угодно признать невиновными Ленору Кухулин и Феликса Фольгера, что Судьбе угодно заявить, что Кухулин Кухулин не является избранным и не обязан искать артефакты в Библиотеке, что Судьбе угодно отпустить Кухулина Кухулина, Ленору Кухулин и Феликса Фольгера на все шесть сторон, будь то север, юг, восток, запад, подземелья или поверхность.

Верховный Хранитель растерянно посмотрел на наступившегося престарелого генерала. Тот внезапно по-детски просиял лицом и погрозил главному книжнику пальцем, будто говоря: «А я тебя предупреждал, Виталик, ты у меня докукареешься, пес божий!»

Опомнившись, Шогин вновь посерезнел и повернулся в сторону Феликса:

— Заинтересованный, вы, кажется, хотели сделать заявление?

— Я? — удивился Фольгер. — Нет, уже никаких заявлений не нужно, все и так ясно.

Видимо, поняв смысл произошедшего, Ленора с надрывным всхлипом с места бросилась на шею Кухулина.

— Я думала... думала... — сотрясалась она в неудержимом плаче, — ты бросишь... бросишь... бросишь... маски... кругом маски... а ты меня бросишь...

— Успокойся, львенок, — сказал муж тихо, почти бесстрастно, — ты должна была давно усвоить, что я никогда не бросаю своих.

Кухулин крепко прижал жену к себе и что-то зашептал, утешая девушку.

Верховный Хранитель, наконец, снова взял себя в руки, превратившись в благочестивого брамина. Он был с удовольствием немедленно поквитался с этой пришлой супружеской парой, сталкером-наркоманом Фольгером и мерзавцем Спицей, но...

— Поздравляю вас, достопочтенный Кухулин, — первый среди браминов говорил подчеркнуто любезно, — Судьбе было угодно распорядиться именно так, и я безропотно подчиняюсь ей.

Кухулин, продолжая обнимать жену, бросил из-под бровей острый взгляд в сторону книжника и кивнул.

* * *

Кухулин, Феликс, Ленора и Спица стояли посреди Боровицкой. На Леноре и Феликсе были солнцезащитные очки, брамин-отступник щурился, а глаза суператора легко адаптировались к яркому освещению, и он изредка косился на проходящих мимо обитателей станции.

— Что вы теперь намерены делать, почтенный Кухулин? — спросил Спица.

— Не называй меня так. Я не люблю пафос, — сказал суператор, не глядя на собеседника, — и мы договорились не выкать друг другу.

— Прости... как ты намерен дальше поступить?

— Уйти из Москвы. Здесь больше нечего делать. Хотя я почти с подросткового возраста мечтал дойти до столицы.

— То есть, получается, ты зря сюда шел? Получается, цель твоей жизни не осуществилась? — брамин-отступник потупился. — Как и моей...

— Отчего же, — возразил Кухулин. — Человек ставит себе цели, чтобы было, куда двигаться. Ведь движение — это жизнь.

— Даже если цель не имеет смысла? — Фольгер горько усмехнулся, быть может, вспомнив о погибшей возлюбленной или о своей жизни, или о том и другом сразу.

— В целях, может, и мало смысла, — сказал Кухулин, — но в бесцельности его нет совсем. Бесцельность — страшнее самого страшного мутанта, она пробуждает апатию, убивает душу и тупит разум. Цель всегда должна уходить за горизонт, она в принципе должна быть недостижимой. Именно поэтому я собираюсь покинуть Москву.

— Да и, чувствуя я, житья вам тут никто не даст, — заметил Феликс. — В Рейх нам путь заказан, в Ганзу — тоже. Тамошние боссы вряд ли простят нам сорванные Игры.

— А брамины постараются сделать нас персонами нон грата в Полисе, и военные не будут противиться им. Мавр сделал свое дело, мавр может умереть, — с нескрываемой грустью заметил Спича. — Что остается? Красная Линия?

— Полагаю, и там нам не сильно будут рады, — сказал Кухулин, наблюдая, как к ним приближается стройный парень в пальто с нестриженными волосами и футляром в руках.

— О, музыкант! — узнал его Фольгер. — Как заработки?

— Здравствуйте! — парень застенчиво улыбнулся. — Я здесь играл на флейте, вы ведь меня помните?

— Помним, помним, майн фрайнд, — сказал Феликс, — у тебя хорошо получается.

— Спасибо. Меня Леонид зовут, — парень снял солнцезащитные очки и, прищурившись, посмотрел на Кухулина. — Я хотел спросить вас кое о чем.

— Спрашивай, — суператор с интересом заглянул в глаза парня. Невероятно зеленые глаза, в которых читалась странная смесь почти детской наивности и молодецкой удачи. Совсем нестандартный типаж для жителя метрополитена.

— Вы ведь знаете легенду об Изумрудном городе? — Леонид неожиданно смутился.

Первое, что пришло на ум Кухулину, — сказки Лаймена Фрэнка Баума о стране Оз и их интерпретация писателем Александром Волковым. И то и другое он читал еще до ядерной войны. Но потом суператор решил, что речь идет о каком-то местном феномене, может быть, неизвестной ему фракции.

— Молодой человек имеет в виду неподтвержденные данные о трех станциях, отрезанных от основного метро, — пояснил Спича. — Университет, Проспект Вернадского и Юго-Западная. Скорее это миф, нежели правда.

— Ну почему же сразу миф? — не согласился Леонид. — Ведь дыма без огня не бывает. Там ведь был Московский Государственный Университет. Профессора и студенты могли спастись и построить счастливую коммуну, где у власти образованные, высокоморальные люди...

— Это несочетаемые понятия, — перебил парня Феликс. — Конечно, человек может быть высокоморальным ... наверное... но люди в целом и высокая мораль — несовместимы, это звучит так же нелепо, как трезвенник-алкаш или шлюха-девственница.

— Вы не правы! — вдохновенно заспорил Леонид. Глаза его, несмотря на яркое электрическое освещение, расширились, а на устах появилась мечтательная полуулыбка. — Ведь может так быть! Может!!! Только представьте: на этих станциях никто не знает болезней и голода, никто не убивает ради власти, еды, из ненависти или страха, люди там равны в правах и обязанностях, они работают и счастливы в труде. Женщины рожают здоровых, без генетических мутаций детей. В динамиках на станциях звучит классическая музыка. Наука, несмотря ни на что, там продолжает развиваться. И оттуда следят за погрязшим во зле остальным метро, негласно за ним наблюдают. И однажды они придут, чтобы помочь своим запутавшимся братьям...

Феликс хотел что-то съязвить, но Кухулин поднял руку и спросил:

— Пусть даже и так, что вы от меня хотите?

— Просто прошли слухи... — Леонид начал запинаться, — в общем, дойти до Изумрудного города по туннелю невозможно, так как он обрушен, а по поверхности нужно пересечь реку. Для обычного человека это практически непреодолимое препятствие... там же радиация, мутанты, еще много чего... а вы... вы... в общем, вы могли бы... дойти.

Кухулин еще раз всмотрелся в удивительно зеленые глаза парня. В них горела мечта об Утопии. И ведь именно такие люди необходимы метро, нужны не менее, чем самые наикрутейшие сталкеры, добытчики, врачи, инженеры, солдаты. Именно такие люди устремляют свой взор за пределы видимого. Над ними часто смеются, считают их глупцами, строящими воздушные замки, скроенные из бесплотных фантазий. Но чтобы что-то построить, сперва нужно это придумать, затем — воплотить в чертежи, а уж после, кирпичик за кирпичиком, возводить новую цитадель. Так воздушные замки превращаются в реальные крепости, а бестелесные мечты обретают плоть.

Кухулин понял, что Изумрудный город — это сокровенная вера тех, кто загнан в подземелья, это тот самый воздушный замок всех выживших обитателей метрополитена, это мысль, уводящая за горизонт.

Допустим, суператор поддастся уговорам парня и отправится на поиски легенды. Что будет, если на самом деле три станции окажутся заброшенными? Или там будут жить люди, но совсем не ученые, а самые обыкновенные — озлобленные и озверевшие обычаватели? Что будет, если убить мечту, рассеять ее, подобно ураганному ветру, разгоняющему молочные громады облаков? Тогда уже никто не создаст чертеж воздушного замка и не построит по нему здание. Исчезнет цель, пропадет смысл куда-либо двигаться, горизонт исчезнет из виду. И метро окончательно низвергнется в беспросветную тьму.

Нет, Кухулин не мог такого позволить. Быть может, однажды появится некто, провозгласит себя выходцем из Изумрудного города и поднимет знамена Утопии, и поведет за собой массы людей, и низвергнет местных князьков, и наконец создаст фундамент, на котором следующие поколения возведут замок, сделанный отнюдь

не из воздуха. Этот некто будет местным жителем, а не пришлым суператором...

Быть может, он появится однажды. Но не сейчас...

— Извини, — сказал Кухулин, — но я не могу принять твоё предложение.

— Почему? — Леонид вскинул брови, и в глазах появилась детская обида.

— Потому что я ищу свой Изумрудный город, а ты, вы все должны найти свой сами.

Кухулин принял окончательное решение. Не дожидаясь, когда его объяят персоной нон грата в Полисе, когда ему запретят пребывание на территории Ганзы, когда на него начнут охоту Четвертый Рейх и Красная Линия, он покинет Москву.

Покинет ближайшей ночью.

Эпилог

ГОНКА ПО КРУГУ

Меня зовут Феликс Фольгер. Только что я заглотнул последнюю порцию майка. Когда действие психостимулятора закончится, я умру от приступа. Я это знаю наверняка, потому что мой организм слишком привык к лекарству, он больше не справится без него с болезнью.

Я не боюсь, ведь я не одинок. Часто ко мне приходит Аве, или Ева, говорит, что скоро я перестану быть Феликсом Фольгером, стану снова Филиппом Регловым, тем, кем был когда-то давно, в прошлой жизни. Она заберет меня с собой, и мы соединимся в вечности и больше никогда не расстанемся. Я не всегда ей верю, порой пытаюсь спорить, пытаюсь убедить себя, что она — только галлюцинация, побочный результат действия майка. Тогда Аве целует меня (очень трудно усомниться в реальности ее теплых и нежных губ) и тихо шепчет на ухо, что мир таков, каким мы его воспринимаем, что очень скоро я перейду грань, и мои сорок с лишним лет, прожитые в этой вселенной, превратятся в нелепый сон, над которым я еще посмеюсь вместе с ней.

И я соглашаюсь с моей милой Евой-Аве, соглашаюсь потому, что помню о странном человеке (или даже не человеке вовсе) по имени Кухулин. Пару дней назад он покинул метро, ушел на юг вместе с

женой Ленорой и бывшим брамином Спицей. Он, единственный из тех, кого я знал, сумел самостоятельно отвести взгляд от пурпурного сияния звезд. Кухулин умел управлять волей мутантов. Придя же в Москву, он потерял эту способность. И снова обрел ее лишь у Кремля.

Когда я спросил его, что же он увидел, посмотрев на звезду, он ответил, что ничего, слепящую пустоту, абсолютную тьму. Быть может, он увидел суть всего нашего существования, когда с него срываются завесы ложных представлений. Кухулин осознал это, узрел свою жизнь как сон в бесконечном Ничто. И, постигнув сокровенную истину, сделал сон осознанным. А когда ты знаешь, что спишь, тебе не страшен даже самый ужасный монстр.

Кухулин был революционером, поднявшим восстание против правителей каких-то деревень. Я это понял по обрывкам разговоров. И, наверное, он мог бы преобразовать метро, но ему пришлось бы забыть о том, что он спит, впустить в себя тьму кремлевских звезд, слиться с ними воедино, стать частью зловещего кошмара. Ведь над нами властвует и властью своей изменяет нас лишь то, что мы признаем властью. А Кухулин ничего подобного не хотел. Его не прельстили богатство и сила Ганзы, он отказался от избранничества в Полисе, не пожелал иметь дело с Четвертым Рейхом и не пошел к краснолинейцам. Для него мы — лишь персонажи чужого сна. Так, по крайней мере, мне кажется.

Но я пишу все это для того, чтобы кто-нибудь нашел мое письмо и прочитал. Чтобы появление Кухулина в метро не осталось незамеченным. Чтобы он превратился в легенду, как Изумрудный город. Чтобы простые люди знали, что сильные мира сего намеренно сеют среди нас раздоры, провозглашают идеи и принципы, в которые сами не верят, но ради которых один нищеброд убивает другого, убивает ради того, чтобы мы не смогли объединиться, стать единой силой, стать властью. Но сорвите красивые завесы, и вы увидите, что за ними пустота, увидите, что мы рвем друг другу глотки во имя чужой выгоды, увидите, что мы слепцы и рабы чужих желаний и капризов...

Кухулин предлагал мне уйти с ним, говорил, что сможет поддерживать мою жизнь без майка. Но я отказался, ибо хочу пробу-

диться в своей реальности. Я ушел на станцию-призрак, на Полянку. Здесь я и останусь до тех пор, пока не проснусь в холодном поту. Рядом окажется любимая Ева, она прижмется ко мне, и я расскажу ей, что мне пригрезилась ядерная война и двадцать лет жизни в подземельях, и радиация, и мутанты, и грязь, и насилие. Она звонко засмеется и скажет, что все теперь позади, и нам будут сниться лишь светлые сны.

Феликс Фольгер, он же Филипп Реглов
26 декабря 2033 года

P.S. Только что вспомнил: перед тем, как расстаться, Кухулин сказал мне, что некоторые понятия несовместимы лишь в рациональной интерпретации. В древнем мире поклонялись богиням, которые являлись и шлюхами, и девственницами одновременно. И мистические практики трезвения через алкогольное опьянение тоже имели место, поэтому и трезвенник-алкаш — непротиворечивое понятие, если воспринимать его иррационально. Я уверен, что ты, мой случайный читатель, ничего не понял. Но это не принципиально. Теперь точно все. Я устал спать. Я пробуждаюсь, чтобы, наконец, оказаться в объятьях моей вечной возлюбленной.

31 декабря 2033 года
Утро

Гауляйтер Пушкинской дважды прочел предсмертное послание бывшего зятя. В том, что письмо написано именно им, он не сомневался, ибо знал почерк Феликса. Рядом навытяжку стоял унтерштурмфюрер Ганс Брехер.

— Ты уверен, что до тебя труп Фольгера никто не обыскивал? — спросил гауляйтер.

— Так точно, герр Вольф! Тело еще не успело остыть, полагаю, он умер несколько часов назад. Следов чужого присутствия на станции Полянка не обнаружено.

Гауляйтер подумал, что Полянка очень даже может выкинуть какой-нибудь сюрприз. Ведь не зря же народ слагает о ней легенды. А кое-кто из соратников даже верит, что там находится вход в Вальхаллу.

— Ты уверен, что письмо было написано в единственном экземпляре?

— Так точно, герр Вольф! Я хорошо обыскал умершего.

— Ладно, Ганс, — хрюплю произнес гауляйтер, буравя тяжелым взглядом подчиненного. — Ты отличный воин Рейха. Покойный Брут не ошибся, когда дал тебе сразу унтерштурмфюрера. Такие молодцы нам нужны.

— Служу расе и партии! — громко вымолвил Брехер, но лицо его не выражало никакой радости.

Вольф хмыкнул. Странный этот парень с Баррикадной. Как там его раньше звали? Коляскин... Колесников... Колусенко... В общем, неважно как. После провала операции не побоялся вернуться в Рейх. А ведь его могли и расстрелять. Но гауляйтер посчитал возвращение Ганса знаком искренней преданности, а потому парня даже наказывать не стали. И теперь вроде все у него идет просто отлично. Из кандидата в рядовые был произведен сразу в офицерское звание. Когда еще случалось нечто подобное? Девушка у него есть, принадлежит исключительно ему и никому более. Как там ее... Хельга, кажется. На хорошем счету у начальства. Редкое везение, одним словом. Чего еще от жизни надо? Почему он будто в воду опущенный?

Гауляйтеру захотелось подбодрить бойца, и, повинуясь сиюминутному импульсу, он сказал:

— Знаешь, я подумываю дать тебе звание, которое имел Брут. Хочешь стать штурмбаннфюрером?

Парень посерел лицом, но довольно-таки бодро ответил:

— Я служу Рейху, а иметь желания не моя прерогатива.

Вольф недовольно поморщился. Как может не радовать такая заманчивая перспектива? Сосунок хренов! Дать тебе, что ли, наряд вне очереди? Или три наряда?

Немного поразмыслив, гауляйтер решил, что на носу Новый год, и не стоит портить праздник ни себе, ни другим.

— Иди, Ганс! — рявкнул он. — И запомни, о найденном письме никому ни слова!

Откозыряв, Ганс Брехер покинул помещение, а Вольф откинулся в кресле и принялся рассматривать свастики знамен, рас-

ставленных вдоль стен. Крест с загнутыми концами — это крест, движущийся по кругу. По вечному кругу, разорвать который невозможно...

Отгоняя мрачные мысли, гауляйтер тряхнул головой. Вон из головы всякую дрянь, все закончилось не так и плохо!

Вольф спас свою задницу от гнева фюрера. Нацистские боссы сделали вид, будто действительно посыпали на соревнования команду Четвертого Рейха, но когда победа была близка, гордые арийцы, показав незыблемое превосходство над унтерменшами, отказались участвовать в ганзейском фарсе. Конечно, в метро знали, что Феликс Фольгер выступал на Играх по подложным документам и по собственной инициативе, — ведь он объявил об этом на всю Добрынинскую. Но для внутреннего потребления такая легенда вполне пойдет.

Впрочем, проклятый ренегат теперь мертв, а мертвого очень удобно возводить в ранг героя или подлеца и приписывать ему то, что выгодно. Покойник уже ничего не опротестует...

Однако не стало не только Феликса, но и Евы. Вольф почувствовал, как у него защемило сердце: «Мерзавка! Бесстыжая мерзавка, вот кто она! И это моя сестра! Неблагодарная! Сколько лет я ее опекал, оберегал, и все для того, чтобы она смылась и, в конце концов, сгинула».

Гауляйтеру стало не по себе от малознакомого, давно позабытого чувства, грозящего прорвать плотину нордического спокойствия. Вольф совершил внутреннее усилие и подавил ростки горечи.

«Дело партии и расы превыше всего, — сказал он сам себе, — выше родственных отношений, выше дружбы, выше любви!»

И, чтобы окончательно возобладать над никчемными и лишними в этой жизни эмоциями, гауляйтер вскочил с кресла, схватил письмо Феликса Фольгера и, вытащив из кармана зажигалку «Зиппо», с третьей попытки поджег его. По бумаге побежали красно-желтые языки пламени, и Вольф, созерцая разрастающийся огонь, напряженно прошептал:

— Нет у меня никакой сестры. И никогда не было. И письма этого никогда не было.

«И пусть только попробует кто-нибудь произнести имя Евы вслух, убью! — подумал гауляйтер. — Не было ее, не было никогда... И Кухулина тоже запрещу упоминать. Если он — сверхчеловек, тогда он должен был прийти в Рейх, уберменши тянутся к уберменшам. А если он отверг нас, значит... значит, его НЕ СУЩЕСТВУЕТ!!!»

В комнате запахло горелым. Гауляйтер Пушкинской Вольф поднял глаза и посмотрел сквозь дымок на свастику одного из знамен. Из-за нагретого, колеблющегося воздуха в сумраке помещения казалось, что она двигалась по кругу.

*31 декабря 2033 года
День*

Председатель Красной Линии товарищ Москвин, постучав пальцем по беличьему колесу, по которому бежал хомяк, и отпив из граненого стакана в подстаканнике грибного чаю, дочитал последнюю строчку письма.

— Ага, — медленно протянул он. — А этот Фольгер, он фашист?

Человек с худым, нездоровым лицом и тонкой бородкой, сидящий за столом напротив, кашлянул в кулак и сказал:

— Это сталкер, сотрудничавший с Четвертым Рейхом. В основном в вопросах доставки ценностей с поверхности.

— Ага... значит, все-таки фашист, — сделал вывод председатель.

— Нам выгодней представить его как человека с трудной судьбой, товарищ Москвин. Как индивида, запутавшегося в своих взглядах, но прозревшего под конец жизни, увидевшего всю суть классовых противоречий буржуазного общества Ганзы и внутренне осудившего милитаристские устремления Четвертого Рейха. Именно поэтому, гонимый совестью, он решил участвовать в Играх по подложным документам и тем самым опозорить Ганзу и Рейх. Это неплохой ход в данной ситуации, — человек с худым лицом закончил свою речь и, немного помедлив, добавил: — по-моему.

— Давай, Яков, я сам буду решать, что нам выгодней, — повысил тон председатель.

В нагрянувшей тишине было слышно лишь поскрипывание оси беличьего колеса да шуршание лапок хомяка о выступы.

— Ладно, — смягчился товарищ Москвин, — ты у нас главный разведчик, пускай будет по-твоему.

В спецвагоне для высокопоставленных чиновников Красной Линии вновь воцарилось молчание. Председатель, тяжело вздохнув, бросил усталый взгляд на бегущего на одном месте грызуна. Трудный был год, сложный очень. Только этот хомяк и радует. Не какой-нибудь мутант, а настоящий живой хомяк. Большая редкость в современном мире. Лишь бы не сдох...

Мысль о смерти любимой зверюшки рассердила товарища Москвина, и он тут же сорвал злость на разведчике:

— Конечно, сейчас лучше этого фашиста представить именно в таком виде, вы же просрали Игры! Да еще как просрали! Каких ребят впустую положили! До слез жалко! Что ты мне говорил, Яков?! Что настоящую мазь выкрали, что она тварей этих отпугивать будет. Как их там? Глаберов! А что оказалось? Липа! Вот что оказалось!

— Товарищ Москвин, провал операции я беру полностью на себя и готов понести соответствующие наказание, — в голосе Якова зазвенела сталь.

— Конечно, готов, — председатель махнул рукой, — да только убери тебя, и на твоем месте еще большая бестолочь окажется! Других не имеем! Нет уж, оставайся.

Москвин замолчал. Помещение вагона вновь окутало гнетущее безмолвие, и только хомячок, беспрестанно крутящий колесо, разряжал его своим бегом.

— Все на сегодня, надеюсь? — председатель ткнул толстым пальцем в письмо, написанное Феликсом Фольгером. — Новый год хоть можно нормально встретить? Мне еще трудящихся сегодня с трибуны поздравлять. А тебе, Яков, нужно думать о подготовке новой команды для Игр в следующем сезоне.

— Это, разумеется, не мне решать, товарищ Москвин, — разведчик кашлянул в кулак, — но я вам неоднократно представлял в докладных записках положение о принципиальной ошибочности участия в Ганзейских играх. Мы играем на чужой территории по

чужим правилам. Это дает Содружеству Станций Кольцевой линии неоспоримое преимущество. Нам следует либо отказаться от Игр, либо создать свои, альтернативные, естественно, на более гуманной основе.

— Читал я твои писульки! — рявкнул председатель. — Много раз читал. Ни хрена ты не смыслишь, Яков, в политике. Это престиж, понимаешь, престиж! Кто в наших играх участвовать будет? А на Ганзу все метро смотрят.

— Зачем нам нужен чужой престиж? — вопрос разведчика походил на риторический.

«Ох, Яков, Яков, — подумал Москвин, — нужный ты человек, хоть и лезешь часто не в свои дела».

Председателю вдруг вспомнилась одна из самых неприятных докладных записок главы разведки Красной Линии Якова Берзина. Называлась она, кажется, «О станционном сепаратизме, коллаборационизме и ренегатстве некоторой части номенклатуры». В ней утверждалось, что определенные лица, главным образом, завязанные на внешнюю торговлю, из элиты Красной Линии будут стремиться к закреплению своих привилегий. Ради этого номенклатура откажется от коммунистических принципов и рано или поздно сдаст с потрохами Красную Линию своим заклятым врагам — ганзейцам. Мол, коменданты станций только и мечтают, как избавиться от строгого подчинения центральной власти, приватизировать станции и народное имущество, превратившись в полновластных князьков, с пеной у рта отрицающих общее прошлое и орующих что-то вроде: «Комсомольская — не Красная Линия, Комсомольская — это Ганза». За такой несусветный бред председатель буквально готов был расстрелять Берзина. Но потом, как всегда, отошел и просто пошурил разведчика.

— Ладно, иди, Яков, — сказал Москвин, — иди, готовься к празднику. Все проблемы будем решать в следующем году.

Разведчик поднялся и, тихо кашлянув, спросил на прощанье:

— Что делать с предсмертным письмом Феликса Фольгера?

Председатель задумался. В письме упоминался какой-то Кухулин. Может, он даже генномодифицированный, о каких мечтал ве-

дущий ученый Красной Линии профессор Корбут. И еще вроде как он был революционером, в каких-то там деревнях за пределами Москвы устраивал восстания. Тогда почему не пожелал посетить Красную Линию? Считает нас недостаточно революционными? Или даже выродившимися, продавшимися контролю?.. Да и зачем нам преобразователь? Все и так неплохо. Стабильность какая-никакая. А он со своей справедливостью устроил бы заварушку...

— А ты точно первым обнаружил труп этого фашиста? — спросил Москвин.

— Уверен, — твердо сказал разведчик, — я лично его обыскивал, никаких следов постороннего присутствия не обнаружил. Труп был еще теплым. Его письмо, разумеется, оказалось в единственном экземпляре. Если только Полянка не шалит...

— Брось ты чушь пороть! — нетерпеливо оборвал разведчика председатель. — Враки все это! Ничего мистического станция творить не может! Люди со страху и не такого понапридумывают.

Берзин деликатно промолчал, ожидая окончательного решения по письму.

— На писульку Фольгера наложить гриф «Совершенно секретно», — приказал Москвин. — А теперь иди, Яков, иди уже!

Разведчик ушел, а председатель остался один, если не считать хомяка, отчаянно перебирающего лапками и без толку крутящего прозрачное колесо.

31 декабря 2033 года
Вечер

Верховный Хранитель Книг сидел в глубокой задумчивости. После Суда Толкований прошла неделя, но он до сих пор не мог оправиться от позорного поражения. Он так же благопристойно улыбался послушникам, браминам, кшатриям и прочим гражданам Полиса, был со всеми подчеркнуто вежлив, как и полагается почтенному книжнику, но внутри него зияла мрачная пустота.

Кто знает, каковы будут последствия неудачи? Авторитет его явно пошатнулся.

— Но пока что я еще Верховный, — пробормотал книжник, — и пока что я принимаю решения.

Сегодня один из тех, кто был раньше боевым товарищем брамина-отступника Спицы, обнаружил на Полянке свежий труп Феликса Фольгера. При нем был листок, исписанный неровным почерком. Письмо принесли Хранителю, и теперь оно лежало на столе рядом с книгой братьев Стругацких «Трудно быть богом».

Сталкер-наркоман, отдавший концы из-за передозировки майка, лелеял надежду, что его послание дойдет до простых жителей метро, что Кухулин превратится в легенду. Нет уж! Програв процесс, Верховный Хранитель собирался взять реванш. Он понимал, что не имеет смысла уничтожать или засекречивать письмо. Кому какое дело, что там написал в бреду этот проходимец? Ведь десятки людей услышали собственными ушами, что Фольгер, Кухулин и Ленора отказались от победы, а значит, и от ценных призов, льгот и преференций. А потом еще случился Суд Толкований, на котором пришлый одолел брамина. Подобные факты сами по себе примечательны, восхищают, рождают мифы. В такой ситуации запрет лишь усилит интерес к ним. Поэтому нужно идти другим путем. И книжник знал, как все обустроить.

Сразу после Нового года послушники и брамины из его команды начнут распространять слухи, великое множество слухов. Ведь все тунNELи ведут в Полис. И отсюда же расходятся. Сталкеры, диггеры, караванщики и просто искатели приключений разнесут самые невероятные байки о Кухулине по всему метро. О нем будут говорить как о злом гении, похотливом извращенце, кровавом маньяке, беспощадном деспоте, но кое-кто обмолвится о нем и добрым словом. В ушате грязи всегда должна быть и ложечка меда, чтобы не переборщить, чтобы создавалось ощущение правдоподобия. И тогда истина потонет в потоках ложной информации, и никто не отличит уже, что в истории было с Кухулином правдой, а что — ложью.

«Мы рождены, чтобы быть сделаны сказкой, — Верховный Хранитель усмехнулся про себя, — но сказкой реалистичной, неотличимой от яви».

А что касается письма, то его можно использовать как закладку для книги.

— И все-таки, почему он отказался от избранничества? — спросил вслух брамин. — Ведь он умел ладить с мутантами. На поверхности ему ничто не угрожало. Ничто. Так почему же... почему?

Брамин бросил взгляд, полный досады, на роман Стругацких «Трудно быть богом», а затем принял созерцать колесо времени, калаачакру, висящую на чуть отсыревшей стене, будто она могла дать ответ на его вопрос.

*31 декабря 2033 года
Ночь*

Зал Заседаний пустовал. Здесь собиралась элита Ганзейского союза для принятия важных решений по текущим вопросам. Но сегодня, за пятнадцать минут до полуночи, сильные мира метро перекочевали в смежное помещение, чуть менее просторное, но не давящее своей официозной помпезностью на психику. Все давно уже ушли праздновать окончание очередного года, прожитого в подземельях, и только один человек стоял перед невообразимых размеров столом с прозрачной столешницей и следил, как по макету Московского метрополитена, сделанного из самоочищающегося оргстекла, снуют маленькие грызуны, голые землекопы.

Этим человеком был господин Главный менеджер. По случаю торжества одет он был в костюм, а не в серый камуфляж и держал в руках смятый листок, принесенный со станции Полянка одним из спецназовцев. Феликс Фольгер умер, оставив после себя письмо, которое уже никто и никогда не прочитает. Спецназовец утверждал, что труп был еще теплым и до него никем не обыскивался. Послание покойный написал в единственном экземпляре, и этот единственный экземпляр находился теперь в хорошо защищном бункере, о существовании которого подавляющее большинство выживших даже не подозревает. Правда, Полянка могла выкидывать фокусы... но это маловероятно.

Главный менеджер думал о том, что, в сущности, все закончилось не так уж и плохо. Да, Ганзейские игры прошли не слишком

удачно, Фольгер с Кухулином подложили свинью, отказавшись от победы, испортили редкое ежегодное шоу. И черт с ним! Если что, Ганзейские игры можно и вовсе отменить. Гораздо важнее, что проклятый Кухулин покинул Москву, не объявил себя сверхчеловеком, не решился устроить революцию, не захотел стать избранным. Все хорошо, все будет, как прежде. Никто не взбаламутит воду. Им нужны великие потрясения, а нам...

— А нам нужно вкусно кушать, — тихо проворковал Главный менеджер, любовно разглядывая двух маленьких грызунов, встретившихся в прозрачном туннельчике и осторожно обнюхивающих друг друга.

На душе у ганзейского босса стало радостно и легко.

Феликс Фольгер вроде бы намекнул в своем письме на то, что Нечто, обитающее в Кремле, способно влиять на жителей метро. Впрочем, возможно, этот намек только почудился ганзейскому боссу. Не суть важно. Главный менеджер опасался неординарных людей: они вносили нестабильность, мешали спокойно жить. Кухулин не побоялся встретиться с сиянием звезд, сумел отвести глаза от них. Кто теперь властен над ним, над тем, кто посмел заглянуть в бездну?

Главный менеджер нагнулся над столом, нос его почти коснулся столешницы. По туннелю из оргстекла полз зверек. Вдруг слепой грызун с точечками вместо глаз остановился и поднял мордочку с двумя большими резцами, будто почувствовал на себе посторонний взгляд.

— Что было бы, — с нежностью проговорил ганзейский босс, — если бы ты, мой маленький уродец, внезапно прозрел и осознал всю нелепость своего положения?

Голый землекоп мотнул мордочкой, испражнился и пополз по своим делам. Главный менеджер заулыбался и замурлыкал себе под нос:

— Нет, зрячие питомцы в нашем метро нам не нужны. От них проблем больше.

Ганзейский босс оторвался от разглядывания грызунов, взял листок, исписанный неровным почерком Феликса Фольгера, и порвал его на мелкие кусочки.

«Хорошо, что он ушел. Хорошо...»

Графолог уже сделал копию письма с несколько иным, откорректированным содержанием: больше наркоманского бреда, меньше логики. Подделку засекретят как подлинный документ. Естественно, по станционным рынкам Кольцевой линии будут ходить неправдоподобные байки о кровавом Кухулине, мечтавшем уничтожить человечество, и о доблестных ганзейских сталкерах, бравых подземных рейнджерах, стоящих на страже закона и правосудия, которые смогли одолеть безумного маньяка, сотрудничавшего... да хоть бы с Красной Линией... и Четвертым Рейхом одновременно... и, пожалуй, с сатанистами тоже... и с поклонниками культа Червя...

Людям нужен образ врага, они с легкостью воспринимают сказки. Пройдет полгода, и миф станет реальностью, истинным прошлым.

Вот и все!

В зал вошла красивая ухоженная женщина средних лет в плотно облегающем точеную фигуру изумрудном платье. На ее шее мерцало десятками бриллиантов роскошное колье. Настоящее сокровище из Алмазного фонда.

— Вальдемар, ну ты где? — плаксиво произнесла женщина, как призно оттопырив нижнюю губу. — Все только тебя ждут. Сурок уже шампанское разлил.

Настроение у Главного менеджера было по-новогоднему праздничным. Шампанское, виски, текилу приходилось употреблять только по особым датам. Но все же в гигантских рефрижераторах бункера еще висели на крюках бараньи, коровьи и свиные туши, помещенные туда до катастрофы; имелись и замороженные фрукты и овощи. Что и говорить: мраморный рай комфорта и безопасности в мире тлена и разложения. Дай бог, на наш век хватит. А потом... что потом?..

Плевать! Потом хоть потоп!

Лишь бы не было тех, кто не хочет участвовать в гонках по кругу, кто отказывается принимать правила подземных Игр.

— Иду, дорогая, иду, — весело проворковал Главный менеджер и направился к выходу.

Наступал новый, 2034 год. Но землекопы, живущие в столе для заседаний Совета директоров, ничего об этом не знали. Эти странные маленькие зверьки, завезенные сюда из Восточной Африки, оттуда, где, по мнению палеонтологов, когда-то возникло человечество, могли жить до тридцати лет. Кое-кто из грызунов родился еще до ядерной войны, но ее последствия на себе так и не испытал. Для них катаклизма не существовало. Землекопы, голые и слепые, нарезая круги, лазили по прозрачным туннелям и станциям, не подозревая, что находятся здесь ради удовлетворения чужих прихотей. Они, счастливые в своем неведении, были убеждены, что вся вселенная умещается в макете Московского метрополитена, и весь мир принадлежит им.

Здравствуйте!

В серии «Вселенная Метро 2033» моя книга вышла под номером шестьдесят один. Согласитесь, трудно написать что-либо новое после такого количества романов. Однако именно это обстоятельство подвигло меня поместить героев «Гонки по кругу» в самую исхоженную локацию — в Московский метрополитен. Ведь расширять выдуманный мир можно не только «вширь», но и «вглубь». Поэтому в романе нет новых станций и общин, но есть одна маленькая идея: каждый год в метро устраиваются кровавые гонки по Кольцевой линии между командами сталкеров. Что из этого вышло — судить читателям.

В моем романе я использовал элементы постмодернизма. В частности, названия глав соответствуют названиям книг, вышедших ранее в серии «Метро 2033». Не стоит пугаться этого слова. Я далеко не первый, кто использует данные приемы. Приведу пример: роман Сурена Цормудяна «Второго шанса не будет».

Главный герой среди надписей на стене читает такую: «Дмитрий! Ты был прав, но в одном ошибся. В метро никто не спасся. Артем». Автор дает нам прямую отсылку к книге Д. Глуховского. Это и есть элемент ПОСТмодернизма в ПОСТАпокалиптике.

Вообще, я старался, чтобы каждый читатель в «Гонке по кругу» нашел что-то свое. В ткань повествования вшиты социально-политический подтекст, мистика, немного философии, чуть-чуть взаимоотношений между мужчиной и женщиной, экшен. Ищите и обрящете.

Далее по протоколу перехожу к благодарностям. Прежде всего, хочу сердечно поблагодарить наших законодателей. Теперь, оказывается, цитирование даже в виде эпиграфов текстов, срок действия авторских прав на которые еще не истек, недопустимо. Дорогие депутаты, я полностью поддерживаю вашу инициативу, ведь в нашей стране все остальные проблемы давно уже решены. У нас нет коррупции, исчезла бедность и безработица, все в полном порядке со здравоохранением и народным образованием. И хоть я вынужден был отказаться от цитат к главам, все же полагаю, вам, благословенные отцы Отчизны, не стоит останавливаться на достигнутом. Нужно обязательно запретить цитаты не только в художественных произведениях, но и в научных работах. А может, вы уже запретили? Я как-то не слежу...

Кроме того, хочу поблагодарить Элону Демидову за прошлый совместный проект; Анну Калинкину, Андрея Гребенщикова, Дмитрия Манасыпова и Даню Горбунова за потраченное на прочтение «Гонки по кругу» время; Ольгу Шкиль и Анну Дзвонковскую за знание немецкого языка; Дмитрия Михайлова за отличные рисунки; всех авторов «Вселенной» за названия глав; Вячеслава Бакулина за то, что главный редактор; а также Екатерину Пахомову за то, что была терпеливой Музой и поддавала волшебных пенделей моей ленивой заднице огромное количество раз, не жалея ни нервов, ни своих прекрасных ножек.

Евгений Шкиль

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО ИГР

Глава 1. ТЕМНЫЕ ТУННЕЛИ	13
Глава 2. МРАМОРНЫЙ РАЙ	27
Глава 3. ПУТЕВЫЕ ЗНАКИ	42
Глава 4. БЕЗЫМЯНКИ	59
Глава 5. ИЗНАНКИ МИРА	76
Глава 6. СЛЕПЦЫ	96
Глава 7. ПРАВО НА СИЛУ	116

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИГРЫ

Глава 1. МУ ОС	137
Глава 2. ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ	153
Глава 3. РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ	169
Глава 4. К СВЕТУ	178
Глава 5. МУТАНТЫ	199
Глава 6. СВИДЕТЕЛЬ	215
Глава 7. ОТСТУПНИК	234

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОСЛЕ ИГР

Глава 1. СТАНЦИЯ-ПРИЗРАК	251
Глава 2. НИЖЕ АДА	267
Глава 3. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД	286
Глава 4. СЛЕПЯЩАЯ ПУСТОТА	303
Глава 5. ЗА ГОРИЗОНТ	315
Эпилог. ГОНКА ПО КРУГУ	331
<i>От автора</i>	345

Литературно-художественное издание

Вселенная Метро 2033

Шкиль Евгений Юрьевич

МЕТРО 2033: ГОНКА ПО КРУГУ

Фантастический роман

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*

Руководитель направления *В. Бакулин*

Технический редактор *О. Серкина*

Компьютерная верстка *В. Андриановой*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гулзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының, өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3^а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz
Өнімнің жарымдастық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 14.05.2015. Формат 70x90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,67.
Тираж 70 000 экз. (1-й завод 1-7000 экз.) Заказ 3365

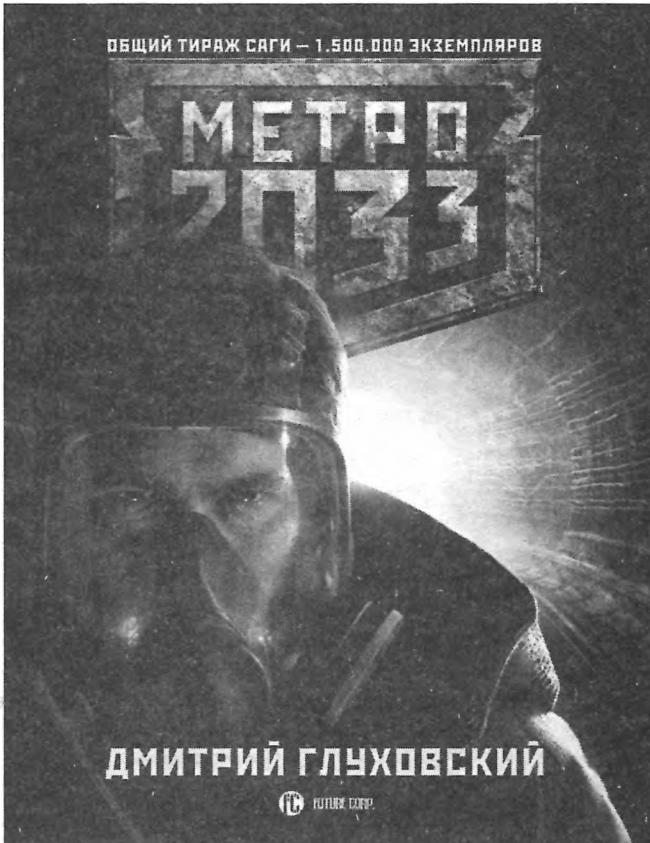
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-091331-2

9 785170 913312

ОБЩИЙ ТИРАЖ САГИ – 1.500.000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

2033 год.

Весь мир лежит в руинах. Человечество почти полностью уничтожено. Москва превратилась в город-призрак, отравленный радиацией и населенный чудовищами. Немногие выжившие люди прячутся в московском метро — самом большом противоатомном бомбоубежище на земле. Его станции превратились в города-государства, а в туннелях царит тьма и обитает ужас. Артему, жителю ВДНХ, предстоит пройти через все метро, чтобы спасти от страшной опасности свою станцию, а может быть, и все человечество.

Новое издание культового романа Дмитрия Глуховского! Лучший дебют Европы 2007 года, лауреат фестиваля «Еврокон 2007». Общий тираж — более полумиллиона. Более миллиона интернет-читателей. Полтора года в десятке бестселлеров.

2034 год. Весь мир разрушен ядерной войной. Крупные города стерты с лица Земли, о мелких ничего не известно. Остатки человечества коротают последние дни в бункерах и бомбоубежищах, самое большое из которых — Московский Метрополитен. Все те, кто оказался в нем, когда на столицу падали боеголовки ракет, спаслись. Для уцелевших после Судного дня метро стало новым Ноевым ковчегом. Поверхность планеты заражена радиацией и населена чудовищами. Отныне жизнь возможна только под землей.

Станции превратились в города-государства, а в туннелях властвует тьма и страх. Жители Севастопольской, маленькой подземной Спарты, ценой невероятных усилий выживают на своей станции и обороняют ее.

Но однажды Севастопольская оказывается отрезана от большого метро, и всем ее обитателям грозит страшная гибель. Чтобы спасти людей, нужен настоящий герой.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН. ГЛОТОК ВОЗДУХА.
ЛУЧ НАДЕЖДЫ.

МЕТРО
2033
ЛУЧ НАДЕЖДЫ

000

ЛАБОРАТОРИЯ
АнтиКвест

СТАНЬ ГЕРОЕМ

В РЕАЛЬНОСТИ

M2033.RU

г. Москва, ул. Чаянова, 12

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая громкая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра. Этот роман вдохновил целую плеяду новых писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитой саги. Приключения героев на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, выходят за пределы Московского метро. Теперь сражения за будущее человечества будут вестись повсюду!

«На каждой из книг «Вселенной» можно было бы написать:

«Такого в нашей серии еще не было». И вот уже шестьдесят первая книга. Если задуматься — все та же Москва, все тоже метро, все те же локации. И все же, абсолютно с чистой совестью, — такого еще не было.

ЯРКО. РЕЗКО. КИНЕМАТОГРАФИЧНО. ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Не пропустите! >>

Дмитрий Глуховский

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ЗА МКАДОМ?

• СОВРЕМЕННЫЕ СТАЦИИ • КРАСНАЯ ЛИНИЯ	• ОРГАНИЗВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ • СТАЦИИ, ЗАХВАЧЕННЫЕ МУТАНТАМИ • ТРАНЗИТИВНЫЕ СТАЦИИ • ЗАВОДИЩЕННЫЕ СТАЦИИ И ПОСЕЛЕНИЯ • ЗАТОПЛЕННЫЕ СТАЦИИ • РАЗРУШЕННЫЕ СТАЦИИ • ОПАСНЫЕ ТОННЕЛИ	• ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ И ТОННЕЛИ • ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ • РАЙОНЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ • БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА • МЕНТАЛЬНАЯ УГРОЗА • УГРОЗА ОБИЧАЮЩИХ ТОННЕЛЕЙ • РАДИЧНЫЕ УГРОЗЫ • ЧЕРВЕПОКЛОННИКИ • СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ
• ПОЛИС • АРБАТСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ • КОНФЕДЕРАЦИЯ 1905 ГОДА • ЧЕТВЕРЫЙ РЕЙХ • ТОРГОВЫЕ ЗАСТАВЫ • ТЕХНИКИ • КУЛЬТ ЦВЕТ (СОЛНЦЕПОКЛОННИКИ) • НЕДИВИСИМЫЕ СТАЦИИ • ЖИЛЫЕ СТАЦИИ	• ДЕЛО • НАЗЕМНЫЕ УЧАСТИКИ ПУТЕЙ • МОСТИ • АУКИЕР	

